МБ Рейснер М.А.
Р35 т. I
Государство
/пособие лекц/
М. 1911 г.

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока.

Колич. предыд. выдач.....

5

5

7

24683/4°
321
Р522
Куплено
24.683/4°
МБ
Р35

М. А. РЕЙСНЕРЪ,
Прив.-доц. С.-Петербургскаго Университета,
Профес. Психо-неврологическаго Института.

ГОСУДАРСТВО.

Госуд. публичная историческая библиотека РСФСР
24683/4

Часть I.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКІЯ ОСНОВЫ.

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№ 24683/4.

ПОСОБІЕ КЪ ЛЕКЦІЯМЪ
ПО ОБЩЕМУ УЧЕНІЮ О ГОСУДАРСТВѢ.

Р. С. Ф. С. Р.
БИБЛИОТЕКА
Народнаго Комиссариата

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., собствен. домъ.

МОСКВА.—1911.

.... Ad prudentiae perfectionem haec tria necessaria esse videntur: ut et praeteritorum meminisse, et praesentia recte constituere, et futura tanquam e speculo prospicere discamus.

Nicolaus Reusnerus, Jurisconsultus.

MDLXXIII.

(Summaria totius ethicae doctrinae expositio, IX, VIII).

Памяти

Николая Рейснера,

профессора, юриста и поэта
(1545—1602),

свой трудъ

посвящаетъ

авторъ.

Настоящій трудъ представляетъ собой первую часть задуманнаго авторомъ опыта о государствѣ. Въ основу положены тѣ лекціи, которыя читались авторомъ въ качествѣ профессора по государственному праву въ Томскомъ университетѣ, а въ настоящее время излагаются его слушателямъ и слушательницамъ въ различныхъ петербургскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Невозможность посвятить достаточно времени и силъ обработкѣ настоящей книги явилась причиной того, что настоящій опытъ выходитъ далеко не въ такомъ обработанномъ видѣ, какъ это было бы желательно автору. Вторая часть, посвященная вопросу объ отношеніи права и государства, а также общему ученію о государствѣ, должна выйти въ непродолжительномъ времени.

С.-Петербургъ,
январь 1911 г.

М. Рейснеръ.

ЧАСТЬ I.

ВВЕДЕНІЕ.

Культурно-историческія основы государства.

ГЛАВА I.

Понятіе государства, какъ идеологической организаціи общежитія.

Литература. R. Schmidt. Allgemeine Staatslehre. Berolzheimer. System der Rechts- und Wirtschaftsphilosophie, II, Philosophie des Staates. Affolter. Grundzüge des allgemeinen Staatsrechts. Loening, Staat (Handwörterbuch d. Staatswissenschaften, 2-te Aufl.). Еллинекъ. Общее ученіе о государствѣ. Дюги. Общее ученіе о государствѣ. Ф. Энгельсъ. Происхожденіе семьи, собственности и государства. А. Менгеръ. Новое ученіе о государствѣ. В. В. Ивановскій. Русское государственное право. Ѳ. Кокошкинъ. Русское государственное право. Коркуновъ. Русское государственное право. Петражицкій. Теорія права и государства. Рейснеръ. Теорія Петражицкаго, марксизмъ и соціальная идеологія.

Основнымъ предметомъ науки о государствѣ является особый рядъ явленій общественной жизни, который объединяется этимъ именемъ. Однако само слово „государство“ еще ничего не говоритъ о признакѣ и свойствахъ этого рода явленій общежитія.

Названіе государства на иностранныхъ языкахъ также весьма мало помогаетъ дѣлу. У древнихъ грековъ для обозначенія государства пользовались названіемъ „полисъ“, или городъ; у римлянъ государство обозначали именемъ „civitas“ (гражданство или городская община), „res publica“ (публичное или общее дѣло), „imperium“ (властвованіе) или „regnum“ (царство). Всѣ эти названія характеризуютъ различные виды и формы государства, но не его сущность. Со времени возрожденія въ Италіи появляются новыя названія: „città“ (городъ) и „republica“ (республика); вмѣстѣ съ этимъ словомъ появляется слово „stato“, заимствованное изъ латинскаго слова „status“, которое обозначаетъ состояніе вообще. Подъ этимъ состояніемъ разумѣется

конституція или организація государства; отъ слова „status“ черезъ итальянское посредство происходятъ и французское „estat“; или „état“, англійское „state“ и нѣмецкое „Staat“. Въ славянскихъ языкахъ мы имѣемъ другое словоупотребленіе: для польскаго языка въ основу легло понятіе господства (паньства), для болгарскаго—державы (држава), для русскаго—властвованіе или государство. Сводя воедино всѣ эти названія, мы видимъ, что они выдвигаетъ на первый планъ лишь одну черту государственныхъ явленій — или понятіе властвованія, или организованнаго сообщества, или опредѣленной его формы. Какъ очевидно, понятіе государства въ его существѣ должно быть опредѣлено путемъ особаго изслѣдованія.

Обращаясь къ опредѣленію характерныхъ признаковъ государства, мы видимъ прежде всего, что явленія государственныя не относятся къ тѣмъ, которыя подлежатъ непосредственному воспріятію наблюдателя. Правда, значительное количество предметовъ почитаются государственными или связанными съ государствомъ. Таково прежде всего такъ называемое государственное имущество, государственныя земли, дома, всевозможныя техническія приспособленія и заведенія. Однако такія же имущества являются принадлежностью и другихъ общественныхъ соединеній, въ родѣ семьи, общины, города, церкви и т. п. Болѣе специфически связаны съ государствомъ ему одному присвоенные символическіе предметы, которые выражаются, съ одной стороны, въ различныхъ гербахъ, флагахъ, знаменахъ, столбахъ, а съ другой стороны—въ различныхъ предметахъ украшенія и одежды тѣхъ лицъ, которыя дѣйствуютъ отъ имени и вмѣсто государства; къ послѣдней категоріи символовъ и знаковъ принадлежатъ эполеты, аксельбанты, петлицы, цвѣтъ и покрой дожностныхъ одеждъ и т. д. Сюда же можно причислить и разные символы власти: зерцала, цѣпи, скипетры, державы, жезлы, короны и т. п. Всѣмъ предметамъ символическаго характера свойственна та общая черта, что они присвоены въ опредѣленномъ видѣ одному лишь государству и пользованіе ими со стороны другихъ лицъ и учрежденій считается недопустимымъ. Но подобные предметы сами по себѣ не даютъ ни малѣйшаго представленія о государствѣ, и верхомъ наивности было бы считать одно государство драконом, похожимъ на его гербъ, другое—бѣло-синимъ львомъ, а третье—черно-краснымъ орломъ. Само собою разумѣется, что всѣ эти условные предметы выбраны болѣе или менѣе произвольно, и государство нисколько не перемѣнитъ своей сущности, если смѣнитъ лиліи и хризантемы въ своемъ гербѣ на носороговъ и слоновъ; съ другой же стороны, къ символикѣ иного вида, но съ тою же самой цѣлью прибѣгаютъ и лица, ничего общаго не имѣющія съ государствомъ. Въ аксельбанты и перья одѣваютъ лакеевъ и берейтеровъ, гербами украшаются не только кареты частныхъ лицъ, но и бутылки съ содовой водой, а церковь обладаетъ

митрами, сутанами и жезлами не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ государство киверами, мундирами и лампасами.

Государственная символика приближаетъ насъ, однако, постольку къ познанію государства, поскольку примѣненіе символовъ служитъ однимъ изъ средствъ для измѣненія въ поведеніи человѣка. И въ самомъ дѣлѣ, мы не можемъ не замѣтить, что люди, когда они относятся серьезно къ государственной символикѣ, своеобразно мѣняютъ свое обычное поведеніе. То же самое происходитъ и въ другихъ общественныхъ союзахъ и соединеніяхъ. Но въ государствѣ, этомъ обширнѣйшемъ союзѣ современности, мы наблюдаемъ подобное явленіе въ особенно рѣзкихъ и крупныхъ формахъ: тысячи и сотни тысячъ людей, объединенныхъ особой символикой, радикально измѣняютъ свое обычное поведеніе и предпринимаютъ дѣйствія и поступки, которые совершенно не свойственны ихъ обычной природѣ. Скромные и застѣнчивые люди одѣваются въ пышныя одежды и требуютъ рабскаго поклоненія своихъ собратьевъ; люди, ненавидящіе лицемѣріе и притворство, принимаютъ живое участіе въ обрядахъ и церемоніяхъ самаго нелѣпаго и фальшиваго типа; люди, которымъ мягкое сердце запрещаетъ поднять руку на животное или насѣкомое, въ качествѣ членовъ и слугъ государства становятся убійцами и палачами, поджигателями и губителями годами накопляемаго чужого добра. Мало того: люди, привыкшіе всегда и во всемъ руководиться своимъ разумомъ и совѣстью, отказываются отъ этихъ величайшихъ даровъ своей природы и становятся слѣпымъ орудіемъ, лишеннымъ сознанія и воли, въ рукахъ чужого велѣнія, чужой мысли. И если человѣкъ способенъ къ разнообразнымъ дѣйствіямъ и различному настроенію, если онъ можетъ на сценѣ претворятся въ королей, рабовъ, злодѣевъ и святыхъ, то воистину нигдѣ человѣкъ такъ радикально и глубоко не мѣняетъ свое поведеніе, какъ дѣйствуя отъ имени и по велѣнію государства.

Сходство между сценическою дѣятельностью и поведеніемъ людей въ составѣ различныхъ общественныхъ союзовъ подтверждается и другою чертой: какъ здѣсь, такъ и тамъ въ поведеніи предшествуетъ извѣстный планъ, норма, идея или образъ. Актеръ на сценѣ почерпаетъ идею своей роли изъ текста пьесы, которую онъ долженъ исполнять; онъ стремится понять тотъ типъ, который рисуетъ ему драматургъ, и воплотить въ себѣ чувства и мысли, которыя обнаружилъ бы герой, если бы онъ въ дѣйствительности былъ живъ. И воплощаемый на сценѣ типъ подчиняется совершенно инымъ законамъ и правиламъ поведенія, нежели тѣ, которыя признаетъ актеръ въ своей частной жизни; точно такъ же цѣли и идеалы изображаемаго героя совершенно отличны отъ тѣхъ, которымъ для себя слѣдуетъ играющій на сценѣ артистъ. Но то же самое наблюдаемъ мы и вездѣ, гдѣ рѣчь идетъ объ общественномъ организованномъ поведеніи лю-

дей. Человѣкъ, выступающій въ качествѣ предсказателя или жреца, подобно актеру измѣняетъ свое поведеніе согласно плану и образамъ, которые рисуетъ ему религіозный законодатель. Не только его внѣшнее поведеніе, движенія и жесты, но и его внутреннее настроеніе, чувство и воля напередъ предопредѣлены рядомъ подробныхъ предписаній, которыя даютъ въ общемъ не менѣе опредѣленную роль, чѣмъ даетъ это драматургъ въ своей пьесѣ. И точно такъ же государственный дѣятель, король, министръ, солдатъ, судья или чиновникъ не только должны производить рядъ полезныхъ или цѣлесообразныхъ дѣйствій, но и стремиться воплотить въ себѣ идеальный типъ, предписанный обычаемъ или закономъ. Не будетъ поэтому преувеличеніемъ сказать, что идеологія, какъ совокупность идей, принциповъ, нормъ и идеаловъ, подлежащихъ воплощенію къ общественной дѣятельности человѣка, является постояннымъ спутникомъ всякой общественной организаціи и налагаетъ специфическое клеймо на самую ихъ сущность.

Впрочемъ, высказанное здѣсь положеніе доказывается и другимъ путемъ: сами по себѣ дѣйствія человѣка, взятыя со стороны физіологической, весьма однообразны и не даютъ никакихъ признаковъ для опредѣленія ихъ основного содержанія. Рѣшающимъ моментомъ остается психика, но и въ ней эмоціональный составъ весьма однообразенъ и можетъ съ одинаковымъ успѣхомъ проявляться въ самыхъ различныхъ цѣляхъ и направленіяхъ. Въ области безсознательнаго инстинкта, непосредственной эмоціональной реакціи, нельзя найти какъ разъ того, что создаетъ организацію сознательнаго массоваго поведенія и даетъ основныя различія его многообразныхъ формъ. Гнѣвъ, радость, любовь и злоба, чувство мести и чувство справедливости одинаково обнаруживаются человѣкомъ и въ качествѣ жреца и въ качествѣ судьи или солдата. Но содержаніе имъ даетъ идейный составъ соотвѣтственныхъ психическихъ переживаній, и только въ немъ мы можемъ искать опредѣляющихъ признаковъ соціальнаго поведенія.

Останавливаясь съ этой точки зрѣнія на поведеніи политическомъ, мы можемъ выдѣлить элементы его спеціальной идеологіи и тѣмъ рѣзко отграничить его отъ поведенія, которое проявляется въ иныхъ общественныхъ соединеніяхъ.

При такомъ изслѣдованіи мы должны прежде всего остановиться на общемъ всѣмъ общественнымъ союзамъ понятіи власти. Это понятіе содержитъ въ себѣ представленіе о нѣкоторой внѣ человѣка находящейся волѣ, которая можетъ предъявлять свои требованія волѣ подвластнаго, при чемъ послѣдняя должна отказаться отъ своихъ желаній и подчиниться повелителю. Въ этомъ понятіи сознается далеко не одно только право требованія со стороны другого субъекта, но именно снабженное, или не снабженное этимъ правомъ волеизъ-

явленіе. Власть можетъ быть правовая и безправная, но, тѣмъ не менѣе, ей обезпечивается подчиненіе подвластныхъ. Такая власть можетъ связывать хозяина и раба, можетъ превращать послѣдняго изъ субъекта правъ въ объектъ власти, можетъ дѣлать изъ него животное, говорящій инструментъ господина; власть, однако, остается властью, несмотря на свой фактическій насильственный характеръ. Наоборотъ, власть можетъ принимать правовую оболочку, даже быть признана подвластными по отношенію къ владыкѣ, но то, что дѣлаетъ ее властью, это—самое противопоставленіе двухъ воль, изъ которыхъ одна цѣликомъ или въ части отказывается отъ себя и становится орудіемъ другой, безразлично отъ того, насколько точно соблюдаетъ право повелѣвающая сторона. Одна лишь возможность сопротивленія, защищенная или не защищенная правомъ, является дѣйствительной границей власти, умѣряетъ или уничтожаетъ ее. Въ тотъ моментъ, когда правовая или безправная власть вмѣсто повиновенія встрѣчаетъ самостоятельную независимую волю, отказывающую безъ своего согласія ей подчиниться, власть впервые ограничивается. И какъ только воля повелителя не находитъ болѣе не одной воли, готовой къ подчиненію, самая власть, являющаяся отношеніемъ двухъ воль, неминуемо падаетъ. Теоретически правъ поэтому Левъ Толстой, когда онъ полагаетъ, что съ отказомъ всѣхъ подданныхъ отъ повиновенія властямъ прекратится и само государство.

Понятіе власти, организованной при помощи тѣхъ или иныхъ юридическихъ, моральныхъ, эстетическихъ или экономическихъ принциповъ и нормъ, свойственно всѣмъ общественнымъ союзамъ, при чемъ сама власть можетъ быть и весьма велика и весьма слаба, въ зависимости отъ фактическаго соотношенія воль, но нельзя не замѣтить, что именно понятіе государственной власти стремится въ процессѣ своего историческаго развитія къ безграничному расширенію. Съ понятіемъ государства все болѣе упорно связывается представленіе о безмѣрномъ могуществѣ, о превозмогающей волѣ, стоящей надъ каждымъ индивидомъ. Такое понятіе власти съ поразительной настойчивостью пропагандируется вѣками, поддерживается всей силой матеріальныхъ условій и захватываетъ умы съ чрезвычайной силой. И въ настоящее время развитіе это, какъ кажется, дошло до своего апогея. По силѣ власти ни церковь, ни семья, ни община не дерзаютъ болѣе спорить съ государствомъ. Понятіе верховной суверенной власти стало центральнымъ пунктомъ въ организаціи общественнаго поведенія и настолько совпадаетъ съ понятіемъ власти вообще, что даже отдѣльные виды власти, имѣющіе самостоятельное происхожденіе, приводятся въ современномъ сознаніи въ своеобразную связь съ высшимъ понятіемъ суверенитета, власти государственной, и отъ нея уже производятся, какъ отъ высшаго понятія. Такъ создается іерархія отдѣльныхъ властей, изъ которыхъ высшей оказывается государственная.

Первымъ пунктомъ политической идеологіи является, такимъ образомъ, понятіе верховной власти, стоящей надъ человѣкомъ, не допускающей съ его стороны по принципу никакого сопротивленія. Государственная власть можетъ быть въ силу этого умѣряема или ограничена только такою же политической или государственной властью. Отюда и знаменитая проблема не только раздѣленія властей, но и раздѣленія, распредѣленія государственной власти вообще какъ между гражданами, такъ и отдѣльными общественными соединеніями. Политическая борьба становится борьбою за государственную власть.

Вторымъ пунктомъ государственной идеологіи является обыкновенно представленіе о такъ называемомъ государственномъ населеніи. При чемъ предполагается, что это населеніе, нація или народъ проникнуты въ дѣйствительности или на самомъ дѣлѣ понятіемъ верховной власти и такимъ образомъ представляютъ собой полное единство въ организаціи отдѣльныхъ воль. Въ это опредѣленіе нѣкоторыми писателями вносятся и другіе признаки: то наличности населенія, какъ совокупности свободныхъ гражданъ, подчиняющихся добровольно; то извѣстной спеціальной организованности массъ и распредѣленія ихъ по сословіямъ, классамъ и инымъ родовымъ, профессіональнымъ группамъ. Однако нельзя не замѣтить, что деспотіи, лишенныя свободы, тѣмъ не менѣе, почитаются государствами, государственная же идеологія, какъ таковая, совершенно безразлично относится къ соціальнымъ формамъ организаціи населенія, такъ какъ претендуетъ сама на высшую и исчерпывающую его организацію. Съ точки зрѣнія государства нѣтъ ни работниковъ, ни промышленниковъ, ни купцовъ, но есть только подданные, подчиненные и подвластные, при чемъ лишь изъ подданства, подвластности и подчиненія вытекаютъ всѣ остальныя квалификаціи гражданъ. И если сейчасъ мы находимъ въ различныхъ государствахъ сословныя и иныя подраздѣленія гражданъ, то только потому, что государство, какъ предполагается, признало это нужнымъ и необходимымъ. По существу понятіе населенія въ государственной идеологіи не представляется нужнымъ, разъ мы самую власть представляемъ, какъ идею массового соединенія воль. Правильнѣе понимать „населеніе“ лишь, какъ поясняющій, дополняющій признакъ, который входитъ по существу въ представленіе государственной власти, ибо власть создается какъ разъ въ психикѣ населенія и для населенія оказывается организующимъ принципомъ. И до тѣхъ поръ власть существуетъ, пока съ стороны населенія не встрѣчается сопротивленія и, наоборотъ, власть въ немъ находитъ живыя орудія для своихъ цѣлей.

Гораздо важнѣе другое представленіе, которое влагается въ понятіе населенія. И это представленіе о нѣкоторомъ высшемъ, коллективномъ единствѣ. Когда подъ понятіе „населеніе“ подставляется понятіе

„нація“ или „народъ“, этимъ хотятъ сказать нѣчто новое. Обыкновенно къ этимъ словамъ прибавляютъ еще терминъ государственный: государственное общество, государственная нація, государственный народъ. Въ такой терминологіи есть совершенно опредѣленный смыслъ. И если государственной власти, какъ идеѣ, свойственна тенденція къ пропагандѣ своего могущества и къ поглощенію всѣхъ другихъ идеологій власти, то точно такъ же государственный народъ, нація или общество являются идеологической величиной съ подобною же тенденціей. Подобно власти, понятіе народа есть не только опредѣлительное, но и долженствующее, императивное. Единство и миръ государственнаго народа должны вытѣснить собой раздоры и распри внутри государства. Борьба классовъ и сословій должна быть подавлена единымъ понятіемъ государственной націи, какъ таковой. Безъ разрѣшенія высшаго государственнаго народа не должно быть никакой борьбы среди общества и его различныхъ группъ, входящихъ въ составъ государства. И гдѣ только встрѣтится интересъ единой государственной націи, всего государственнаго населенія, и отдѣльныхъ соціальныхъ группъ, тамъ послѣднія неминуемо должны отступить. Въ этомъ идеологическій смыслъ въ понятіи „населеніе“, ибо понятіе государства есть не только опредѣленіе существующаго, но и пропаганда должнаго. Идея государства есть сама по себѣ политическая программа.

Сравнительно самымъ несущественнымъ элементомъ понятія государства является спеціальное упоминаніе о его территоріи. Это обозначаетъ не больше не меньше, какъ то, что предѣлы подчиненія государственной власти опредѣляются особой идеальной линіей, которая совершенно произвольно и условно очерчиваетъ ту или иную земельную площадь. И если бы было на землѣ только одно и притомъ небольшое государство, очень легко было бы очутиться внѣ всякой политической организаціи. Стоило бы только переѣти указанную идеальную линію, и человѣкъ согласно пониманію государства, какъ территоріальнаго союза, оказался бы въ своей психикѣ совершенно свободнымъ отъ подчиненія его власти. Однако на дѣлѣ происходитъ не такъ, и подданный опредѣленнаго государства, находясь внѣ его территоріи, или даже на территоріи другого государства, все же считаетъ себя подчиненнымъ своимъ политическимъ властямъ, связаннымъ со своей отечественной организаціей, и съ переходомъ черезъ границу отнюдь не перестаетъ быть подданнымъ своей оставшейся за границею власти. Больше значенія имѣетъ территоріальный принципъ въ противопоставленіи одной территоріи другой, а слѣдовательно, въ такъ называемомъ народномъ общеніи. Здѣсь границы обозначаютъ предѣлъ, до котораго простираются функціи и дѣятельность обоюдныхъ государственныхъ властей. Имѣетъ большое значеніе территоріальное начало и въ томъ смыслѣ, что госу-

дарственная власть, ограниченная въ своей дѣятельности исключительно условной границей территоріи, почитаетъ себѣ доступной всякаго рода дѣятельность людей, при чемъ принципіально не ограничивается какой-либо стороной ихъ жизни, въ родѣ, напримѣръ, одной экономической, или одной духовной, или одной юридической и т. п. Территоріальность въ этомъ смыслѣ обозначаетъ безграничность и широту государственныхъ задачъ и цѣлей, которымъ подлежитъ все, что только находится въ предѣлахъ территоріи. Территоріальнымъ государствомъ по существу называлось какъ разъ то созданіе XVII и XVIII вв., которое самымъ рѣшительнымъ образомъ подчинило себѣ духовную и матеріальную жизнь гражданъ. Не менѣе необходимо выдвигается территоріальный принципъ и тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о поглощеніи мелкихъ „территорій“ болѣе крупными, а слѣдовательно, и о расширеніи понятія одной государственной власти на населеніе сосѣдей или же на населеніе независимыхъ или полунезависимыхъ организацій, вошедшихъ въ составъ „территоріи“, но еще не потерявшихъ своего верховенства.

Разбирая всѣ три такъ называемые элемента государства,—государственную власть, населеніе и территорію,—мы видимъ, что эти элементы отнюдь не могутъ почитаться сколько-нибудь конкретными, реальными явленіями, способными лишить самое понятіе государства его идеологическаго характера. И если само государство есть не что иное, какъ организованное посредствомъ идеи государства массовое поведеніе людей, то и государственная власть, населеніе и территорія суть лишь понятія или идеи, при помощи которыхъ организуется политическое поведеніе. Психологическій характеръ проявленій власти настолько очевиденъ, а сама государственная власть, существующая лишь въ психикѣ, а въ частности въ сознаніи людей, настолько лишена матеріальныхъ признаковъ, что никто не откажется считать государственную власть именно идеей, проявляющейся реально лишь постольку, поскольку люди дѣлаютъ ее принципомъ своего поведенія. И само собою разумѣется, что при такомъ пониманіи государственной власти совершенной фикціей представляется ея пресловутое единство. Будучи созданіемъ столькихъ психологій, сколько индивидовъ, и представляя собой столько различныхъ типовъ, сколько групповыхъ и классовыхъ видовъ среды, государственная власть совершенно естественно будетъ иной въ сознаніи и поведеніи министра и еще не доросшаго до государственной идеи крестьянина, въ психикѣ политическаго дѣятеля и принципіальнаго анархиста,—однимъ словомъ, людей самыхъ различныхъ общественныхъ положеній, профессіональной дѣятельности, воспитанія и т. п. Здѣсь недоразумѣній не можетъ быть.

Но понятіе населенія иного сорта. Оно скорѣе способно породить представленіе, что оно есть именно живой, матеріальный базисъ государства, какъ чего-то единаго и конкретно существующаго. На

подобное утвержденіе, однако, достаточно отвѣтить простымъ указаніемъ, что населеніе не только не охвачено понятіемъ единой государственной власти, но и далеко не въ одинаковой степени проникнуто вообще идеей государства. На самомъ дѣлѣ носителями государственной идеологіи являются весьма немногочисленные культурные господствующіе слои населенія, громадная же масса населенія на самомъ дѣлѣ живетъ внѣ государственнаго сознанія и только въ самой незначительной степени, и то временами, встрѣчается съ проявленіями политическаго поведенія и само принимаетъ участіе въ государственной дѣятельности. Такое участіе слишкомъ часто принимаетъ характеръ совершенно пассивной безсознательной реакціи на воздѣйствіе „органовъ“ государства, или, иначе, отъ имени и вмѣсто государства дѣйствующихъ людей. И если идея государственной власти является по существу идеей, которая постоянно пропагандируется и внушается массамъ, при чемъ государственная власть выдается за реально-существующій предметъ или силу, то точно въ такой же пропагандѣ нуждается и понятіе государственнаго населенія со связаннымъ съ этой идеей понятіемъ подданства и гражданства. Только весьма медленно и постепенно населеніе государства пріучается вѣрить, что оно есть дѣйствительно населеніе, связанное съ государствомъ, а слѣдовательно, что оно должно и дѣйствовать такъ, какъ это подобаетъ населенію единаго государства, а слѣдовательно, подчиняться законамъ, отбывать повинности, наконецъ, активно участвовать въ томъ осуществленіи политическаго поведенія, которое почитается дѣятельностью органовъ государства.

Что касается территоріи, то уже изъ вышесказаннаго ясно, что здѣсь хоть и весьма реальная земля, почва, далеко не содѣйствуетъ конкретности государственной территоріи. Все дѣло въ условныхъ границахъ, при чемъ опять-таки населеніе призывается вѣрить въ свою особенную духовную и матеріальную связь съ землей, лежащей въ условно намѣченныхъ границахъ. Здѣсь, такимъ образомъ, вмѣстѣ съ понятіемъ территоріи внушается сознаніе необходимости защиты территоріи какъ отечественной, безропотность повиновенія власти въ силу самаго мѣстожительства, признаніе ея монопольнаго высшаго характера, ограниченнаго лишь предѣлами страны. На самомъ дѣлѣ, конечно, территоріи постоянно мѣняютъ свой объемъ, границы: одни государства захватываютъ другія, но отъ этого сама сущность территоріи нисколько не мѣняетъ своего государственнаго характера. И одинъ и тотъ же гражданинъ, живущій все на одномъ и томъ же мѣстѣ, на реальной территоріи своего мѣстожительства, нисколько не потеряетъ въ своемъ отношеніи къ ней оттого, что условно эта территорія сегодня будетъ почитаться русской, завтра прусской, послѣзавтра саксонской и т. д. Но, конечно, пропаганда государственной территоріи приводитъ въ концѣ-концовъ къ тому, что

подданный начинаетъ вѣрить въ ея реальное существованіе и считаетъ себя съ нею связаннымъ узами не только привязанности, но и необходимости. Отсюда сила власти, дѣйствующей во имя выставленнаго ею „общаго интереса“ всего цѣлаго, или государства. И поскольку наука говоритъ о государствѣ какъ о фактѣ, объ общественномъ тѣлѣ съ территоріальной основой, она не изслѣдуетъ, а проповѣдуетъ.

Теперь мы можемъ опредѣлить самый предметъ общаго ученія о государствѣ. Таковымъ является массовое поведеніе людей, психика которыхъ опредѣляется слѣдующими чертами. Эти люди воспринимаютъ въ свое сознаніе идею власти, которая заставляетъ ихъ подчинять свою волю волѣ другихъ людей, властителей или правителей. Постепенно отвлекая понятіе власти отъ представленія простой превозмогающей силы, человѣкъ создаетъ грандіозную иллюзію или фантазму, въ которой единая верховная власть источаетъ изъ себя массу взаимно-уравновѣшенныхъ и противодѣйствующихъ властей; эта фантазма получаетъ воплощеніе въ дѣйствительности благодаря тому, что люди стараются изобразить въ своей дѣятельности такія отношенія власти и подчиненія, разыгрываютъ своего рода политическія роли, предначертанныя въ планѣ государственной драмы. Поведеніе людей, дѣйствующихъ въ качествѣ государственныхъ дѣятелей тѣмъ отличается отъ поведенія лицъ, играющихъ свои роли въ иныхъ общественныхъ соединеніяхъ, что идеологія государства, объединяя въ себѣ принципы верховенства, высшаго единства и всеобъемлющаго вмѣшательства, тѣмъ самымъ придаетъ своимъ носителямъ высшую силу, послѣдовательность и цѣлостность дѣйствій такъ же, какъ широту цѣлей и могущество средствъ.

Опредѣляя съ этой точки зрѣнія предметъ науки о государствѣ, мы можемъ въ немъ отмѣтить три момента. Во-первыхъ, массовую психику людей какъ основной источникъ общественной и государственной идеологіи, во-вторыхъ, самую эту идеологію, ея различные виды и типы, ея зависимость отъ опредѣленныхъ историческихъ условій, наконецъ, самое политическое поведеніе людей какъ результатъ болѣе или менѣе полнаго воспроизведенія государственныхъ идей въ жизни и дѣятельности человѣка. Съ этой точки зрѣнія государство, какъ соціальное явленіе, представляется преимущественно процессомъ, въ которомъ главное мѣсто принадлежитъ идеологіи. Понимая государство еще болѣе узко какъ идеологію, можно даже сказать, что оно постоянно жаждетъ своего воплощенія, вѣчно рождается, вѣчно умираетъ, но никогда не можетъ стать законченнымъ, остановившимся, совершеннымъ государствомъ, такъ какъ никогда и нигдѣ ни одна идеологія не была на практикѣ воплощена вполнѣ и до конца. Про государство здѣсь поэтически можно сказать, что это недостижимый идеалъ, который, подобно всѣмъ идеаламъ, удаляется въ тотъ моментъ, когда онъ представляется доступнѣе всего.

Къ сожалѣнію, такая точка зрѣнія лишь въ послѣднее время признана въ государственной наукѣ. Въ этомъ заслуга эволюціонной теоріи, начиная съ Гегеля и Конта и кончая Марксомъ. Но до сихъ поръ еще въ большомъ ходу иной взглядъ на государство, который самъ принадлежитъ не столько наукѣ, сколько идеологіи. Многіе ученые считаютъ возможнымъ изучать государство какъ нѣкоторое особое законченное существо, организмъ или совершенную организацію. Они совершенно упускаютъ изъ виду, что до сихъ поръ идеологія государства воспринята далеко не всѣми; что въ массѣ населенія весьма слабо представленіе о политической власти; что цѣлые классы уже сознательно ведутъ борьбу противъ государственной идеологіи; что, наконецъ, чистой фикціей является идея всепроникающей государственной власти, единство государственнаго народа и даже территоріальнаго господства. Всѣ эти начала могутъ достигнуть относительнаго торжества, но далеко не безусловнаго господства. Во всякомъ государствѣ живетъ антигосударственность, и самой сильной власти приходится вести неустанную борьбу за существованіе. И уже теперь можно предвидѣть омраченіе государственныхъ боговъ, уже сейчасъ надвигаются ихъ сумерки. На смѣну государственности постепенно выдвигается общественность и коллективизмъ.

И, однакоже, чрезвычайно распространено воззрѣніе на государство, какъ законченное существо. Создаются фикціи и иллюзіи. То, что еще должно быть и стать, принимается за нѣчто наличное и ощутимое. Даются многообразныя опредѣленія несуществующаго. Какъ нѣчто ненаучное устраняется изъ науки о государствѣ политическая исторія, а безжалостно разбитыя ею фантазмы возводятся въ норму и типъ. Правда, многіе ученые пробуютъ соединить несоединимое, пытаются примирить идеологическую конструкцію и историческую дѣйствительность, но, отвергая соціально-психологическій методъ, впадаютъ въ неразрѣшимое противорѣчіе: государство, какъ идеологія, оказывается совершенно непохожимъ на государство, какъ на практическую дѣйствительность. Приходится признать за истину или то или другое. Отсюда, съ одной стороны, необузданная фантастика существующихъ вопреки жизни конструкцій, а съ другой—совершенный скептицизмъ и невозможность открыть въ соціально-государственномъ феноменѣ научно опредѣлимую закономѣрность.

Впрочемъ, въ основѣ такихъ заблужденій лежитъ вполнѣ естественная черта: государство какъ идеологія до такой степени охватываетъ психику занимающихся этимъ предметомъ теоретиковъ, что они невольно трансформируютъ свое сознаніе въ государственное и подъ гипнозомъ государственныхъ идей продѣлываютъ то же, что и всякій политическій дѣятель, искренно и убѣжденно пропагандирующій идею государства, воплощающій ее въ своемъ поведеніи. Для такого дѣятеля государство не есть нѣчто становящееся или долж-

ное,—оно есть непреложный фактъ; для такого фанатика государство существуетъ такъ же, какъ для вѣрующаго существуетъ Богъ; такова характерная особенность всѣхъ оперативныхъ фантазмъ, всѣхъ вспомогательныхъ организаціонныхъ идей. Съ поразительной силой отмѣтилъ это еще фейербахіанецъ Людвигъ Кнапп, и даже крупные ученые подверглись вліянію подобныхъ идей. Но, конечно, для насъ государство не Левіаѳанъ и не Химера, мы можемъ изучать его только какъ соціально-психологическое явленіе, какъ идеологію и организованное при ея содѣйствіи массовое поведеніе людей.

ГЛАВА II.

Наука о государствѣ. Его онтологія, деонтологія и телеологія.

См. указанныя въ главѣ I руководства. Кромѣ того: Rickert. Kulturwissenschaft und Naturwissenschaft и его же Die Grenzen der naturwissenschaftlichen Begriffsbildung. Bernheim. Einleitung in die Geschichtswissenschaft. Подробная литература по методологіи у Jellinek'a. Allgemeine Staatslehre. Schollenberger. Politik. Stier-Somlo. Politik. Сергѣевичъ. Задача и метода государственныхъ наукъ.

Выяснивъ предметъ науки о государствѣ, мы можемъ теперь перейти къ способамъ его изученія. Но и здѣсь мы должны отмѣтить, что методологія государственныхъ наукъ весьма мало отличается отъ методовъ и задачъ другихъ общественныхъ знаній. Въ основу же и здѣсь и тамъ полагается то по существу практическое мышленіе, которымъ руководится человѣкъ въ своемъ общественномъ и частномъ поведеніи.

И въ самомъ дѣлѣ, отношеніе самого изслѣдователя къ предмету изслѣдованія можетъ быть весьма различно. Прежде всего онъ можетъ желать познать предметъ, какъ онъ есть въ дѣйствительности; это—познаніе сущаго, внѣшне даннаго. Такому познанію присвоивается обыкновенно спеціально объективный характеръ. Здѣсь же получаютъ примѣненія такъ называемые положительные или позитивные методы; на этой почвѣ и складывается то, что обычно характеризуется какъ спеціально теоретическое познаніе, строго-научное, являющееся основой чистой науки. Однако надо замѣтить прежде всего, что здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ пассивнымъ воспріятіемъ всей хаотической массы даннаго случаемъ матеріала, а съ высоко активной творческой дѣятельностью познающаго субъекта, работа коего зависитъ отъ всей массы накопленнаго уже раньше опыта, отъ его способностей, темперамента, цѣлей и т. п. Уже въ подборѣ матеріала высказывается индивидуальность теоретика; еще больше налагаетъ она свою печать

на его склонность къ тому или другому методу, опыту, наблюденію, пользованію результатомъ чужихъ изслѣдованій, самонаблюденію и т. д. Обобщеніе индуктивныхъ данныхъ и сведеніе ихъ къ общимъ началамъ необходимо подразумѣваетъ оцѣнку полученнаго матеріала съ точки зрѣнія типичнаго и нетипичнаго, важнаго и несущественнаго, главнаго и второстепеннаго и т. д.; при такой оцѣнкѣ, однако, немыслимо обойтись безъ того или иного критерія, вносящаго, со своей стороны, дедуктивный апріорный характеръ въ такъ называемое позитивное изслѣдованіе. Само собою разумѣется, что чѣмъ ближе остается изслѣдователь къ непосредственно воспринимаемому внѣшнему матеріалу, тѣмъ легче остаться ему „объективнымъ“ и положительнымъ. Есть характеры и темпераменты, которые по самому существу своему неспособны подняться выше, и довольствуются грубой эмпиріей, дополняя ее наивно фантастическими индукціями отъ двухъ-трехъ фактовъ къ абсолютному и неизмѣнному закону. Выводъ такихъ эмпириковъ бываетъ очень простъ: „Послѣ этого, слѣдовательно, вслѣдствіе этого!“ Но какъ только изслѣдователь подымается отъ простого описанія и собиранія данныхъ къ ихъ сознательному подбору и классификаціи, уже здѣсь примѣшивается нѣкоторое теоретическое творчество, которое достигаетъ высшаго своего завершенія въ построеніи такъ называемой системы науки, въ опредѣленіи конечнаго ея идеала, въ нахожденіи послѣдняго всеобщаго закона, сводящаго къ единству весь циклъ данной доктрины.

Понимая теоретическое изслѣдованіе какъ проявленіе высоко интенсивной дѣятельности познающаго индивида, само собой разумѣется, мы не думаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ отрицать относительно-объективнаго характера положительной науки, который достигается практической провѣркой и приложеніемъ добытыхъ истинъ, взаимной провѣркой другъ друга цѣлаго ряда коллективно работающихъ ученыхъ, наконецъ, постепеннымъ улучшеніемъ способовъ и методовъ изученія. Главной основой объективнаго характера положительныхъ истинъ остаются формальныя свойства человѣческаго ума, присущія каждому мыслящему субъекту, которыя даютъ возможность созданія не только логики, но и математики во всѣхъ ея проявленіяхъ; отсюда и формальный характеръ наиболѣе точныхъ положительныхъ наукъ, работающихъ при помощи математическаго метода,—астрономіи, механики, физики, химіи и т. д. Къ сожалѣнію, этотъ методъ наименѣе примѣнимъ въ области соціальныхъ наукъ, такъ какъ здѣсь статистика и математическіе пріемы приложимы лишь къ очень ограниченному числу явленій. И какъ ни соблазнительно непосредственное примѣненіе естественно-научныхъ методовъ къ общественной наукѣ, однако противъ такой поддѣлки общественнаго знанія подъ физику и даже біологію надо всѣми силами протестовать. Предмету каждой науки свойственъ его особый методъ, и смѣшеніе здѣсь приво-

дитъ къ самымъ печальнымъ результатамъ. Мы увидимъ ниже, въ какихъ цѣляхъ было использовано въ свое время построеніе такъ называемой соціальной физики и математики XVII—XVIII вѣковъ, какую роль сыграла соціальная біологія XIX столѣтія. Этимъ путемъ строили не науку, а идеологію!

У общественныхъ наукъ, лишенныхъ силы математическаго метода и экспериментальнаго изслѣдованія, есть другое великое, но вмѣстѣ и опасное преимущество,—возможность такъ называемаго самонаблюденія или внутренняго опыта. Это преимущество называемъ мы великимъ, такъ какъ единственно здѣсь при посредствѣ нашей психики можемъ мы установить внутреннюю связь и природу явленій, которыя во внѣшней средѣ совершенно ускользаютъ отъ нашего взора. Только здѣсь становится доступной для человѣка та „сущность", которой онъ такъ тщетно искалъ во внѣшней природѣ. Однако преимущество внутренняго опыта грозитъ и великой опасностью. Во-первыхъ, теоретикъ можетъ принять свой исключительный, личный опытъ за всеобщій и по себѣ судить неправильно о тѣхъ, кто мыслитъ и чувствуетъ иначе. Отсюда очень легокъ переходъ къ признанію себя и своихъ переживаній исключительнымъ источникомъ истины; это опасность ипсизма. Во-вторыхъ, въ виду чрезвычайной заинтересованности изслѣдователя и его психики въ ходѣ общественныхъ событій возможно безсознательное искаженіе воспріятія, неправильная оцѣнка важнаго и неважнаго, произвольное и фантастическое построеніе несуществующаго. Наконецъ, въ-третьихъ, мыслитель легко можетъ перепутать—подъ вліяніемъ темперамента, вѣры, увлеченія—тѣ разные виды духовныхъ цѣнностей, которыми онъ владѣетъ, и невольно подмѣнить необходимо сущее — морально долженствующимъ, эстетически прекрасное — полезно цѣлесообразнымъ и т. п.; поэтому, если гдѣ необходима строгая критика и чрезвычайная осторожность заключеній, то это въ области примѣненія внутренняго опыта, столь цѣннаго для общественныхъ наукъ.

Плодотворное примѣненіе внутренняго опыта и положительнаго метода естественныхъ наукъ привело въ настоящее время къ созданію цѣлаго ряда соціальныхъ доктринъ научно-теоретическаго характера. Къ нимъ принадлежитъ прежде всего циклъ историческихъ знаній, начиная съ изученія древнѣйшихъ временъ и кончая настоящей эпохой; экономическія науки, включая статистику; науки соціологическія, обнимающія собой не только описательную соціологію, но и такъ называемую криминологію и политическую антропологію; наконецъ, такія науки, какъ сравнительное правовѣдѣніе, общая теорія права и государства, спеціально политическая исторія и т. д. Эти науки могли бы похвалиться въ настоящее время еще большими успѣхами, если бы точнѣе было сознано громадное вліяніе на теорію идеологическихъ факторовъ, если бы были устранены еще Бэкономъ ука-

занные идолы, которые заставляютъ науку проповѣдывать тамъ, гдѣ она должна изслѣдовать и искать. Тѣ же идеологическіе факторы мѣшаютъ наукѣ до сихъ поръ объективно оцѣнить значеніе различныхъ факторовъ соціальной среды и установить единую основу для всеобщаго соціальнаго закона.

Для того, чтобы понять всю важность и значеніе идеологическихъ факторовъ, мы должны ближе остановиться на томъ второмъ типѣ человѣческаго мышленія, который, въ отличіе отъ принципа причинности, дѣйствуетъ при помощи категоріи долженствованія. Идеаломъ теоретически-позитивнаго изслѣдованія является установленіе объективной и необходимой связи причинъ и слѣдствій въ послѣдовательномъ цѣлостномъ рядѣ. Отказаться отъ понятія причины, такъ же опредѣляющей прошедшее, какъ и будущее, значитъ отказаться отъ теоретической науки,--безразлично при этомъ для дѣла, будетъ ли причина пониматься какъ послѣдовательность сосуществованія, или какъ функціональная зависимость; и какъ разъ такое же значеніе, какъ принципъ причинной закономѣрности въ теоріи, имѣетъ начало долженствованія въ томъ мыслительномъ процессѣ, при помощи котораго мы производимъ оцѣнку тѣхъ или иныхъ явленій нашей внутренней жизни и окружающей среды. При такомъ мышленіи мы различаемъ двѣ категоріи величинъ: съ одной стороны явленія существующія, какъ они есть, съ другой--идеальные образы тѣхъ же явленій, какими они должны быть въ силу опредѣленныхъ принциповъ и иныхъ критеріевъ. Этотъ процессъ сводится, такимъ образомъ, къ противопоставленію сущаго и должнаго, къ критикѣ даннаго въ силу только человѣку свойственныхъ требованій, которыя наше „я“ обращаетъ къ себѣ и окружающему. Такая критика можетъ быть произведена во имя самыхъ различныхъ началъ. Окружающее можетъ представляться намъ губительнымъ для насъ или вреднымъ. Противоположностью является полезное и пригодное, рѣшающимъ принципомъ здѣсь пріемлется начало пользы. Существующее далѣе можетъ быть признано нами безнравственнымъ, злымъ, недостойнымъ, преступнымъ, злодѣйскимъ. Здѣсь противоположностью является благое, моральное, добродѣтельное, достойное. Высшимъ началомъ здѣсь оказывается принципъ блага, нравственнаго добра. Одни наши переживанія мы можемъ характеризовать какъ пріятныя, какъ состояніе наслажденія или блаженства, другія какъ состояніе боли, печали, огорченія; одни явленія намъ представляются прекрасными, высокими, цѣлостными, гармоничными, другія, наоборотъ, уродливыми и безобразными. Такъ оцѣниваемъ мы при помощи категорій счастья и красоты, добра и зла, разумности и безсмыслицы окружающій насъ міръ и этимъ путемъ опредѣляемъ наше отрицательное или положительное къ нему отношеніе: пріемлемъ его или отвергаемъ, оправдываемъ или осуждаемъ.

Критеріи и оцѣнки, въ свою очередь, не являются чѣмъ-то абсолютно произвольнымъ и случайнымъ; всѣ эти принципы вырабатываются, подобно положеніямъ научной логики въ историческомъ процессѣ тяжелаго развитія и почерпаются столько же изъ данныхъ внѣшняго міра, какъ и требованій нашей природы. Понятіе нормальнаго, обычнаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и желательнаго, одобряемаго, непосредственно отвлекается отъ массы явленій, которыя особенно часто и много повторяются. Непосредственная повторяемость явленія здѣсь возводится въ норму долженствованія, и сущее путемъ своеобразнаго логическаго процесса непосредственно становится должнымъ. То, что часто повторяется, дѣлается критеріемъ для осужденія и отрицанія всякихъ исключеній изъ правила, какъ уродства, нарушенія закона. Не нуждается въ особомъ разъясненіи и способъ построенія принциповъ здоровья, пользы и даже счастья; всѣ эти начала имѣютъ основой непосредственныя и необходимыя потребности и чувства человѣка; они коренятся въ самой его природѣ. Путемъ соціальнаго взаимнаго приспособленія и интересовъ общежитія возникаетъ новый рядъ критеріевъ, среди которыхъ первое мѣсто занимаютъ блага справедливости и свободы. И въ концѣ-концовъ создается цѣлая іерархія такихъ принциповъ оцѣнки, особая логика этическаго, эстетическаго и утилитарнаго сужденія, возникаютъ цѣлые кодексы морали и права, сборники и своды заповѣдей, велѣній, совѣтовъ и предписаній. Все это нормативы по существу, которымъ, однако, не меньше чѣмъ теоріи присуще стремленіе къ послѣдовательности и единству, выведеніе изъ одного высшаго начала всего многообразія отдѣльныхъ положеній.

Въ деонтологическомъ мышленіи или мышленіи о должномъ, конечно, примѣняется иная логика, чѣмъ въ мышленіи чисто-теоретическомъ. Единство основной причины здѣсь замѣняетъ единство высшаго критерія. Съ послѣднимъ устанавливается не причинная, а гармоническая связь, здѣсь выступаютъ на первый планъ категоріи цѣлаго и части, высшаго и низшаго, центра и периферіи. Организованные въ систему принципы, оторванные отъ своихъ непосредственныхъ источниковъ, получаютъ самостоятельное значеніе и жизнь, становятся высшими цѣнностями сами по себѣ, пріобрѣтаютъ характеръ незыблемости и неопровержимаго авторитета и уже не въ силу основательности и правильности своего содержанія, а въ силу внѣшняго формальнаго авторитета получаютъ императивный характеръ для человѣка и его дѣятельности. Само собою разумѣется, чѣмъ больше исторически накопленнаго опыта за подобной системой нормъ добраго, правдиваго, разумнаго и прекраснаго, тѣмъ выше ихъ формальнѣй авторитетъ. Чѣмъ законченнѣе, гармоичнѣе и послѣдовательнѣе ихъ система, тѣмъ больше уваженія къ себѣ вызываютъ ихъ предписанія, тѣмъ тѣснѣе и крѣпче охватываютъ они жизнь. И вполнѣ

естественно, что наука пришла на помощь такому мышленію о должномъ и создала такъ называемыя догматическія и экзегетическія доктрины. Таковы догматическое и нравственное богословіе какъ ученіе о законѣ Божіемъ. Таковы изложенія, сопровождаемыя комментаріями и экзегезой, всевозможныхъ нравственныхъ кодексовъ, начиная съ персидскихъ, китайскихъ и кончая современными кодексами гражданской или цивической морали; къ этой же области принадлежатъ и такія науки, какъ догма римскаго права, право различныхъ народовъ въ его догматическомъ же изложеніи, гражданское, уголовное, государственное, административное, церковное и международное право, при чемъ послѣднее получило обработку въ видѣ кодексовъ, составленныхъ отдѣльными учеными. Все это науки нормативныя или деонтологическія въ отличіе отъ наукъ чистыхъ или теоретическихъ.

Возможна еще одна форма человѣческаго мышленія, помимо указанныхъ; логическій процессъ здѣсь получаетъ опять новую своеобразную форму. Основными категоріями здѣсь устанавливаются начала средствъ и цѣлей. Это отношеніе можно назвать отношеніемъ цѣлесообразности или отношеніемъ телеологическимъ. Мыслящій субъектъ при обращеніи къ внѣшнему міру здѣсь не удовлетворяется ни однимъ познаніемъ ни одною оцѣнкой явленій. Напротивъ того, онъ стремится къ активному воздѣйствію на внѣшнюю среду и устанавливаетъ не только цѣли, которыя должны быть въ ней воплощены, но и намѣчаетъ средства, при помощи коихъ возможно наиболѣе быстрое, полное и экономное достиженіе поставленныхъ себѣ цѣлей. Нельзя не замѣтить, что этотъ мыслительный процессъ является высшимъ завершающимъ по отношенію къ теоретическому и деонтологическому. Послѣдніе необходимо входятъ въ него и служатъ ему въ качествѣ его составныхъ элементовъ; мало того,—телеологическій процессъ является какъ бы высшимъ коррективомъ, окончательной повѣркой первыхъ двухъ, предшествующихъ ему.

Остановимся нѣсколько ближе на отношеніи трехъ указанныхъ видовъ мышленія. Понятіе цѣли предполагаетъ необходимо противоположеніе сущаго и должнаго, ибо нельзя рѣшить, что надо сдѣлать, безъ того, чтобы не изслѣдовать, не будетъ ли это дѣло излишнимъ, такъ какъ оно, быть-можетъ, уже существуетъ или уже осуществлено. Другими словами, безсмысленно и нелѣпо ломиться въ открытую дверь. Оцѣнка сущаго съ точки зрѣнія должнаго указываетъ намъ далѣе то разстояніе, которое мы должны пройти для того, чтобы дѣйствительный порядокъ вещей былъ преобразованъ въ должный и желательный. Наконецъ при постановкѣ цѣли самое должное мы оцѣниваемъ съ точки зрѣнія возможнаго, такъ какъ безсмысленна была бы цѣль, которая никогда даже въ своемъ приближеніи не можетъ быть осуществлена. Такъ, при преобразованіи должнаго въ цѣль или при постановкѣ отдѣльныхъ цѣлей во имя должнаго, это

послѣднее необходимо само приближается къ жизни, отъ которой оно давно, быть-можетъ, оторвалось, и такимъ путемъ провѣряется и переоцѣнивается самъ принципъ долженствованія. Безъ такой оцѣнки самыя цѣли будутъ или безсмысленно излишними, превратятся въ нелѣпую игру, или онѣ станутъ недостижимыми и утопическими. Еще въ большей степени происходитъ провѣрка теорій при помощи телеологическаго мышленія. Для осуществленія цѣлей нужны средства, которыя бы практически привели къ опредѣленнымъ результатамъ, но для этого нужно самое точное и положительное знаніе среды, соблюденіе законовъ причинности, предвидѣніе тѣхъ или иныхъ слѣдствій отъ примѣненія данныхъ силъ, подробный расчетъ всѣхъ посторонних вліяній, вѣрная оцѣнка возможныхъ случайностей и уклоненій, иначе средства окажутся недѣйствительными и ничтожными и не только не приведутъ къ желательнымъ цѣлямъ, но могутъ даже привести къ совершенно неожиданнымъ и нежелательнымъ для человѣка результатамъ.

Особенно ясно можно прослѣдить процессъ телеологическаго мышленія на ходѣ техническаго изобрѣтенія. Здѣсь прежде всего отмѣчается съ точки зрѣнія должнаго тотъ или иной пробѣлъ во внѣшней средѣ, подлежащій устраненію. Затѣмъ намѣчается цѣль или рядъ цѣлей и отдѣльныхъ задачъ, которыя должны исправить данный недостатокъ или усовершенствовать наличное положеніе вещей. Послѣ этого комбинируются соотвѣтственныя средства для достиженія намѣченной цѣли, затѣмъ вырабатывается планъ надлежащаго техническаго приспособленія, въ которомъ тѣсно связываются средства съ цѣлью. Такой проектъ, планъ или технически разработанный чертежъ представляетъ собой нѣкоторый идеальный образъ, чистое созданіе человѣческаго творчества, сочетаніе теоріи и должнаго при помощи фантазіи, которая въ концѣ-концовъ входитъ какъ новый реальный факторъ въ дѣйствительную жизнь. Завершеніемъ процесса является безспорно тотъ подлежащій практическому исполненію планъ или проектъ, который завершаетъ собою и объединяетъ въ себѣ всѣ формы человѣческаго мышленія. Только въ этомъ послѣднемъ творческомъ процессѣ, снабженномъ практической санкціей, окончательно устанавливается тожество мысли и бытія, производится провѣрка объективной истины и субъективной правды. Техническая дѣятельность есть конкретная живая жизнь, созданная мыслію, есть реальная побѣда духа, а вмѣстѣ и человѣка надъ внѣшней средой.

Какъ же слагается телеологическій процессъ въ общественныхъ наукахъ? И здѣсь мы можемъ найти серьезную аналогію техникѣ. Въ педагогикѣ противополагается конкретно существующимъ, грубымъ, неустойчивымъ и неорганизованнымъ явленіямъ нѣкоторый идельный критерій прекраснаго, добраго и разумнаго; дѣйствительность оказывается далеко ниже этого критерія и характеризуется въ силу

этого отрицательными чертами; тогда построяется особый идеальный типъ воспитаннаго, прекраснаго человѣка и полагается въ основу угла. Психологія, физіологія и др. науки о душѣ, о характерѣ, индивидуальныхъ типахъ развитія даютъ средство для достиженія цѣли, для выработки согласно идеальному типу приближающихся къ нему живыхъ, настоящихъ людей. Подобный же процессъ находимъ мы и въ другихъ гуманитарно-техническихъ наукахъ такъ же, какъ въ наукахъ медицинскихъ. Вездѣ дѣйствительность подвергается критикѣ, на основаніи должнаго вырабатывается идеалъ, изыскиваются способы и средства къ воплощенію въ дѣйствительности найденнаго идеала. Только въ одномъ случаѣ идеаломъ будетъ физически здоровый человѣкъ, въ другомъ — морально и интеллектуально прекрасный, въ третьемъ—профессіонально подготовленный и т. п.

Въ общественныхъ наукахъ мы наблюдаемъ подобную же картину: тѣ или иныя условія экономическія, соціальныя, политическія, юридическія или моральныя признаются неудовлетворяющими критеріямъ общаго блага, свободы, равенства, счастья, совершенства, добродѣтели или святости. И отрицательное отношеніе къ этимъ условіямъ необходимо заставляетъ создавать тотъ идеальный типъ отношеній, который бы этимъ условіямъ удовлетворялъ. Анархіи здѣсь противополагается порядокъ, бѣдности — довольство, порочности-добродѣтель, угнетенію — равенство. Такой идеальный типъ можетъ быть выраженъ въ программахъ, проектахъ, фантастическихъ романахъ, философскихъ ученіяхъ. Такъ создается особая, весьма широкая и важная отрасль мышленія, которая носитъ названіе государственныхъ романовъ, соціальныхъ утопій, политическихъ мечтаній и опредѣляетъ собой важнѣйшіе идеалы, существующіе въ человѣческомъ обществѣ. Эти идеалы оказываются центрами, которымъ подчиняются всѣ болѣе частные и мелкіе идеалы; именно, идеальными типами и ихъ требованіями оправдываются болѣе мелкія задачи политической дѣятельности. Въ идеальныхъ типахъ, наконецъ, какъ въ особыхъ системахъ государственныхъ цѣлей политика находитъ высшее свое выраженіе и даетъ послѣдовательную и объединенную программу всей общественной организаціи въ ея цѣломъ. И уже къ такимъ идеальнымъ типамъ такъ же, какъ къ отдѣльнымъ государственнымъ цѣлямъ, примыкаетъ ученіе о цѣляхъ и средствахъ, почерпнутыхъ изъ соціальной теоріи, при помощи которыхъ долженъ быть воплощенъ государственный идеалъ. Частныя и мелкія цѣли здѣсь становятся средствами по отношенію къ высшимъ и главнымъ цѣлямъ, создается іерархія и послѣдовательность примѣненія средствъ, а къ ученію объ идеальныхъ типахъ какъ техническая часть примыкаетъ теорія политическаго искусства или ученіе о способахъ и пріемахъ политической дѣятельности.

Къ сожалѣнію, телеологическія науки представляютъ собой весьма мало обработанную область, и если техника въ области внѣшней природы не только дѣлаетъ крупныя завоеванія, но и даетъ цѣлый рядъ великолѣпно разработанныхъ дисциплинъ, то науки о человѣкѣ далеко не могутъ похвастаться такимъ же развитіемъ своей технической стороны. Впереди всѣхъ здѣсь идетъ техника борьбы съ болѣзнью. Всевозможная гигіена и терапія. Однако уже тамъ, гдѣ она соприкасается съ болѣзнями духа, она оказывается значительно слабѣе и менѣе обработанной; техника воспитанія, несмотря на многовѣковое свое существованіе еще далеко не достигла совершенства не только какой-нибудь строительной механики, но даже врачебной терапіи. Въ еще болѣе хаотическомъ состояніи находится политика всевозможныхъ оттѣнковъ и видовъ. Здѣсь не только твердо не установленъ идеальный типъ желательныхъ и необходимыхъ преобразованій, но идутъ споры о самой возможности и нужности построенія такихъ идеально-политическихъ типовъ. Идеальному типу здороваго человѣка и даже педагогическому идеалу сильнаго и нравственнаго характера здѣсь не можетъ быть противопоставленъ такой же типъ идеальнаго общественнаго хозяйства, идеальной политической организаціи и общественной морали. Эти науки еще ждутъ своего завершенія. Только постепенно, въ отдѣльныхъ областяхъ дѣлаются попытки такихъ идеальныхъ построеній. Отмѣтимъ въ этомъ отношеніи благотворное вліяніе соціализма и появленіе новыхъ наукъ подъ названіемъ соціальной и экономической политики, политики права, уголовной политики и т. п. Полнаго соціальнаго идеала, однако, и онѣ не даютъ.

Въ болѣе счастливомъ положеніи оказалась другая практическая наука, а именно теорія политическаго искусства. Эта наука получила особенное развитіе въ Германіи, и ей даже было присвоено спеціально наименованіе политики. Правда, и здѣсь встрѣчаемъ ученіе о цѣляхъ государства, но онѣ не сводятся здѣсь въ сколько-нибудь исчерпывающую и законченную систему. Менѣе всего мы можемъ найти ихъ теорію въ связи съ ученіемъ о политическихъ идеалахъ, хотя есть главы, посвященныя утопіи и утопической политикѣ. Нѣкоторое упоминаніе о политическихъ идеалахъ находимъ мы въ тѣхъ же изслѣдованіяхъ въ отдѣлѣ о партіяхъ. Этому же вопросу посвящается иногда спеціальныя монографіи. Однако болѣе глубокаго изученія, оцѣнки и систематики политическихъ программъ мы и тутъ не находимъ. Да и трудно было бы разсчитывать на что-либо подобное въ теоретическомъ изслѣдованіи, чуждомъ познанія указанныхъ выше практическихъ задачъ...

Отсутствіе практической науки о политическомъ идеалѣ мститъ, однако, за себя въ томъ отношеніи, что подобныя практическія тенденціи вносятся непосредственно въ теоретическое изложеніе и тѣмъ

извращаютъ чистую науку. Незамѣтно облекается политическій идеалъ въ форму сущаго. Безсознательно съ его точки зрѣнія совершается подборъ и классификація матеріаловъ; въ историческое изложеніе вносится апологія опредѣленныхъ государственныхъ формъ; при помощи, якобы, научныхъ построеній ведется пропаганда во имя практическихъ цѣлей и задачъ. Нельзя не считать подобнаго явленія чрезвычайно вреднымъ съ точки зрѣнія современной науки, и такой вредъ наносится не только знанію самому по себѣ, но въ особенности практической дѣятельности политика. Этотъ послѣдній совершенно не можетъ въ своихъ расчетахъ полагаться на вѣрность и точность научныхъ данныхъ и осуждается въ силу этого на политику, лишенную базиса, твердо обоснованнаго наукой.

Если мы теперь обратимся спеціально къ государственной наукѣ, мы найдемъ въ ней три спеціальныхъ части, соотвѣтственно тремъ основнымъ методамъ человѣческаго мышленія вообще. Съ одной стороны, это будутъ науки теоретическія, къ нимъ принадлежатъ: политическая исторія общая и отдѣльныхъ государствъ, сравнительная исторія учрежденій, исторія развитія политическихъ партій, исторія отношенія государства къ церкви, и т. п. Рядомъ съ этими историческими вѣдѣніями, можно поставить, какъ чистую науку, обоснованную на соціологическомъ базисѣ, общую теорію или общее ученіе о государствѣ. Ко второму разряду наукъ деонтологическихъ относится: общее и конституціонное государственное право, административное право отдѣльныхъ европейскихъ, американскихъ и азіатскихъ державъ и отдѣльныя изложенія государственнаго права по отдѣламъ. Сюда же слѣдуетъ отнести и догму государственной морали, какъ она въ настоящее время, съ одной стороны, входитъ въ отдѣльные кодексы, а съ другой—преподается на Западѣ въ различныхъ среднихъ и низшихъ школахъ. Сюда же могла бы быть отнесена наука о государственномъ приличіи, церемоніямъ, обрядахъ, государственной символикѣ, ученіе о государственныхъ гражданскихъ и военныхъ формахъ, и т. п. Всѣ эти отдѣлы въ настоящее время находятся то въ международномъ правѣ, то въ дисциплинарныхъ уставахъ, то въ различныхъ административныхъ инструкціяхъ. До сихъ поръ, однако, нѣтъ сколько-нибудь полной сводки права и нормъ государственной морали, эстетики и приличія. Къ третьему отдѣлу, наконецъ, относится государственная телеологія, или политика въ широкомъ смыслѣ слова. Сюда входитъ, съ одной стороны, ученіе о политическихъ идеалахъ и вытекающихъ отсюда цѣляхъ и задачахъ внѣшней и внутренней политики, съ другой — ученіе о средствахъ воплощенія этихъ цѣлей, а слѣдовательно, политика законодательства, суда и управленія, политика финансовая, военная, политика просвѣщенія, политика уголовная, политика соціальная (рабочая) и т. д.

Указанная система государственныхъ наукъ не только должна дать исчерпывающія рамки для развитія науки о государствѣ, но послужить очищенію отдѣльныхъ доктринъ отъ безсознательной примѣси чуждыхъ существу предмета методовъ и задачъ. Болѣе того, такая система необходимо приводитъ къ выдвиженію на первое мѣсто въ высшей степени важныхъ практическихъ наукъ, которыя воскресятъ снова великое имя старинной политики. Наука о государствѣ должна перестать быть исключительно наукой юридической, необходимо возвращеніе къ незабвенному создателю науки о государствѣ— Аристотелю изъ Стагиры. Со всей полнотой современныхъ историческихъ, соціальныхъ и юридическихъ знаній мы должны, наконецъ, выполнить великіе завѣты и дать политику, какою она должна быть— соціальной техникой организаціи человѣчества на пути къ достиженію его величайшихъ культурныхъ благъ; практика не только вѣнецъ теоріи, но и послѣдняя провѣрка истинности ея положеній.

ГЛАВА III.

Мистическая, эстетическая и раціональная деонтологія и политическій идеалъ.

L. Кнарр. System der Rechtsphilosophie. Фейербахъ. Сущность христіанства. См. Джемсъ. Прагматизмъ. Петражицкій. Теорія права и государства. Изъ вышеуказанныхъ R. Schmidt и Berolzheimer. Богдановъ. Эмпиріомонизмъ. также моя Теорія Петражицкаго и т. д.

Ознакомившись съ методами научнаго мышленія, изслѣдующаго сущее, должное и цѣлесообразное, теперь мы можемъ перейти къ изученію тѣхъ методовъ, при помощи которыхъ непосредственно обосновывается должное и снабжается императивной силой. Наука, изслѣдуя должное, мораль, право, эстетику можетъ только систематизировать данный матеріалъ, очищать его отъ методологически чуждыхъ примѣсей, объяснять и толковать его; но она перестанетъ быть наукой, если она возьмется за нахожденіе высшихъ критеріевъ жизни, за установленіе и открытіе абсолютной истины. Это дѣло не науки, но вѣры, художественнаго творчества и философіи. Но есть и другая причина, которая дѣлаетъ науку неспособной давать окончательные и высшіе критеріи и нормы, снабженныя высшей императивной силой. Наука проникнута скептицизмомъ и революціоннымъ стремленіемъ къ ниспроверженію старой истины въ поискахъ за новой; она можетъ только доказывать, но не убѣждать; менѣе всего ей свойственна сила такого зараженія психики сильнымъ эмоціональ-

нымъ движеніемъ, которое одно способно породить массовое поведеніе или движеніе. И если масса создаетъ себѣ идеалы, нормы и принципы, то создаетъ ихъ изъ всей полноты своихъ стремленій и чувствъ, страстей и настроеній. Не ученый творитъ правду, добро и красоту, онъ только изслѣдуетъ, систематизируетъ и познаетъ ихъ. Истинными творцами императивныхъ идей являются проповѣдники, художники, ораторы и пророки, которые идутъ съ массой или впереди ея и воплощаютъ идеалы среды въ понятныхъ для нея, убѣдительныхъ формахъ, способныхъ произвести массовое внушеніе.

Первый методъ, который примѣняется для обоснованія должнаго задолго до появленія положительной науки,—это методъ мистическій, особенно примѣняемый въ области религіознаго сознанія. Онъ основывается на данныхъ непосредственнаго внутренняго опыта или на мистикѣ. Такое воспріятіе заключается въ томъ, что не при помощи внѣшнихъ чувствъ—осязанія, зрѣнія и слуха, а при непосредственномъ соприкосновеніи внутренняго чувства субъекта съ такою же внутренней сущностью явленій, предмета или живого существа устанавливается интуитивная связь познающаго съ познаваемымъ. Такое воспріятіе необходимо предполагаетъ извѣстное сродство „души“ одного такъ же, какъ „души“ другого, и возможно лишь тамъ, гдѣ весь міръ или, по крайней мѣрѣ, его сущность представляется внутренне доступной человѣку. Въ религіозныхъ ученіяхъ такое воспріятіе есть необходимѣйшее условіе, и никакая вѣра немыслима тамъ, гдѣ непосредственное чувство не ощущаетъ таинственныхъ движеній божества. Съ другой стороны, конечно, тамъ, гдѣ имѣются данныя такого таинственнаго и непосредственнаго общенія съ божествомъ, никакая логичнѣйшая логика не можетъ поколебать или опровергнуть такія данныя. Огюстъ Контъ назвалъ этотъ типъ мышленія теологическимъ, правильнѣе было бы назвать его мистическимъ, такъ какъ указанная мистика можетъ имѣть мѣсто далеко не по отношенію къ одному лишь божеству.

Наблюдая проявленія такой мистики, мы можемъ различить нѣсколько отдѣльныхъ ея видовъ. Первый непосредственно знакомъ каждому, кто испытывалъ состояніе безпредметнаго ужаса, паническаго страха, стихійнаго потрясенія подъ вліяніемъ какой-нибудь даже внѣшней катастрофы. Въ этихъ случаяхъ человѣкъ ощущаетъ не данное бѣдствіе вообще какъ опредѣленное конкретное явленіе, а какъ проявленіе таинственной, страшной, непреодолимой силы, которая не поддается иному противодѣйствію, кромѣ внутренняго же мистическаго толчка полнотою всего человѣческаго духа. И человѣкъ въ этихъ случаяхъ поступаетъ такъ, какъ онъ поступилъ бы по отношенію къ другому себѣ подобному существу, психика котораго ему также непосредственно открыта, какъ своя собственная. Онъ представляетъ себѣ его одареннымъ разумомъ и волей и приписы-

ваетъ происшедшее бѣдствіе или катастрофу не естественнымъ причинамъ, а планомѣрному искусственному дѣянію нѣкотораго божества, проявившаго такимъ путемъ свой гнѣвъ и раздраженіе. Подобное отношеніе къ различнымъ бѣдствіямъ и инымъ гибельнымъ для человѣка явленіямъ такъ устойчиво и распространено, что на ряду съ первобытнымъ человѣкомъ, который свои неудачи приписывалъ злому вліянію божества, мы въ настоящее время встрѣчаемъ мистически настроенныхъ людей, которые не только въ массовыхъ бѣдствіяхъ, но и личныхъ несчастіяхъ склонны видѣть тотъ или иной непосредственный актъ божества.

Однако, ставъ разъ на путь перенесенія своей сознательной дѣятельности на явленія природы, человѣкъ скоро находитъ подкрѣпленіе своему опыту съ другой стороны. Онъ не можетъ не наблюдать ряда фактовъ, которые доказываютъ ему, что среди живыхъ силъ, наполняющихъ окружающую среду, и онъ самъ является такой же живой, познающей и вліяющей силой. Онъ ощущаетъ непосредственно души умершихъ, которыя посѣщаютъ его въ галлюцинаціяхъ и во снѣ. Его собственная душа не разъ покидаетъ тѣло и блуждаетъ въ царствѣ злыхъ и добрыхъ духовъ. Эти послѣдніе часто приходятъ къ нему въ различныхъ образахъ не только ночью, но и днемъ. Въ цѣломъ рядѣ звѣрей чувствуетъ онъ оборотней, въ которыхъ переселился духъ покойника или превратился тотъ или иной человѣкъ. При помощи явленій гипноза и внушенія открывается передъ человѣкомъ непосредственная тайна души другого; благодаря ясновидѣнію чувствуетъ и видитъ все то, что отдалено отъ него и временемъ и пространствомъ. И человѣкъ вѣритъ послѣ этого въ міръ духовъ, чертей и ангеловъ, входитъ съ ними въ сношенія, вліяетъ на нихъ и на практикѣ убѣждается въ томъ, что вліяніе это приноситъ желательные результаты. Такъ возникаетъ второй могучій источникъ деонтологическихъ построеній при помощи мистическаго метода: воля злыхъ и добрыхъ духовъ, любовь ихъ и злоба, ими принятый законъ, ими установленная правда и неправда.

Наконецъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ божество само избираетъ тѣхъ или иныхъ людей въ качествѣ своего излюбленнаго сосуда,—это проявляется въ особыхъ конвульсивныхъ движеніяхъ богодухновеннаго лица, въ припадкахъ изступленія и экстаза. Непонятная, странная рѣчь, дикія, безсмысленныя движенія, обмороки и припадки сопровождаютъ собой тѣ ощущенія, которыя переживаетъ всякій одержимый. Конечно, не всегда овладѣваетъ человѣкомъ благая божественная сила. Иногда вселяются въ него злобные демоны и бѣсы, иногда въ его горячечномъ бреду выражается воля далекихъ предковъ. И самъ одержимый религіознымъ экстазомъ разсказываетъ намъ о своихъ чудесныхъ переживаніяхъ: сначала ощущеніе смертельнаго ужаса и безмѣрнаго отчаянія; затѣмъ, далекій свѣтъ и страшное на

пряженіе воли; наконецъ, полное просвѣтлѣніе, ощущеніе безмѣрнаго могущества и всепроникающаго свѣта; блаженство и невыразимая радость, сладкое соединеніе съ сверхъестественнымъ, божественнымъ существомъ, полная потеря ощущенія пространства и времени, полное погруженіе въ иное бытіе. Послѣ припадка наступаетъ тихое утомленіе отъ бога возвратившейся души. И если богъ говоритъ устами такого человѣка, то это и есть высшій его законъ и непреклонная воля; кто не слушаетъ одержимаго, тотъ отказывается отъ познанія самого божества.

Такъ, воля сверхъестественныхъ существъ является источникомъ первой власти надъ человѣкомъ, полагается въ основу его перваго и высшаго долженствованія. Законъ, отсюда проистекающій принимаетъ, въ свою очередь, разныя формы. Прежде всего это есть законъ угожденія божеству и творенія его воли. Первобытное божество грубо и жестоко: оно требуетъ сладкой пищи, много жертвъ, оно пьетъ, оно питается кровью, притомъ часто кровью самого человѣка. И для того, чтобы утолить жадность боговъ, человѣкъ налагаетъ на себя первый законъ воздержанія и самопожертвованія. Онъ отдаетъ богу свое лучшее добро, убиваетъ ему въ пищу своихъ первенцевъ, самъ восходитъ на алтарь и открываетъ свое сердце кривому ножу жреца. Чувство страха передъ божествомъ даетъ религію организованнаго убійства и истребленія, священный огонь нисходитъ съ неба и жирнымъ дымомъ подымаетъ яство къ богамъ. Но съ теченіемъ времени боги постепенно измѣняются, они становятся болѣе духовными, тонкими и возвышенными. Ихъ ярость и злоба сначала становится достояніемъ міра злыхъ боговъ и духовъ, затѣмъ отпадаютъ совсѣмъ, переходя въ міръ низкихъ и грѣшныхъ бѣсовъ. Жертва принимаетъ иной характеръ: прекращаются кровавые дары, ихъ смѣняютъ символическія дѣйствія, поэтически организованный культъ. Въ видѣ жертвы требуется благое поведеніе человѣка, любовь и самопожертвованіе ради ближнихъ; изъ религіи смерти вырабатывается религія жизни, нравственнаго подвига и высокаго человѣческаго героизма.

Рядомъ съ закономъ жертвы рождается другой и это—магическаго знанія. Принося жертвы духамъ и богамъ, человѣкъ пытается не только умилостивить ихъ, но познать и сдѣлать своими союзниками. Волшебныя силы предковъ, злыхъ и добрыхъ духовъ, демоновъ, ангеловъ и самыхъ боговъ могутъ быть поставлены на служеніе человѣку. Отсюда не только почитаніе, соотвѣтственное обхожденіе, но и усвоеніе такихъ пріемовъ и обрядовъ, которые бы сплотили неземныя и земныя существа въ одно сильное, единодушое цѣлое. Такъ изъ культа очага и предковъ вырастаетъ семейная мораль и право; почитаніе звѣрей-покровителей, звѣрей-родоначальниковъ въ качествѣ племенныхъ и родовыхъ божествъ даетъ организацію т. н. тотемизма;

рядъ правилъ для брачныхъ связей двухъ различныхъ тотемовъ обезпечиваютъ замиренную среду находящихся подъ покровительствомъ тотема лицъ. Участіе племенныхъ и домашнихъ боговъ въ гражданскомъ оборотѣ содѣйствуетъ выработкѣ особыхъ сакральныхъ, магическихъ формулъ, обезпечивающихъ вѣрность обѣщаній, соблюденіе договоровъ какъ во внутреннемъ, такъ и международномъ оборотѣ. Такъ, на ряду съ магіей, направленной на подчиненіе естественныхъ силъ природы, создалась своего рода соціальная магія, которая и вошла впослѣдствіи въ государственную идеологію. Въ этой магіи уже сильно выражается стремленіе къ обезпеченію общихъ интересовъ рода, племени или цѣлаго народа. Выраженіемъ такого интереса является цѣлая масса процессуальныхъ, обрядовыхъ, юридическихъ и моральныхъ предписаній.

Само собою разумѣется, что пророчество явилось наиболѣе приспособленнымъ источникомъ для постоянной реформы закона божьяго и для облеченія въ эту форму жизненныхъ интересовъ тѣхъ или другихъ общественныхъ группъ. Откровенія божества организуются очень рано; съ одной стороны, создается рядъ предписаній, которыя подготовляютъ тѣхъ или другихъ лицъ къ воспріятію божественнаго наитія. Создаются правила послѣдовательной аскезы, которыя на опредѣленныхъ ступеняхъ самоумерщвленія и самоистязанія приводятъ къ состоянію экстаза. Подобныя же правила опредѣляютъ общеніе вѣрующихъ, которые путемъ дикой пляски, самоистязаній, опьяненія и половыхъ излишествъ приводятъ себя въ состояніе одержимости или божественнаго наитія. Вырабатываются далѣе правила толкованія рѣчей, жестовъ и воплей одержимыхъ, при чемъ новыя изреченія извѣстнымъ образомъ присоединяются къ старымъ. Наконецъ создаются правила спеціально божественнаго законодательства чрезъ оракулы, бѣсноватыхъ, безумцевъ и одержимыхъ. И такъ слагается масса опредѣленій, запретовъ, предписаній и совѣтовъ, которымъ свойственна всѣмъ высшая обязательная сила.

Такъ создается божескій законъ, налагающій на человѣка свои сверхъестественныя нормы. По мѣрѣ развитія человѣчества систематизируется и объединяется собраніе перемѣшанныхъ другъ съ другомъ правилъ очищенія и искупленія, магическихъ и сакраментальныхъ формулъ, изреченій пророковъ и оракуловъ. И ходъ такого объединенія и очищенія вполнѣ соотвѣтствуетъ процессу человѣческаго развитія отъ варварства къ современной культурѣ.

И прежде всего мѣняются сами боги. Слитые въ фетишахъ съ отдѣльными явленіями внѣшней природы, уже въ культѣ предковъ они получаютъ самостоятельное и къ тому же духовное бытіе; ставъ духами, боги затѣмъ совершаютъ постоянное восхожденіе сначала къ окружающимъ человѣка крупнымъ и важнымъ явленіямъ, а затѣмъ къ стихійнымъ и космическимъ силамъ, гдѣ и находятъ свое свѣтлое и

возвышенное жилище. Уже политеизмъ даетъ высокую степень моральной идеализаціи божества, которой по времени значительно предшествуетъ одухотвореніе религіозной морали у самого человѣка. Небо въ этомъ смыслѣ довольно поздно слѣдуетъ за землей. Переходъ отъ политеизма къ монотеизму еще болѣе одухотворяетъ и утончаетъ понятіе божества, которое значительно отходитъ отъ первобытнаго участія въ матеріальной жизни. Наконецъ божеству присвояются совершенно оторванные отъ земного бытія атрибуты, оно становится воплощеніемъ всего, что есть добраго, разумнаго и прекраснаго въ человѣкѣ, и, охвативъ весь міръ, проникнувъ его такимъ обожествленнымъ гуманизмомъ, развитіе религіознаго сознанія возвращается назадъ и требуетъ на землѣ осуществленія выработанныхъ на небѣ и для неба идеаловъ. Богъ, какъ злой и мстительный владыка, богъ, какъ справедливый и жестокій судья, богъ, какъ искупитель и провидѣніе, онъ только въ концѣ-концовъ смѣняется богомъ любви и нравственнаго подвига.

Вторымъ моментомъ развитія въ мистической деонтологіи является необходимое противоположеніе матеріальнаго и духовнаго, которое рѣзко отражается на требованіяхъ къ человѣку божества. Въ первобытной мистикѣ весь міръ представляется переполненнымъ духами, между ними и матеріей нѣтъ противоположности. Матеріальные акты имѣютъ непосредственно духовное значеніе. Въ послѣдующемъ развитіи духъ все болѣе рѣзко отграничиваетъ себя отъ матеріи, создаетъ между нею и собой непроходимую пропасть. Отсюда—явленіе специфическихъ требованій и законовъ, которые направлены къ созданію совершенно своеобразнаго, духовнаго поведенія, рѣзко отличнаго отъ всякаго земного, какъ матеріальнаго и грѣховнаго. Грѣхъ и святость отнынѣ противополагаются другъ другу, какъ служеніе плоти и служеніе духу, какъ богъ и матерія, какъ звѣрь и агнецъ. Такое развитіе въ концѣ-концовъ доходитъ до абсолютнаго противорѣчія, которое можетъ быть разрѣшено однимъ путемъ, а именно, возвращеніемъ къ матеріи объединеннаго и централизованнаго на небесахъ добра новымъ воплощеніемъ духа въ плоть, при чемъ, однако, это воплощеніе не есть прежнее сожительство духовъ съ человѣкомъ въ отдѣльныхъ явленіяхъ и предметахъ, но одухотвореніе всего міра, всѣхъ явленій и въ томъ числѣ самого человѣка единымъ всепроникающимъ началомъ. Такъ умираютъ боги, чтобы дать жизнь одному и умираетъ послѣдній, чтобы дать жизнь всему міру. Ясно отсюда, что деонтологія въ послѣдній періодъ должна пережить существенное измѣненіе: матеріальная, конкретная жизнь, жизнь человѣка на землѣ не проклинается болѣе, а благословляется, падаетъ значеніе особыхъ духовныхъ и религіозныхъ подвиговъ и въ этотъ рангъ возводится обычная и естественная человѣческая любовь.

Подобныя перемѣны въ самомъ содержаніи мистической деонтологіи сопровождаются необходимымъ измѣненіемъ въ самой санкціи велѣній божества. Первоначально страхъ и грубо утилитарные мотивы принуждаютъ неорганизованнаго и слабаго человѣка къ соблюденію божескаго закона. Санкція осуществляется здѣсь же на землѣ въ видѣ жестокихъ каръ и божеской мести. Угожденіе божеству влечетъ за собой матеріальную выгоду, богатство, здоровье, долгую жизнь, изобильное потомство и тому подобныя блага. Впослѣдствіи такое возмездіе постепенно отодвигается, теряетъ характеръ непосредственнаго воздаянія и пріобрѣтаетъ болѣе моральный характеръ, пока, наконецъ, оно не переносится на будущую жизнь, на посмертное существованіе. Но и здѣсь сначала картина ада полна устрашающихъ наказаній. Вѣчныя пытки, истязанія и даже постоянно повторяющаяся квалифицированная смертная казнь являются непремѣннымъ атрибутомъ божественной справедливости въ адскихъ глубинахъ. Только весьма поздно такое мучительство смѣняется душевными муками въ родѣ безконечно длящагося раскаянія и скорби; въ нѣкоторыхъ религіяхъ, впрочемъ, устанавливается особое чистилище, гдѣ хотя бы временно испытаніямъ подвергаются грѣшныя души. Лишь въ самомъ высшемъ проявленіи мистическаго закона находимъ мы полное отсутствіе устрашающей санкціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и совершенную добровольность принятаго на себя религіознаго долга. Такая свобода совѣсти внутри религіи есть фактъ до настоящаго времени чрезвычайно рѣдкій и сопровождается по большей части переходомъ отъ мистическаго къ иному методу деонтологическихъ построеній.

Нельзя не видѣть, что высшее развитіе мистическаго метода ведетъ къ его самоотрицанію и вымиранію. Соціальная роль его, однакоже, безмѣрно велика; онъ представляетъ собой могущественное средство, созданное людьми въ цѣляхъ организаціи частнаго и общественнаго поведенія. На извѣстномъ уровнѣ моральнаго и интеллектуальнаго развитія человѣка мистическая деонтологія является для человѣка однимъ изъ важнѣйшихъ способовъ опредѣлить себя, какъ дѣятельное существо въ ряду другихъ существъ и явленій міра.

Другой методъ воспріятія основывается на чувствахъ эстетическихъ. Они проявляются въ самыхъ различныхъ формахъ и видахъ. Общимъ для нихъ всѣхъ является тотъ признакъ, что здѣсь непосредственное чувство, связывающее два или нѣсколько явленій, а въ томъ числѣ человѣка и окружающій его міръ, ощущаетъ ихъ и самого воспринимающаго какъ части нѣкотораго единаго цѣлаго, какъ элементы гармоніи или дисгармоніи, какъ ступени подчиненія, или же, наоборотъ, ихъ отрицанія. Въ основѣ такихъ чувствъ лежитъ ощущеніе притяженія и отталкиванія, но не мистическаго, а обусловленнаго самой формой явленій, при чемъ въ каждомъ отдѣльномъ явленіи оцѣнивается именно его форма или какъ самостоятельное

отраженіе высшей идеальной формы, или какъ составная часть болѣе общей, всѣ явленія охватывающей формы или іерархіи формъ. Соціологически чувство формы особенно важно для насъ постольку, поскольку оно организуетъ наши отношенія къ средѣ и обосновываетъ нѣкоторые типы деонтологіи.

На первомъ планѣ здѣсь стоитъ чувство формы возвышеннаго, громаднаго, могучаго. Колоссальные размѣры, яркія краски, громкіе звуки, мощный голосъ,—все это потрясаетъ насъ и даетъ намъ впечатлѣніе чего-то великаго, увлекающаго и вмѣстѣ подавляющаго насъ самихъ. Такое чувство испытываемъ мы не только передъ стихійными созданіями природы, въ родѣ громадныхъ горъ, неизмѣримыхъ долинъ, безбрежнаго волнующагося моря. Подобное же чувство возбуждаетъ въ насъ и всякій сильный звѣрь, крупный, властный человѣкъ, великое его горе и столь же великая радость. Всѣ такія явленія могутъ намъ нравиться, импонировать, вызывать наше восхищеніе одинаково въ минуты спокойствія, какъ и мощнаго, непреодолимаго движенія. Но въ отличіе отъ мистическаго воспріятія, мы не входимъ съ ними во внутреннюю связь,—нѣтъ, мы созерцаемъ ихъ извнѣ, мы противополагаемъ ихъ себѣ, мы относимся къ нимъ, какъ къ чему-то, что само по себѣ внушительно, грозно или велико. Посредникомъ между нами и такимъ внѣшнимъ явленіемъ становится опять-таки не внутреннее чувство, а именно наши внѣшніе органы воспріятія: органы слуха, зрѣнія, осязанія и т. д. И когда мы себя сравниваемъ съ такимъ явленіемъ или существомъ, мы ощущаемъ себя слабыми, ничтожными и безсильными. И если передъ нами такимъ свойствомъ прекрасной могучести и силы обладаетъ человѣкъ, то намъ становится передъ нимъ неловко, не по себѣ, и если мы позволяемъ себѣ достойное къ нему отношеніе, то это—восхищеніе и преклоненіе.

Совершенно инымъ представляется другое эстетическое чувство формы, которое, въ свою очередь, служитъ источникомъ деонтологическихъ построеній. Это чувство любованія чѣмъ-нибудь нравящимся и пріятнымъ, близкимъ и дорогимъ; такое чувство вызываютъ въ насъ, можетъ-быть, и не особенно бросающіяся въ глаза явленія и не особенно выдающіеся люди; но въ этихъ людяхъ находимъ мы нѣчто намъ симпатичное, близкое и дорогое. Ихъ лица, движенія, внѣшній обликъ и поведеніе вызываетъ въ насъ любовное и ласковое къ себѣ отношеніе. Такія лица обладаютъ въ нашихъ глазахъ нѣкоторой прелестью и привлекательностью, которую мы склонны объяснить гармоничностью ихъ уклада и соотвѣтствіемъ всѣхъ частей. Эта внутренняя гармоничность, красота пропорцій и соотношеній, она тоже можетъ быть выражена въ краскахъ, звукахъ и образахъ, она тоже связываетъ насъ съ предметомъ нашей любви, такъ же, какъ восхищеніе и поклоненіе, ставитъ насъ въ зависимость отъ предмета нашего восторга. Такъ радуетъ насъ и привлекаетъ къ себѣ красота

обычной жизни, окружающей насъ со всѣхъ сторонъ. Голубое небо, темный лѣсъ, отцовская хижина, добрая женщина, стройный и бодрый юноша, распустившійся цвѣтокъ, зеленая вѣтка расцвѣтшаго дерева—вотъ предметы, которые подходятъ подъ понятіе такой милой и по обстоятельствамъ родной красоты. Здѣсь эстетика сливается съ любовью, служитъ внѣшнимъ ея выраженіемъ. И если къ красотѣ величія относится въ равной степени трагическая красота, то къ красотѣ любви примыкаетъ красота нѣжности и состраданія.

Третій видъ красоты, воспринимаемой нашимъ чувствомъ, даетъ красоту вольной игры, жизни, сильной и свободной. Въ отличіе отъ чувства преклоненія и восхищенія чѣмъ-нибудь чужимъ, мы наслаждаемся здѣсь нашей собственной радостью, мы забавляемъ себя и любуемся собою. И не любовь къ какому-нибудь человѣку или предмету доставляетъ намъ наслажденіе его красотой. Нѣтъ, мы здѣсь сами становимся частями создаваемой нами картины, мы сами веселимся, ликуемъ, прыгаемъ, поемъ и играемъ просто потому, что мы наслаждаемся своей жизнью, какъ таковой, въ ней находимъ красоту и радость. Такую красоту даютъ развлеченія, наряды, сознаніе своей собственной силы, молодости, привлекательности и обаятельности для другихъ. Такова красота вольнаго подвига, „дарящей добродѣтели“, свободной и радостной жертвы. Такъ рядомъ съ красотой великаго и любимаго становится красота радости, отличающаяся одной замѣчательной чертою. Въ то время, какъ при созерцаніи великаго и любованіи милымъ, предметъ нашего вниманія находится внѣ насъ, въ послѣднемъ случаѣ, мы сами становимся объектомъ нашего собственнаго созерцанія. Въ этомъ случаѣ, мы сами на себя смотримъ съ точки зрѣнія внѣшней, а не внутренней и радуемся себѣ, какъ внѣшнему проявленію жизни. И, странное дѣло, человѣкъ иногда способенъ радоваться не только своему счастью, но радоваться красотѣ своего собственнаго страданія; но это понятно,—еще до сихъ поръ не найдена граница страданія и наслажденія, а страданіе есть тоже жизнь.

Если мы теперь попробуемъ установить значеніе эстетическаго воспріятія непосредственно для деонтологическихъ принциповъ, мы увидимъ, что такая деонтологія возможна въ цѣломъ рядѣ построеній.

Величіе, импозантность и авторитетъ могутъ, конечно, рождаться совершенно естественно, благодаря богатству, силѣ и уму отдѣльныхъ лицъ. Однако здѣсь могутъ быть и чрезвычайно искусственныя построенія, которыя съ успѣхомъ могутъ использовать наши чувства преклоненія передъ великимъ. Одна какая-нибудь черта можетъ быть признана достаточной для самаго сильнаго впечатлѣнія, и въ такомъ случаѣ совершенно не требуется, чтобы обладающій этой чертою человѣкъ удовлетворялъ вообще всѣмъ требованіямъ, ска-

жемъ, мудрости, опыта, силы, красоты и т. п. Общественныя правила, основываясь, хотя бы на историческихъ прецедентахъ, могутъ установить, что только возрастъ придаетъ человѣку то непреоборимое величіе, передъ которымъ долженъ преклониться всякій. Такимъ формальнымъ признакомъ величія можетъ быть всякій: храбрости, магическихъ познаній, красоты, богатства и т. п. И этого одного признака можетъ быть довольно, чтобы обезпечить обладателю его искреннее восхищеніе, преклоненіе и почитаніе всѣхъ. И это почитаніе, въ свою очередь, можетъ быть организовано такъ, что воля признаннаго лучшимъ лица становится обязательной для всѣхъ лишенныхъ этого качества. Такъ эта воля сама по себѣ можетъ породить рядъ правилъ, законовъ и совѣтовъ для всѣхъ, которые почитаютъ ее волей лучшаго, волей высшаго, мудрѣйшаго, прекраснѣйшаго и т. п. Такое высшее эстетическое положеніе предводителя, богача, старѣйшины, короля и т. п. можетъ выражаться и въ соотвѣтственныхъ титулахъ и атрибутахъ. Таковыми и сейчасъ, несомнѣнно, являются предикаты свѣтлости и величествъ. Такъ воля лучшаго создаетъ право и мораль, и приличіе, и нравы.

Эстетика любви, конечно, имѣетъ свою деонтологію. Здѣсь на первый планъ выступаетъ противоположность между пріятнымъ и непріятнымъ, милымъ—немилымъ, роднымъ и чужимъ. Признаки перваго рода—свойства прелестнаго, привлекательнаго и симпатичнаго—приписываются своимъ въ отличіе отъ постороннихъ, ближнимъ въ отличіе отъ дальнихъ. Любовь и расположеніе здѣсь основываются на прекрасныхъ и гармоничныхъ свойствахъ родственниковъ и друзей. И уже изъ красоты, пріятности и милыхъ свойствъ такихъ прекрасныхъ людей, выводится обязанность оказывать имъ расположеніе, дружескую поддержку, помощь во время бѣдствія, защиту отъ враговъ. По отношенію къ послѣднимъ, какъ къ дурнымъ, злымъ и отвратительнымъ предписывается обязательное недоброжелательство и враждебность. Отсюда, конечно, проистекаютъ особыя право и мораль, которыя выражаются въ формахъ внѣшняго и внутренняго, военнаго и мирнаго закона, часто подкрѣпляемаго не только велѣніями лучшихъ, но и традиціей отъ всякихъ любимыхъ и почитаемыхъ предковъ, которыхъ соотвѣтственная романтика можетъ произвести въ разрядъ боговъ, героевъ и т. д. Эстетическое почитаніе своихъ близкихъ, родныхъ, выражается впослѣдствіи и въ обязательной ихъ идеализаціи, при чемъ они и только они почитаются и добрыми, и умными, и сильными, и хорошими. Отсюда обязанность любезнаго и почтительнаго отношенія къ своимъ, особые титулы и названія, особыя формулы и церемоніи, съ которыми къ нимъ можно и должно обращаться. Такъ складываются нормы, регулирующія отношенія равныхъ другъ къ другу и старшихъ къ младшимъ, по отношенію къ которымъ чувства нѣжности, умиленія и состраданія создаютъ рядъ поло-

женій, построенныхъ на эстетическомъ принципѣ благородства и великодушія, съ одной стороны, трогательнаго и нѣжнаго послушанія—съ другой. Эстетика трогательнаго по аналогіи съ дѣтьми можетъ быть примѣнена и вообще ко всѣмъ низшимъ, подчиненнымъ, жалкимъ и слабымъ; такой эстетики не чужда, конечно, идеализація этихъ самыхъ низшихъ въ качествѣ труждающихся и обремененныхъ.

Наконецъ чрезвычайно важнымъ источникомъ происхожденія права и морали являются тѣ отношенія, которыя образуютъ большую часть жизни первобытнаго человѣка. Таковыми являются всевозможныя игры, церемоніи и пляски, состязанія и борьба, которыя должны дать выходъ накопленнымъ силамъ и притомъ именно въ привлекательной, эстетически прекрасной формѣ. Въ такихъ играхъ повторяется по существу обычная жизнь, но притомъ въ праздничной, улучшенной, прекрасной формѣ. Каждому въ такихъ играхъ хочется быть самымъ ловкимъ, самымъ храбрымъ, мужественнымъ и красивымъ. Здѣсь требованія красиваго, идеальный образъ воина, охотника, великодушнаго мужчины, нѣжной и граціозной женщины, непосредственно входятъ въ жизнь и воплощаются участниками. Съ другой стороны, та же эстетика руководитъ и созданіемъ особаго плана и порядка игръ, порождаетъ рядъ правилъ, правовыхъ и моральныхъ, которыя слагаются въ опредѣленную массу предписаній, имѣющихъ своею цѣлью коллективное, идеальное и прекрасное поведеніе со стороны участниковъ игры и состязанія. Подобныя нормы, являются несомнѣннымъ предтечей тѣхъ организаціонныхъ плановъ и нормъ, которыя впослѣдствіи, въ видѣ идейной формы, опредѣляютъ коллективное поведеніе различныхъ общественныхъ группъ.

Какъ мы можемъ теперь заключить, деонтологическія нормы образуются изъ эстетическихъ воспріятій преимущественно путемъ своеобразной идеализаціи. Прежде чѣмъ обнаруживается болѣе интимное чувство влеченія, симпатіи, любви и сожалѣнія, прежде чѣмъ создается гордость и тщеславіе—эти чувства воспринимаются не непосредственно, а проектируется въ объективномъ мірѣ, если не въ категоріи божества, то въ категоріи чего-то или величественнаго, или прекраснаго само по себѣ, или трогательнаго и пріятнаго. Наши чувства такимъ образомъ какъ бы отрываются отъ насъ самихъ и въ объективной формѣ закрѣпляются въ видѣ свойствъ и качествъ созерцаемыхъ нами предметовъ. На этихъ свойствахъ и качествахъ мы производимъ самую оцѣнку этихъ предметовъ Несмотря на то, что оцѣнка эта производится якобы на основаніи ихъ моральныхъ, физическихъ и иныхъ свойствъ, по существу эта оцѣнка въ такихъ случаяхъ всегда эстетическая, такъ какъ, съ одной стороны, она есть всегда оцѣнка по сравненію одного явленія съ другимъ, при чемъ легко образуется іерархическій рядъ этихъ послѣднихъ, съ другой же—оцѣнка эта чисто внѣшняго характера и сводится къ тому, насколько

данный предметъ соотвѣтствуетъ нашимъ представленіямъ о прекрасномъ, хорошемъ, миломъ и т. п. Но для того, чтобы данный предметъ былъ нами признанъ, какъ таковой, вовсе нѣтъ нужды, чтобы онъ дѣйствительно обладалъ особыми свойствами. Наши чувства и субъективное отношеніе къ предмету совершенно возмѣщаютъ отсутствіе нужныхъ, но ему приписанныхъ свойствъ. Только долгимъ путемъ историческаго развитія вырабатываются тѣ объективные формы и типы, которые дѣйствительно могутъ выдержать испытаніе критеріевъ всяческой внѣшней и внутренней красоты. Такое развитіе приноситъ, конечно, съ собой серьезное различеніе между самымъ предметомъ, его очертаніями, формой и содержаніемъ, съ одной стороны, а съ другой—нашимъ къ нему любовнымъ или враждебнымъ отношеніемъ. Можно вѣдь любить и некрасивое, почитать и преклоняться совсѣмъ не передъ великимъ, радоваться отнюдь не доброму и веселому.

Но въ одномъ отношеніи первоначальная идеализація, самая наивная и необузданная, приноситъ громадную пользу. При помощи такой идеализаціи оправдывается наше отношеніе къ другимъ существамъ, оно пріобрѣтаетъ обоснованный, морально объективный характеръ,—ибо нравственно поклоненіе только передъ истинно великимъ, законна любовь лишь къ чистому и прекрасному, и похвальна радость лишь по поводу добраго и достойнаго... И когда впослѣдствіи идеализація при извѣстномъ своемъ постоянствѣ создаетъ нѣкоторое сознательное отвлеченіе, а послѣдовательная идеализація извѣстныхъ явленій накопляетъ своего рода постоянный типъ, въ качествѣ идеала,—то этимъ самымъ вырабатываются соціальные центры и понятія чрезвычайной цѣнности. Такъ рядъ идеализованныхъ царей въ концѣ-концовъ даетъ идеальное понятіе царской власти. Рядъ судей даетъ должность и типъ судьи, идеализованные вожди складываются въ отвлеченное призваніе и роль военачальника, идеализація старцевъ даетъ должность старѣйшины, идеализація матерей—типъ идеальной матери. Намъ не важно здѣсь знать, что логически предшествуетъ чему, идеалъ матери—ея идеализаціи или наоборотъ; мы видимъ, что исторически идеализація, построенная на симпатіи или антипатіи, предшествуетъ такому сложному явленію, какъ построеніе отвлеченнаго понятія званія, должности, призванія и т. п. Заслуга эстетическаго мышленія въ области построенія организаціонныхъ идей уже съ этой точки зрѣнія неоспорима.

И нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что элементъ художественной игры становится какъ разъ тѣмъ признакомъ, который сопровождаетъ собой обращеніе труда, профессіи или призванія въ дѣло свободнаго подвига, достойнаго человѣка въ его совершеннѣйшемъ проявленіи. Такой элементъ безспорно присущъ призванію моряка, охотника и воина. Имъ въ полной мѣрѣ проникнуто дѣло всякаго

артиста-художника въ области ремесла и высокаго искусства. Идеалъ свободнаго труда только тогда будетъ осуществленъ, когда не только исчезнетъ всякое принужденіе къ работѣ, но когда трудящійся посвятитъ себя работѣ какъ художникъ, который не можетъ не работать, иначе его задушатъ или разорвутъ накопленныя въ его душѣ творческія силы. И въ этомъ случаѣ опять-таки устанавливается громадная близость между свободной игрой и человѣческимъ творчествомъ.

Постепенное обобщеніе свойствъ идеализированныхъ предметовъ въ идеалы является основой для новаго отношенія къ самымъ предметамъ. Съ этого момента уже съ твердостью можно установить, что любой предметъ не только не возводится непосредственно въ идеалъ, но наоборотъ, подвергается со стороны этого идеала самой подробной критикѣ. Пристрастія и симпатіи еще продолжаютъ, конечно, играть извѣстную роль, но по мѣрѣ того, какъ идеалъ выходитъ изъ тѣсныхъ рамокъ родовыхъ и партійныхъ симпатій, онъ пріобрѣтаетъ все болѣе устойчивыя и опредѣленныя черты. Черты эти, въ свою очередь, по мѣрѣ замиренія человѣческой среды и роста ея предѣловъ, становится все болѣе лишенными какихъ-нибудь мѣстныхъ и временныхъ оттѣнковъ. Съ переходомъ общенія за предѣлы рода, племени, народа, государства, націи и человѣчества, идеальный образъ жизни, становится также все шире и полнѣе, пока не достигаетъ вида вселенскаго человѣка, обще-человѣка и человѣка вообще. Такой критерій, являясь идеаломъ красоты для всѣхъ людей безъ различія ихъ родины и происхожденія, съ одной стороны, начинаетъ чувствоваться нами въ каждомъ конкретномъ человѣкѣ, какъ ближнемъ вообще, съ другой же—является закономъ и судомъ для каждаго человѣка въ отдѣльности. Полное отдѣленіе идеала внутренней и внѣшней человѣческой красоты отъ живого конкретнаго человѣка дѣйствительности, не можетъ точно такъ же вынести своего окончательнаго раздвоенія, какъ мистическое противоположеніе духа и плоти. И если духъ возвращается на землю для того, чтобы непосредственно дать ей жизнь и высшее содержаніе, то точно такъ же и высшій идеалъ красоты, будучи возведенъ къ своей наибольшей полнотѣ и правдѣ, возвращается къ людямъ, какъ законный надъ ними судъ, ибо каждый въ той или иной степени есть человѣкъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и подлежитъ суду человѣческаго идеала.

Становясь судомъ надъ человѣкомъ въ исторіи, идеалъ совершеннаго обще-человѣка этимъ самымъ не превращается въ неподвижный и грубый шаблонъ. Разрушая формальное и обязательное господство всевозможныхъ групповыхъ шаблоновъ, онъ не только указываетъ пути частнымъ общественнымъ идеаламъ, но и нуждается въ постоянномъ своемъ расширеніи и обогащеніи, а это немыслимо безъ того, чтобы не продолжалось далѣе исканіе новой красоты, или, иначе, безъ того, чтобы не продолжалось эстетическое творчество.

Однако для нахожденія болѣе тонкихъ и сложныхъ образовъ, для обогащенія высшаго идеала уже недостаточно массоваго безсознательнаго созиданія или творчества первобытной эпохи, и здѣсь выступаетъ въ первые ряды личное творчество избранныхъ натуръ, которыя могутъ творить лишь во имя свободнаго вдохновенія, при чемъ такое творчество достигаетъ цѣли только при свободномъ воспріятіи со стороны другихъ людей. Отдавъ свои застывшія первоначальныя формы государству, праву и морали, новая эстетика становится исключительно дѣломъ изящныхъ искусствъ въ поэзіи, музыкѣ, пластикѣ и архитектурѣ. Но не надо забывать одного: такое спеціальное художественное творчество неизбѣжно связано съ конечнымъ идеаломъ—оно постоянно измѣняетъ и дополняетъ его. Этотъ же послѣдній есть постоянный и высшій критерій общественной жизни: безъ понятія внѣшней и внутренней красоты она теряетъ и свой смыслъ и организаціонную силу. Прогрессъ истиннаго художества есть поэтому вмѣстѣ съ тѣмъ и прогрессъ высшей общественной правды. Гдѣ кончается первое, тамъ неминуемо гибнетъ и вторая.

Кромѣ мистическихъ и эстетическихъ воспріятій, мы обладаемъ еще однимъ видомъ переживаній, при помощи котораго строится деонтологія. Этотъ послѣдній рядъ воспріятій можетъ быть названъ раціональнымъ или логическимъ.

Раціональное воспріятіе, являясь первой предпосылкой научнаго, однако, не совпадаетъ съ нимъ. Психологическая основа и здѣсь и тамъ одинакова: это—желаніе знать, изслѣдовать, понять и притомъ при помощи нашихъ внѣшнихъ чувствъ и строго логическаго аппарата. Но раціонализмъ тѣмъ отличается отъ истиннаго позивитизма, что въ немъ господствуетъ эмоціональная сторона, слѣпое довѣріе къ словамъ, вѣра въ легкую и всѣмъ доступную возможность постичь истину, и притомъ въ ея высшей, абсолютной формѣ. Раціоналистъ—догматикъ по существу, человѣкъ, увлеченный формальной логикой, послѣдовательностью не мыслей, а словъ, который совершенно не допускаетъ въ мірѣ чего-либо недоступнаго для его разума, отрицаетъ самую возможность иной логики и иныхъ методовъ познанія, нежели формальная разсудочность. Такое чувство логической непререкаемости и догматической непогрѣшимости чрезвычайно содѣйствуетъ построенію идеологіи, но въ то же время въ наукѣ порождаетъ нетерпимость и фанатизмъ.

Въ основѣ такого раціонализма лежитъ прежде всего воспріятіе одинаковости явленій, сходства ихъ и различія, но это сходство сводится не къ качественнымъ категоріямъ, а исключительно къ количественнымъ. Этотъ методъ заставляетъ насъ не видѣть предметы, какъ они есть, но воспринимать ихъ только подъ видомъ отдѣльныхъ единицъ, какъ таковыхъ. Мѣсто явленія въ нашемъ воображеніи занимаетъ отвлеченный его знакъ, который обозначаетъ собой лишь опредѣленную

величину; эта послѣдняя, въ свою очередь, выражается въ тѣхъ или иныхъ условныхъ единицахъ, не качественнаго, а количественнаго характера. Съ этой точки зрѣнія міръ представляется намъ, какъ масса единицъ, находящихся другъ къ другу въ различномъ отношеніи. И подобно тому, какъ единицы могутъ быть слагаемы и вычитаемы, умножаемы и дѣлимы и находятся другъ къ другу въ отношеніяхъ равенства, пропорціональной зависимости и т. п., точно такъ же и окружающая насъ среда преобразуется въ нашихъ глазахъ, въ массу единицъ, находящихся другъ по отношенію къ другу въ тѣхъ же отношеніяхъ слагаемаго и суммы, дѣлимаго и дѣлителя, равенства или иныхъ математическихъ сочетаній.

Но число, количество, или, во всякомъ случаѣ, большое число можетъ играть для насъ и другую роль. То, что встрѣчается больше всего и чаще всего, необходимо получаетъ въ нашихъ глазахъ значеніе обычнаго, естественнаго и нормальнаго именно въ этомъ смыслѣ слова. Черты и свойства такихъ наиболѣе повторяемыхъ явленій подвергаются нами извѣстному обобщенію, и создается такъ называемый средній типъ. Этотъ типъ отличается рѣзко отъ идеальнаго тѣмъ, что онъ не оказывается самымъ полнымъ и совершеннымъ подобно идеальному, но напротивъ, наиболѣе бѣднымъ по количеству признаковъ, такъ какъ въ него входитъ не вся масса признаковъ однородныхъ явленій, а лишь тѣ изъ нихъ, которые въ частности общи всѣмъ имъ. Въ виду этого понятіе естественнаго и нормальнаго, какъ средняго, есть понятіе наиболѣе обезцвѣченное и лишенное индивидуальныхъ признаковъ. Его идеаломъ является выраженіе по возможности въ категоріяхъ количества, числахъ и ихъ формулахъ.

Установленная теоретически закономѣрность во внѣшнемъ мірѣ и совпаденіе съ нею законовъ человѣческаго мышленія производитъ на незнающаго впечатлѣніе въ томъ смыслѣ, что передъ нимъ исчезаетъ преграда, отдѣляющая внѣшній міръ отъ внутренняго. И ему кажется, что уже не внутреннее чувство, какъ у мистика, не воспріятіе формы эстетика, а субъективный разумъ и логическая дедукція объединяютъ въ одно цѣлое міръ и человѣка. Съ этой точки зрѣнія легко увидѣть въ окружающихъ явленіяхъ одинаковую послѣдовательность, необходимость и стройный порядокъ явленій, какъ во внѣшнемъ мірѣ, такъ и въ самомъ человѣкѣ. При этомъ возможны два случая: или законъ внѣшней причинности цѣликомъ и непосредственно переносится въ душу человѣка или, наоборотъ, порядокъ мышленія, свойственный человѣку, такъ же непосредственно переносится на окружающій міръ. Во всякомъ случаѣ, происходитъ сліяніе познающаго субъекта и познаваемаго объекта, и единый разумъ охватываетъ одного и другого.

Мыслимо ли построеніе какой бы то ни было деонтологіи съ точки зрѣнія раціонализма? На этотъ вопросъ необходимо отвѣтить

утвердительно: понятіе количества легко преобразуется въ понятіе силы. И уже не эстетическое представленіе лучшаго и сильнѣйшаго, а отвлеченное представленіе безличной силы является здѣсь источникомъ деонтологическихъ построеній. Сила какъ необходимость, сила какъ фактъ; такимъ фактомъ могутъ быть даже предметы и вещи, создающія силу. Оружіе, богатство, владѣнія, а самое главное, деньги, — все это образуетъ и составляетъ силу и, слѣдовательно, независимо отъ собственника или владѣльца является рѣшающимъ фактомъ въ нашемъ сознаніи. Совершенно безразлично для насъ, кто владѣетъ этими вещами, но самая наличность этихъ вещей уже насъ обязываетъ и подобно тому, какъ дождь вынуждаетъ насъ прикрыть голову и вѣтеръ застегнуть одежду, точно такъ же примѣняемся и приспособляемся мы ко всякимъ вещамъ, образующимъ силу, а въ концѣ-концовъ черезъ нихъ и къ волѣ обладающаго силой владѣльца. Это не мистическій ужасъ передъ божествомъ, это не повиновеніе лучшему и сильнѣйшему, но приспособленіе по нуждѣ и въ силу расчета къ тому неизвѣстному и случайному, что можетъ оказаться руководителемъ той или иной по существу естественной силы. И само собой разумѣется, что такое приспособленіе закрѣпляется соотвѣтственной нормой. Однако это есть не заповѣдь Божія, не велѣніе лучшаго, но простой ударъ, простой фактъ обязующей воли, за которымъ слѣдуетъ непремѣнное и необходимое послушаніе.

Повтореніе одного и того же одинаковаго факта при такомъ раціональномъ сознаніи ведетъ къ возведенію его въ понятіе естественной нормы, привычка и обычай освѣщаютъ ее. Что вчера было простой естественной необходимостью, сегодня становится обычнымъ, естественнымъ, правильнымъ. Но та же точка зрѣнія примѣняется не только къ фактамъ и вещамъ, но и къ людямъ; и здѣсь отъ отдѣльныхъ лицъ отвлекается нѣчто общее, становится совокупностью среднихъ, общихъ свойствъ, объединяется въ видѣ нѣкоторой безличной единицы; и только эта единица принимается въ расчетъ при жизненныхъ отношеніяхъ, все же остальное начисто отвергается, оно какъ бы не существуетъ. И только такой общей единицѣ, среднему атому, соціальной цифрѣ приписываются тѣ или иныя обязанности или права, при чемъ индивидъ въ этихъ случаяхъ получаетъ столь же ничего не говорящее наименованіе субъекта. Послѣднее понятіе дѣлается, въ свою очередь, своеобразной предпосылкой, черезъ которую и при помощи которой личность единственно только и можетъ проникнуть въ міръ правовыхъ и моральныхъ отношеній. Всякій долженъ потерять сначала все оригинальное, стать общимъ мѣстомъ, абстракціей себѣ подобныхъ, и лишь послѣ этого онъ становится повелѣвающимъ или подчиненнымъ участникомъ общаго дѣла, связанныхъ другъ съ другомъ абстрактныхъ же воль. И болѣе того,—признакъ обычнаго и общепринятаго становится мѣркой, за

которой начинается запрещаемое, караемое и, во всякомъ случаѣ, излишнее и ненужное. Внѣ единицы и общепринятаго поведенія нѣтъ больше ни дѣятельности ни жизни.

Однако и въ самомъ себѣ индивидъ ощущаетъ единицы—силы, это страсти, влеченія, потребности. Онѣ также представляются естественными и данными по самой природѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ такія силы могутъ выдержать испытаніе съ точки зрѣнія ихъ всеобщности и прирожденности всѣмъ людямъ. Онѣ, слѣдовательно, могутъ быть возвышены на положеніе необходимыхъ законныхъ потребностей и силъ. Но свойство силы заключается въ ея обнаруженіи и проявленіи, а отсюда выводится слѣдствіе, что разъ дана сила, то также должно быть дано ея примѣненіе или приложеніе. И подобно тому, какъ изъ большей или меньшей посылки силлогизма необходимо вытекаетъ слѣдствіе, а изъ двухъ слагаемыхъ рождается сумма, потребность требуетъ своего осуществленія, ибо закономѣрность мысли и бытія одна и та же, а всякая сила есть столь же необходимая причина своего примѣненія, какъ два слагаемыя—причины ихъ суммы. И, ощущая себя однимъ изъ членовъ во всеобщемъ процессѣ закономѣрности, являясь носителемъ нормально данной причинности, человѣкъ требуетъ права, какъ слѣдствія заложенныхъ въ своей жизни причинъ, какъ вывода, воплощеннаго въ самомъ себѣ силлогизма. Отсюда право и мораль, которыя имѣютъ своимъ исходнымъ пунктомъ не отношеніе къ себѣ, какъ къ сосуду Божію, не почитаніе себя какъ извнѣ созерцаемаго, морально и матеріально прекраснаго существа, а сознаніе самого себя какъ причиннаго источника жизни, какъ необходимо даннаго и необходимо дѣйствующаго „я“.

Наивное и догматическое перенесеніе на природу категорій человѣческой мысли въ общемъ ходѣ развитія науки должно было подвергнуться необходимому измѣненію. Критическое отношеніе къ методамъ и способамъ познанія привело къ весьма неутѣшительнымъ выводамъ относительно непосредственнаго тожества внѣ насъ находящагося міра и категорій познающаго, какъ его назвалъ Кантъ, чистаго разума. Казалось бы, по существу такіе результаты критицизма должны были отразиться и на самой раціоналистической деонтологіи, но этого не случилось. Существующая деонтологія логическаго типа обратилась лишь къ выясненію скрытой подъ понятіемъ раціональной силы другой, столь же реально существующей и мощной. Такимъ понятіемъ оказался хозяйственный интересъ, стремленіе къ выгодѣ и пользѣ. Въ болѣе сложной фазѣ культурнаго развитія этотъ интересъ не только достаточно ярко обнаружилъ свое существованіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ оказался вполнѣ способнымъ принять на себя тѣ естественные законы, которые раньше прилагались догматически ко всей природѣ. Интересъ получилъ въ силу этого выраженіе въ числахъ, подвергся обработкѣ при помощи математическаго метода; къ

нему нашли свое примѣненіе категоріи средней величины, какъ нормы, и законъ большихъ чиселъ; наконецъ, именно въ сферѣ хозяйственной жизни обнаружилась, хоть и въ болѣе скромныхъ формахъ, закономѣрность, которую прежде искали въ видѣ общаго принципа, охватывающаго бытіе и мысль.

Раціоналистическая мораль и право, лишившись общей и непосредственной поддержки со стороны естествознанія, должны были вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнить ходъ своего развитія. И если эти области человѣческаго мышленія не должны были превратиться въ простую оболочку разрозненныхъ и раціонально необоснованныхъ потребностей и стремленій, то имъ надлежало найти новый источникъ помимо чистаго разума. И въ самомъ дѣлѣ, разъ отъ обоснованія раціональной деонтологіи отказывалась разумная природа, то ея мѣсто должны были занять требованія такъ называемаго практическаго разума, обоснованнаго цѣликомъ на одной лишь природѣ человѣка, на его самосознаніи. Отсюда замѣна математическаго равенства идеей человѣческой справедливости, естественнаго закона необходимости — закономъ нравственной свободы, а индивидуалистическаго противопоставленія единицъ — принципомъ общаго блага. Такъ совершилось раздвоеніе чистаго и практическаго разума, которое противопоставило человѣка, какъ моральную силу, внѣшней природѣ и сдѣлало неизбѣжнымъ конфликтъ между гордымъ человѣческимъ „я“ и скованнымъ причинностью міромъ. Примиреніе внѣшней природы и внутренняго человѣка, сознанія и бытія, можетъ послѣдовать, однако, только однимъ путемъ, и на этотъ путь уже вступила новѣйшая философія природы, это—отреченіе отъ всякой догмы въ области наукъ и сведеніе всего знанія къ естественному источнику его происхожденія, а именно къ человѣку и къ его позитивному изслѣдованію. Такъ мысль побѣждаетъ міръ, и изъ рабства слѣпой силѣ человѣкъ переходитъ на положеніе ея господина. Развитіе техники оправдываетъ побѣду мысли.

Новое развитіе наукъ дало, однако, еще одну изъ плодотворнѣйшихъ идей, которая когда-либо освѣщала путь къ человѣчеству; это идея постепеннаго преобразованія въ самой природѣ, идея развитія или эволюціи. Эта идея вводитъ человѣка обратно въ лабораторію природы и указуетъ ему мѣсто, какъ одному изъ творцовъ. Приспособленіе человѣка къ внѣшней природѣ путемъ инстинктивнаго, безсознательнаго процесса, становится приспособленіемъ силъ природы къ нуждамъ и потребностямъ человѣка путемъ сознательнаго и планомѣрнаго воздѣйствія человѣка на среду. И если въ порывѣ экстаза человѣкъ овладѣваетъ высшей потенціей своего собственнаго духа, если въ художественномъ вдохновеніи онъ чувствуетъ и воспринимаетъ всю полноту жизненнаго идеала, то въ геніальномъ открытіи ученаго онъ дѣлаетъ шагъ къ воплощенію своей моральной воли въ

нынѣшнемъ окружающемъ насъ мірѣ. Въ этомъ процессѣ завершается образъ человѣка, какъ создателя и творца видимаго и невидимаго міра.

Перенесеніе деонтологіи въ міръ политическихъ построеній необходимо влечетъ за собой созданіе и здѣсь троякаго типа политическихъ идеаловъ. Именно благодаря мистикѣ, романтической эстетикѣ и раціональной логикѣ обосновывается тотъ политическій идеалъ мира, справедливости и общаго счастья, который становится высшимъ критеріемъ въ оцѣнкѣ всѣхъ существующихъ политическихъ формъ.

Первымъ типомъ здѣсь можно считать идею царства Божія на землѣ; подъ этимъ именемъ разумѣется особый мистическій организмъ, сливающій людей въ одно цѣлое. Центромъ, къ которому сливаются всѣ воли людей въ царствѣ Божіемъ, оказывается представленіе нѣкоторой таинственной силы или Божества. Божество представляется существомъ могущественнымъ и благимъ, исполненнымъ правды и любви. Это какъ бы Царь небесный, возсѣдящій на облакахъ и оттуда управляющій землей. Со стороны сыновъ царства Божія требуется абсолютная покорность, любовь и почитаніе къ неземному Владыкѣ. И такъ какъ самъ Онъ стоитъ выше всякой земной организаціи, то какова бы она ни была—будь то монархія или демократія,—она дѣйствуетъ Его именемъ и Его духомъ. Всякая теократическая власть есть поэтому власть не отъ себя, а власть представляющая и замѣщающая, власть намѣстника или намѣстниковъ, единичнаго и всеобщаго священства. Но представительство и намѣстничество здѣсь имѣетъ особый характеръ. Здѣсь передъ нами не намѣстники отъ чужого лица, а представители, въ которыхъ живетъ и дѣйствуетъ самъ Представляемый. Богъ не только передаетъ власть, не только сообщаетъ права, но и самъ вселяется въ тѣхъ, которые говорятъ Его именемъ. И самая общественная организація, исполненная Божества, отличается своеобразными чертами, такъ же какъ всякое лицо или учрежденіе, дѣйствующее отъ имени Божества: оно не можетъ быть ни временнымъ ни мѣстнымъ; и такъ какъ Богъ самъ не имѣетъ ни времени ни границъ, то всякое Его установленіе по существу вездѣ и всегда одно и то же, отличается вселенскимъ безграничнымъ характеромъ, и если отъ имени Бога говоритъ одна община, то она говоритъ отъ имени всѣхъ, и если говоритъ одинъ жрецъ, или вѣрующій носитель всеобщаго священства, то такъ мыслятъ и говорятъ вмѣстѣ съ нимъ весь клиръ и всѣ вѣрующіе. Такъ предполагается, что въ тѣлѣ царства Божія не можетъ быть ни малѣйшаго раздора или разногласія, что здѣсь царитъ всегда и неизмѣнно полное единеніе, ибо тотъ, кто разошелся бы съ волей Божіей, тѣмъ самымъ поставилъ бы себя внѣ тѣла Божьяго, а слѣдовательно, говорилъ бы отъ себя или отъ дьявола, но не отъ имени Божества и его мистическаго воплощенія.

Сводя сущность царства Божія къ абсолютному единству, его идеологи должны были разрѣшить еще одну неизбѣжную организаціонную задачу. Ее должна была поставить передъ ними совершенно неизбѣжная практика. Въ виду возможности появленія цѣлаго ряда лицъ, говорящихъ отъ имени Божія, нужно было найти тѣ формальные признаки, которые бы разъ навсегда могли показать, гдѣ въ тотъ или другой моментъ скрывается истинная воля Божія, и гдѣ обнаруживается подложная или фальшивая. Такимъ признакомъ можетъ быть прежде всего формальное происхожденіе власти черезъ посвященіе отъ опредѣленныхъ должностныхъ лицъ, въ порядкѣ преемственной передачи. Въ силу этого признака лица, разъ навсегда получившія посвященіе, тѣмъ самымъ считаются орудіемъ Божества, пока они своего достоинства не лишаются. Все, что говорятъ и дѣлаютъ такія лица, официально считается истиной и Божьимъ словомъ. Во-вторыхъ, возможенъ другой признакъ, а именно согласіе поступковъ и дѣйствій даннаго лица съ разъ навсегда записанной или инымъ путемъ положительно выраженной волей Божества; этимъ путемъ создается точная формальная норма, которая затѣмъ и прилагается ко всѣмъ словамъ и дѣйствіямъ того или иного лица, выступающаго отъ имени Бога. Если слова и поступки его совпадаютъ съ тѣмъ, что предписано въ законѣ, то въ такомъ случаѣ эти дѣйствія считаются дѣйствительно исходящими отъ Бога, въ противномъ же случаѣ имъ приписывается земное или дьявольское происхожденіе. Такъ слагается твердая норма, различающая Божье отъ всего другого. Возможенъ и третій признакъ, опредѣляющій признакъ божественной воли; такимъ можетъ быть каждый разъ особое испытаніе со стороны вѣрующихъ того лица, которое выступаетъ отъ имени Бога. Здѣсь, такимъ образомъ, народъ, община, вѣрующіе рѣшаютъ окончательно квалификацію истиннаго и лживаго проповѣдника и жреца. Такъ образовываются формальные признаки, которыми руководствуется община, они могутъ состоять въ проявленіяхъ ясновидѣнія, творенія чудесъ, въ говореніи на разныхъ языкахъ, припадкахъ религіознаго экстаза и т. п. Такъ идеальное единство тѣла Божія получаетъ свое внѣшнее и формальное выраженіе въ единствѣ обязательной для всѣхъ вѣрующихъ власти, въ единствѣ столь же формальнаго и положительнаго закона, наконецъ, въ единствѣ доказательствъ, при помощи которыхъ обосновывается личное божественное посланничество.

Результаты, которые должны явиться въ силу водворенія на землѣ царства Божія, рисуются, само собой, самыми привлекательными чертами. Конечно, иногда этотъ идеалъ отодвигается на весьма далекое разстояніе, иногда его осуществленіе связывается съ такими условіями, которыя врядъ ли когда-нибудь наступятъ, но торжество его во всякомъ случаѣ — на землѣ или на небѣ — изображается въ

восторженныхъ краскахъ. Тѣло Божіе охватываетъ собою весь міръ, исчезаютъ разнорѣчіе и раздоры, одна безконечная любовь заставляетъ биться всѣ человѣческія сердца и пламенѣть жаждой единенія съ безконечной истиной, благомъ и красотой. Единая власть Божества, охватившая міръ, сама собой устраняетъ существованіе отдѣльныхъ государствъ, дѣлаетъ излишней вооруженную силу и навсегда прекращаетъ кровопролитныя, страшныя войны. И въ отношеніи человѣка къ человѣку водворяется та любовь, которая поддерживаетъ слабыхъ, утѣшаетъ страждущихъ, помогаетъ несчастнымъ. Въ царствѣ Божьемъ не можетъ быть болѣе разницы между бѣднымъ и богатымъ, потому что само богатство почитается достояніемъ бѣдныхъ, которое богатый распредѣляетъ между нуждающимися. Здѣсь не можетъ быть тяжкаго непосильнаго труда, такъ какъ трудъ есть средство очищенія души и служитъ на благо общее. Всякое призваніе освящается служеніемъ Бога ради, всякая любовь земная преобразуется въ духовную высокую связь, и радость человѣческая сама становится гимномъ во славу Вседержителя. Такъ царство Божіе на землѣ приноситъ всѣмъ райское блаженство.

Идеалъ небесный можетъ быть, однако, съ успѣхомъ замѣненъ земнымъ, и здѣсь на первый планъ выступаетъ представленіе нѣкотораго общественнаго космоса или организма. Основнымъ принципомъ такого космоса служитъ эстетическое представленіе идеальнаго цѣлаго, образующаго человѣческій родъ или государство. Въ такое цѣлое входятъ члены мѣстныхъ и сословныхъ группъ, оно можетъ охватывать собой въ равной степени городъ, націю и все человѣчество. Но понятіе общественнаго космоса требуетъ опредѣленныхъ границъ во времени и пространствѣ, и это потому, что иначе не можетъ быть соблюдена необходимая пропорція, создающая всякій космосъ, какъ гармонію общаго и отдѣльнаго, цѣльнаго и части, цѣлесообразности и причинности. Космосъ есть всегда нѣчто устойчивое и опредѣленное, и если онъ допускаетъ расширеніе и ростъ, то не иначе, какъ во всемъ своемъ объемѣ и во всѣхъ частяхъ. Развитіе какой-либо одной части безъ развитія другихъ немедленно нарушило бы гармонію цѣлаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ космосъ есть воплощеніе не какого-нибудь внѣ его стоящаго трансцендентнаго начала, но принципъ, въ основѣ его лежащій, есть начало внутреннее, имманентное, которое развивается въ космосѣ изъ него самого. Но это начало не есть единство всепоглощающее, напротивъ, оно какъ внѣшняя гармонія требуетъ необходимой наличности самостоятельныхъ частей для того, чтобы, объединяя ихъ, представить собой общее соотношеніе разнороднаго. Отсюда необходимость стремленія къ этой гармоніи со стороны всѣхъ составляющихъ ее элементовъ, а между ними и людей, какъ участниковъ образующихъ цѣлое соединеній. Такимъ началомъ въ общественныхъ отношеніяхъ

является правда, не какъ механическая справедливость, но какъ внутреннее проникновеніе отдѣльной части красотой цѣлаго; это правда гармоническая, правда эстетическая, правда, которая соединяетъ содержаніе съ изящной формой, придаетъ законченность всякому художественному произведенію. Говоря о власти въ такомъ общежитіи, уже нельзя говорить о власти абсолютнаго и неизмѣннаго единства: здѣсь власть, или распредѣленная по различнымъ отдѣльнымъ центрамъ, или такая, которая свой предпосылкой имѣетъ способность со стороны властвующаго постичь правду цѣлаго и на дѣлѣ воплотить ее.

Идеалъ общественнаго космоса не могъ избѣгнуть своего противорѣчія. И будетъ ли такой космосъ представляться въ видѣ художественнаго произведенія, большого, прекраснаго человѣка или біологическаго организма, онъ всегда дѣлаетъ предположеніе, что во главѣ стоятъ наиболѣе геніальные, наиболѣе добродѣтельные, наиболѣе тонкіе и высоко развитые люди. Политическій космосъ не можетъ дѣйствовать самъ, онъ нуждается во власти, которая бы его воплотила, и предполагается, что такая власть имѣетъ всѣ данныя, способности и силы, чтобы его воплотить. Но властями являются люди, а среди нихъ только немногіе одарены отъ природы и воспитаны судьбою такъ, чтобы они дѣйствительно могли выполнить свою высокую задачу. Какъ на практикѣ отличить прирожденнаго раба отъ прирожденнаго творца, а вмѣстѣ господина; какія свойства формальныя, внѣшне доступныя, легко опредѣлимыя, отличаютъ однихъ отъ другихъ? И вотъ для того, чтобы избѣгнуть спора о физической, моральной и художественной квалификаціи властвующихъ, устанавливается убивающій всякій космосъ шаблонъ. Изобрѣтается шаблонный типъ возвышеннаго и величественнаго, и гдѣ недостаетъ естественныхъ качествъ, они дополняются фикціями, внѣшностью, пышностью и церемоніаломъ. Свободная и гордая доблесть подвергается внѣшнему формальному опредѣленію, и устанавливается рядъ правилъ внѣшняго же показного поведенія, которое должно безошибочно гарантировать легальную или офиціальную добродѣтель. Мудрость начинаетъ измѣряться лѣтами, физическая красота цвѣтомъ кожи, высотою роста, принадлежностью къ опредѣленной расѣ. Въ концѣ-концовъ все замѣняетъ простая наслѣдственность и передача опредѣленной крови. Кровь становится исчерпывающимъ признакомъ и мудрости, и доблести, и силы.

Осуществленіе такого царства правды и красоты въ идеалѣ должно принести человѣчеству полное удовлетвореніе. Каждый стоитъ здѣсь на своемъ мѣстѣ и осуществляетъ свое собственное, ему присущее призваніе; этимъ обезпечивается чрезвычайная любовь къ своему дѣлу и возведеніе его въ перлъ созданія на ряду съ высокимъ моральнымъ удовлетвореніемъ. Каждый сознаетъ себя вмѣстѣ съ тѣмъ необходимой частью цѣлаго, безъ котораго оно не могло бы

существовать. Каждый повинуется другому и служитъ ему, какъ дѣйствительно лучшему и высшему. Властвующіе живутъ и дѣйствуютъ не для себя, но для всего космоса, на нихъ лежитъ распредѣленіе дѣятельности низшихъ, забота о томъ, чтобы каждый изъ нихъ былъ вполнѣ удовлетворенъ тѣмъ, чего онъ достоинъ. Въ такомъ обществѣ водворяется стройный порядокъ и миръ. Гармоническая справедливость распредѣляетъ должности и блага, наслажденіе и трудъ. Порядокъ гармоніи опредѣляетъ отношенія сословій и классовъ, старшихъ и младшихъ, учителей и учащихся, мужчинъ и женщинъ, господъ и трудящихся. Вообще счастье и довольство являются здѣсь результатомъ добродѣтели и вѣнчаютъ ее; такъ величайшее блаженство является и здѣсь послѣдней санкціей политическаго идеала.

Политическій идеалъ раціонализма сыгралъ въ исторіи не меньшую роль, чѣмъ нарисованные нами выше. И точно такъ же, какъ они, онъ начинаетъ съ установленія нѣкотораго исходнаго пункта. Таковымъ здѣсь является представленіе о власти человѣческаго разума надъ природой. Въ основу человѣческихъ отношеній полагается принципъ обыкновеннаго или техническаго приспособленія. И если техникъ, знакомый съ силами природы и управляющій ими, овладѣвъ закономѣрностью, можетъ использовать эти силы въ цѣляхъ удовлетворенія человѣческихъ потребностей, то совершенно такъ же могутъ и люди овладѣть своими естественными силами и организовать общество въ особую соціальную машину. И въ самомъ дѣлѣ, сама природа побуждаетъ людей къ такой организаціи. Природа дала человѣку потребности и страсти, съ которыми онъ обращается къ внѣшнему міру и къ себѣ подобнымъ людямъ. Природа дала человѣку инстинкты и привязанность, она внушила ему различіе пріятнаго и непріятнаго, полезнаго и вреднаго. Но та же природа дала человѣку разумъ, открыла ему свои тайны и зажгла въ его душѣ самосознаніе. Если бы не было разума у человѣка, онъ былъ бы рабомъ страстей, но у него есть разумъ, и онъ становится ихъ царемъ. И, прочитавъ въ себѣ самомъ и въ окружающемъ мірѣ неизмѣнный законъ природы, человѣкъ научился добровольно соблюдать его. И если природа за несоблюденіе своихъ законовъ наказываетъ болѣзнью, страданіями и смертью, то человѣкъ выучился искусству избѣгать этихъ страшныхъ наказаній естества, охранять своихъ ближнихъ отъ ея ударовъ и даже больше того,—ставить ея силы на служеніе самому себѣ. И то же совершилъ человѣкъ въ общежитіи. Въ страстяхъ людей открылъ онъ основу общественной жизни. На законѣ природы основалъ онъ общественную власть. Естественный законъ, написанный въ душѣ человѣка, воплотилъ въ системѣ правъ и обязанностей, создалъ государство, какъ нормальное, естественное, здоровое общежитіе, гдѣ ничто не совершается противъ природы, но все согласно съ ея непререкаемымъ велѣніемъ.

Природа стала законодательницей и властительницей человѣка. Только покорившись ей, сталъ человѣкъ господиномъ ея физическихъ и духовныхъ силъ. И для того, чтобы упрочить свой постоянный миръ, спокойствіе и счастье, человѣкъ самъ изъ себя создалъ великую машину. Въ учрежденіяхъ сконцентрировалъ онъ путемъ общаго договора и добровольнаго подчиненія общественную волю. Этотъ центръ, въ свою очередь, протянулъ свои нити къ каждому отдѣльному гражданину и охватилъ его при помощи безошибочно дѣйствующихъ мотивовъ. Такъ была обезпечена дѣятельность всѣхъ и каждаго на общее благо. Законъ природы получилъ твердое выраженіе въ изданныхъ общественной властью предписаніяхъ, естественная добродѣтель стала писаннымъ уложеніемъ морали, естественная потребность получила свой правомъ опредѣленный кругъ, а личность—формально очерченную и гарантированную свободу для обнаруженія своей истинной сущности. Такъ принятый за норму индивидъ, здоровый и нормальный субъектъ, получалъ свое полное отраженіе въ облекающихъ его со всѣхъ сторонъ предписаніяхъ власти, нормахъ закона, велѣніяхъ официальнаго авторитета. Такъ прошла рѣзкая демаркаціонная черта, отдѣлившая средняго нормальнаго человѣка отъ всѣхъ извращеній, сдѣлавшая его критеріемъ для должнаго, возведшая обыденность и повседневность къ идеалъ, обращенная всей тяжестью своихъ наказаній противъ всего необычайнаго, неподходящаго подъ норму, нежелающаго подчиниться средней общеобязательной мѣркѣ. Противорѣчія между самой природой человѣка и во имя этой природы созданнымъ индивидомъ, между естествомъ и среднимъ шаблономъ этого самаго естества, какъ очевидно, и здѣсь окончилось побѣдой искусственнаго и формальнаго надъ широкой полнотой свободно развивающейся жизни.

Натуральный индивидъ побѣдилъ и вытѣснилъ настоящаго человѣка, средняя естественная мораль замѣнила его живое сердце; естественный разумъ воцарился тамъ, гдѣ господствовалъ всеобщій принципъ естественной закономѣрности. Сдѣлавъ природу своимъ законодателемъ, человѣкъ сначала очистилъ ее отъ всего казавшагося ему вреднымъ, больнымъ, нездоровымъ, неестественнымъ. Но такъ стало возможно естественное царство свободы и равенства.

Равенство легко водворяется тамъ, гдѣ всякій напередъ почитается равной другимъ единицей. Свобода приноситъ всеобщее счастье, такъ какъ содержаніе всѣхъ дѣйствій свободнаго человѣка напередъ предопредѣлено, и братство процвѣтаетъ тамъ, гдѣ всѣ связаны въ искусственный механизмъ общаго блага. Неудивительно теперь, что идеалъ естественной машины обѣщалъ людямъ все то, что обѣщали идеологи царства Божія и духовнаго организма. Вѣдь по существу подъ естественнымъ человѣкомъ все же была абстракція дѣйствительно существующаго; и ужъ одно то могло привлекать къ

этому идеалу сердца людей, что здѣсь впервые прямо обѣщалось полное насыщеніе всѣхъ голодныхъ, утоленіе жажды для всѣхъ жаждущихъ, кровъ для всѣхъ иззябшихъ, трудъ для всѣхъ къ нему способныхъ. И будетъ ли рисоваться окончательный результатъ въ видѣ естественной гармоніи интересовъ или въ видѣ коммунистическаго пользованія плодами коллективнаго труда, всегда здѣсь на первомъ планѣ стремятся водворить ту справедливость, которая требуетъ, чтобы всякой жизни было нужное для нея питаніе, всякому труду созданныя имъ вещи, всякой способности ею заслуженная награда. Эта справедливость не гармоническая, не распредѣлительная, но раздѣлительная—послѣднее слово возведенія въ идеалъ утилитарныхъ человѣческихъ интересовъ.

Такъ, мистика, эстетика и логика въ одинаковой степени необходимы не только какъ методы построенія основныхъ, организаціонныхъ идей, охватывающихъ собою всѣ общественныя отношенія, но и какъ способы нахожденія человѣка въ мірѣ высшихъ ступеней его самопознанія, и нельзя не видѣть, что лишь путемъ своеобразнаго діалектическаго процесса, путемъ вѣчнаго положенія и отрицанія, путемъ развитія грандіозныхъ противорѣчій движется историческій процессъ не только познанія вообще, но и—что для насъ самое главное—нахожденія критеріевъ долженствующаго. Діалектика, вызванная къ жизни Платономъ и возведенная въ систему Гегелемъ, есть исторически необходимый процессъ, но только не познанія платоновскихъ идей и не самопознанія гегелевскаго абсолюта. Наоборотъ, наша діалектика идетъ отъ абсолюта къ человѣку и возвращаетъ идеи къ его творческому сознанію. Въ концѣ нашей діалектики стоитъ человѣкъ.

ГЛАВА IV.

Политическая идеологія.

Roscher. Politik. Treitschke. Politik. Ratzenhofer, Wesen und Zweck der Politik. Schollenberger. Politik. Stier-Somlo. Politik.

Послѣ того, какъ мы ознакомились съ ходомъ построенія соціально важныхъ категорій должнаго, мы можемъ теперь перейти къ тѣмъ методамъ, которые опредѣляютъ собой построеніе политической идеологіи. Останавливаясь прежде всего на самой конструкціи такихъ идеологій, какъ онѣ намъ даны развитіемъ политической мысли, мы не можемъ не замѣтить весьма типичнаго для нихъ тройственнаго дѣленія, которое требуется самой природою предмета.

И въ самомъ дѣлѣ, какъ мы уже видѣли выше, политика желаетъ вліять на настоящее, дѣйствительно сущее путемъ видоизмѣненія

его при помощи опредѣленныхъ средствъ и во имя опредѣленныхъ должныхъ идеаловъ. Какъ можно сразу видѣть, въ самомъ этомъ опредѣленіи уже напередъ даны тѣ необходимыя части всякой политики, на которыхъ мы сейчасъ должны остановить наше вниманіе. И это сопоставленіе въ опредѣленной связи, во-первыхъ, сущаго или налично даннаго, во-вторыхъ, должнаго, а въ-третьихъ, тѣхъ политическихъ способовъ и средствъ, которые должны воплотить идеалъ въ дѣйствительность. По самому своему предмету всѣ эти три части относятся къ обществу: обществу реальному противопоставляется то же общество въ идеальной формѣ, наконецъ, устанавливаются переходныя стадіи, при помощи коихъ человѣческая дѣятельность приближаетъ первое ко второму. Въ первомъ случаѣ берется общество, какъ оно есть, во второмъ—какъ оно должно быть, въ третьемъ—какимъ оно станетъ. Отсюда и три части, образующія полную идеологическую систему политики: соціологія, ученіе о политическомъ идеалѣ и политика, какъ искусство.

Передъ тѣмъ какъ перейти къ той „соціологіи“, въ которой политика обыкновенно уже преднамѣренно дѣлаетъ свои основныя предпосылки, мы сначала остановимся на вопросѣ о томъ, какъ человѣкъ вообще понимаетъ свое отношеніе къ должному, и въ какихъ формахъ онъ подчиняетъ ему свою активность вообще. И нельзя не видѣть, что здѣсь возможны самыя различныя рѣшенія вопроса.

И прежде всего вполнѣ мыслимо отношеніе къ идеалу рѣзко отрицательное. Оно выражается въ томъ, что человѣкъ совершенно міра не пріемлетъ, но видитъ въ окружающемъ лишь зло и тьму, страданіе и горе безъ конца. Человѣкъ, ставши на такую точку зрѣнія, можетъ отказаться отъ жизни совсѣмъ и уйти изъ нея, увеличивъ собой ряды самоубійцъ. Но мыслимо и другое отреченіе отъ міра, или уходъ изъ него, и это путь постепеннаго уничтоженія въ себѣ всякой чувствительности къ боли или наслажденію, къ радости и горю. И притомъ не только по отношенію къ себѣ, но и другимъ. Здѣсь человѣкъ какъ бы предупреждаетъ физическую смерть тѣмъ, что заблаговременно морально убиваетъ себя, становится живымъ трупомъ среди окружающихъ его людей. Безмѣрно сокращаются потребности, убиваются желанія, пресѣкаются страсти. Застываетъ умъ и замедляется весь пульсъ жизни. Путемъ самогипноза самосознаніе прикрѣпляется къ какому-нибудь одному пункту, и вся психика сосредоточивается на немъ. Такой человѣкъ въ самомъ себѣ побѣждаетъ смертью смерть. Своимъ страданіемъ превозмогаетъ онъ идущія отъ міра испытанія и муки.

Однако подчиненіе судьбѣ, пассивное отношеніе къ дѣйствительности возможно и въ другой, менѣе аскетической формѣ. Такова слѣпая покорность судьбѣ и даннымъ обстоятельствамъ, эмпирическое приспособленіе къ жизни, какъ она есть, безъ малѣйшей попытки

активно вліять на нее. Такъ слагается переходъ ощупью отъ однихъ явленій къ другимъ, вялая и лѣнивая дѣятельность, ограничивающаяся лишь самой необходимой полубезсознательной реакціей на воздѣйствія извнѣ. Такая жизнь отличается непреоборимой косностью и рутиной и ищетъ спасенія въ разъ навсегда установленной привычкѣ, въ унаслѣдованномъ навыкѣ. Малѣйшее нарушеніе разъ принятаго обыкновенія можетъ самымъ губительнымъ образомъ дѣйствовать на подобное пассивное существо, переходящее лишь весьма медленно и вяло къ новымъ формамъ, которыя опять-таки оно усвоиваетъ путемъ продолжительнаго и полубезсознательнаго приспособленія. Въ средѣ, уже значительно защищенной и организованной, богатой старымъ опытомъ, вполнѣ возможно подобное окостенѣніе на безсознательномъ подражаніи прошлому, при чемъ многія дѣйствія могутъ повторяться совершенно механически и въ то время, когда давно уже прошли тѣ причины, которыя вызвали ихъ къ жизни, какъ планомѣрную и сознательную реакцію. Такова пассивность индиферентизма и тупой покорности обстоятельствамъ,—пассивность, при которой человѣкъ прячется въ нору, созданную его предками и средой, уходитъ отъ жизни какъ сознательный дѣятель и становится простымъ ея матеріаломъ.

Возможно, наконецъ, отреченіе отъ какой-либо планомѣрной и сознательной дѣятельности путемъ полной дезорганизаціи самого себя и своего поведенія. Въ такомъ случаѣ личность, отказываясь отъ міра, какъ объекта своего воздѣйствія, освобождаетъ себя отъ какихъ-либо сдерживающихъ началъ. Такъ получается совершенная случайность и капризность поведенія подъ вліяніемъ каждаго толчка, каждаго впечатлѣнія, каждаго порыва. Неустойчивость подобной психики можетъ вести къ чрезвычайнымъ колебаніямъ между различными полюсами добра и зла, низости и героизма, позора и величія и т. п. У такой дезорганизованной личности естественно является сознательная ненависть ко всякой организаціи жизни, ко всякой устойчивости поведенія и его нормировкѣ у другихъ людей. Полное отрицаніе какой бы то ни было связи между сознаніемъ человѣка и внѣшнимъ міромъ порой приводятъ къ своего рода религіи разнузданности, фанатизму зла и порока, построенныхъ на чувствахъ отчаянія и безотрадности. Человѣкъ, исполненный такого практическаго атеизма, часто желаетъ на примѣрѣ и опытѣ доказать и другимъ истину своего міровоззрѣнія. Отсюда, какъ результатъ полнаго отрицанія активности, рождается своего рода разрушительная активность, которая не есть моральное самоубійство аскета, не самопогребеніе заживо въ гробу косности индиферента, но злая активность разрушенія и убійства чужой вѣры, чужой активности.

Отъ отрицанія всякаго воздѣйствія на міръ естественно перейти къ признанію условной способности такого воздѣйствія. Человѣческое „я“, противопоставляя себя міру, во имя должнаго склонно перейти къ

тому или иному воздѣйствію на міръ, но встрѣчая на своемъ пути извѣстныя препятствія, считаетъ необходимымъ выяснить тѣ объективныя данныя, съ которыми нужно считаться. Представленіе о силѣ и значеніи такихъ препятствій зависитъ, само собой, отъ самаго воззрѣнія на міръ, какъ на закономѣрное явленіе.

Прежде всего сознательная активность человѣка можетъ быть очень повышена его воззрѣніемъ на міръ, какъ на нѣчто произвольно и искусственно созданное, при чемъ цѣлью такого творенія является самъ человѣкъ. Міръ въ такомъ воззрѣніи это нѣчто въ родѣ большого сооруженія или постройки, спеціально приспособленной для нуждъ и потребностей человѣка. Такое воззрѣніе можетъ быть, конечно, обосновано весьма различно; во-первыхъ, могутъ быть установлены постоянныя и тѣсныя связи съ главнымъ строителемъ и хозяиномъ земли, такъ что при его помощи есть всегда возможность добиться нужныхъ для человѣка, какъ для жильца, перестроекъ и передѣлокъ. Конечно, здѣсь можетъ быть установлено и другое міровоззрѣніе. Въ самой природѣ можетъ быть открытъ законъ внутренней цѣлесообразности, который самъ по себѣ вполнѣ совпадаетъ съ цѣлями и стремленіями человѣка. Въ такомъ случаѣ мы находимъ, какъ бы самой природой установленное необходимое совпаденіе ея законовъ и человѣческихъ идеаловъ. Природа въ этомъ случаѣ оказывается весьма цѣлесообразно приспособленной для жизни и дѣятельности царя земли, прекраснѣйшаго и умнѣйшаго животнаго. Но точно такъ же можно одарить человѣка такимъ могуществомъ, что весь міръ падаетъ ницъ передъ силой его разума. Какъ бы тамъ ни было, человѣкъ оказывается въ центрѣ вселенной и съ наивной довѣрчивостью онъ смотритъ вокругъ себя. Здѣсь нѣтъ еще раздѣленія человѣка и природы, они сливаются въ одно, и великой жизнерадостности исполнена такая полудѣтская активность.

Но активность можетъ проявляться и тогда, когда человѣкъ уже противопоставляетъ себя окружающему міру. Но здѣсь отъ крушенія всѣхъ надеждъ спасаетъ его вѣра, если не въ себя, то въ людей и человѣчество, въ живучесть и устойчивость рода и племенныхъ соединеній, его безсмертіе независимо отъ смерти отдѣльныхъ членовъ, передача жизни отъ одного поколѣнія другому, возможность коллективной работы всѣхъ членовъ одной организаціи,—все это поддерживаетъ въ человѣкѣ равновѣсіе его душевныхъ силъ и заставляетъ его не только пользоваться жизнью для себя, но и жертвовать ею во имя должнаго для ближайшей среды или для послѣдующихъ поколѣній. Идея безсмертія души—это одно изъ самыхъ раннихъ изобрѣтеній человѣка—заставляетъ его оптимистически смотрѣть даже на смерть, это самое ужасное бѣдствіе для живого существа. Что смерть, когда, съ одной стороны, душа ведетъ такую же или даже лучшую жизнь и послѣ смерти, когда дѣтямъ передаются добле-

сти и силы отцовъ, когда работа одного вѣчно прилагается къ труду и дѣятельности все растущаго человѣчества. Становясь альтруистической неизбѣжно повышается активность человѣка, такъ какъ, съ одной стороны, нѣтъ ужаса одиночества, а съ другой—нѣтъ больше смерти, а только вѣчная жизнь.

Но высшаго напряженія своей активности достигаетъ человѣкъ въ тотъ моментъ, когда онъ изъ самого себя создаетъ свой міръ. Когда сосредоточенныя въ немъ силы идутъ въ міръ, чтобы отразить здѣсь его личное творчество, личную работу. Такая сильная индивидуальность ощущаетъ свою высшую активность прежде всего въ видѣ призванія, словно какой-то высшій голосъ зоветъ человѣка на исключительное дѣло, на подвигъ, недоступный другимъ. Иногда это—сознаніе своего великаго долга передъ обществомъ, людьми или міромъ и стремленіе уплатить имъ за все полученное сторицей. Иногда это—просто сознаніе громадныхъ силъ, лежащихъ въ человѣкѣ, непосредственное дѣйствіе генія или таланта, жажда проповѣди и отраженія своего высшаго „я“ въ душахъ окружающихъ людей; но во всѣхъ такихъ случаяхъ активность выражается въ созданіи чего-нибудь новаго, въ нахожденіи новыхъ формъ жизни, новыхъ произведеній, практической работы и художественнаго вдохновенія. И если даже такая личность идетъ по старымъ проторенным путямъ, она не можетъ, въ силу самой своей исключительности, не дать чего-либо исключительнаго. Такая личность по необходимости одинока, а ея міросозерцаніе, въ силу внутренней ея полноты и богатства не нуждается въ смягчающихъ жизнь или въ утѣшающихъ иллюзіяхъ. Она не приспособляется. Она или побѣждаетъ, или гибнетъ, а это, конечно, зависитъ отъ той или иной внѣшней среды.

Организованная активность можетъ, однако, выходить за указанные нами предѣлы. Очень часто повышается она лишь потому, что въ сознаніи происходитъ концентрація всѣхъ психическихъ силъ въ какой-нибудь одной, иногда весьма узкой и бѣдной по содержанію, точкѣ. Но какъ разъ на этой идеѣ сосредоточивается вся энергія, вся воля и жизнь даннаго лица. Упорство генія въ соединеніи съ крайней бѣдностью идейнаго содержанія глупца даетъ то, что мы называемъ фанатизмомъ. Смотря по тому, въ какой области мы находимъ примѣненіе такой бѣдной, но сильной энергіи, мы прежде всего можемъ различить фанатиковъ духовной, интеллектуальной или художественной дѣятельности. Такіе люди концентрируютъ свою напряженную активность на какой-нибудь неважной и несущественной идеѣ и убиваютъ всю свою жизнь, чтобы доставить торжество той жалкой буквѣ, которую они дѣлаютъ своимъ идоломъ. Бездарный художникъ, мучающій себя ради воплощенія уродливыхъ и плачевныхъ образовъ, религіозный дѣятель, дѣлающій изъ обряда, церемоніи и формы самое содержаніе своего служенія,—всѣ въ оди-

наковой степени являютъ типъ неутомимой дѣятельности, а иногда глубокаго вліянія на другихъ, но, тѣмъ не менѣе, являются по существу не творцами, а разрушителями, такъ какъ именно такимъ фанатикамъ свойственна чрезвычайная нетерпимость, относящаяся съ непримиримой злобой ко всему, что выходитъ изъ рамокъ ею установленнаго шаблона.

Въ области общественной такой фанатизмъ можетъ выразиться одинаково въ слѣпой, рабской преданности партійнымъ вождямъ, въ обожаніи властвующихъ лицъ, въ отрицающемъ себя и свою личность послушаніи старшимъ и родственникамъ, даже въ холопствѣ передъ тѣмъ, кого любишь, несмотря на его неразуміе и порочность. Такъ возникаетъ гипертрофія альтруизма, уничтожающая совершенно любящаго, при чемъ сама любовь, преданность и обожаніе даютъ здѣсь весьма своеобразныя формы. Фанатикъ преданности и любви отнюдь не разбираетъ, что важно и что нужно для предмета его фанатическаго поклоненія. Мелочамъ онъ придаетъ такое же значеніе, какъ существенному. Каждое волеизъявленіе объекта страсти для него законъ. И въ своемъ усердіи по отношенію къ опекаемому, любимому или обожаемому такой фанатикъ можетъ принести неисчислимый вредъ или даже погубить своимъ чрезмѣрнымъ стараніемъ того, для кого онъ такъ много старается. Не говоримъ уже о томъ, что энергія и жизнь такого фанатика общественныхъ связей часто гибнетъ напрасной жертвой, не принося никому ни малѣйшаго удовлетворенія.

Столь же печальную картину активности, направленной на пустяки, обнаруживаетъ фанатизмъ такъ называемаго дѣла. И, несмотря на то, что цѣли, нормы и правила дѣятельности, практическіе пріемы и средства для воплощенія цѣли могутъ быть весьма хорошо приспособлены къ окружающей средѣ, фанатикъ вноситъ сюда неизбѣжно безпорядокъ и нелѣпость. Средство онъ превращаетъ въ цѣль. Высшую цѣль подчиняетъ низшей, буквой закона или правила отмѣняетъ самый законъ. Въ примѣненіе средствъ вноситъ упорную рутину, которая совершенно не соотвѣтствуетъ реальнымъ условіямъ той или другой среды. Но критика и самопровѣрка или чужда фанатику совсѣмъ, или превращается для него въ самоцѣль. Само собой разумѣется, что какъ фанатикъ любви любовь одного покупаетъ цѣною ненависти ко всѣмъ прочимъ, такъ же и фанатикъ дѣла готовъ принести въ жертву своему дѣлу всѣхъ и все, не разбирая никакихъ средствъ. Такъ, во имя предпріятія фанатикъ съ легкимъ сердцемъ губитъ людей, ради буквы отнимаетъ ихъ жизнь и благосостояніе. Самъ онъ часто становится первой жертвой своего фанатизма, своей напряженной, организованной, но бѣдной по содержанію активности.

Рѣшеніе вопроса о степени активной энергіи человѣка, какъ дѣятеля, даетъ намъ лишь предварительныя данныя. Въ силу нихъ

мы можемъ лишь заключить, что, кромѣ лицъ, способныхъ въ силу своихъ убѣжденій, воздѣйствовать на окружающую среду, имѣются категоріи лицъ, которыя уходятъ изъ жизни. Далѣе, мы пришли къ выводу, что тамъ лишь проявляется сильная активность, гдѣ основой ея служитъ вѣра, возможность вліянія субъекта во имя должнаго на объектъ. Такая вѣра представляется необходимой предпосылкой, послѣ которой можно приступить къ оцѣнкѣ дѣйствительности и къ построенію политическихъ плановъ. Оцѣнка дѣйствительности, однако, сама по себѣ уже есть нѣкоторый судъ и притомъ, прежде всего, подъ видомъ соціологическаго обобщенія. Здѣсь происходитъ нѣкоторая подготовка политическихъ программъ прежде всего путемъ рѣшенія вопроса, кому по справедливости должна принадлежать власть. По существу уже подъ видомъ общаго ученія о природѣ человѣка дѣлаются первыя посылки того большого политическаго силлогизма, который заканчивается выставленіемъ опредѣленной программы.

И замѣчательное дѣло, во всѣхъ политическихъ теоріяхъ, начиная съ мистической и кончая отвлеченнѣйшимъ раціонализмомъ, находимъ мы въ соціологической формѣ скрытое обоснованіе абсолютизма такъ же, какъ и самой свободной демократіи. Остановимся на всѣхъ этихъ, якобы, соціологическихъ, а на самомъ дѣлѣ на идеологическихъ теоріяхъ. Начнемъ съ обоснованій деспотизма. Таковой можетъ быть оправданъ, конечно, лишь въ одномъ случаѣ, а именно, если предположить, что масса настолько темна, жалка и звѣроподобна, что она не годится ни на какое дѣло, кромѣ какъ на состояніе въ рабствѣ или, въ лучшемъ случаѣ, въ безысходномъ крѣпостничествѣ. И что же? Оправданія рабства мы находимъ въ изобиліи. Одни утверждаютъ его на грѣхѣ и нечестіи человѣка. Согласно этой теоріи грѣхъ есть причина болѣзни и смерти, изъ грѣха вытекаетъ жестокая необходимость самому въ потѣ лица зарабатывать свой хлѣбъ. Первородный грѣхъ такъ омрачилъ душу человѣка, что изъ поколѣнія въ поколѣніе онъ лишаетъ его силы и способности самому спастись. Безъ особой сверхъестественной помощи нѣтъ для человѣка ни святости ни спасенія; но помощь свыше покупается тяжкимъ трудомъ, смиреніемъ, умерщвленіемъ плоти; и съ этой точки зрѣнія проклято мірское могущество и власть, единое же спасеніе остается въ прибѣжищѣ къ Богу, къ Его власти и Его намѣстникамъ на землѣ. Такъ убожество человѣка основываетъ духовную деспотію. Стоитъ упомянуть, что какъ разъ узкій духовный фанатизмъ этимъ путемъ обосновываетъ свою свирѣпую тиранію.

Однако къ подобнымъ же результатамъ можно прійти и другимъ методомъ. Стоитъ лишь распредѣлить людей на двѣ категоріи, раздѣленныя непроходимой пропастью. И нужные результаты получаются очень легко. На одной сторонѣ тамъ появляются великолѣп-

ные полубоги, властные сверхчеловѣки въ видѣ особыхъ прирожденныхъ властителей и господъ. И на недосягаемомъ отдаленіи находится вся остальная масса прирожденныхъ уродовъ, низкихъ душъ, кровожадныхъ и грязныхъ обезьянъ, закостенѣлыхъ въ своей безмѣрной глупости и рабской покорности. И опять-таки получается единственно необходимый и естественный выводъ, осуждающій на вѣчное безысходное рабство полускотовъ, полулюдей, которые лишь своимъ служеніемъ и работой на пользу господъ могутъ только морально оправдать свое существованіе. Такое отношеніе рабства косныхъ и слѣпыхъ душъ такъ же необходимо, какъ рабство грѣшниковъ святому возмездію. Слишкомъ часто въ исторіи расцвѣтъ всяческаго творчества и геніальности покупался цѣною рабскихъ плетей для массы закабаленнаго народа.

Но точно такъ же можно обосновать необходимость рабства и тамъ, гдѣ думаютъ разсуждать путемъ раціональнаго естествознанія, ибо здѣсь выступаетъ противоположность между безумцемъ, не понимающимъ естественнаго закона и мудрымъ деспотомъ, который знаетъ, въ чемъ здоровье, истина и счастье. Темный, закоснѣлый въ предразсудкахъ, легкомысленно подвергающій себя величайшимъ опасностямъ народъ долженъ быть хотя бы силой остановленъ отъ пропасти, въ которую онъ по невѣжеству и незнанію долженъ упасть. И мудрый деспотъ налагаетъ на мятежныя страсти цѣпи и собираетъ расточаемыя силы въ каменные берега. И тотъ, кто представляетъ собой одну физическую силу, тотъ будетъ поставленъ на свое мѣсто мудрымъ тираномъ и въ каторжномъ трудѣ присоединитъ свою жизнь къ безчисленнымъ единицамъ, работающимъ на общее благо. И если лѣность, распущенность, злая воля возстаютъ противъ естественной дисциплины и порядка, противодѣйствуютъ закону природы, отрицаютъ разумный и закономѣрный міръ, то онѣ сами заслуживаютъ такого отрицанія и уничтоженія. Просвѣщенная деспотія усмиритъ своихъ враговъ.

Гораздо умѣреннѣе та точка зрѣнія, которая устанавливаетъ менѣе рѣзкія различія между людьми. Хотя и тутъ мы не находимъ полнаго равенства, но все же неравенство не проявляется въ такихъ чудовищныхъ формахъ. Такая соціологія строится всегда, когда нужно сочетать въ одно цѣлое нѣсколько группъ въ порядкѣ подчиненія, при чемъ, однако, подчиненные не низводятся на положеніе рабовъ. Напротивъ, между ними могутъ быть весьма различныя градаціи. И прежде всего, само собой, полный просторъ къ такимъ конструкціямъ даетъ мистическое міровоззрѣніе. Изобрѣтается цѣлая градація даровъ благодати и степеней святости, которыми въ той или иной степени награждается населеніе. Внизу—недостойные, а въ силу этого и безправные, повыше—крещеные или помазанные, конечно, имъ полагаются большія права, еще выше—снабженные даромъ чтенія свя-

щенныхъ книгъ, еще выше жрецы и священники, и т. д., вплоть до различныхъ святѣйшихъ, освященныхъ и т. п. лицъ, обладающихъ уже великой степенью таинственной, неземной силы. Конечно, властвованіе въ такихъ случаяхъ почитается принадлежащимъ самымъ святымъ, такъ какъ лишь они обладаютъ высшей силой давать благополучіе на землѣ или открывать пути къ небесному блаженству. Но между ними и массой полуправныхъ цѣлая градація одаренныхъ правами лицъ, и часто между высшими и низшими существуетъ даже возможность нѣкотораго перехода путемъ пріобрѣтенія тѣхъ или другихъ заслугъ. Таковы соціальныя предпосылки духовной или мистической олигархіи, которая можетъ, конечно, заканчиваться на небесахъ.

Противоположность цѣлаго ряда классовъ, снабженныхъ различной степенью правъ и власти, можетъ быть оправдана и другимъ путемъ. Надо лишь предположить, что люди рождаются неравными по своей физической и духовной одаренности, что одни съ цвѣтной кожей и низкимъ происхожденіемъ связываютъ также неспособность къ мышленію и добродѣтели, другіе же, наоборотъ, получаютъ отъ своихъ предковъ все это въ превосходной степени. Предположимъ далѣе, что между двумя крайними имѣются представители различныхъ расъ, при чемъ каждому изъ нихъ, въ свою очередь, отпускается опредѣленная, меньшая, чѣмъ у господъ, пропорція смѣтливости, ловкости, силы и ума. Этимъ путемъ у насъ получается общество, гдѣ властвованіе распредѣлено не только въ силу случайностей завоеванія и наслоенія однѣхъ расъ надъ другими, но и въ силу того или иного превосходства въ философской и художественной способности и моральной одаренности. И уже не фактъ простой силы, а прирожденное достоинство становится своего рода соціальнымъ принципомъ, по которому власть принадлежитъ лучшимъ и добродѣтельнѣйшимъ, тогда какъ на рабство обречены полуживотныя и полулюди, безсмысленныя и полудикія существа, не полными правами обладаютъ люди, не достигшіе полнаго объема силъ и способностей человѣка, а власть принадлежитъ прирожденнымъ мудрецамъ, красивѣйшимъ произведеніямъ человѣческой природы. Такая олигархія умѣряется еще больше, когда, по крайней мѣрѣ, между нѣкоторыми слоями общества позволяются брачныя соединенія, а слѣдовательно, причастность наслѣдственной добродѣтели высшихъ. Таково обоснованіе тимократической олигархіи.

Глубоко ошибался бы тотъ, кто полагалъ бы, что съ точки зрѣнія раціонализма немыслимо созданіе аристократіи; и такому обоснованію аристократіи могутъ послужить нѣсколько аргументовъ. Во-первыхъ, если люди предполагаются всѣ равно одаренными разумомъ, то это относится лишь къ людамъ нормальнымъ, здоровымъ и естественнымъ. Наоборотъ, многіе изъ людей силою обстоятельствъ мо-

гутъ быть приведены въ состояніе большей или меньшей болѣзненности, извращенія и уродства, а вмѣстѣ и къ ослабленію разума. Во-вторыхъ, нормальному разуму придаетъ различный видъ и характеръ самое положеніе человѣка на томъ или другомъ мѣстѣ общественной организаціи. Человѣкъ, стоящій наверху, необходимо видитъ шире и дальше, чѣмъ человѣкъ, находящійся внизу. И, наконецъ, въ-третьихъ, при общемъ равенствѣ всѣхъ людей одинъ изъ нихъ можетъ владѣть большимъ количествомъ различныхъ предметовъ или вещей и такимъ образомъ быть распорядителемъ опредѣленной части силъ природы. Всѣ эти различія не качественнаго, а количественнаго характера, и хотя всякому человѣку по принципу вполнѣ открытъ доступъ и къ высокому положенію и къ пріобрѣтенію знаній, на которыя способенъ нормальный человѣческій умъ, и, наконецъ, къ накопленію силъ природы, однако не всякому въ дѣйствительности удается это, а слѣдовательно, въ общественной жизни вполнѣ естественно и необходимо, чтобы неимущіе, менѣе знающіе и находящіеся внизу общественной лѣстницы подчинялись тѣмъ, кто уже имѣетъ средства, знанія и обладаетъ положеніемъ. Такъ создается господство имущихъ или плутократическая олигархія.

Какъ мы видѣли выше, господство одного и немногихъ весьма легко обосновывается при помощи своеобразной политической соціологіи, но съ тѣмъ же удобствомъ можно обосновать господство массы, господство всѣхъ. И данныя для такого обоснованія мы можемъ получить опять-таки у каждаго изъ очерченныхъ нами міровоззрѣній. Мистика, конечно, здѣсь не уступаетъ прочимъ. И стоитъ лишь предположить, что Богъ въ качествѣ высшей мудрости и добра не отдѣленъ отъ людей и міра, и дѣло рѣшается очень просто. Пусть только не требуется ни особой благодати ни спеціальныхъ таинственныхъ или аскетическихъ дѣйствій для причастія Духу святому, и сразу падаетъ великая стѣна. И какъ только становится достаточной наличность одной лишь вѣры для воспріятія Бога въ свою душу, немедленно расширяется кругъ не только званныхъ, но и призванныхъ. Всѣ становятся предопредѣленными къ спасенію, а слѣдовательно, и духовная власть должна принадлежать безъ исключенія всѣмъ вѣрующимъ. Такъ дѣло спасенія человѣка становится личнымъ его дѣломъ, и устраняется всякое профессіональное посредничество между нимъ и Богомъ. И если здѣсь является какая-нибудь власть, то она имѣетъ своимъ источникомъ не полномочіе высшихъ, а самихъ вѣрныхъ, святыхъ, или предназначенныхъ къ спасенію, которыми являются всѣ. Такъ создается духовная пантократія.

Господство массъ можетъ быть обосновано и путемъ чисто человѣческой аргументаціи; стоитъ лишь припомнить, что въ каждомъ человѣкѣ заложена способность къ воспріятію добраго, прекраснаго, высокаго; что всякій хоть разъ въ жизни бывалъ великодушнымъ и

красивымъ. Съ другой стороны, какъ разъ наименѣе замѣтные сѣренькіе люди оказываются истинными героями, высокими подвижниками, людьми чести и долга. И если чувство является источникомъ всего великаго на землѣ, то какъ разъ въ народѣ это чувство свѣжѣе, непосредственнѣе и гармоничнѣе, чѣмъ на испорченныхъ верхахъ. Необходимость самаго разносторонняго труда для человѣка, находящагося среди трудовыхъ, особенно же сельскихъ массъ, даетъ всестороннее развитіе способностямъ его тѣла и души и дѣлаетъ изъ него воистину прекрасную и цѣльную личность, въ которой ни одно стремленіе не подавляетъ другого, но все слагается въ разностороннее единство. Общеизвѣстна способность массъ не только прекрасно понимать суть своего собственнаго блага, но и оцѣнивать неиспорченнымъ своимъ чувствомъ и людей и событія. Вотъ почему не дѣло высшихъ устраивать человѣка, но самъ для себя онъ высшій законъ. И если должна быть установлена власть, то она должна принадлежать всѣмъ. Такова романтическая пантократія.

Раціонализмъ отдаетъ лучшіе свои доводы на пользу всеобщаго равенства; всѣ индивиды одинаковы и равны, всѣ одинаково рождаются и умираютъ, страдаютъ отъ голода и жажды, нуждаются въ свѣтѣ, теплѣ и движеніи. Всѣмъ присущъ одинаково разумъ, котораго законы всѣмъ общи—одна логика у всѣхъ. И какъ разъ этотъ разумъ даетъ познаніе міра, законовъ природы и окружающихъ человѣка силъ. Все, что принадлежитъ людямъ и служитъ имъ, все это или захвачено, или создано ихъ трудомъ. Всѣ богатства, которыми владѣетъ человѣкъ, суть созданія его же самого. Имущество принадлежитъ тѣмъ, кто его создалъ, знанія должны быть открыты для всѣхъ, такъ какъ разумъ у всѣхъ одинъ и тотъ же. Положеніе и авторитетъ создаютъ сами люди своимъ всеобщимъ признаніемъ. Такъ все принадлежитъ всѣмъ, и водворяется соціальная пантократія.

Какъ очевидно, при примѣненіи самыхъ различныхъ методовъ можно прійти къ аналогичнымъ результатамъ; можно провозгласить человѣка самымъ безсильнымъ и самымъ могучимъ существомъ, такъ же, какъ можно провести между людьми градацію ихъ способностей или совершенно отвергнуть ее. Благодаря гибкости методовъ изслѣдованія въ общественной телеологіи всегда мыслимо прійти къ желаемымъ заключеніямъ путемъ болѣе или менѣе широкихъ обобщеній, а къ этому присоединяются и такіе ненаучные методы какъ мистика, эстетика, логическій раціонализмъ. Мы не ошибемся поэтому, если скажемъ, что всѣ приведенныя нами выше положенія не имѣютъ абсолютно никакой теоретически доказательной силы; это, однако, нисколько не мѣшаетъ имъ красоваться во главѣ цѣлаго ряда политическихъ ученій и быть скрытой цѣлью массы quasi-научныхъ системъ. И это вполнѣ понятно: вопросъ о силѣ и слабости чело-

вѣка, а главное, о способности его самого безъ помощи свыше или со стороны справиться со своей задачей—вопросъ безконечно важный, такъ какъ именно отъ рѣшенія его зависитъ, поставить ли надъ человѣкомъ соотвѣтственное начальство или нѣтъ, даровать ему самоуправленіе или подвергнуть жесточайшей опекѣ. Конечно, можно было бы и не безпокоиться за человѣка и не подыскивать оправданій ни для власти ни для самоуправленія, но все дѣло въ томъ, что политика какъ разъ построена на высокихъ идеалахъ и во что бы то ни стало желаетъ привести человѣка къ совершенной формѣ его общественнаго бытія.

Политическіе идеалы, какъ мы уже видѣли выше, являются высшимъ критеріемъ, а вмѣстѣ и примиряющимъ и объединяющимъ началомъ, которое заканчиваетъ споръ о правахъ на власть различныхъ соціальныхъ группъ. При помощи такихъ политическихъ идеаловъ побѣдившая группа въ концѣ-концовъ оправдываетъ передъ побѣжденными свою квалификацію и дѣлаетъ себя въ общемъ воззрѣніи необходимымъ и мощнымъ факторомъ для водворенія на землѣ всѣмъ желательнаго добра. Такое оправданіе вполнѣ естественно сопровождается переходомъ къ самому закрѣпленію власти, и, слѣдовательно, и къ организаціонной работѣ въ опредѣленныхъ интересахъ большинства, меньшинства или даже отдѣльнаго представителя духовной, моральной или естественной силы. Такъ обосновывается потребность въ сознательной организаціи воль, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ организаціонныхъ формахъ. Таковы излюбленныя идеи монархіи, аристократіи и демократіи. Эти формы, ошибочно принимаемыя въ качествѣ юридической конструкціи, менѣе всего исчерпываются соотношеніемъ правъ и обязанностей власти и подданныхъ. На самомъ дѣлѣ это идеальные типы политической техники, при помощи коихъ живой, государственный идеалъ воплощается въ организацію коллективной силы.

Уже на идеѣ монархіи, на такъ называемомъ монархическомъ принципѣ, мы можемъ съ легкостью прослѣдить, что это есть не теоретическое положеніе, а идея, обладающая императивнымъ характеромъ, силой внушенія опредѣленныхъ дѣйствій или, по крайней мѣрѣ, мотивовъ для нихъ, ибо въ монархіи какъ разъ происходитъ своеобразное сосредоточеніе воль въ идеальномъ образѣ монарха, какъ своего рода центра или фокуса всей государственной власти. Всѣ подчиняются монарху, потому что онъ — монархъ, его живая воля есть выраженіе той „суверенной“ воли, которой открыта психика любого подданнаго. Такимъ образомъ, вѣрность, преданность, послушаніе, любовь, благоговѣніе и всѣ подобныя чувства, съ одной стороны, создаютъ монарха, какъ центръ хотѣнія, командованія, покровительства, опеки, снисхожденія, благоволенія, милосердія и великодушія, съ другой же—подданные этого самаго монарха восприни-

маютъ отъ него, какъ обязательныя для нихъ нормы и велѣнія, тѣ волеизъявленія, которыя онъ обращаетъ по отношенію къ нимъ. Это своего рода круговоротъ воль, при чемъ воля массы подданныхъ концентрируется въ живой волѣ монарха и, преобразовавшись въ его волѣ во властвующую волю, обязательную для всѣхъ, возвращается обратно къ подданнымъ, какъ объектамъ такъ называемаго властвованія. Такъ подданные монархіи, какъ субъекты, исчезаютъ въ немъ, какъ въ высшемъ субъектѣ, для того, чтобы стать объектами его предписаній и велѣній. Само собой разумѣется, что такая организація, вытекающая изъ самой идеи монархіи, обезпечиваетъ величайшее единство подданныхъ одного суверена. Слѣдующей ступенью развитія монархическаго начала является самый процессъ нисхожденія власти монарха внизъ по различнымъ подчиненнымъ ступенямъ. Сначала, подобнаго рода передача создаетъ особые дополнительные центры власти, при чемъ одинъ монархъ прямо превращается въ большого собирательнаго монарха и на мѣстахъ передаетъ цѣликомъ представительство власти особымъ меньшимъ монархамъ, намѣстникамъ, которыхъ онъ назначаетъ и отзываетъ. Затѣмъ, путемъ долгаго процесса вырабатывается представленіе о цѣломъ рядѣ властей съ уменьшающейся пропорціей власти, которая почитается, однако, исходящей отъ самого монарха. Такимъ образомъ, монархъ чрезвычайно разрастается, и вся масса іерархически подчиненныхъ лицъ представляется его тѣломъ, одушевленнымъ орудіемъ, въ которомъ нѣтъ иной воли, кромѣ воли самого монарха. Монархъ и его агенты—это одинъ большой монархъ, громадное тѣло, съ массою рукъ и ногъ, которыя управляются одной мыслью, однимъ желаніемъ царствующаго лица. По отношенію къ прочимъ подданнымъ агенты монарха не суть только подданные, но эманація самого монарха.

Идеологическій и психологическій составъ аристократіи совершенно иной. Здѣсь прежде всего выступаетъ на первый планъ идея нѣкоторой психической организаціи властвующихъ воль, которыя образуютъ особое идейное единство. Этой организаціи противопоставляется уже масса подвластныхъ, воля которыхъ концентрируется на волѣ властвующей коллегіи. Этимъ путемъ создается двоякая организація. Съ одной стороны, сочетаніе воль внутри самой властвующей коллегіи, а съ другой—въ отношеніи подчиненія массы къ этой коллегіи. Отношеніе подчиненія подобно тому, которое находимъ мы въ монархіи, но аристократическая коллегія есть понятіе болѣе отвлеченное, нежели воля живого монарха. Слѣдовательно, подчиненіе здѣсь не можетъ быть такимъ простымъ и элементарнымъ. Идея же, организующія властвующихъ внутри себя, уже отличаются совсѣмъ другимъ характеромъ. Здѣсь цѣлый рядъ равноспльныхъ воль долженъ быть приведенъ къ необходимому единству рѣшенія. Такимъ способомъ и бываетъ единогласіе, требуемое для дѣйствительности поста-

новленія. Такимъ образомъ, отдѣльныя воли буквально сливаются въ одну единую и общую волю. Впослѣдствіи вырабатывается и другой способъ, по которому воля членовъ, выдающихся по своему значенію и положенію, въ случаѣ спора между двумя партіями даетъ одной изъ нихъ перевѣсъ. Наконецъ члены властвующаго меньшинства сами могутъ быть распредѣлены на нѣсколько коллегій, при чемъ каждая изъ нихъ составляется изъ членовъ различнаго значенія. И коллегіи, составленныя изъ членовъ высшаго порядка, могутъ пересматривать и перевершать рѣшенія членовъ низшей инстанціи, образованной изъ менѣе значительныхъ и вліятельныхъ членовъ. Возможенъ случаій, что властвующее меньшинство не осуществляетъ непосредственно всей власти въ государствѣ. Тогда оно избираетъ изъ своей среды наиболѣе выдающихся и вліятельныхъ своихъ сочленовъ, которые и образуютъ властвующую коллегію. Такіе лучшіе, само собой, не могутъ и не должны отвѣчать передъ своими избирателями, которые добровольно устанавливаютъ отношеніе подчиненія не между собою и отдѣльными членами коллегіи, а только между собой и всей коллегіей въ цѣломъ. Воля избранныхъ есть лучшая воля, признанная въ качествѣ таковой со стороны избирателей. Такъ вся аристократія можетъ дать іерархію коллегій высшаго и лучшаго качества, а вмѣстѣ съ тѣмъ высшей и большей власти. Такъ подчиненіе и властвованіе распредѣляются здѣсь снизу доверху въ пропорціи, которая соотвѣтствуетъ достоинству и значенію образующихъ коллегію лицъ. Только въ самомъ низу находится лишенное всякихъ правъ большинство.

Третьимъ типомъ организаціи воль, направленной къ воплощенію того или иного политическаго идеала, можетъ быть такая организація, гдѣ весь народъ признается способнымъ властвовать, какъ собраніе или масса индивидовъ. Выразителемъ такой формы является такъ называемая демократія. Сущность состоитъ въ томъ, что здѣсь примѣняется исключительно принципъ, по которому всѣ граждане представляютъ собой властвующую коллегію или общаго коллективнаго монарха. Монархъ этотъ, однако, царствуетъ исключительно самъ надъ собою. Въ этомъ смыслѣ демократія есть антимонархія, такъ какъ у суверенnаго народа въ демократіи нѣтъ больше подданныхъ. Демократія можетъ непосредственно осуществлять свое правленіе. Можетъ рѣшать дѣла или единогласно, или большинствомъ голосовъ. Послѣднее потому, что въ демократіи всѣ воли совершенно равноцѣнны,—нѣтъ и не можетъ быть лучшихъ или худшихъ воль. Въ случаѣ разногласія поэтому здѣсь можно прибѣгнуть или къ жребію, или къ рѣшенію посредствомъ числа. Большее количество одинаковыхъ величинъ, конечно, значитъ больше, нежели меньшее. Возможна демократія и представительная, въ томъ смыслѣ, что масса гражданъ передаетъ свою волю отдѣльнымъ лицамъ, избраннымъ изъ

своей среды такъ, что избранные ею представители оказываются носителями воли и уполномоченными своихъ избирателей. Избиратели назначаютъ также депутатовъ по большинству голосовъ, подъ опредѣленными условіями и даютъ депутатамъ обязательные мандаты или порученія, состоящіе въ обязательности той или иной политической программы, въ подчиненіи той или иной партійной организаціи или прямо въ поддержаніи и проведеніи обѣщанныхъ избирателямъ законовъ и мѣръ. Созданная изъ представителей коллегія въ демократіи менѣе всего можетъ претендовать на исключительное главенство. Такое представительство есть лишь орудіе народа, подчинено ему и дѣйствуетъ его именемъ. Такъ складываются здѣсь отношенія между всѣми и отдѣльнымъ лицомъ, при чемъ именно воля всѣхъ, непосредственно образованная изъ частныхъ воль, образующихъ народъ, господствуетъ надъ частными волями въ отдѣльности. Отдѣльный индивидъ, перестающій быть въ монархіи субъектомъ воли, находящій только относительное признаніе своей воли въ аристократіи, цѣликомъ обезпечиваетъ себѣ значеніе своей воли въ демократіи. Если вся власть въ монархіи идетъ исключительно сверху и находится надъ народомъ, если далѣе въ аристократіи она рождается въ іерархически подчиненныхъ коллегіяхъ, то въ демократіи она исходитъ цѣликомъ изъ народныхъ низовъ и лишь извѣстнымъ образомъ осуществляется при помощи коллегіи и отдѣльныхъ лицъ.

Таковы основныя организаціонныя формы. Значеніе ихъ далеко не слѣдуетъ переоцѣнивать. По существу онѣ обозначаютъ лишь способъ концентраціи и распредѣленія власти, совершенно не касаясь вопроса о томъ, какая сила наполняетъ всѣ эти формы, что является движущимъ, а вмѣстѣ и сдерживающимъ началомъ. Вѣдь нельзя же ставить въ одинъ рядъ монархію, построенную на теократическомъ началѣ, и монархію новѣйшаго правового типа, нельзя однимъ терминомъ покрыть республику святыхъ Кромвеля и аѳинскую демократію. И точно такъ же немыслимо сочетать въ одинъ типъ аристократію ганзейскихъ купцовъ и рыцарской феодальной Европы. Формальный принципъ легко можетъ натолкнуть на подобное сближеніе. Однако главнымъ и рѣшающимъ въ государственной идеологіи является то двигательное психическое начало, которое въ концѣ-концовъ и создаетъ государство, какъ идеологію. Всѣ видоизмѣненія въ исторіи англійской монархіи могутъ быть какъ разъ сведены къ такимъ идеологическимъ перемѣнамъ, при чемъ монархія феодально-сословнаго типа здѣсь смѣнилась монархической теократіей, послѣдняя же—правовымъ типомъ парламентарнаго королевства. Монархія была и здѣсь и тамъ, но содержаніе ее рѣзко мѣнялось сообразно идеологическому методу, положенному въ ея основу.

Послѣ того, какъ ясны передъ нами политическія цѣли, положенныя въ основу государственной организаціи, и мы знаемъ уже

главныя формы объединенныхъ въ государство воль, мы можемъ теперь перейти къ послѣднему моменту государственной идеологіи. Таковымъ является сочетаніе теоріи и практики, цѣлей и средствъ. Обращаясь къ разрѣшенію этого вопроса въ исторіи, мы должны отмѣтить, что она даетъ намъ и здѣсь весьма опредѣленные, часто повторяющіеся типы государственныхъ средствъ.

И здѣсь прежде всего мы должны отмѣтить принужденіе въ самой суровой и жестокой его формѣ, всеобщую, всепроникающую опеку, полное отрицаніе какихъ бы то ни было правъ общества и личности, какъ таковой. И словно въ силу какой-то иронiи такое принужденіе прежде всего ознаменовало себя тамъ, гдѣ рѣчь шла о высшихъ идеалахъ человѣчества, о святости и любви, объ истинѣ, правдѣ и красотѣ. И можно даже сказать, что такое извращеніе высшихъ идеаловъ какъ разъ встрѣчалось всегда тамъ, гдѣ наибольшимъ напряженіемъ власти нужно было объединить наименѣе культурные элементы. Такое принужденіе превращало царство Божіе въ формальный законъ принудительной вѣры и государственнаго спасенія. Во имя единой истины казнили и мучили людей, во имя любви подвергали ихъ неслыханнымъ истязаніямъ, во имя милосердія сжигали. И то же самое находимъ мы тамъ, гдѣ такой санкціей меча и казни былъ снабженъ сословный патріархальный родовой порядокъ, аристократія прекраснѣйшихъ и мудрѣйшихъ. Здѣсь противорѣчіе между идеаломъ и практикой было менѣе ощутительно лишь потому, что самъ идеалъ соціальнаго организма не былъ столь возвышенъ и духовенъ, какъ Божьяго царства любви. Органическая іерархія есть все же человѣческая власть и подчиненіе, и въ силу самого принципа худшіе здѣсь существуютъ для того, чтобы служить лучшимъ, быть простымъ средствомъ въ ихъ рукахъ, средство же не можетъ претендовать ни на любовь ни на право. Лишь тамъ принужденіе теряетъ свой противорѣчивый характеръ, гдѣ примѣняется оно во имя правовой свободы,—только здѣсь становится оно не орудіемъ нападенія, но защиты. Впрочемъ, исторія и этотъ принципъ принужденія, ограждающаго свободу, первоначально представила намъ въ видѣ извращенія: такимъ является принужденіе всегда, когда во имя отвлеченныхъ началъ оно активно рѣшается передѣлывать природу человѣка.

Вторымъ способомъ воплощенія политическаго идеала является послѣдовательное воспитаніе человѣка въ установленномъ порядкѣ жизни при помощи мѣръ моральнаго воздѣйствія и педагогическихъ взысканій. Здѣсь не уничтоженіе и кара преступника выступаютъ на первый планъ, но цѣлесообразное измѣненіе самой его природы путемъ незамѣтнаго внушенія ему извѣстныхъ навыковъ, взглядовъ и убѣжденій. Такое воспитаніе предполагаетъ рядъ тѣсныхъ интимныхъ организацій, гдѣ дѣти и взрослые находятся подъ постояннымъ

руководствомъ старшихъ и высшихъ. Здѣсь развивается техника индивидуальнаго и массоваго внушенія, здѣсь важную роль играетъ подражаніе и примѣръ, здѣсь складываются твердая традиція и обычай, а жизнь прошлыхъ поколѣній сливается въ одно цѣлое съ жизнью послѣдующихъ. Но способы эти ведутъ вмѣстѣ съ тѣмъ къ великому консерватизму и рутинѣ, къ умерщвленію всего новаго и живого, къ безмѣрному формализму и бездушнымъ церемоніямъ, къ чрезвычайной жестокости медленныхъ, постепенныхъ почти нечувствительныхъ, но на самомъ дѣлѣ смертельныхъ мѣръ соціальнаго гнета, родовой, сословной и профессіональной дисциплины. И если мы такого рода соціальную педагогику прослѣдимъ какъ средство воплощенія въ жизни политическихъ идеаловъ, то нельзя не признать, что, будучи болѣе или менѣе пригодно къ воспитанію человѣка въ духѣ божественной правды, оно все же здѣсь приводитъ къ насилію и неправдѣ, потому что для воспитанія нуженъ не искусственный духовный авторитетъ, а родовой и семейный, который менѣе всего встрѣчается среди религіозныхъ организацій. Самымъ пригоднымъ поэтому этотъ способъ воздѣйствія на человѣка является, какъ средство воплощенія органическаго идеала, построеннаго на семейно-нравственныхъ связяхъ. Этотъ методъ воздѣйствія на человѣка оказывается, конечно, совершенно непригоднымъ тамъ, гдѣ царствуетъ равный и свободный индивидъ.

Обращеніе къ естественнымъ силамъ человѣка и свободному ихъ развитію болѣе всего примѣнимо тамъ, гдѣ самъ идеалъ требуетъ высшей чистоты, искренности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свободы. Но такимъ является какъ разъ идеалъ духовный. Только совершенная свобода можетъ дать человѣку подвигъ добровольнаго принятія на себя высшаго долга и выполненія его не за страхъ, а за совѣсть. Въ значительной степени требуется такая свобода и тамъ, гдѣ дѣло идетъ о высшемъ проявленіи чисто человѣческаго идеала. Свобода нужна человѣку, чтобы стать великимъ художникомъ, философомъ и мастеромъ своего дѣла, свобода нужна для призванія отца и матери въ ихъ совершеннѣйшемъ типѣ, свободы требуетъ каждый геній и талантъ, но немыслима свобода тамъ, гдѣ противится другъ другу голая сила, элементарная стихія, разнузданная страсть, естественная потребность. И только тогда, когда коллективный трудъ сознательныхъ и дисциплинированныхъ людей организуетъ мотивы пріобрѣтенія, жадности и корысти при помощи соціалистическаго строя, наступаетъ возможность и здѣсь превозгласить свободу, такъ какъ грубый матеріальный мотивъ здѣсь перерождается въ идеальный и духовный.

Сопоставляя теперь найденные нами формулы организаціи, политическіе идеалы и формы практическаго отношенія власти къ подданнымъ, мы получаемъ нижеслѣдующую скалу идеальныхъ формъ

въ ихъ постепенномъ порядкѣ. Самый сильной можно признать монархію на теократическомъ базисѣ, дѣйствующую при помощи мѣръ принужденія. Здѣсь наибольшая концентрація власти совпадаетъ съ наивысшимъ авторитетомъ божественнаго закона и принудительной санкціи; это царство всеобъемлющаго единства воли, идеала и практики. Теократическая аристократія уже ослабляетъ это единство, хотя придаетъ ему большую устойчивость. Теократическая демократія есть форма гибели теократіи какъ политической организаціи, такъ какъ она неизбѣжно стремится къ свободѣ, а вмѣстѣ и къ истинному царству Божію на землѣ по принципу, отрицающему насиліе. Органически построенная родовая и наслѣдственная монархія представляется значительно менѣе сильной формой, чѣмъ теократическая, но зато она умѣреннѣе и устойчивѣе послѣдней и легко приспособляется ко всѣмъ фазамъ сословнаго и классоваго развитія. Наибольшій расцвѣтъ идеалъ гармоніи органическаго расчлененія и профессіональнаго приспособленія даетъ, конечно, аристократія съ ея наслѣдственной традиціей и корпоративнымъ строемъ. Наихудшій видъ сословно родового общества представляетъ демократія, которая неизбѣжно или вырождается въ олигархію или же теряетъ черты патріархальнаго быта; она возможна лишь какъ демократическое соединеніе небольшихъ и притомъ стоящихъ на низкомъ уровнѣ развитія сельскихъ родовъ. Наконецъ идеалы свободы и равенства вполнѣ естественно воплощаются въ одной лишь демократіи и подвергаются сильной опасности вездѣ тамъ, гдѣ за соблюденіе этихъ началъ берется аристократія или монархія; такъ называемый цезаризмъ такъ же, какъ демагогическая аристократія ораторовъ и публицистовъ губила демократію такъ же, какъ эта послѣдняя—царство органической гармоніи или божественной любви.

Изложенными положеніями, въ сущности, исчерпываются составныя части государственнаго идеала, какъ такового. Организаціонная форма дана во всѣхъ ея возможныхъ направленіяхъ и во всеоружіи своихъ принудительныхъ средствъ. Теперь, необходимо обратиться къ новому вопросу, а именно—о томъ, какъ возможно воплощеніе идеала въ исторіи. Для того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, мы припомнимъ прежде всего, что недовольство существующимъ и его степень является безусловно рѣшающимъ моментомъ для того, чтобы опредѣлить самую быстроту и рѣшительность, съ которой должна произойти перемѣна отъ того или иного настоящаго къ лучшему и желательному будущему. Логическій процессъ здѣсь можетъ быть представленъ въ такомъ видѣ: нарисованный нами государственный идеалъ въ цѣломъ или въ части противопоставляется существующей дѣйствительности. Онъ соотвѣтствуетъ ей или не соотвѣтствуетъ, поэтому настоящее или оправдывается или, наоборотъ, осуждается. Отсюда возникаетъ мысль о нужности или ненужности тѣхъ или

иныхъ преобразованій, при чемъ возможность послѣднихъ опять-таки изслѣдуется въ тѣхъ или иныхъ историческихъ условіяхъ. Послѣ этого вырабатывается или нѣтъ опредѣленный планъ послѣдовательнаго проведенія той или иной реформы.

Первымъ моментомъ упомянутаго сейчасъ мыслительнаго процесса является опредѣленіе своего довольства или недовольства существующимъ. Прежде всего, здѣсь можетъ быть установлена точка зрѣнія регрессивная; она заключается въ томъ, что настоящее сравнивается не съ возможнымъ лучшимъ будущимъ, а съ нѣкоторымъ прошедшимъ, которое представляется воплощеніемъ того или другого идеала. Такому проектированію въ даль нѣкотораго забытаго прошлаго могутъ принадлежать самые различные идеалы. Подъ именемъ золотого вѣка или потеряннаго рая можетъ фигурировать мистическая анархія съ такимъ же удобствомъ, какъ добрыя времена стараго патріархальнаго строя. Въ прошломъ могутъ искать оправданія и приверженцы раціоналистическаго идеала, рисующіе себѣ картину естественнаго человѣка, индивида, находящагося въ до-общественномъ состояніи. Точно такъ же безразлична здѣсь государственная форма потеряннаго прошлаго и самый характеръ его властвованія. Достаточно сказать, что ходъ исторіи представляется здѣсь несущимъ не совершенство, а постепенное вырожденіе и гибель; что здѣсь, слѣдовательно, мечтаютъ о далекомъ прошломъ, какъ объ идеалѣ для будущаго. Такое представленіе имѣетъ, конечно, нѣкоторое особое преимущество. Желаемое здѣсь представляется уже какъ нѣкогда бывшее, а этимъ сразу устраняется утопическій характеръ самаго дѣла. То, что разъ уже было, всегда можетъ еще разъ быть. Такъ независимо отъ содержанія идеала самое проектированіе его можетъ имѣть реакціонный характеръ.

Возможно, конечно, и полное довольство настоящимъ, признаніе идеала вполнѣ или въ главной своей части уже воплощеннымъ, отсюда рождаются, конечно, съ одной стороны, весьма любовныя и бережныя отношенія къ существующему, а съ другой—апологія или реабилитація его съ точки зрѣнія идеала. Такая реабилитація идеологически, конечно, не представляетъ затрудненія,—воля Божья, являющаяся причиной всего, легко можетъ быть признана не только источникомъ, но и оправданіемъ всякихъ бѣдствій и зла. Понятіе грѣха даетъ идею и справедливаго возмездія. Идеалъ гармоническаго государственнаго строя тѣмъ болѣе позволяетъ такую апологію, ибо въ гармоніи цѣлаго легко исчезаютъ недостатки частей и то, что кажется вблизи недостаткомъ, въ общей картинѣ получаетъ значеніе пятнышка, оттѣняющаго общую красоту. Возможно такое оправданіе существующаго также съ точки зрѣнія раціоналистической, гдѣ на помощь приходитъ представленіе вѣчнаго и неизмѣннаго естественнаго закона, передъ которымъ нѣтъ добра и зла, а есть лишь одна есте-

ственная необходимость. И само собой разумѣется, что такія оправданія легко обосновываютъ рѣшимость защиты и сохраненія наличнаго порядка во что бы то ни стало, хотя бы путемъ намѣреннаго консерватизма или искусственной пріостановки всей существующей жизни.

Третьимъ видомъ отношенія къ настоящему и критики его является тотъ, который сознательно стремится къ новымъ порядкамъ для данной среды. Эти новые порядки проектируются или въ видѣ утопіи и проектовъ государственнаго преобразованія, построенныхъ совершенно самостоятельно, или здѣсь берутся за образецъ тѣ или иные порядки, опередившіе данный край страны и народы. Опять-таки такое пожеланіе лучшаго будущаго можетъ быть обосновано самыми различными путями. То существующіе недостатки и страданія представляются своего рода подготовкой или водительствомъ Божіимъ къ совершенному очищенію и восшествію въ царство небесное на землѣ; этимъ путемъ исторія понимается, какъ процессъ долгаго искупленія грѣховъ, совершонныхъ прародителями и требующихъ возмездія; то, съ другой стороны, настоящее принимается, какъ средство самовоспитанія человѣческаго рода и постепеннаго приближенія его къ вожделѣнному идеалу, то, наконецъ, будущее обосновывается при помощи необходимаго развитія и прогресса, который достигается въ окончательномъ результатѣ дѣйствія тѣхъ или иныхъ механическихъ причинъ, включающихъ въ свой составъ и волю самого человѣка. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ объективно обосновывается возможное и необходимое наступленіе лучшаго будущаго, къ содѣйствію которому и призываются всѣ пріемлющіе опредѣленный идеалъ. Такова политика прогрессивная, которая въ будущемъ ищетъ лучшаго и совершеннѣйшаго.

Реакціонная, консервативная и прогрессивная точка зрѣнія влекутъ за собой различныя отношенія къ дѣйствительности, но каждая изъ нихъ активна по своему существу. Одна борется противъ будущаго и настоящаго, другая—противъ прошлаго и будущаго, третья—противъ прошлаго и настоящаго. Таково ихъ общее направленіе съ формальной стороны. По содержанію же активность и въ преобразованіи зависитъ отъ воззрѣнія человѣка на міръ и на свое положеніе въ немъ. Здѣсь-то съ особой силой сказывается то воззрѣніе на человѣческую природу, которое мы въ самомъ началѣ обозначили, какъ своеобразную политическую соціологію. И въ самомъ дѣлѣ, когда человѣкъ приступаетъ къ непосредственной дѣятельности, желаетъ двинуть назадъ, задержать или двинуть впередъ тотъ или иной порядокъ, онъ прежде всего задаетъ себѣ вопросъ, можетъ ли онъ это сдѣлать и, если можетъ, то какимъ именно путемъ. Здѣсь, слѣдовательно, выступаетъ на первый планъ или вѣра въ человѣка, или отрицаніе ея, вѣра въ его могущество и связь съ окружающимъ

міромъ, вѣра въ то, что тѣмъ или инымъ путемъ, онъ можетъ фактически, реально привести къ желательнымъ для него результатамъ. На основаніи такой вѣры и во имя своего идеала, человѣкъ, наконецъ, приступаетъ къ самому воздѣйствію на окружающую среду. Здѣсь опять-таки можетъ сложиться весьма различное отношеніе.

На первый планъ мы выдвинемъ здѣсь то дѣйствіе, которое выражается преимущественно, а иногда исключительно въ дѣйствіи отрицательномъ или разрушительномъ. Такое дѣйствіе, конечно, исходитъ изъ недовольства существующимъ. Но чтобы быть оправданнымъ, обыкновенно оно должно имѣть увѣренность въ себѣ, что послѣ разрушенія самособой, такъ сказать, автоматически, наступитъ тотъ порядокъ, который представляется желательнымъ. Характеръ дѣйствія выражается здѣсь, такимъ образомъ, въ простомъ отрицаніи для устраненія препятствій. Съ такой точки зрѣнія стоитъ лишь путемъ искупленія уничтожить грѣхъ и немедленно настанетъ состояніе безгрѣшнаго блаженства; ту же мѣру можно обосновать и такимъ образомъ, что стоитъ только уничтожить роскошь, развратъ и вольнодумство, и настанетъ немедленно и навсегда порядокъ добродѣтели и авторитета. И точно такъ же можно вѣрить въ удивительную силу человѣческой природы. Надо только открыть ей свободу и просторъ, и она сама совершенно автоматически установитъ здоровое и нормальное общежитіе. Такой способъ мышленія исходитъ изъ представленія о нѣкоторой могучей силѣ, которая лишь случайно задержана или искривлена въ своемъ пути. Въ одномъ мѣстѣ дьяволъ мѣшаетъ полному осуществленію воли Божіей. Въ другомъ потомки не даютъ простора старой мудрости, въ третьемъ культура мѣшаетъ естеству. Стоитъ лишь устранить препятствіе, уничтожить его, и все пойдетъ прекрасно.

Воздѣйствіе человѣка на среду можетъ, однако, выразиться въ дѣйствіи положительномъ. Такова всякая политика частичныхъ реформъ и компромисса, постепенныхъ исправленій, при чемъ мягко и осторожно въ общій порядокъ вносятся дополненія и измѣненія, почти незамѣтно исправляющія тѣ или иные недостатки: постепенно очищается помощью таинствъ человѣкъ, постепенно воспитывается къ добродѣтели народъ, постепенно, почти незамѣтно, побѣждаетъ естественный разумъ, и толкуется законъ въ новомъ смыслѣ, приспособленномъ для обстоятельствъ, имъ не предусмотрѣнныхъ. Здѣсь, несомнѣнно, рождается нѣкоторое противорѣчіе между измѣняемыми и неподвижными частями общественнаго порядка, между новымъ и старымъ, которыя довольно мирно уживаются другъ съ другомъ. Отсюда осторожность и двойственность самаго дѣйствія,—оно не отличается больше цѣльностью массоваго и огульнаго отрицанія. Но здѣсь и меньше слѣпой вѣры въ чудодѣйственное значеніе одного рѣшительнаго акта. Здѣсь подробное изученіе исторіи и приспосо-

бленіе къ ея медленному эволюціонному ходу. Въ отличіе отъ политики разрушенія и отрицанія эту политику можно назвать политикой приспособленія и реформы.

Характеръ воздѣйствія на общественный строй можетъ имѣть еще другой видъ. Въ одномъ актѣ, притомъ рѣшительномъ и радикальномъ, можетъ быть предусмотрѣно, съ одной стороны, полное уничтоженіе всего стараго, съ другой — такое же рѣшительное насажденіе всего новаго. Таковъ революціонный типъ дѣйствія, который наступаетъ обыкновенно тогда, когда становится необходимой радикальная ломка сильно запоздавшихъ и очень устойчивыхъ установленій старины. Революціонный актъ такимъ образомъ складывается изъ двухъ моментовъ: изъ сознательнаго отрицанія и изъ столь же сознательнаго планомѣрнаго творчества. Средство, которое примѣняется здѣсь, въ значительной степени совпадаетъ со средствами чисто-отрицательной политики. Какъ послѣдняя прибѣгаетъ къ силѣ для того, чтобы очистить путь для естественной анархіи, точно такъ же примѣняетъ и революція насильственныя средства для уничтоженія стараго и отжившаго. Но въ то время, какъ простое отрицаніе совершаетъ это въ ожиданіи чуда, революція этимъ путемъ очищаетъ путь своему творчеству и энергіи. Этимъ революція, въ концѣ-концовъ, отрицаетъ свое разрушеніе и становится чисто-созидательнымъ процессомъ.

ГЛАВА V.

Идеологія и общественно-групповая психика.

За немногими исключеніями литература по психологіи соціально-экономическихъ группъ очень бѣдна. Отмѣтимъ: Riehl. Die Naturgeschichte des Volkes, B. II: die bürgerliche Gesellschaft. Werner Sombart. Der moderne Kapitalismus. Его же. Die deutsche Volkswirtschaft im XIX Jahrhundert. Martin Buber. Die Gesellschaft, Sammlung sozial-psychologischer Monographien. Указанія по коллективной психологіи вообще см. въ сборникѣ „Философія въ системат. изложеніи“ и у Ковалевскаго въ его „Современныхъ соціологахъ“; см. также переводы на русскій языкъ Зомбарта и Тарда и сочиненія Н. К. Михайловскаго и Кржвицкаго.

Изученіе идеологическихъ построеній и методовъ ихъ созиданія тогда лишь имѣютъ значеніе и смыслъ, если можно доказать, что они находятся въ опредѣленной и постоянной связи съ соціальными явленіями. Въ противномъ случаѣ, идеологія представляетъ собой совершенно произвольный аппаратъ, къ помощи котораго можетъ прибѣгать любая партія и группа съ одинаковымъ успѣхомъ, такъ какъ не устанавливается никакой непосредственной связи между идеологической формой и соціальнымъ содержаніемъ.

Для послѣдняго утвержденія нельзя отрицать наличность нѣкоторыхъ основаній; въ самомъ дѣлѣ, если принять ту основную классификацію населенія по его хозяйственному вѣсу, которая была выдвинута еще Аристотелемъ, а именно на богатый, средній и бѣдный классы, то здѣсь можно прійти къ весьма интереснымъ заключеніямъ. Историческія данныя здѣсь подтверждаютъ, что масса въ защитѣ своихъ интересовъ съ тѣмъ же самымъ удобствомъ прибѣгала и къ мистическимъ и къ раціональнымъ методамъ; одинаково выставляла требованія монархіи и демократіи, пользовалась для своихъ цѣлей принципами равенства и неравенства. И это вполнѣ оправдывается логически. Такъ, благосостояніе широкихъ народныхъ массъ или даже соціальная революція можетъ быть сдѣлана цѣлью особой диктатуры, которая, въ свою очередь, получитъ, какъ оправданіе нѣкоторое мистическое освѣщеніе. И точно такъ же можно представить себѣ олигархическую клику, которая, опираясь на чисто-раціоналистическіе доводы, будетъ стремиться къ демократіи, такъ какъ этимъ путемъ она будетъ въ состояніи лучше обосновать свое фактическое господство.

Въ виду сказаннаго представляется совершенно невозможнымъ связывать господство тѣхъ или иныхъ соціальныхъ элементовъ, а также ихъ тенденцій и интересовъ съ проявленіемъ какъ разъ строго опредѣленныхъ политическихъ требованій. Конечно, весьма легко объясняется соціальный процессъ при помощи такой гипотезы, а путемъ нѣкоторыхъ натяжекъ всегда можно установить, что, дескать, демократія является постояннымъ и необходимымъ требованіемъ трудовыхъ массъ, аристократія—лозунгомъ состоятельныхъ классовъ, а монархія—диктатурой, которая необходимо прикрываетъ собой послѣдніе и выражаетъ ихъ интересы. Элементарное знакомство съ исторіей опровергаетъ такую легкую схематизацію и въ формѣ реакціонныхъ стремленій даетъ намъ соціалистическія мечты и тенденціи, а въ революціонной и прогрессивной, наоборотъ, весьма тиранническія и деспотическія тенденціи привилегированнаго меньшинства.

Связь между идеологіей и соціальными интересами не можетъ быть установлена такъ же непосредственно, какъ между причиной и слѣдствіемъ или между содержаніемъ и только ему присущей формулой. Между идеологіей, какъ созданіемъ нашей психики, и внѣшней средой, какъ возбудительницей хозяйственнаго интереса, лежитъ область преломленія и отраженія, которая вообще можетъ быть обозначена, какъ психологическая. И вотъ въ этой-то области мы должны искать законовъ, устанавливающихъ соотношеніе между групповымъ интересомъ и идеологіей, которая служитъ ему выраженіемъ. И не потому въ данномъ случаѣ устанавливается монархія, что монархія сама по себѣ всегда и вездѣ есть необходимая форма для организаціи интересовъ исключительнаго меньшинства. И не потому рождается

аристократія, что бы она была столь же необходимо вызвана интересами широкаго слоя привилегированныхъ. И, въ свою очередь, демократія не всегда создается для народа, но дѣло тутъ въ той психикѣ, которая на опредѣленномъ мѣстѣ подъ вліяніемъ соціальныхъ причинъ необходимо приводитъ то къ аристократіи, то къ монархіи или демократіи и съ такимъ же успѣхомъ къ реакціонной и прогрессивной, къ революціонной и реформаторской политикѣ. Установить законы преломленія соціальной среды именно въ психикѣ, найти въ ней связь и соотношеніе между воспринятымъ ею соціальнымъ интересомъ, съ одной стороны, и политической идеологіей съ другой—это и значитъ разрѣшить задачу возникновенія идеологіи вообще, такъ же, какъ ея историческую закономѣрность.

Если мы посмотримъ на идеологію съ этой точки зрѣнія, то мы найдемъ, что характернымъ для психики исторически выяснившихся группъ и ихъ интересовъ является отнюдь не самое содержаніе идеологическихъ принциповъ и началъ, а только формы, въ которыхъ они выражаются. Другими словами, здѣсь дѣло идетъ не о томъ, что излагается въ качествѣ тѣхъ или иныхъ требованій, но какъ они формулируются, въ чемъ заключается методъ, при помощи котораго создается та или иная идеологія. Эти три основныхъ метода—мистическій, романтико-эстетическій и раціоналистическій—изображены нами уже въ подробностяхъ выше. Здѣсь, слѣдовательно, мы можемъ заняться изслѣдованіемъ уже иныхъ вопросовъ, а именно о томъ, представляютъ ли изъ себя означенные методы важный и существенный признакъ идеологическихъ построеній, и заслуживаютъ ли они поэтому научнаго изученія.

Вопросъ о важности и значеніи различныхъ идеологическихъ методовъ въ области политики можетъ быть разсмотрѣнъ съ различныхъ точекъ зрѣнія. И прежде всего нельзя не отмѣтить, что цѣлыя эпохи даютъ намъ картину господства опредѣленнаго метода, при чемъ на языкѣ такого метода созидаются не только политическія идеологіи, но такъ же высшіе нормативы права, нравственности и эстетики, такъ же, какъ само теоретическое изслѣдованіе. Можно даже отмѣтить, избѣгая тѣхъ преувеличеній, которыя свойственны теоретикамъ по соціальнымъ наукамъ, что какъ разъ въ исторіи мы замѣчаемъ своего рода идеологическія катастрофы, заключающіяся въ томъ, что на мѣсто одного ранѣе общепринятаго метода, является новый, который и устанавливаетъ послѣ долгой борьбы съ противниковъ свое болѣе или менѣе исключительное господство; таковы, напримѣръ эпохи теологическая, метафизическая и позитивная у Огюста Конта, таковы противоположенія средневѣковаго теологическаго міросозерцанія новому, свѣтскому и научному, по Эйкену, таковы общепринятыя противоположенія школы естественнаго права послѣдующей исторической наукѣ, и т. п. Съ исторической точки зрѣнія, поэтому,

можно утверждать, что идеологическіе методы представляютъ весьма серьезный интересъ для теоретика.

Но точно такъ же, какъ мы уже могли видѣть, въ высшей степени замѣчательна противоположность внутренней конструкціи каждаго изъ указанныхъ нами методовъ. При чемъ процессъ мышленія пользуется въ каждомъ изъ нихъ совершенно своеобразными метафизическими предпосылками, оригинальнымъ принципомъ оцѣнки явленій и ихъ обобщенія, наконецъ, оригинальной формулой для обоснованія практическихъ выводовъ. Съ точки зрѣнія логики подробное изученіе всѣхъ этихъ методовъ необходимо уже по тому одному, что очень часто въ одной и той же теоретической, деонтологической или телеологической системѣ мы находимъ примѣненіе безъ всякаго различенія методовъ, въ корнѣ отрицающихъ другъ друга и ведущихъ въ силу этого къ совершенно неразрѣшимымъ противорѣчіямъ. Смѣшеніе указанныхъ методовъ есть явленіе слишкомъ частое въ теоріи и практикѣ и избѣжать его возможно, лишь твердо давъ себѣ отчетъ въ самомъ строеніи каждаго метода.

Наконецъ не менѣе важно отмѣтить и практическое значеніе указанныхъ нами методовъ. И это потому, что всѣ они являются въ высшей степени важнымъ элементомъ современной жизни. Поскольку продолжаютъ свое существованіе соціально-психологическія предпосылки, необходимо влекущія за собой примѣненіе даже такихъ, казалось бы, устарѣвшихъ методовъ, какъ метафизическій и теологическій, они, вопреки О. Конту, продолжаютъ свое существованіе и въ наше время, при чемъ являются основнымъ способомъ мышленія со стороны подавляющихъ народныхъ массъ. Но и съ другой точки зрѣнія эти методы имѣютъ глубокое значеніе. Они неизбѣжно придаютъ свой особый характеръ той идеологіи, которая строится при ихъ помощи. Республика святыхъ представляетъ собой необходимо иную форму демократіи, нежели соціалистическое царство пролетарскаго позитивизма. Органически обоснованная реформа необходимо получитъ иную логику, а вмѣстѣ и императивную силу, нежели реформа, обоснованная раціоналистически. Совершенно иной характеръ носитъ общее блаженство, какъ государственная цѣль въ царствѣ Божіемъ и въ царствѣ человѣческомъ, или принужденіе во имя мистическихъ или раціоналистическихъ началъ.

Признавая необходимость изученія идеологическихъ построеній, мы должны вмѣстѣ съ тѣмъ теперь же опредѣлить, гдѣ и въ какой формѣ мы ихъ находимъ. И здѣсь, въ противорѣчіе многимъ изслѣдователямъ, мы должны установить тотъ фактъ, что, хотя и въ различной степени обработки и совершенства, мы, тѣмъ не менѣе, находимъ употребленіе всѣхъ трехъ методовъ для построенія политическихъ идеологій на всемъ протяженіи доступной нашему изученію исторіи. И если оставить пока въ сторонѣ весьма мало изслѣдован-

ную исторію древней Ассиріи, Египта и Персіи, то вездѣ безъ исключенія найдемъ мы наличность какъ мистическаго, такъ равно романтико-эстетическаго и раціоналистическаго метода. Правда, порою эти методы не только примѣняются безсознательно—таково, впрочемъ, общее правило,—но въ рамки одного очень часто влагается другой и развивается въ живомъ къ нему противорѣчіи; какъ мы увидимъ ниже, такое смѣшеніе методовъ есть явленіе прямо необходимое въ извѣстныхъ случаяхъ и на опредѣленной ступени развитія. Пока же, выходя изъ нашихъ предположеній, мы будемъ искать указанные нами методы у всѣхъ извѣстныхъ исторіи странъ и народовъ.

Что касается формы, въ которой примѣняются указанные нами методы, то само собою разумѣется, здѣсь нашему изученію подлежатъ не только спеціально философскіе и политическіе трактаты, но также произведенія народной музы, политической и экономической публицистики, драматическія произведенія, религіозные кодексы, юридическія уложенія,—однимъ словомъ, вся та поистинѣ необъятная масса твореній человѣческаго духа, гдѣ онъ оцѣниваетъ соціальныя силы, строитъ политическіе идеалы и проектируетъ планы для ихъ осуществленія на практикѣ. Само собой разумѣется, что охватить всѣ идеологическіе документы человѣчества въ одномъ очеркѣ совершенно немыслимая задача. Намъ остается поэтому удовлетвориться лишь тѣми, наиболѣе крупными, произведеніями, которыя уже болѣе или менѣе разработаны и стали достояніемъ исторической критики и научнаго изслѣдованія. Къ преимущественному матеріалу, которымъ мы будемъ пользоваться, принадлежитъ въ особенности исторія экономическаго быта, исторія права, политическая и религіозная исторія въ связи съ философіей права, а главнымъ образомъ, съ исторіей политическихъ и частью экономическихъ ученій.

Самое изложеніе исторіи развитія идеологическихъ конструкцій опредѣляется, наконецъ, тѣмъ, что мы въ настоящемъ изслѣдованіи преслѣдуемъ въ качествѣ спеціальной задачи изображеніе и изученіе какъ разъ опредѣленныхъ идеологическихъ методовъ, которые, правда, на практикѣ почти не проявляются въ чистомъ видѣ, но, тѣмъ не менѣе, должны быть выдѣлены каждый особо и разсмотрѣны во всей своей типичности и оригинальности. Только этимъ путемъ мы будемъ въ состояніи опредѣлить ту специфическую основу соціальнаго быта, которая черезъ посредство соціальной психики отдѣльныхъ общественныхъ группъ приводитъ къ созданію идеологическихъ конструкцій. Ясно отсюда, что опредѣливъ сначала соотношеніе соціальной среды и соотвѣтственной идеологіи въ групповой психикѣ, мы затѣмъ прослѣдимъ развитіе каждаго отдѣльнаго метода и его построеній въ отдѣльности, чтобы потомъ установить роль указанныхъ нами методовъ въ дѣлѣ созданія современной государственности, какъ идеологической организаціи.

Сообразно нашему плану изслѣдованія переходимъ теперь же къ нѣкоторымъ даннымъ групповой психологіи для того, чтобы выяснить самую почву для образованія того или иного метода.

Вполнѣ естественнымъ будетъ начать съ той общественной среды и ея психологіи, которая является исторической родиной всякаго рода мистическихъ построеній. Для нахожденія этой среды мы попробуемъ итти отъ наличныхъ идеологій къ изученію создавшей ихъ среды, такимъ образомъ, что мы поставимъ себѣ вопросъ, гдѣ и при какихъ условіяхъ возможна подобная идеологія, какую психику она предполагаетъ и какія условія способны создать данную психику. Найдя такимъ способомъ групповую психологію и производящую ее обстановку, мы легко можемъ примѣнить критерій найденнаго типа къ исторически даннымъ группамъ такъ же, какъ къ современности, и установить, гдѣ имѣются подобныя группы и создаютъ ли онѣ въ дѣйствительности свою идеологію тѣмъ методомъ, который для нихъ является психологически неизбѣжнымъ.

На основаніи принятаго нами порядка мы зададимъ себѣ теперь вопросъ относительно того, въ какой средѣ возможенъ чистомистическій методъ. Для отвѣта мы припомнимъ прежде всего, на какихъ чувствованіяхъ онъ основанъ, и какая среда наиболѣе къ нимъ способна. Таковой является безспорно прежде всего та, которой особенно свойственны переживанія мистическаго ужаса, но этотъ ужасъ есть результатъ, съ одной стороны, нѣкоторыхъ чрезвычайныхъ явленій, а съ другой — необходимое слѣдствіе мало развитаго интеллектуальнаго аппарата и сильно повышенной впечатлительности. Отсюда ясно, что необходимымъ условіемъ такого рода переживаній является, съ одной стороны, близость къ природѣ, къ ея стихійнымъ проявленіямъ, надъ которыми человѣкъ не имѣетъ власти, а съ другой—слабость интеллекта, свойственная примитивному человѣку, стоящему на одной изъ низшихъ ступеней развитія. Для того же, чтобы реакція мистическаго ужаса была особенно сильна, необходимо, чтобы тѣ стихійныя явленія, о которыхъ мы говоримъ, не только были непонятны, но и чтобы они вмѣстѣ съ тѣмъ грозили опасностью или гибелью лицу, психику котораго они такъ поражаютъ.

Какъ мы уже можемъ видѣть, своеобразный укладъ мистически настроеннаго характера зависитъ отъ объективныхъ и субъективныхъ условій. Первое, т.-е. непостижимая гибельная катастрофа, можетъ представляться таковой людямъ даже весьма культурнымъ и вызывать въ нихъ переживанія мистическаго ужаса. Однако при малой повторяемости подобныхъ катастрофъ, онѣ могутъ отразиться только временными рецидивами мистическаго ужаса, которые въ общемъ пройдутъ болѣе или менѣе безслѣдно. Ясно отсюда, что для полученія подлинной души мистика, необходимо нахожденіе его не только въ

чрезвычайной близости съ природой, но и подъ постояннымъ ощущеніемъ грозящей ему стихійной опасности, или, по крайней мѣрѣ, подъ довольно частыми ощущеніями такой стихійной катастрофы. Страхъ смерти и сама смерть въ ея реальномъ проявленіи являются однимъ изъ главнѣйшихъ источниковъ мистическаго ужаса. Близость къ природѣ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и беззащитность противъ смерти. Этимъ требованіямъ въ высокой степени удовлетворяетъ жизнь земледѣльца, рыболова, кочевника и т. п. представителей въ общемъ ненадежныхъ и преисполненныхъ опасностями промысловъ. Люди подобныхъ профессій и промысловъ являются какъ разъ тѣмъ передовымъ отрядомъ, который принимаетъ на свои плечи грозу и удары неорганизованной природы. Само собой разумѣется далѣе, что независимо отъ такихъ профессій могутъ быть эпохи и положенія, когда и другіе, казалось бы, болѣе вооруженные и защищенные классы населенія оказываются лицомъ къ лицу съ какими-нибудь непонятными явленіями катастрофическаго характера; таковыми могутъ быть нашествіе безчисленныхъ варварскихъ народовъ, передъ силой коихъ оказывается беззащитнымъ то или иное общество, массовыя землетрясенія, появленія губительныхъ эпидемій массоваго характера и т. п. Къ такимъ явленіямъ могутъ присоединиться иногда также явленія грознаго экономическаго характера на почвѣ соціальныхъ и экономическихъ явленій, въ родѣ страшныхъ голодовокъ, кризисовъ, прогрессивнаго обнищанія страны или поражающаго мысль и воображеніе процесса ея гибели и разложенія. Въ опредѣленныя эпохи мистическое настроеніе, спеціально же настроеніе мистическаго ужаса, можетъ стать всеобщимъ. Однако исторически устойчивымъ оно является лишь тамъ, гдѣ, какъ мы видѣли, его создаютъ постоянныя и твердыя объективныя причины.

Вторая предпосылка, которую мы указали выше, заключается въ повышенной эмоціональности и слабомъ интеллектѣ тѣхъ лицъ, которыя являются, такъ сказать, профессіональными мистиками. Но опять-таки какъ разъ эти признаки наблюдаемъ мы среди такъ называемыхъ трудящихся или низшихъ классовъ населенія, которые цѣликомъ отдаютъ свое время и притомъ съ раннихъ лѣтъ тяжелому физическому труду. Здѣсь необходимо, однако, различать опять-таки трудъ квалифицированный и простой, такъ какъ трудъ перваго порядка вводитъ работника въ міръ техническихъ приспособленій, близко связываетъ его съ различными техниками и мастерами и значительно повышаетъ его интеллектуальность. Наоборотъ, тотъ трудъ, который примѣняетъ самыя примитивныя орудія и не требуетъ ничего, кромѣ рутинной сметки и физическихъ движеній,—такой трудъ весьма мало содѣйствуетъ развитію интеллекта, особенно, если при этомъ отсутствуетъ высоко развитой организаторъ труда. Очень вліяетъ также на интеллектуальность работника и сознаніе связан-

ности его съ болѣе или менѣе обширнымъ цѣлымъ и представленіе объ общей зависимости его труда отъ общественнаго труда, какъ такового. Гдѣ этой связи нѣтъ, какъ то, напримѣръ, бываетъ въ натуральномъ хозяйствѣ, тамъ трудъ, направленный на достиженіе весьма близкихъ непосредственныхъ результатовъ, получаетъ эмпирическій утилитарный характеръ и не требуетъ для своего осмысливанія такихъ интеллектуальныхъ усилій.

Исполненная стихійныхъ катастрофъ обстановка такъ же, какъ малая развитость интеллекта, могутъ, однако, встрѣчаться не только тамъ, гдѣ мы имѣемъ налицо примитивныя условія труда и жизни. Напротивъ того, можно отмѣтить эпохи, когда ослабленіе интеллекта наступаетъ и среди весьма культурной обстановки. Это бываетъ вездѣ тамъ, гдѣ общественное развитіе въ силу хозяйственныхъ условій остановилось въ данной средѣ и не предъявляетъ болѣе къ интеллекту большихъ требованій, какъ только рутиннаго навыка, механическаго подражанія и разъ навсегда установленнаго шаблона. Въ такихъ случаяхъ можетъ произойти чрезвычайное ослабленіе интеллектуальной дѣятельности у лицъ, находящихся въ данной средѣ, а этимъ, въ свою очередь, порождается наклонность къ мистической боязни всего новаго, необычайнаго и необъяснимаго. Особенно часто такіе случаи остановки интеллекта встрѣчаются въ средѣ мелкихъ городскихъ классовъ, находящихся подъ неизмѣннымъ давленіемъ одного и того же рынка, предъявляющаго вѣками одни и тѣ же запросы. Въ отличіе отъ среды слабаго интеллекта такую среду можно назвать средой застывшаго или остановившагося интеллекта. Но такая пріостановка есть всегда начало регресса и смѣны сознательныхъ мотивовъ мотивами безъ или полусознательными. Господство ихъ находимъ мы особенно въ средѣ такъ называемаго мѣщанства, типичной средѣ пріостановленнаго интеллектуальнаго развитія.

Слабый интеллектъ съ предрасположеніемъ къ мистическому страху можетъ быть въ извѣстныхъ весьма узкихъ предѣлахъ воспитанъ и путемъ искусственныхъ приспособленій и мѣръ. Весьма характерно, что тамъ, гдѣ, какъ, напримѣръ, въ монастыряхъ, воспитывается спеціально мистическое настроеніе, примѣняются какъ разъ два указанныхъ выше способа для его полученія: съ одной стороны, объявляется война интеллекту, всякой критикѣ и всякому сомнѣнію, съ другой же—путемъ искусственнаго возбужденія въ человѣкѣ страха создается настроеніе ужаса. Средствомъ для воспитанія ужаса является здѣсь постоянное напоминаніе о смерти, преувеличенно пессимистическая окраска жизни, постоянное напоминаніе о страшномъ судѣ, о вѣчныхъ мукахъ, которыя ожидаютъ грѣшника въ аду, въ рукахъ сатаны и прочихъ бѣсовъ. На этой основѣ выработаны утонченнѣйшіе пріемы аскетики, которые искусственно погружаютъ

человѣка въ состояніе непрестаннаго ужаса. И замѣчательно, что однимъ изъ обычныхъ пріемовъ, при помощи которыхъ различные жрецы возбуждаютъ мистическое чувство своихъ пасомыхъ, является какъ разъ устрашающій разсказъ, сопровождаемый самыми энергичными жестами и яркими, потрясающими психику картинами. Къ этому же пріему прибѣгаютъ и молящіеся, желающіе вызвать въ себѣ мистическое настроеніе. Они внушаютъ себѣ путемъ жестикуляціи отчаянія и образовъ своей погибели мистическій ужасъ, послѣ котораго начинается соотвѣтственный подъемъ. Біеніе себя въ грудь, колоченіе лбомъ о стѣну и землю, вопли ужаса и отчаянія, все это — прекрасное средство для достиженія указанной цѣли.

Но, какъ мы видѣли выше, не одинъ мистическій ужасъ является составнымъ элементомъ переживаній мистика. Почти въ такой же степени для мистической души нужны ощущенія непосредственной близости съ различными душами, мертвыми и живыми, человѣческими и сверхъ-человѣческими. Совершенно ясно, что для наличности такихъ переживаній необходимы нѣкоторыя черты въ самомъ строѣ умственныхъ способностей воспринимающаго лица. И мы не ошибемся, если отмѣтимъ здѣсь въ качествѣ такой субъективной черты какъ разъ наличность чрезвычайно живого воображенія, способнаго одушевлять окружающій міръ и населять его фантастическими образами. Подобныя черты находимъ мы особенно присущими дѣтской психологіи, такъ же, какъ психологіи дикарей и тѣхъ классовъ населенія, которые состоятъ на болѣе низкой ступени культуры. Сила и живость воображенія у такой дѣтской психики настолько велика, что здѣсь нѣтъ никакихъ затрудненій къ преобразованію животныхъ въ духовъ и людей, неодушевленныхъ предметовъ въ существа одушевленныя, и т. п. Именно, благодаря этой чертѣ игра дѣтей становится настоящимъ серьезнымъ дѣломъ, а дикари и малоразвитые люди посвящаютъ половину своей жизни игрѣ съ фантастическими, но для нихъ реально существующими духами и богами.

Само собой разумѣется, что отмѣченная нами чрезвычайная живость воображенія сама должна быть сохранена и поддержана тѣми условіями, въ которыхъ живетъ человѣкъ. Она немыслима въ средѣ, гдѣ всякое уклоненіе отъ строгой точности въ дѣйствіяхъ и воспріятіи немедленно же карается самымъ чувствительнымъ образомъ и влечетъ за собой тяжелыя послѣдствія. Другими словами, здѣсь предполагается среда, которая при затратѣ сравнительно мало интенсивнаго труда обезпечиваетъ, по крайней мѣрѣ, важнѣйшія потребности лица. Самыя же потребности оказываются довольно скромными и умѣренными. Вѣдь и ребенокъ, на котораго внезапно падаетъ необходимость тяжелой работы, въ значительной степени сокращаетъ свою игру и переходитъ къ болѣе положительнымъ методамъ воспріятія такъ же, какъ и реагированія на окружающую среду. Въ зна-

чительной степени должна содѣйствовать развитію чрезвычайной живости воображенія и крупная роль сна и сновидѣній, мрака и тумановъ, тишины и шума, свойственныхъ природѣ, — главнымъ же образомъ, ночи,—ночной тьмы, такъ же, какъ малаго и плохого освѣщенія различныхъ темныхъ мѣстъ, пещеръ, оставленныхъ зданій, даже жилыхъ помѣщеній. Тьма дѣвственнаго лѣса и его шумъ, тьма долгихъ зимнихъ ночей на сѣверѣ, такъ же, какъ и внезапная тьма наступающей ночи на югѣ, — все это поводъ для разгоряченнаго и необузданнаго воображенія къ населенію мрака тысячами живыхъ душъ. И если въ современномъ городѣ при его тѣснотѣ жизни и скученности населенія весьма трудно разыграться фантазіи, то, наоборотъ, для нея представляется обширный матеріалъ и въ темной глубинѣ моря и въ забытой среди дремучихъ лѣсовъ хижинѣ рыболова и въ затерянной въ степяхъ деревнѣ крестьянина.

Конечно, живость воображенія и склонность къ фантастической игрѣ можетъ быть поддержана исключительно и чисто-искусственнымъ образомъ. Укажемъ на нѣкоторые пріемы, которые съ успѣхомъ замѣняютъ собой, конечно, въ несравненно болѣе узкой средѣ примѣненія, указанныя выше естественныя условія. Къ такимъ принадлежатъ прежде всего искусственное уединеніе человѣка. Такое уединеніе всегда влечетъ сосредоточеніе человѣка въ себѣ, а бѣдность впечатлѣній извнѣ замѣняется ростомъ фантастическихъ представленій извнутри человѣческой психики. Точно такъ же воспитанію и организаціи фантазіи служатъ различные, странные и нелѣпые, съ обычной точки зрѣнія, жесты, обряды, церемоніи, образы, символы и повѣствованія. Когда человѣкъ видитъ серьезно производимые непонятные движенія и жесты, онъ предполагаетъ разумную причину и думаетъ, что это обращенія къ нѣкоторымъ невидимымъ существамъ; и, заражаясь психикой человѣка, производящаго такіе жесты, онъ самъ легко начинаетъ предполагать наличность невидимыхъ духовъ и начинаетъ повторять адресованныя къ этимъ духамъ движенія. Подражательность является однимъ изъ излюбленныхъ средствъ для воспитанія воображенія, которое можетъ получить еще изобильную пищу въ разныхъ символахъ, одеждахъ, формахъ и т. п. Наконецъ наиболѣе сильнымъ пріемомъ въ дѣлѣ воспитанія воображенія является внушеніе, дѣйствующее не только непосредственно, путемъ гипноза, но и посредственно—при помощи передачи, съ полной вѣрою въ истинность разсказываемаго, всевозможныхъ исторій о чудесахъ и чудесныхъ превращеніяхъ, о привидѣніяхъ, духахъ, мертвецахъ и т. п. Не даромъ современные религіозные наставники и учители, съ одной стороны, рекомендуютъ уединеніе и сосредоточенность тѣмъ, кто желаетъ прійти въ мистическое настроеніе, а съ другой — питаютъ пасомыхъ

фантастическими разсказами и требуютъ ихъ участія въ обладающихъ силою внушенія дѣйствіяхъ и обрядахъ, не похожихъ на обычныя движенія и жесты. Всѣми этими способами человѣкъ изолируется отъ дѣйствительнаго міра и переносится въ міръ воображаемый, при чемъ внушеніе превращаетъ этотъ воображаемый міръ въ цѣлый рядъ галлюцинаторныхъ образовъ и ощущеній.

Мистическая психика проявляется еще въ экстазѣ и мистическомъ восторгѣ. Способность къ такому настроенію, являющаяся показателемъ болѣзненнаго разстройства нервной системы и умственныхъ способностей, опять-таки должна по преимуществу встрѣчаться, какъ массовое явленіе, тамъ, гдѣ мы находимъ меньше всего устойчивыхъ, организованныхъ характеровъ, и, наоборотъ, гдѣ психика, находясь на примитивной ступени развитія, будучи неустойчивой и неорганизованной, въ то же время подвергается цѣлому ряду внѣшнихъ неблагопріятныхъ вліяній. Прежде господствовавшее представленіе о томъ, что какъ разъ въ широкихъ кругахъ сельскаго трудового люда скрываются особые запасы силы и здоровья, въ настоящее время совершенно отвергнуто. Незащищенность отъ стихійныхъ случайностей и катастрофъ, крайняя неравномѣрность въ количествѣ и качествѣ питанія, бѣдность, монотонность и однообразіе впечатлѣній, наконецъ, страшное напряженіе физическаго труда въ связи съ недостаточностью врачебной помощи и беззащитностью противъ эпидемій,—все это даетъ наибольшій процентъ психическихъ заболѣваній какъ разъ изъ крестьянской среды и дѣлаетъ сельское населеніе особенно воспріимчивымъ къ истеріи и душевнымъ страданіямъ. Отсюда кликушество, юродство, ясновидѣніе, прорицательство, эпилепсія и религіозное помѣшательство, какъ особо частыя явленія въ средѣ дикарей, нашихъ инородцевъ и широкихъ массъ крестьянскаго населенія. Таковы чисто-естественныя причины, обусловленныя преимущественно экономическимъ положеніемъ массъ, которыя ведутъ къ расцвѣту религіознаго экстаза во всѣхъ его формахъ. Присоединимъ къ этому еще въ качествѣ особой причины весьма грубыя формы половой жизни, встрѣчающіяся среди сельскаго трудового люда, въ видѣ крайняго несоотвѣтствія лѣтъ супруговъ, насильственнаго искаженія полового чувства, отрицанія свободы любви и злоупотребленія патріархальной властью (въ видѣ снохачества) — и передъ нами какъ разъ тѣ заболѣванія въ области половой психопатіи, которыя имѣютъ особую и общепризнанную близость къ религіозному помѣшательству. Такъ создается психика чрезвычайно неустойчивая и слабая, которая способна давать не только единичныя заболѣванія, но появленія цѣлыхъ психическихъ эпидемій. Въ зачаточномъ видѣ мы находимъ подобное явленіе особыхъ временныхъ припадковъ массоваго помѣшательства у дикарей, въ частности у нашихъ инородцевъ (мерячество). Въ средніе вѣка, какъ мы знаемъ, эпиде-

мическое помѣшательство охватывало иногда цѣлыя области и увлекало въ дикой пляскѣ и иныхъ массовыхъ припадкахъ тысячи и десятки тысячъ людей. И сейчасъ психологія толпы даетъ намъ много явленій такого атавизма, при чемъ, конечно, психика массъ, состоящихъ изъ такъ называемаго народа, оказывается еще болѣе способной не только на порывы религіознаго экстаза, но и настоящія преступленія подъ вліяніемъ религіознаго психоза.

Само собой разумѣется, что, кромѣ психики, обусловленной положеніемъ широкихъ слоевъ народа, возможно искусственное воспроизведеніе той же психики въ болѣе узкихъ общественныхъ организаціяхъ, которыя имѣютъ цѣлью использованіе и поддержаніе народныхъ мистическихъ переживаній въ интересахъ той или иной болѣе тѣсной группы людей. Вотъ почему, въ общемъ, нормальные и здоровые люди, желая приспособиться къ мистическимъ переживаніямъ народа, принимаютъ рядъ искусственныхъ мѣръ, при помощи коихъ могутъ быть технически воспроизведены явленія мистическаго экстаза. Съ этой точки зрѣнія можно сказать, что жрецы гораздо раньше были спеціалистами по психіатріи, нежели современные врачи. Имъ удавалось не только имитировать, или даже временно вызывать состояніе экстаза, но и производить искусственно тѣ болѣзненныя явленія въ человѣческой психикѣ, которыя называются религіознымъ помѣшательствомъ. Укажемъ на нѣкоторые способы, примѣняемые какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ: таковы прежде всего физическіе пріемы въ родѣ гимнастики дыханія, стоянія на одной ногѣ, самоистязанія и увѣченія, искусственнаго подавленія половой потребности, искусственнаго голода и жажды или, наоборотъ, чрезвычайныхъ половыхъ излишествъ, кривляній, дикихъ плясокъ, круженій, прыганія и т. п. пріемовъ, доводящихъ до состоянія бреда и умоизступленія. Въ неменьшемъ распространеніи у спеціалистовъ религіознаго воодушевленія и тѣ пріемы, при помощи коихъ организуется массовый гипнозъ въ болѣе или менѣе обширныхъ скопищахъ. И здѣсь мы должны отмѣтить не только сосредоточеніе всѣхъ взоровъ на опредѣленныхъ блестящихъ предметахъ, не только единообразное повтореніе однихъ и тѣхъ же звуковъ и словъ, но и обширный аппаратъ дисциплины, при помощи котораго устраняются отдѣльныя произвольныя движенія, и вся масса, какъ одинъ человѣкъ, по сигналу, то подымается, то опускается, то кланяется, то становится на колѣни, пока, наконецъ, она не достигаетъ полнаго автоматизма. Само собою разумѣется, что такимъ путемъ подготовленная толпа становится послушнымъ орудіемъ въ рукахъ соотвѣтственныхъ спеціалистовъ и оказывается способной на отдѣльныя дѣйствія и поведеніе совершенно исключительнаго характера. Въ такихъ массовыхъ собраніяхъ напряженіе мистическаго экстаза можетъ достичь чрезвычайной всеобщности и силы.

Мы совершенно здѣсь не говоримъ о самыхъ предметахъ религіознаго воодушевленія, о тѣхъ идеяхъ, которыя внушаются путемъ организованнаго массоваго гипноза. Такой идеей можетъ стать, какъ показываетъ исторія, любое представленіе и образъ. И если мистицизмъ состоитъ въ концентраціи воль, при помощи непосредственнаго интуитивнаго чувства, на какомъ-нибудь живомъ существѣ, то совершенно понятно, что въ рангъ такого существа можетъ быть зачислена любая идея и представленіе. „Богомъ“ съ одинаковымъ удобствомъ можетъ быть отецъ небесный такъ же, какъ земной, какой-нибудь императоръ, государство, человѣчество и т. п. Мистическое чувство способно снабдить душой каждое отвлеченное понятіе, покрывающее собой хотя бы фикцію коллективнаго цѣлаго. На вопросѣ о томъ, какъ эксплуатируется мистическое чувство въ исторіи и современной практикѣ политической организаціи, мы остановимся еще спеціально на своемъ мѣстѣ. Теперь же продолжимъ наши изслѣдованія по поводу психическихъ условій, необходимыхъ для полученія мистической идеологіи.

Какъ мы видѣли выше, мистика находитъ благопріятную почву среди всего общества и всѣхъ его классовъ въ періоды крупныхъ общественныхъ и стихійныхъ катастрофъ, въ случаяхъ, когда рушатся цѣлыя цивилизаціи. Это положеніе мы теперь можемъ дополнить другимъ. Мистика необходимо присуща тому хозяйственному строю, который подъ именемъ натуральнаго хозяйства характеризуетъ собой бѣдную, примитивную культуру. Изолированность отдѣльныхъ, подъ часъ даже городскихъ поселеній, бѣдность и беззащитность жизни, подавляющее однообразіе быта, узкая замкнутость среды — все это производитъ явленія задержаннаго интеллекта, который очень легко поддается мистическимъ настроеніямъ. Наконецъ и для настоящаго общества мы можемъ отмѣтить тѣ классы, которые до сихъ поръ особенно близки условіямъ первобытной культуры, основанной на натуральномъ хозяйствѣ. Таковы не только бродячія племена, но широкія массы сельскаго населенія, которыя образуютъ собой основное ядро нынѣшняго крестьянства. Изъ городскихъ классовъ къ нимъ присоединяется тотъ еще уцѣлѣвшій отъ старины слой городского населенія, который извѣстенъ подъ именемъ „мѣщанства“ и состоитъ изъ мелкихъ ремесленниковъ, торговцевъ, ростовщиковъ, и т. п. Въ городахъ глухой провинціи, куда и до сихъ поръ еще не проникла высшая культура, основанная на производительномъ капиталѣ, и до сихъ поръ можно наблюдать господство мистики среди болѣе крупныхъ слоевъ городского населенія. Таковыми являются по преимуществу купцы, торговцы, какъ лица, меньше и позже всѣхъ захватываемыя новымъ хозяйственнымъ процессомъ и его культурой. Этими положеніями мы можемъ закончить нашу гипотезу относительно мѣстонахожденія той общественной среды, которой по преимуществу

свойственны мистическія переживанія. Гипотезу эту мы далѣе провѣримъ на историческомъ матеріалѣ, теперь же перейдемъ къ опредѣленію той психики, которая должна быть особенно воспріимчива къ идеологіи эстетико-романтическаго типа.

Какъ мы видѣли выше, въ основу такихъ переживаній положены различныя чувства: съ одной стороны, преклоненія передъ чѣмъ-то выдающимся и великимъ; во-вторыхъ, чувство близости и влеченія; въ-третьихъ, жажда художественнаго воспроизведенія прекраснаго сначала въ играхъ, а затѣмъ въ области изящныхъ искусствъ. Остановимся сначала на первомъ.

Чувство преклоненія и восхищенія предполагаетъ наличность двухъ сторонъ, которыя связаны этимъ чувствомъ. Съ одной стороны, лучшихъ, выдающихся, совершенныхъ, принимающихъ поклоненіе, съ другой—худшихъ и несовершенныхъ, которые воздаютъ поклоненіе. Для того, чтобы родились подобныя чувства, нужны прежде всего нѣкоторыя объективныя условія. Таковыми являются, съ одной стороны, тѣсное сожитіе двухъ различныхъ категорій лицъ, съ другой же—общность принципа, который являлся бы критеріемъ для сужденія о высокомъ и низкомъ, прекрасномъ и дурномъ. Такую среду находимъ мы какъ разъ въ патріархальной семьѣ, а затѣмъ и въ различныхъ родовыхъ соединеніяхъ, гдѣ мы находимъ младшихъ и старшихъ, отцовъ и дѣтей. Вполнѣ естественно, что, съ одной стороны, болѣе слабые младшіе питаютъ къ старшимъ любовь и почтеніе и стараются подражать имъ, съ другой же—старшіе охраняютъ, воспитываютъ и доставляютъ пропитаніе младшимъ и слабѣйшимъ. Подобныя же условія находимъ мы и въ тѣхъ трудовыхъ отношеніяхъ, которыя складываются по образцу семейно-родовыхъ. Отношенія ученика и подмастерья къ мастеру, съ которымъ ученикъ вмѣстѣ живетъ и работаетъ, у котораго питается и выучивается мастерству, складываются на необходимыхъ основахъ послушанія и дисциплины, почтенія и преданности, которыя являются результатомъ авторитета старшаго, зависимости и страха со стороны младшаго. Ученикъ и учитель въ области художества и науки принимаютъ, правда, менѣе принудительный характеръ, но и здѣсь мы имѣемъ все ту же связь лучшаго и худшаго, которая необходимо приводитъ къ той или иной идеализаціи лучшаго и преклоненію передъ нимъ менѣе знающаго, менѣе одареннаго, менѣе опытнаго. Но несомнѣнно, что и отношенія къ рабочимъ организатора и хозяина предпріятія, гдѣ для его веденія необходимы исключительная энергія, опытъ, техническія знанія и выдающаяся интеллигентность, легко приводятъ къ установленію особой связи между организаторомъ и руководителемъ дѣла, съ одной стоны, и его исполнителями—съ другой, а также часто и такихъ отношеній, которыя создаютъ нравственную связь между ними, награждаютъ перваго ореоломъ особой полезности для дѣла, дѣлаютъ предпріятіе

личнымъ созданіемъ предпринимателя. При интенсивно развитомъ земледѣліи даже на раннихъ ступеняхъ культурной жизни необходимо на первый планъ выдвигаются старѣйшины, свѣдущіе въ агрономіи и устройствѣ орошенія, въ предсказаніи погоды, въ астрономіи, въ животноводствѣ и т. п. Такъ, возрастъ и опытъ, пріобрѣтенный годами, техническая и умственная подготовка, хозяйское руководство— все это неминуемо служитъ основой для своеобразной идеализаціи лучшихъ, мудрѣйшихъ и опытнѣйшихъ.

Болѣе свободный характеръ принимаетъ идеализація въ тѣхъ случаяхъ охотничьяго быта, когда въ охотѣ принимаютъ участіе многіе охотники, дѣйствующіе подъ предводительствомъ одного, старшаго, при чемъ ловкостью и силой выдвигаются нѣкоторые, наиболѣе опытные и храбрые люди; такой именно характеръ носитъ охота на степныхъ звѣрей, охота на лошадяхъ. Рыболовство пріобрѣтаетъ подобный характеръ лишь тогда, когда оно опять-таки ведется ватагами и артелями на болѣе крупныхъ судахъ въ большомъ отдаленіи отъ берега, въ открытомъ морѣ. Возможность соревнованія, съ одной стороны, и необходимость предводительства — съ другой, особенно выдвигаются при мореплаваніи, связанномъ съ разбоемъ и торговлей. Здѣсь-то и есть гдѣ показать себя отважнымъ и ловкимъ людямъ, есть гдѣ пріобрѣсти богатый опытъ, понабраться ума-разума. И если уже въ коллективной охотѣ находимъ мы необходимость единой власти и высокое значеніе вождя-организатора, то въ особенности это можно сказать о морскихъ экспедиціяхъ въ цѣляхъ разбоя и торговли. Ту же психику удальства, молодечества и ловкости, сопряженную съ соперничествомъ, находимъ мы особенно въ кочевомъ быту, гдѣ обширность стадъ, необходимость постояннаго передвиженія, а также защиты живого имущества ведетъ по необходимости къ сложной организаціи и къ единству воли, сосредоточенной въ лицѣ опытныхъ и знающихъ вожаковъ. И какъ разъ появленіе такихъ организованныхъ ордъ, ватагъ, дружинъ ведетъ къ тѣмъ болѣе крупнымъ столкновеніямъ, которыя, съ одной стороны, даютъ разные виды охоты на человѣка, а съ другой—порождаютъ не только войны, но и порабощеніе однихъ людей другими. И нельзя не согласиться съ Ратцелемъ, что какъ разъ кочевники и мореплаватели были всегда тѣми завоевателями, которые садились на плечи привязаннаго къ землѣ, менѣе подвижнаго и менѣе сплоченнаго земледѣльческаго населенія.

Война всегда имѣла свою поэзію, она была не только средствомъ грабежа и порабощенія, но также самымъ раннимъ и энергичнымъ спортомъ, поприщемъ для соревнованія въ молодечествѣ и ловкости, выносливости и мужествѣ, въ находчивости и умѣньи командовать, организовывать и вести, такъ же, какъ въ способности предвидѣть и обдумывать. И уже очень рано у пастушескихъ и кочевыхъ племенъ такъ же, какъ у морскихъ торговцевъ и разбойниковъ, разви-

вается спортъ, какъ самостоятельное занятіе, а отъ всякаго юноши, желающаго правъ мужа, требуется особое испытаніе зрѣлости, которое состоитъ въ выполненіи ряда трудныхъ охотничьихъ и боевыхъ задачъ или въ добываніи опредѣленнаго количества военныхъ и охотничьихъ трофеевъ. Въ военной средѣ такимъ образомъ легко складываются отношенія романтическаго обожанія и преклоненія, съ одной стороны, и гордости, превосходства и снисхожденія—съ другой. Къ представленію силы и мужества здѣсь присоединяется умиленіе передъ героизмомъ и самоотверженіемъ людей, презирающихъ великія опасности и не жалѣющихъ ради славы и чести своей собственной жизни. Славу воина составляютъ не только его трофеи и добыча, но число и степень перенесенныхъ имъ бѣдствій и лишеній. И масса слѣдуетъ за вождемъ и подражаетъ ему, и простые воины не только идеализируютъ его вплоть до созданія легендъ и миѳовъ, но и сами готовы погибнуть за одинъ взглядъ такого витязя или полубога. И само собой разумѣется, что такой богатырь самъ себя чувствуетъ центромъ міровой жизни и готовъ искренно признать свое сверхчеловѣческое достоинство. Замѣчательное дѣло: только очень поздно отказывается человѣчество отъ своего исключительнаго преклоненія передъ военными подвигами, а исторія становится не хроникой чудовищныхъ кровавыхъ дѣлъ различныхъ завоевателей, а повѣстью мирнаго прогресса человѣческаго духа. Только съ великимъ трудомъ воинскій героизмъ уступаетъ мѣсто геніальному творчеству самой жизни.

Культурная и политическая жизнь свободнаго и мирнаго типа создаетъ иныя формы идеализаціи и романтизма. Насъ поражаютъ въ свободномъ обществѣ скорѣе герои спекуляціи и колоссальнаго успѣха, милліонеры, ставшіе таковыми изъ ничего, благодаря личной энергіи, личнымъ дарованіямъ и геніальной спекуляціи. И рядомъ съ нимъ привѣтствуютъ массы образъ великаго политическаго вождя, свободно избраннаго народомъ, ведущаго за собой массы къ побѣдѣ въ борьбѣ за государственную власть. И съ тѣмъ же энтузіазмомъ привѣтствуютъ жители увѣнчаннаго лаврами артиста, знаменитаго художника, создаютъ овацiи музыканту, который держалъ залу нѣсколько часовъ въ величайшемъ очарованіи. И не только хвалы, почетъ и обожаніе современниковъ, но и благодарная память потомства творитъ безсмертіе писателю, изобрѣтателю, художнику или ученому, и создается цѣлый пантеонъ человѣчества. Такъ образуется аристократія духа, и она опять-таки дѣлитъ людей на двѣ части высшихъ и низшихъ, обожаемыхъ и обожающихъ, властителей душъ, двигателей и творцовъ жизни, съ одной стороны, и массы пассивно воспринимающихъ—съ другой.

Такъ создается чувство преклоненія и восхищенія, которое у подчиненныхъ, подданныхъ и подвластныхъ даетъ ощущеніе удоволь-

ствія и счастья при оказаніи какой-нибудь помощи или услуги лицу почитаемому и уважаемому. Наиболѣе ярко выражается подобное чувство въ такъ называемомъ обожаніи, или чувствѣ чрезвычайной любви и преданности къ обожаемому. Обожающій чувствуетъ себя чрезвычайно мизернымъ и ничтожнымъ передъ лицомъ обожаемаго, но съ другой стороны, своей близостью къ послѣднему и участіемъ въ его дѣлѣ онъ самъ повышается и улучшается въ собственныхъ глазахъ. Становясь орудіемъ или одушевленной частью того, кто представляется стоящимъ на великой высотѣ, человѣкъ самъ чувствуетъ себя выше, лучше и красивѣе по сравненію съ другими, которые находятся внѣ общенія съ обожаемымъ лицомъ. Доблесть господина переходитъ на его слугу, слава вождя—на его воиновъ, мудрость наставника—на его слушателей и учениковъ. Такъ происходитъ своеобразное сочетаніе авторитета и преданности, власти и любви, при чемъ здѣсь не происходитъ полнаго поглощенія второго первымъ, но гармоническое ихъ сочетаніе.

Само собою разумѣется, что чувствамъ подчиненныхъ и преданныхъ соотвѣтствуютъ чувства властвующихъ и любимыхъ. У нихъ является чрезвычайно сильное ощущеніе своего „я“, своей личности. Эта личность чрезвычайно расширяется и растетъ. Человѣкъ начинаетъ смотрѣть на себя, какъ на нѣчто высшее, онъ бережетъ себя, онъ требуетъ для себя услугъ и разныхъ благъ со стороны тѣхъ, кто ниже его. Его поведеніе, внѣшность, манеры оказываются единственными, исключительными, неподражаемыми; онъ дѣлаетъ ихъ своимъ исключительнымъ достояніемъ, привилегіей. Всѣмъ прочимъ это запрещается или за ними это отрицается. Такое чувство расширенія своего „я“ заставляетъ человѣка обожаемаго смотрѣть на своихъ слугъ и почитателей, какъ на людей, облагодѣтельствованныхъ самой возможностью служить ему; онъ поэтому требуетъ отъ нихъ не только вѣрности и послушанія, но также благодарности за такое благодѣяніе. Съ другой стороны, чувствуя себя чрезвычайно богатымъ своими силами, талантомъ, доблестью и красотой, ощущая удовольствіе отъ расточенія своихъ благъ преданнымъ и вѣрнымъ, такой выдающійся и сильный не только защищаетъ своихъ почитателей и преданныхъ, но проявляетъ щедрость въ одареніи ихъ знаками своей благосклонности и милости. Такъ устанавливается не только связь преданности, но и благожелательной опеки, защиты и попеченія сильнаго, доблестнаго и богатаго слугами, кліентами и вообще всѣми, ищущими его помощи и поддержки.

Возможность воспитанія романтизма и героическаго поведенія очевидна на первый взглядъ, и мы находимъ такую практику въ особенности въ кругахъ, гдѣ первоначальные естественные источники романтизма уже исчезли, но есть настоятельная необходимость обособленія господствующаго класса и организаціи его въ замкнутую

общественную группу. Здѣсь романтизмъ можетъ быть въ извѣстной степени воспитанъ искусственно. Такъ, несмотря на вырожденіе современныхъ войнъ, которыя на мѣсто доблестнаго единоборства героевъ поставили принципъ механическаго истребленія наибольшаго количества людей, тѣмъ не менѣе, въ арміи воспитывается романтическое преклоненіе передъ удальствомъ и силой, мужествомъ и благородствомъ. Точно такъ же въ военныхъ сферахъ поддерживается принципъ чести, который по существу имѣетъ мало отношенія къ іерархіи нынѣшней военной бюрократіи; такъ же искусственно поддерживается увлеченіе спортомъ, страсть къ состязаніямъ, а гимнастическія игры становятся непремѣнной составной частью благороднаго времяпрепровожденія. За отсутствіемъ постоянныхъ войнъ особенное значеніе получаютъ путешествіе и охота. И хотя послѣдняя подчасъ получаетъ характеръ и видъ массоваго убоя искусственно разведенной дичины, тѣмъ не менѣе, окружается высокимъ ореоломъ настоящаго аристократизма. Созданіе цѣлаго ряда подробнѣйшихъ свѣтскихъ правилъ, пріемовъ обращенія и приличнаго поведенія заканчиваетъ текстъ той общественной пьесы, которая разыгрывается среди людей такъ называемаго „общества“ и носитъ названіе умѣнья жить и обращаться въ свѣтѣ. Громадную роль, наконецъ, въ такомъ искусственномъ воспитаніи романтизма играютъ яркія и пышныя одежды, всевозможные титулы, мундиры, эмблемы и атрибуты. Такъ организуется искусственная романтичность, которая можетъ войти въ плоть и кровь человѣка, стать необходимой частью самаго его существа. Нечего и говорить, что такой романтизмъ, являясь результатомъ искусственныхъ мѣръ организаціи воли, оказывается чрезвычайно гибкимъ и удобнымъ средствомъ къ тому, чтобы окружить романтическимъ ореоломъ или внѣшностью любое содержаніе. Центромъ такого чувства избираются обыкновенно различные представители власти, императоры и цари. И по отношенію къ нимъ примѣняются всѣ тѣ извѣстные намъ пріемы офиціальной идеализаціи и государственной романтики, которые мы уже отмѣтили выше. Ихъ скрываютъ отъ массъ, помѣщаютъ во дворцахъ, окружаютъ пышнымъ штатомъ, одѣваютъ въ роскошныя одежды и показываютъ народу лишь въ обстановкѣ различныхъ, разыгрываемыхъ придворными властями и войскомъ церемоній. Такъ создается особое романтическое обаяніе людей, почитаемыхъ главами государствъ. Въ самыхъ титулахъ выражается понятіе чрезвычайнаго величія, высоты, свѣта и т. п.

Въ современномъ обществѣ могучимъ орудіемъ искусственнаго насажденія романтизма безспорно является газетная реклама. Прежняя сага и легенда смѣнилась газетнымъ шумомъ и уличной проповѣдью. Но сущность осталась та же. Задачей рекламы является идеализація той или иной личности, предпріятія, партіи или дѣла, безразлично въ какихъ интересахъ. Характеръ искусственнаго на-

саженія романтизма здѣсь налицо, и рекламная эстетика не менѣе желаетъ внушить преклоненіе и восхищеніе передъ тѣмъ или инымъ героемъ площади, чѣмъ рыцарское воспитаніе и героическая повѣсть—обожаніе витязей меча и побѣды. И у рекламы своя техника внушенія и гипноза, своя система оглушающихъ и одуряющихъ впечатлѣній, свои оракулы и авторитеты, дѣйствующіе со всей утонченностью психологическаго опыта и искуснаго изобрѣтенія. И на ряду съ ложными героями древности, со средневѣковыми подложными святыми смѣло можно поставить политическихъ, художественныхъ и моральныхъ идоловъ современности, вздутыхъ рекламой до размѣровъ обязательнаго и неизбѣжнаго авторитета.

Въ соціальной эстетикѣ романтизмъ, состоящій въ способности расцвѣченія, украшенія и идеализаціи предметовъ, далеко не ограничивается культомъ героевъ и геніевъ, о которыхъ разсказываютъ саги, которымъ ставятъ памятники и устраиваютъ поклоненіе. Уже въ самомъ обожаніи выдающихся, исключительныхъ личностей, находимъ мы нѣкоторое количество любви и влеченія. И подобно тому, какъ источникомъ романтизма силы и власти является прежде всего чувство младшихъ по отношенію къ старшимъ, точно такъ же источникомъ собственно любовной романтики должно считать чувство влеченія половъ, мужчины къ женщинѣ, гдѣ, конечно, эти чувства не искажаются иными посторонними мотивами. Но здѣсь влеченіе выражается не въ стремленіи подчиненія, служенія и покорности, наоборотъ, здѣсь играетъ главную роль желаніе подчинить себѣ то прекрасное, привлекательное существо, которое возбуждаетъ любовь и страсть. И если порой мы находимъ въ любовной лирикѣ выраженія покорности, даже рабства и служенія, то все это дѣлается съ тою цѣлью, чтобы тѣмъ самымъ повысить цѣнность того существа, которое въ концѣ-концовъ должно стать наградой и добычей любящаго. Болѣе равенства находимъ мы въ чувствѣ братства и дружбы, гдѣ союзъ основывается или на общности воспитанія или взаимной потребности двухъ характеровъ въ общеніи и поддержкѣ. И нужно замѣтить, что всѣ эти чувства расположенія, влеченія и любви, зарождаясь сначала въ тѣсномъ кругу родовыхъ соединеній, способны охватить собой и внѣродовыя, внѣсемейныя связи. Такую среду, чрезвычайно тѣсную, гдѣ буквально всѣ горя и радости идутъ пополамъ, находимъ мы вездѣ, гдѣ общее дѣло и общія опасности надолго связываютъ людей въ боевое и трудовое братство. Дружба и товарищескія чувства моряковъ, на долгое время оторванныхъ отъ земли и связанныхъ въ тѣсномъ кругу своей компаніи, общеизвѣстны; такими же чертами отличаются чувства товарищества, взаимной вѣрности и поддержки у воиновъ, гдѣ кровь и смерть подчасъ завязываютъ неразрывныя узы. Всѣ писатели, наблюдавшіе бытъ дикарей-звѣролововъ съ высокимъ паѳосомъ рисуютъ ихъ братскія отношенія

И очень часто такая дружба приводитъ не только къ фиктивному установленію искусственнаго братства или побратимства, но и къ формальному принятію или усыновленію такого побратима чуждымъ ему племенемъ. Такое братство вполнѣ возможно, конечно, и тамъ, гдѣ мы находимъ тѣсное трудовое сообщество. Профессія съ необходимостью ведетъ къ весьма близкимъ и тѣснымъ связямъ, разъ она сосредоточиваетъ преданныхъ ей людей въ болѣе или менѣе изолированныя группы. Братства въ средѣ средневѣковыхъ гильдій и цеховъ, среди фабричныхъ рабочихъ нашего времени, имѣютъ въ себѣ очень много тѣхъ чертъ, которыя въ наиболѣе полномъ и чистомъ видѣ встрѣчаются какъ разъ въ семьѣ и родовыхъ организаціяхъ въ отношеніяхъ старшихъ къ младшимъ, а младшихъ по отношенію другъ къ другу. Но особенно тѣсная связь рождается тамъ, гдѣ встрѣчаются и сходятся люди одного культурнаго уровня, однихъ симпатій и вѣрованій, однихъ политическихъ убѣжденій и соціальныхъ стремленій. Таково братство въ средѣ организованныхъ классовъ и сословій, въ политическихъ, болѣе или менѣе боевыхъ, группахъ и соединеніяхъ,—братство людей одного призванія, находящаго порой и соотвѣтственную корпоративную организацію.

И мы не должны отрицать высокаго значенія любовныхъ, дружескихъ и товарищескихъ чувствъ въ дѣлѣ созданія политической идеологіи. Природа этихъ чувствъ въ одномъ отношеніи схожа съ чувствами преклоненія и подчиненія: какъ здѣсь, такъ и тамъ нѣсколько лицъ, связанныхъ чувствомъ, образуютъ изъ себя своего рода волевое цѣлое. Разница въ томъ, что въ первомъ случаѣ центромъ такого соединенія является воля обожаемаго или почитаемаго лица, которая и становится закономъ въ то время, какъ въ дружескомъ сообществѣ единство воль обусловливается взаимными уступками и желаніемъ сдѣлать пріятное другу, такъ что единство устанавливается путемъ нѣкоторой равнодѣйствующей, при чемъ она обыкновенно склоняется въ пользу того, кто больше любимъ и меньше самъ любитъ. Если мы сопоставимъ теперь романтизмъ авторитета и отмѣченныя нами чувства, мы замѣтимъ, что и въ послѣднихъ есть значительная доля не только романтизма, но и сентиментальности. Съ одной стороны, процессъ украшенія любимаго существа привлекательными свойствами или идеализаціей его достигаетъ здѣсь подчасъ громадныхъ размѣровъ, съ другой же—сильно развивается нѣкоторое сладкое и нѣжное чувство отъ соприкосновенія съ любимымъ существомъ. Послѣднее чувство можетъ достигать размѣровъ болѣе или менѣе сліянія двухъ душъ, при чемъ радость и горе одного ощущаются, какъ горе и радость другого. Бѣдствія человѣка поражаютъ въ такой же степени и его друга опасность жены, товарища, единомышленника, собрата вызываютъ, смотря по степени привязанности и любви, немедленную реакцію въ пользу близкаго человѣка, какъ самого себя.

И если мы теперь зададимся вопросомъ о томъ, въ какой соціальной средѣ мы найдемъ наибольшее господство такихъ чувствъ: съ одной стороны, преклоненія передъ авторитетомъ, а съ другой— широкаго развитія любви, дружбы и товарищескихъ связей, то мы должны отмѣтить здѣсь слѣдующіе соціальные круги. Въ крестьянствѣ упомянутыя нами чувства достигаютъ развитія лишь тамъ, гдѣ крѣпко хранится патріархальный авторитетъ, при чемъ обыкновенно въ самой семьѣ чувство братства играетъ лишь второстепенную роль. Въ крестьянской общинѣ, промысловыхъ артеляхъ и иныхъ соединеніяхъ весьма сильно развитіе братскихъ чувствъ и товарищества. Подобное же, но еще большее развитіе товарищества съ прибавленіемъ романтической преданности вождямъ находимъ мы въ средѣ дворянства, которое питается, съ одной стороны, героической романтикой военной среды, съ другой же — патріархальнымъ началомъ крупнаго землевладѣнія. Въ этой же средѣ мы находимъ исключительно сильное развитіе сентиментальности, какъ въ отношеніяхъ къ женщинѣ, такъ и въ дружескихъ связяхъ. Среду привилегированнаго землевладѣнія вообще должно считать спеціальной родиной всяческаго романтизма, такъ какъ именно здѣсь мы находимъ необходимую сплоченность властвующаго меньшинства, которое подобно военному лагерю охраняетъ въ странѣ свое господствующее положеніе противъ большинства трудового населенія, а въ частности крестьянства. Во-вторыхъ, достаточный досугъ и обезпеченность дозволяютъ этой средѣ пышно развивать удовлетвореніе другихъ потребностей, въ частности любви, игръ, поэзіи и т. д. Отсюда культъ женщины, товарищества, чрезвычайное развитіе сентиментальности въ отношеніяхъ между своими, а въ результатѣ—крѣпкая сплоченность всего класса, отрицающаго всякую сентиментальность по отношенію къ врагамъ или чужимъ. Изъ городскихъ классовъ развитіемъ патріархальныхъ началъ отличается старое купечество и ремесло въ его наиболѣе вліятельныхъ элементахъ, какими являются мастера и хозяева; наоборотъ, какъ разъ городскіе рабочіе классы съ очень древнихъ временъ даютъ намъ могучій расцвѣтъ братскихъ чувствъ, которыя неоднократно подкрѣпляются романтизмомъ борьбы труда съ капиталомъ. Современный пролетаріатъ, спеціально городское фабричное населеніе, даетъ намъ картину совершенно исключительнаго развитія трудового товарищества и боевой сплоченности, немыслимой безъ развитія особаго пролетарскаго романтизма.

Возможно ли искусственное воспитаніе чувствъ обожанія женщины, романтизма дружбы и духа боевого товарищества? На этотъ вопросъ, опять-таки относительно сплоченныхъ организацій, можно отвѣтить утвердительно. Прежде всего, конечно, преобладаніе женщины въ воспитаніи отроковъ и юношей неизбѣжно налагаетъ на нихъ сентиментальный оттѣнокъ, который легко можетъ перейти въ культъ

женщины вообще. Организація такого культа—дѣло вполнѣ возможное, при помощи соотвѣтственной литературы, музыки и другихъ способовъ вліянія на чувство. Важную роль играетъ здѣсь отвлеченіе отъ чувствительной любви ея животной природы и возведеніе ея на высоты платоническаго служенія женщинѣ, сопровождаемаго рядомъ символовъ и церемоній, при чемъ не малую роль здѣсь играютъ романтическіе фетиши. Чѣмъ болѣе дѣвушка или женщина удаляется отъ общественной жизни, освобождается отъ непосредственныхъ работъ даже въ домашнемъ хозяйствѣ, тѣмъ выше возможность культа женственности, какъ чего-то идеальнаго и прекраснаго самого по себѣ. Воспитаніе дѣвушекъ въ закрытыхъ заведеніяхъ является однимъ изъ наиболѣе дѣйствующихъ средствъ для удаленія женщины отъ жизни, приготовленія ея на роль идола романтическаго культа. Такъ же искусственно создается и поддерживается дружба родственниковъ путемъ объединенія ихъ въ особую организацію рода съ ея традиціями и эмблемами, культомъ предковъ и братствомъ живыхъ. Военная среда, особенно же военное воспитаніе молодежи въ закрытыхъ заведеніяхъ, является средствомъ для такого искусственнаго удаленія человѣка изъ обычной ему среды и усиленнаго насажденія товарищества, которое иногда воспитывается даже за счетъ романтизма власти или авторитета. Современная казарма дѣлаетъ то же самое относительно простыхъ совсѣмъ не военныхъ людей, которымъ она искусственно прививаетъ духъ товарищества. Въ западныхъ университетахъ духъ товарищества особенно подерживается при помощи особыхъ студенческихъ соединеній, корпорацій и землячествъ. Русскія землячества являются также спеціальными обществами академической молодежи не только для экономической цѣли, но и для искусственнаго поддержанія товарищеской связи, соединяющей питомцевъ средней школы опредѣленной мѣстности.

Чувство преклоненія передъ высокимъ и основанная на немъ романтика власти такъ же, какъ чувство близости и любви къ окружающимъ, какъ мы уже знаемъ, являются не единственными формами соціальной эстетики, дающей свой методъ для созданія идеологій и фантазмъ. Такое чувство находимъ мы въ обращеніи человѣка не только къ людямъ, но и къ себѣ, къ другимъ предметамъ и всему міру. Въ элементарнѣйшей формѣ чувство это выражается въ привязанности къ своему, родному вообще, къ ближайшей обстановкѣ и культурѣ, къ образамъ и видамъ, которые характеризуютъ собою привычный пейзажъ, привычныя постройки, родной бытъ. Такая любовь къ своему мѣсту и своей жизни, ко всему ея укладу, можетъ быть весьма велика и выражается въ ея воспроизведеніи или украшеніи. Украшеніямъ монарха и красивому наряду любимаго существа соотвѣтствуетъ здѣсь цѣлый рядъ предметовъ, которыми украшаются скамья, домъ, садъ, источникъ и т. п. Любовь охотника къ его лѣсамъ, лю-

бовь моряка къ водной стихіи находитъ совершенно аналогичное чувство въ любви крестьянина къ его дому или горожанина къ его комнатѣ. И во всѣхъ этихъ случаяхъ между человѣкомъ и окружающей его средой устанавливается такая же связь, какъ между двумя любящими существами. Человѣкъ, накладывая печать своего духа и труда на природу дѣлаетъ себѣ ее родной и сливается съ ней въ высшую гармонію, въ которой самъ онъ и окружающія явленія лишь части общей вызывающей радость картины. И подобно тому, какъ разлученіе съ любимымъ человѣкомъ влечетъ за собой тяжелое состояніе тоски, такъ и здѣсь оставленіе любимой и привычной среды, влечетъ за собой тоску по родинѣ, доводящую иногда до самоубійства.

Чувство привязанности къ предметамъ и особенно къ обстановкѣ, носящей культурный характеръ, отражающей въ себѣ творчество человѣка, допускаетъ весьма значительное расширеніе. Съ впечатлѣніями внѣшней природы сливается радость общенія съ близкими людьми; самая близость эта благодаря обогащенію культурнаго запаса получаетъ все болѣе широкое содержаніе. Родственникъ, землякъ, товарищъ уступаетъ мѣсто соучастнику высшаго культурнаго общенія, соотечественнику, какъ носителю общихъ даровъ національной культуры, единомышленнику, какъ представителю того же міровоззрѣнія, духовному брату, поставившему себѣ тѣ же самыя нравственныя цѣли; всѣ эти чувства, сливаясь вмѣстѣ съ чувствомъ любви къ внѣшней природѣ и культурѣ, созданной національнымъ трудомъ, даютъ въ результатѣ чувство, которое концентрируется около болѣе широкаго понятія націи, духовной родины или даже человѣческой культуры вообще. Понятіе это эстетическое въ томъ смыслѣ, что такая родина представляется непремѣнно прекрасной, милой и родной, при чемъ, если даже производится невыгодное для такой родины сравненіе, то все же она оказывается прекрасной, а недостатки ея получаютъ значеніе достоинствъ.

Если мы зададимся теперь вопросомъ, въ какой средѣ искать намъ этихъ различныхъ видовъ любви къ родинѣ, мѣстнаго и общаго патріотизма и т. п., то мы можемъ сразу же констатировать, что такая любовь тѣсно связана съ той матеріальной и духовной обстановкой, въ которой находится та или иная общественная группа. У разрозненныхъ и неподвижныхъ группъ, которыя вѣками представляютъ собой изолированныя единицы съ традиціонной культурой, само собой разумѣется, мы не можемъ найти никакого представленія о болѣе обширномъ отечествѣ, чѣмъ мѣстный приходъ, деревня и т. п. Но зато здѣсь мы найдемъ чрезвычайную любовь къ старинѣ, бережное отношеніе къ унаслѣдованной культурѣ. Крестьянство, по своей бѣдности, не можетъ дать такой любви къ унаслѣдованному богатству, къ предметамъ и обстановкѣ, которыя бы подерживались

вѣками. Этихъ предметовъ, попросту говоря, нѣтъ. Ихъ замѣняетъ земля, какъ единственное богатство, и къ землѣ крестьянинъ относится съ страстнымъ чувствомъ привязанности и любви. Поле, которое поливали своимъ потомъ и кровью долгія поколѣнія земледѣльцевъ, такъ же дорого крестьянину, какъ дорогъ землевладѣльцу его дѣдовскій дворецъ, домъ или замокъ съ садами, парками и массой драгоцѣнныхъ по воспоминаніямъ вещей. Романтизмъ земли и крестьянскаго труда, съ одной стороны, дополняется романтизмомъ барскаго дома—съ другой. И тотъ и другой очень часто дополняются, въ особенности, конечно, второй, романтизмомъ чистоты крови, передающей отъ предковъ къ потомкамъ настоящую старую силу и доблесть. Родовой романтизмъ широко развивается въ землевладѣльческихъ кругахъ и только чрезъ него, чрезъ понятіе службы и родовой чести устанавливается связь чувства между болѣе широкой родиной и дворянскимъ домомъ. Для крестьянина такой посредствующей средой является понятіе земли. Такъ дворянинъ и крестьянинъ по существу антипатріоты въ широкомъ смыслѣ этого слова: у нихъ слишкомъ большой и глубокій мѣстный патріотизмъ.

Изъ городскихъ классовъ подобной же тенденціей отличаются тѣ, наиболѣе отсталые, находящіеся на первоначальныхъ ступеняхъ денежнаго хозяйства, о которыхъ мы уже упоминали выше. Однако здѣсь мѣсто земли и дома уже занимаетъ болѣе широкая культурная единица, а именно—городъ, который и становится основой локальнаго патріотизма. Благодаря раннему появленію государственнаго начала въ городской жизни такъ же, какъ элементовъ городской свободы, само понятіе города расширяется и выдвигаетъ на первый планъ предметы матеріальной и духовной культуры. Городскія улицы, соборы, трактиры, площади и школы—это предметы общественнаго пользованія, необходимо связанные съ наличностью всего городского населенія цѣликомъ. Россія мало знала городовъ, которые въ ея исторіи замѣнялись большими поселеніями сельскаго характера. На Западѣ даже въ раннюю эпоху благодаря развитію хозяйства, камню и городской автономіи, городская культура уже получила самостоятельно значеніе. Будучи исполнена мѣстнаго характера, она все же исполняла понятіе патріотизма духомъ хотя и традиціонной, но, тѣмъ не менѣе, искусственной среды, созданной руками всего населенія. Патріотизмъ города въ этой формѣ становится въ рядъ съ романтизмомъ земли и родового дворянскаго дома.

Какъ патріотизмъ крестьянства, такъ и другіе его виды представляются несомнѣнно явленіями сложными. Представленіе, которое одѣвается романтическимъ чувствомъ, охватываетъ собой даже въ наиболѣе примитивныхъ формахъ цѣлый рядъ понятій, объединенныхъ наименованіемъ культуры. Еще въ большей степени мы находимъ такое понятіе патріотизма въ его болѣе развитыхъ формахъ. И если

мы обратимся теперь къ передовымъ классамъ современнаго общества, къ хозяйственнымъ, политическимъ и идейнымъ руководителямъ новой высоко-культурной среды, то мы увидимъ, что ихъ патріотизмъ, съ одной стороны, получаетъ новое содержаніе, а съ другой—весьма расширяется въ своемъ объемѣ. Упомянутыя группы интеллигенціи и буржуазіи считаютъ себя представителями національнаго хозяйства и всей построенной на этомъ базисѣ матеріальной и духовной культуры. Этотъ слой не приковываетъ болѣе глубокое интимное чувство къ какой-нибудь одной мѣстности или одному центру. Чрезвычайно подвижный, въ своихъ операціяхъ и дѣятельности часто переходящій границы государства, этотъ классъ воспитываетъ въ себѣ чувство привязанности лишь къ наиболѣе общимъ явленіямъ національной культуры, каковы политическія учрежденія, правовой строй, гражданское равенство и свобода, военное могущество, экономическій прогрессъ, колоніальное богатство, а больше всего, какъ разъ доступныя въ наибольшей степени этому классу искусства и науки. Въ силу весьма общаго и частью отвлеченнаго характера перечисленныхъ нами благъ романтизмъ буржуазіи весьма легко создаетъ міровоззрѣніе, имѣющее особое названіе патріотизма. Это патріотизмъ, который имѣетъ своимъ предметомъ всю націю и на первомъ планѣ тѣ элементы, которые являются какъ разъ носителями національнаго духа. При вырожденіи патріотизма онъ переходитъ въ націонализмъ, при чемъ на первый планъ выдвигается опредѣленная народность, которой и приписываются чрезвычайныя заслуги и ореолъ въ дѣлѣ созданія національной культуры. Прочія народности при этомъ осуждаются на поглощеніе со стороны господствующей. То, что обыкновенно въ настоящее время называется патріотизмомъ, есть какъ разъ произведеніе городской культурной психологіи, создающей изъ національности культурный центръ и окружающей его чувствомъ романтическаго, а иногда фанатическаго воодушевленія. И это вполнѣ понятно. Здѣсь романтизмъ слѣдуетъ за историческимъ дѣломъ буржуазіи, которая въ націи и національности видитъ не только истинную атмосферу своей жизни, но въ значительной степени свое историческое созданіе. Нечего говорить, что понятія патріотизма и національности совершенно отсутствуютъ у городского пролетаріата, у фабричныхъ рабочихъ, которые лишены пользованія культурой и своимъ трудомъ не связаны ни съ какимъ опредѣленнымъ отечествомъ. Послѣдній классъ является поэтому космополитическимъ.

Искусственно патріотическій романтизмъ возбуждается, главнымъ образомъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда предмету романтической привязанности грозитъ какая-либо опасность. Поэтому воодушевленіе народа въ пользу какого-нибудь вождя искусственно увеличивается при слухахъ объ угрожающей ему опасности или покушеніяхъ на его особу. Опасность, угрожающая любимому лицу, другу или товарищу,

также сильно повышаетъ дружескую связь съ нимъ и служитъ испытаніемъ самой дружбы. Точно такъ же для того, чтобы возбудить искусственно патріотизмъ, стоитъ только представить, что очагу, семьѣ, дому, городу и націи грозитъ какая-нибудь серьезная опасность, тогда вмѣстѣ съ желаніемъ защиты „священнѣйшихъ“ благъ человѣка является и повышенное настроеніе, доходящее до степени патріотическаго энтузіазма. Такое чувство можетъ быть, конечно, использовано не только для защиты, но и для нападенія. И если во имя романтическаго самопревознесенія личности возможно предъявленіе съ ея стороны повышенныхъ требованій покорности и послушанія по отношенію къ ней со стороны другихъ, то точно такъ же къ моменту опасенія за величайшія сокровища націи можетъ присоединиться превознесеніе націи, какъ обладательницы великихъ сокровищъ, а отсюда и требованіе покорности со стороны другихъ народовъ, такими сокровищами не обладающихъ. Нечего говорить, что весь аппаратъ романтической символики, декораціи, поэзіи, литературы и т. п. уже указанныхъ выше средствъ вполнѣ къ услугамъ націоналистической пропаганды, которая этимъ путемъ на время или въ болѣе узкихъ сферахъ можетъ сдѣлать чрезвычайные успѣхи.

И если мы теперь попробуемъ отмѣтить высшее напряженіе романтическихъ чувствъ, проявляющееся у человѣка во время всякой, особенно же сколько-нибудь опасной, игры, гдѣ происходитъ любованіе, наслажденіе своей силой, ловкостью, умомъ и красотой, то мы какъ разъ естественно и пришли къ такому моменту. Ибо, какъ разъ борьба, война, революція, дѣятельная и интенсивная жизнь, въ которой личность раскрываетъ весь запасъ своихъ наиболѣе яркихъ и мощныхъ сторонъ, немыслимы безъ особой поэзіи и романтики борьбы, какъ таковой. Подобная психологія борьбы съ ей присущей силою идеализаціи и энтузіазма, конечно, особенно сильна въ эпоху первобытной жизни, когда замиренная среда была чрезвычайно слаба и ограниченна, а жизнь людей сплошь была исполнена неустанной и по своимъ размѣрамъ героической борьбы. Съ замиреніемъ среды и образованіемъ профессіональнаго класса воиновъ-землевладѣльцевъ, романтика борьбы организуется въ этомъ классѣ. И, какъ мы видѣли выше, какъ разъ въ этомъ классѣ происходитъ искусственная организація боевой романтики, при помощи спорта и военныхъ игръ. Только отбываніе всеобщей воинской повинности втянуло массы въ эту грандіозную игру, хотя и съ нѣкоторымъ пониженіемъ личнаго начала. Но зато новая мирная борьба, политическая, хозяйственная и культурная, содѣйствовала развитію поэзіи борьбы въ другихъ, уже городскихъ классахъ и окружила ореоломъ общественнаго великолѣпнаго спорта, и биржу, и судебный состязательный процессъ, и борьбу политическихъ партій вокругъ избирательныхъ урнъ. И характерно, что повышеніе элемента борьбы и боевой романтики въ буржуазныхъ

слояхъ привело и здѣсь къ усиленію спорта, какъ средства, питающаго не только красоту и силу тѣла, но силу характера и необходимаго въ борьбѣ одушевленія. И если въ свое время пиратъ-купецъ стоялъ очень близко къ воину-землевладѣльцу, то и теперь буржуазія сходится съ поземельной аристократіей какъ разъ на поприщѣ спортивной борьбы и искусственнаго созданія боевой романтики. Нечего и говорить, что борьба классовъ, которая сознательно положена въ основу идейной организаціи нынѣшняго рабочаго класса является однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ, чтобы повысить боевую романтику въ средѣ народныхъ массъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ дать длительную и устойчивую форму тому революціонному романтизму, который при своихъ неорганизованныхъ порывахъ не разъ вырождался въ бунтарское варварство и безцѣльную жажду истребленія.

Переходимъ теперь къ психологіи раціонализма и созданныхъ имъ идеологическихъ построеній. Въ составѣ раціонализма мы можемъ различать нѣсколько отдѣльныхъ теченій. Первое изъ нихъ заключается въ воззрѣніи на міръ и общество, какъ на сцѣпленіе отдѣльныхъ силъ, при чемъ спеціально среди людей эти силы находятъ основной фокусъ концентраціи въ такъ называемомъ индивидѣ. Спрашивается теперь, какія психологическія предпосылки могутъ дать подобное механическое міровоззрѣніе.

Для отвѣта на поставленный вопросъ мы должны представить себѣ прежде всего самую сущность подобнаго метода; она заключается въ томъ, что человѣкъ какъ бы обезличиваетъ, умерщвляетъ міръ и становится по отношенію къ нему въ совершенно изолированное положеніе. Никакія душевныя, семейныя или родовыя связи не соединяютъ его больше съ міромъ. Точно такъ же не связываетъ его съ міромъ какое бы то ни было божество. И сердце и религіозное чувство въ такой душѣ совершенно умираютъ, мѣсто ихъ занимаетъ тотъ все взвѣшивающій и оцѣнивающій разумъ, для котораго нѣтъ ни пристрастій ни влеченій, но есть только внѣшній міръ, масса доступныхъ познанію и дѣйствію предметовъ. Эти предметы представляются въ качествѣ полной и совершенной противоположности познающаго „я“. И если даже внѣ этого „я“ имѣются другія подобныя ему „я“ или субъекты, то они ни въ коемъ случаѣ не выключаются изъ общей среды внѣшняго міра и не приводится къ нему ни въ какую особую непосредственную связь. Будучи сами для себя субъектами, для познающаго они все равно представляются только объектами, такъ какъ иначе не можетъ дѣйствовать наше внѣшнее познаніе. Отсюда въ качествѣ необходимости—весьма рѣзкое противоположеніе себя міру и противопоставленіе своихъ личныхъ желаній и стремленій окружающимъ не только предметамъ, но и человѣческимъ волямъ.

На первый взглядъ такая абсолютная система эгоцентризма или эготизма, превознесенія своего „я“, совершенно немыслима и не объ-

яснима. Тѣмъ болѣе—здѣсь нѣтъ совсѣмъ переоцѣнки своего „я“, какъ чего-то высшаго и лучшаго по отношенію къ другимъ. Однако такая психологія необходима вездѣ тамъ, гдѣ человѣкъ встрѣчается съ человѣкомъ, не какъ представитель соціальной группы, не какъ связанная съ даннымъ лицомъ общностью моральныхъ и эстетическихъ сужденій личность, но какъ изолированная единица, стоящая внѣ дружбы и вражды, внѣ морали и религіи, внѣ авторитета и симпатіи и всѣхъ подобныхъ основанныхъ на качествѣ сужденій. И дѣйствительно, когда на смѣну чисто-военнымъ отношеніемъ грабежа и завоеванія приходятъ отношенія мирной торговли и обмѣна, то какъ разъ вмѣстѣ съ рынкомъ появляется и новый принципъ отношеній человѣка къ человѣку. Психологія обмѣна сама по себѣ очень проста. Здѣсь человѣкъ противостоитъ другому человѣку, какъ совершенно чуждое существо, при чемъ одному нѣтъ ровно никакого дѣла до другого. Отношенія здѣсь устанавливаются благодаря одной лишь потребности со стороны одного купить, со стороны другого продать какой-либо объектъ обмѣна. Товаръ не имѣетъ ровно ничего общаго съ покупателемъ или продавцомъ. У дурного человѣка можетъ быть отличный товаръ, у хорошаго—наоборотъ... Точно также и въ дѣлѣ установленія цѣны. Она устанавливается совершенно независимо отъ качества обмѣнивающихъ лицъ, но только въ силу объективныхъ законовъ спроса и предложенія на рынкѣ. И какъ разъ рыночная цѣна того или другого предмета нисколько не мѣняется отъ того, что онъ, можетъ-быть, имѣетъ для продавца или покупателя совершенно особую цѣну въ силу религіозныхъ убѣжденій или романтическихъ привязанностей того или иного лица. Плохъ былъ бы тотъ торговецъ, который изъ жалости раздавалъ бы съ убыткомъ себѣ товаръ неимущимъ, плохъ былъ бы покупатель, который изъ любезности и уваженія къ продавцу заплатилъ бы вдвое или втрое за малоцѣнную вещь. Психологія обмѣна есть какъ разъ та, которую въ свое время заклеймили Марксъ и Энгельсъ въ качествѣ психологіи бездушнаго и холоднаго расчета, передъ которой умираетъ всякая сентиментальность и всякая романтика. И вотъ эта-то психологія съ естественной необходимостью даетъ возможность удаленія изъ міра человѣка всего, что связываетъ ихъ помимо торговой ариѳметики.

Ясно теперь, что вездѣ, гдѣ мы находимъ рынокъ, гдѣ хоть въ ограниченномъ объемѣ развивается спросъ и предложеніе, гдѣ идетъ борьба за „дешево купить“ и „дорого продать“, тамъ вездѣ мы найдемъ психологію, вполнѣ подготовленную къ воспріятію холоднаго механическаго воззрѣнія на жизнь и противоставленіе своего „я“ другимъ въ качествѣ объектовъ для удовлетворенія своихъ потребностей и желаній. Та же торговля, будучи искусствомъ получить съ другого человѣка возможно большій доходъ, научаетъ смотрѣть на людей по своей мѣркѣ и видѣть въ нихъ такихъ же пріобрѣтателей, исполнен-

ныхъ корысти, какъ и самъ продающій. И если по отношенію къ покупателю такъ же, какъ продавцу, не существуетъ никакихъ особыхъ сдержекъ въ видѣ чести, любви или уваженія, то это еще усиливается перенесеніемъ психологіи торгаша съ его стороны на окружающихъ. Прибѣгая самъ къ обману и неблаговиднымъ пріемамъ, будучи исполненъ жадности и корысти, торгашъ и другихъ почитаетъ такими же, какъ онъ, а слѣдовательно, ставитъ на почву цинизма и свои отношенія къ другимъ продавцамъ и покупателямъ. Такая психологія весьма легко переноситъ опытъ рынка на весь окружающій міръ, и такъ получается циническое, эгоистическое и вмѣстѣ корыстное къ нему отношеніе. Убѣдившись далѣе въ слабости людей и силѣ элементарныхъ, наиболѣе матеріальныхъ и грубыхъ потребностей въ душѣ человѣка, торгашъ еще болѣе утверждается въ своемъ воззрѣніи, а самъ человѣкъ представляется ему даже не личностью, а только абстрактнымъ центромъ для сосредоточенія страстей, при чемъ такой центръ теряетъ въ концѣ-концовъ даже характеръ цѣльности и единства, и становится складочнымъ мѣстомъ потребностей, въ которомъ царствуетъ сильнѣйшая изъ нихъ безотносительно ея моральной и эстетической цѣнности. И это подтверждается ежедневнымъ опытомъ. Стоитъ найти у человѣка его наиболѣе слабую струнку, а вмѣстѣ и наиболѣе сильную страсть, и такимъ человѣкомъ можно управлять, какъ совершенной игрушкой.

Указанная точка зрѣнія не есть, однако, что-либо необходимо связанное съ одной лишь средой непосредственно торгующихъ. По мѣрѣ того, какъ увеличивается значеніе и власть денежнаго капитала и захватываетъ не только область кредита, но и труда, отдѣльнаго отъ человѣка, индивидуалистическая точка зрѣнія должна проникать въ болѣе широкіе круги, соприкасающіеся съ городскимъ капиталомъ. Но не нужно думать, будто капиталъ будетъ вызывать раціоналистическій методъ своей оцѣнкой и въ тѣхъ кругахъ, на которые онъ, можетъ-быть, дѣйствуетъ разлагающимъ образомъ. Для крестьянина съ его мистическимъ и романтическимъ міровоззрѣніемъ, капиталъ получитъ олицетвореніе въ видѣ такъ называемаго „жида“ и войдетъ, въ видѣ особаго злого, враждебнаго духа, во все его міросозерцаніе, но зато въ городскихъ кругахъ особенно наемнаго труда, капиталъ будетъ понятъ вѣрно въ своей сущности, хоть и вызоветъ отрицательное къ себѣ отношеніе. Городской рабочій классъ очень рано въ виду этого принимаетъ матеріалистическія тенденціи, хоть и пробуетъ ихъ вначалѣ прикрыть нѣкоторымъ мистическимъ покровомъ въ видѣ пантеизма, но зато раціонализмъ купца окажется весьма плодотворнымъ для техника, математика и естествоиспытателя. Для нихъ раціонализмъ есть первая ступень къ обоснованію положительной науки, и эту среду воистину можно считать искусственной средой привитаго знаніемъ и научной дисциплиной раціонализма.

И въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ, воспитавшій себя на постоянномъ анализѣ и разложеніи явленій, привыкшій изолировать ихъ и видѣть во всемъ мірѣ лишь идеальныя точки, концентраціи энергіи или силъ, исходя изъ необходимаго закона однообразія всего сущаго, не можетъ не переносить естественнаго математическаго метода на міръ общественныхъ отношеній. Отсюда возможность дополненія и оправданія рыночнаго опыта математической формулой позитивно мыслящаго философа. Отсюда и возможность самостоятельнаго обоснованія индивидуализма помимо міра, свободнаго обмѣна хозяйственныхъ благъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ самостоятельная традиція раціонализма уже независимо отъ среды, въ которой практически онъ получаетъ свои живые корни. Такъ становится возможнымъ и соотвѣтственное воспитаніе въ духѣ раціонализма, при чемъ здѣсь на первый планъ выступаетъ искусственное усиленіе эгоистическихъ мотивовъ нашего „я“, повышенная оцѣнка матеріальныхъ благъ, восхваленіе обмѣна, какъ показателя истиннаго содержанія жизни и человѣка, и усиленное знакомство съ математическими, физическими и экономическими науками. Этимъ путемъ можетъ быть воспитанъ искусственно не только теоретически, но и практически индивидуализмъ на утилитарной и раціоналистической подкладкѣ.

Психологія хозяйственныхъ отношеній на почвѣ денежнаго обмѣна можетъ дать и другое теченіе раціональнаго метода. Конкуренція, которая ведется на поприщѣ хозяйственной борьбы, сама по себѣ не предполагаетъ никакихъ особыхъ высокихъ наклонностей или дарованій, успѣхъ на ея поприщѣ въ полномъ смыслѣ слова дѣло наживное. Чѣмъ больше человѣкъ сбрасываетъ съ себя сѣть всевозможныхъ романтическихъ предразсудковъ и мистическихъ запретовъ, чѣмъ болѣе онъ становится самимъ собою, естественнымъ, нормальнымъ человѣкомъ, тѣмъ больше успѣваетъ онъ въ конкуренціи, но съ другой стороны, конкуренція заключаетъ въ себѣ требованіе приспособленія къ нормальнымъ среднимъ же потребностямъ, къ наиболѣе обширному среднему вкусу своихъ потребителей. Такъ оказываются даны самой практикой два въ высшей степени важныхъ понятія: съ одной стороны, естественнаго, въ противоположность связанному, неестественному, изуродованному предразсудками; съ другой же—понятіе нормальнаго въ смыслѣ средняго, обыденнаго, повседневнаго, такъ что первое и второе понятіе необходимо другъ друга дополняютъ. Къ этимъ понятіямъ присоединяются и новыя. Та же конкуренція необходимо даетъ ихъ. Они заключаются въ томъ, что, во-первыхъ, въ конкуренціи побѣждаетъ тотъ, кто больше возвращается къ естественному своему существу, отбрасываетъ искусственные свои сдержки и наиболѣе полно пользуется своимъ естественнымъ разумомъ. во-вторыхъ же, эта побѣда обезпечивается человѣку самой природой, такъ какъ среди противоборствующихъ силъ побѣждаетъ

сильнѣйшая, а сильнѣйшей оказывается та, которая наиболѣе близка природѣ, а слѣдовательно, обладаетъ всею силою естественныхъ страстей. Представленіе рынка, какъ свободной арены естественныхъ страстей, руководимыхъ разумомъ, есть необходимый выводъ изъ данныхъ практическаго міра. Этимъ путемъ не только освящается конкуренція, но и создается апоѳеозъ побѣдителю въ борьбѣ за хозяйственныя блага. Добытый такимъ путемъ эмпирическій законъ, въ силу необходимой тенденціи къ обобщенію, возводится затѣмъ въ законъ жизни вообще, при чемъ выставляется всеобщее требованіе свободы чувствъ и страстей, борьбу которыхъ природа и разумъ приводятъ къ наиболѣе благодѣтельнымъ результатамъ. И подобно тому, какъ купецъ побѣждаетъ въ конкуренціи благодаря свободѣ естественныхъ страстей, характеризующихъ собой средняго человѣка, точно такъ же и во всѣхъ областяхъ человѣческой жизни долженъ побѣждать тотъ, кто наиболѣе полно слѣдуетъ тѣмъ же страстямъ конкуренціи съ другими разумными существами.

И наблюденія въ средѣ научной дѣятельности, такъ же, какъ въ области духовной борьбы, казалось бы вполнѣ подтверждаютъ найденный на рынкѣ законъ. Именно свободная конкуренція спасаетъ духовную жизнь отъ закостенѣнія и смерти. Только тамъ наблюдаемъ мы истинный прогрессъ въ научномъ и художественномъ творчествѣ, гдѣ свободно идетъ борьба за истину и правду, гдѣ не умираетъ исканіе все новыхъ и новыхъ откровеній, гдѣ царитъ настоящая революція, ниспровергающая ошибочное и устарѣлое ради творчества новыхъ методовъ, новыхъ истинъ, новыхъ формъ. Становится почти несомнѣннымъ фактомъ, что лишь свободная конкуренція въ области религіозныхъ исканій даетъ горячую и искреннюю вѣру, что лишь свободно избранный моральный законъ даетъ нравственнаго человѣка. И даже въ области чувства, въ области любви лишь постоянная борьба за вниманіе, уваженіе и симпатію со стороны любящихъ и ищущихъ любви даетъ крѣпкую и живую любовь, свободную отъ мертвящаго вліянія привычки, условности и лицемѣрія... Всѣ подобныя наблюденія, особенно находятъ отзвукъ среди городского класса, который можно назвать городской интеллигенціей. Въ этомъ слоѣ населенія, вполнѣ естественно, городской капиталъ находитъ союзниковъ въ своей проповѣди принципа свободы. Далеко поэтому не правы тѣ, которые полагаютъ, что городская интеллигенція всегда является орудіемъ денежнаго капитала. Какъ мы видимъ, здѣсь имѣется и значительное совпаденіе групповыхъ интересовъ, выражающихся въ соотвѣтственной психологіи.

Если мы теперь обратимся къ психологической предпосылкѣ третьяго теченія раціонализма, а именно его юридико-политическихъ тенденцій, то мы найдемъ, что и здѣсь какъ разъ городской классъ является ихъ главнѣйшимъ создателемъ, ибо тамъ, гдѣ необходимо

протянуть связь между изолированными индивидами, обладающими каждый своей особой эгоистической волей, возможенъ только одинъ способъ, а именно установленіе юридической связи правъ и обязанностей. Какъ разъ юридическое мышленіе обладаетъ той особенностью, что оно замѣняетъ реальное отношеніе авторитетнаго властвованія и моральной обязанности фикціей двухъ юридически равноцѣнныхъ воль, обусловленныхъ понятіемъ правоспособности, при чемъ, въ сдѣлку вступаютъ не опредѣленныя лица, какъ таковыя, а только отвлеченные субъекты правъ. Такіе субъекты правъ являются въ сущности лишь юридическимъ выраженіемъ того средняго нормальнаго индивида, абстрактнаго носителя потребностей, всегда равнаго себѣ центра страстей, который уже знакомъ намъ, въ качествѣ созданія психологіи рынка. Съ точки зрѣнія групповой психологіи весьма легко различается то построенное на романтическомъ базисѣ „нѣмецкое право“, которое открыто въ средневѣковой Германіи такъ называемой германистической школой, и римское, чисто-городское право позднѣйшей эпохи, проникнутое началомъ раціоналистическаго индивидуализма. Какъ только субъектъ правъ былъ оторванъ отъ массы отдѣльныхъ правъ вообще и явилась возможность идеально разлагать эти права путемъ сдѣлокъ между нормальными индивидами, передавать и нагромождать ихъ въ любомъ видѣ и объемѣ, то этимъ самымъ дана была чрезвычайно важная для городского капитала возможность создавать свои имущественные комплексы, такъ же, какъ удерживать ихъ при помощи весьма легкаго и для торговцевъ доступнаго умственнаго процесса. И въ самомъ дѣлѣ, при помощи идеальнаго распоряженія правами возможно производить хозяйственныя операціи въ атмосферѣ, совершенно оторванной отъ какихъ-либо отношеній моральной отвѣтственности, личной привязанности, органической зависимости цѣлаго и частей или вліяній божественнаго духа. Обезличенію людей здѣсь соотвѣтствуетъ процессъ обезличенія вещей, которыя обращаются въ столь же безцвѣтные объекты правъ, какъ и юридическіе субъекты. Все здѣсь зависитъ отъ направленія воли самой по себѣ вполнѣ свободной, такъ какъ право очень скоро перестаетъ быть искусствомъ добраго и справедливаго и становится формальной оболочкой, какъ моральныхъ, такъ и совершенно лишенныхъ морали актовъ. И если хозяйство феодальнаго барона органически связано съ хозяйствомъ крѣпостного крестьянина, и ни тотъ ни другой по существу не имѣютъ и не могутъ имѣть права полной собственности; если далѣе отношенія общины и ея сочленовъ менѣе всего могутъ быть выражены въ строго юридической формѣ, а регулируются преимущественно романтически построенной моралью, то, наоборотъ, при помощи денегъ все дробится и становится текучимъ, а каждый обрывокъ, лоскутъ органическаго цѣлаго, можетъ стать предметомъ права полной собственности, подлежащей обмѣну и от-

чужденію. Тотъ, кто всѣ предметы оцѣниваетъ на деньги, подлежащія произвольному дѣленію или накопленію, никогда не затруднится перенести такое понятіе дѣлимости и собственности и на міръ живыхъ человѣческихъ отношеній.

Право собственности есть удивительное изобрѣтеніе раціоналистически настроенной городской психологіи, оно состоитъ не больше и не меньше, какъ въ полномъ правѣ распоряженія, не связанномъ никакими сдержками по отношенію къ тому, что признается вещью, такъ что здѣсь отвлеченный субъектъ имѣетъ право использовать, истребить и все, что ему угодно, сдѣлать съ той вещью, которая является на самомъ дѣлѣ человѣкомъ, животнымъ, или предметомъ, входящимъ въ любой хозяйственный комплексъ; при этомъ никакой другой субъектъ не имѣетъ права помѣшать субъекту-собственнику въ дѣлѣ даже истребленія вещи, въ которой нуждаются другіе. Какъ очевидно, подобно абстрактному характеру субъекта и вещи право собственности получаетъ также абстрактный, а вмѣстѣ съ тѣмъ абсолютный характеръ, который характеризуетъ собою власть, совершенно деспотическую по типу, произвольную по существу, не основанную ни на чемъ другомъ, какъ только на актѣ пріобрѣтенія, изъ которыхъ главнѣйшимъ является контрактъ или договоръ ничѣмъ далѣе не мотивированныхъ воль. Таковъ и долженъ быть институтъ, который есть результатъ борьбы чистыхъ, отвлеченныхъ силъ. Онъ есть голая сила по преимуществу, экономическая, естественная сила, облеченная въ правовой покровъ. Такое понятіе, ужасное въ своей чистой формѣ, является необходимымъ продуктомъ раціоналистическаго мышленія и психологіи той среды, которая, опираясь на игру конкуренціи, пріобрѣтаетъ при помощи естественнаго процесса хозяйственныя блага и закрѣпляетъ ихъ на основаніи естественнаго факта за безразличнымъ по существу индивидомъ. И если за фактомъ здѣсь ставится въ видѣ объясненія начало свободной естественной игры силъ, то фактъ отъ этого, конечно, нисколько не мѣняется и не пріобрѣтаетъ никакого оправданія ни съ точки зрѣнія Божескаго закона, ни человѣческой морали. Указанный нами характеръ фактическаго соотношенія силъ, легшій въ основу сознанія торговаго класса, необходимо долженъ былъ привести къ подыскиванію какого-нибудь высшаго, объективнаго принципа, который давалъ бы хоть нѣкоторое оправданіе налично существующему факту. Отсюда рѣшимость внести нѣкоторыя романтическія представленія въ область естественныхъ, а вмѣстѣ и хозяйственныхъ соотношеній силы, отсюда и нѣкоторое особое поэтизированіе природы, которую мы находимъ въ тѣхъ ученіяхъ, гдѣ природа, или, другими словами, сила, отождествляется съ разумомъ. Такъ рождаются теоріи, гдѣ природа насыщается нѣкоторой въ ней живущей правдой; гдѣ ея проявленія окружаются ореоломъ прекраснаго естества; гдѣ законъ причин-

ности возводится въ долженствованіе, а начало большинства становится панацеей справедливости. Въ такихъ ученіяхъ—завершеніе раціоналистическаго метода, какъ его строитъ городской классъ, основывающій свое могущество на деньгахъ и обмѣнѣ.

Въ низшихъ классахъ городского населенія, насколько ими воспринимается принципъ раціонализма, само собой особое вниманіе къ себѣ возбуждаетъ отнюдь не процессъ обмѣна, а потребленія, который для городской бѣдноты является вопросомъ жизни и смерти. Здѣсь, слѣдовательно, главный пунктъ раціонализма—это непрестанная нужда однихъ рядомъ съ чрезвычайнымъ излишествомъ другихъ, и это—несмотря на принципіальную одинаковость и равенство всѣхъ индивидовъ. Становясь на точку зрѣнія разумной природы и ощущая гнетъ своихъ неудовлетворенныхъ потребностей, которыя всѣ считаются совершенно разумными и естественными съ точки зрѣнія раціонализма, нуждающійся совершенно логично разсуждаетъ не только о естественности своей потребности, но и естественномъ и необходимомъ соотношеніи потребностей и тѣхъ средствъ, которыя служатъ для ихъ удовлетворенія. Природа, создающая потребности, создаетъ также достаточно предметовъ, служащихъ для ихъ удовлетворенія. Овладѣніе этими предметами есть законъ самой природы, а слѣдовательно, человѣкъ при помощи своей естественной силы всегда можетъ и долженъ овладѣть всѣми нужными для него вещами. Право собственности поэтому нисколько не подлежитъ устраненію, или упраздненію, но только измѣненію въ томъ смыслѣ, что всякій, имѣющій естественныя потребности, является и естественнымъ собственникомъ тѣхъ предметовъ, которые нужны ему для его жизни, а слѣдовательно, для питанія, защиты отъ холода, размноженія и т. п. Раціональное обоснованіе здѣсь совершенно то же, какъ и у представителей капитала, но психологія класса придаетъ ему совершенно иныя черты, такъ какъ, подчиняясь рынку и его естественному закону, этотъ классъ, тѣмъ не менѣе, предъявляетъ къ нему совершенно другія требованія, чѣмъ группа городского капитала. Такъ обосновывается идеологическое различіе между построеніемъ крупной и мелкой, а иногда призрачной собственности широкихъ слоевъ городской бѣдноты.

Въ рабочихъ классахъ городского населенія, которые представляютъ собой не властвующихъ, а подвластныхъ, не эксплуататоровъ, а эксплуатируемыхъ, воспринятый имъ методъ раціонализма пріобрѣтаетъ особую окраску. Здѣсь въ основу кладется не отношеніе обмѣна, а отношеніе производства, основанное на принципѣ покупного труда. Здѣсь индивидуализмъ снова наполняется нравственнымъ содержаніемъ. Въ основу производства кладется не отношеніе лица, купившаго трудъ, къ этому труду, а отношеніе лица, работающаго надъ созданіемъ той или иной вещи. Такъ устанавливается

опредѣленная связь между трудящимся и созданными его трудомъ цѣнностями, и на сцену выдвигается трудовой принципъ. Раціонализмъ здѣсь удерживаетъ въ томъ отношеніи индивидуалистическую точку зрѣнія, что онъ не различаетъ индивидовъ, какъ таковыхъ и считаетъ ихъ всѣхъ одинаково равными отвлеченными трудовыми единицами, но эти индивиды, создавая различныя цѣнности, тѣмъ самымъ конденсируютъ свои естественныя силы, выражающіяся въ количествѣ труда, въ производимыхъ ими предметахъ. А такъ какъ раціонализмъ исходитъ изъ естественной, первоначальной принадлежности силъ человѣка индивидууму, какъ естественному же ихъ обладателю, то и выставляется требованіе, которое должно предоставить каждому человѣку плоды его собственныхъ силъ, каковыми и являются созданныя имъ цѣнности и блага.

Приведенными соображеніями мы можемъ закончить наше предварительное изслѣдованіе о психологіи соціальныхъ группъ и способности ихъ пользоваться тѣмъ или инымъ идеологическимъ методомъ. Резюмируя сказанное, мы можемъ теперь дать нѣкоторое гипотетическое заключеніе, оно состоитъ въ слѣдующемъ.

Мистическій методъ необходимо связанъ съ той соціальной психологіей, которую мы находимъ у громаднаго большинства крестьянства, живущаго болѣе или менѣе въ условіяхъ натуральнаго быта. Къ нему примыкаютъ, съ одной стороны, нѣкоторыя группы охотничьихъ и рыболовныхъ племенъ, а съ другой—нѣкоторыя группы городского населенія, особенно мелкіе ремесленники и торговцы въ эпоху весьма ограниченнаго рынка, работающіе также въ значительной степени при условіяхъ натуральнаго хозяйства. Искусственной средой, основанной на мистической идеологіи, оказывается жречество, монашество, священство и т. п. организаціи, созданныя исключительно для эксплуатаціи религіозныхъ чувствъ населенія. Въ періоды упадка отдѣльныхъ цивилизацій и народовъ такъ же, какъ въ періоды рѣзкаго перехода отъ одной культурной формы къ другой, психологія другихъ классовъ населенія становится также весьма доступной мистическимъ настроеніямъ.

Романтическій методъ идеологіи оказался, далѣе, специфической особенностью соціальной психики крупнаго землевладѣнія, военнаго класса, къ которому примыкаютъ, съ одной стороны, кочевники и мореплаватели, а съ другой—тѣ круги городской культуры, которые путемъ художественнаго творчества и духовной борьбы создаютъ свое господство среди массъ и обосновываютъ аристократію духа. Искусственной средой, основанной на романтической психологіи, должно признать постоянное войско даже въ его современной организаціи. Романтика охватываетъ цѣлые народы во времена особеннаго развитія внутренней и внѣшней борьбы, во время революціи, съ одной стороны, во время войнъ освободительныхъ и завоевательныхъ — съ другой.

Методъ раціонализма находитъ особенно благопріятную почву въ городѣ среди класса, который посвящаетъ себя крупной торговлѣ. Съ переходомъ къ болѣе высокимъ формамъ денежнаго хозяйства этотъ же раціоналистическій методъ получаетъ доступъ въ среду городской мелкоты, а въ періодъ капиталистическаго хозяйства переходитъ въ сознаніе промышленныхъ фабричныхъ рабочихъ, или пролетаріата. Искусственной средой раціонализма должно признать тѣ свободныя профессіи, которыя особенно тѣсно соприкасаются съ наукой, техникой и юриспруденціей. Раціонализмъ становится господствующимъ въ цѣлой странѣ вмѣстѣ съ расширеніемъ и упроченіемъ капиталистическаго хозяйства. Это господство, однако, не можетъ быть ни постояннымъ, ни всеобщимъ при наличности вышеупомянутыхъ классовъ съ ихъ особой психикой и ею обусловленнымъ методомъ.

Конечно, такая схема можетъ быть упрощена,—можно сказать, что центръ мистицизма находится въ крестьянствѣ, центръ романтизма въ дворянствѣ, центръ раціонализма въ городскомъ классѣ. Но и эта схема, такъ же, какъ и предыдущая, представляетъ собою только самыя общія положенія, которыя нуждаются на самомъ дѣлѣ въ значительныхъ измѣненіяхъ и дополненіяхъ.

ГЛАВА VI.

Теократія какъ идеологическая форма.

R. Schmidt. Allgemeine Staatslehre, B. II. Kautsky und Bernstein. Geschichte d. Sozalismus. G. Adler. Geschichte des Sozialismus und Kommunismus. Pöhlmann. Geschichte d. antiken Sozialismus. Зѣлинскій. Изъ жизни идей, т. II. Каутскій. Античный міръ, іудейство и христіанство. Ренанъ. Жизнь Іисуса. Эйкенъ. Средневѣковое міровоззрѣніе. Общая исторія европейской культуры, т. V, Раннее христіанство. Рейснеръ. Государство и вѣрующая личность. Его же. Духовная полиція въ Россіи.

Теперь мы обратимся къ историческому развитію отдѣльныхъ политическихъ идеологій сообразно плану выработанныхъ нами схемъ и прежде всего остановимъ наше вниманіе на мистическихъ фантазмахъ и ихъ роли въ политическомъ сознаніи общества вообще и крестьянства въ частности.

Здѣсь насъ поражаетъ удивительное постоянство, съ которымъ соціальная мистика прибѣгаетъ уже съ самыхъ раннихъ временъ къ идеѣ нѣкотораго потеряннаго рая. Уже ассиро-вавилонскіе памятники рисуютъ намъ райское дерево со змѣемъ на немъ и съ женщиной, протягивающей яблоко мужчинѣ. И еврейскіе памятники подробно развиваютъ ассиро-вавилонскую легенду. Какъ говоритъ

Библія: „Насадилъ Господь Богъ садъ въ Эдемѣ на востокѣ и помѣстилъ тамъ человѣка, котораго образовалъ. И произрастилъ Господь Богъ изъ земли всякое дерево, пріятное на видъ и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди сада и древо познанія добра и зла". Этотъ рай рисуется чрезвычайно привлекательными чертами: люди въ немъ были чисты и святы, свободны отъ всякой неправды. Они были освобождены отъ всякой работы и необходимости пріобрѣтать себѣ трудомъ пропитаніе. Они были совершенно свободны отъ всякихъ болѣзней и смерти и среди „совершенныхъ неба и земли и всѣхъ принадлежностей ихъ" они властвовали „надъ рыбами морскими и надъ птицами небесными, и надъ скотами, и надъ всею землею, и надъ всѣми гадами, пресмыкающимися на землѣ". Владычество это было закрѣплено тѣмъ, что человѣкъ назвалъ имена всѣмъ животнымъ, которыхъ Богъ привелъ къ нему; а какъ извѣстно, по древнему обычаю, назвать чье-либо имя значитъ и овладѣть названнымъ. Нечего говорить, что въ раю мы далѣе не видимъ никакой земной власти, никакого государства, ни рабства, но самъ Богъ гуляетъ здѣсь вмѣстѣ съ человѣкомъ и даже работаетъ на него. Такъ, согласно Библіи первыя кожаныя одежды были сдѣланы Адаму и Евѣ самимъ Богомъ. Одного, однако, недоставало въ райскомъ состояніи, — человѣкъ былъ лишенъ того разума, которымъ обладалъ Богъ, несмотря на то, что былъ онъ созданъ по образу и подобію Божію.

Въ такихъ же привлекательныхъ краскахъ рисуетъ намъ первоначальный рай и греческая миѳологія. Здѣсь изображается то время, когда надъ міромъ властвовалъ отецъ Зевса—Кроносъ. Въ это время богиня правды была еще на землѣ. Матерь земля безъ всякаго труда со стороны человѣка щедро давала ему все нужное. Въ эту эпоху еще не было заповѣди Зевса „страданіемъ учись", и по словамъ Гесіода (въ удачномъ переводѣ проф. Зѣлинскаго), люди:

„Жили боговъ они жизнью, не вѣдая въ сердцѣ печали,
Горькихъ не зная трудовъ; не грозила имъ старости немощь.
Вѣчно цвѣтущіе крѣпостью рукъ и колѣнъ быстротою,
Смертные въ вѣчныхъ пирахъ беззаботно свой вѣкъ проживали,
А умирали, что сномъ побѣжденные; всякаго вдоволь
Было добра; отъ себя имъ рождала кормилица-нива
Хлѣбъ въ изобиліи; они же, спокойствіе въ сердцѣ вкушая,
Жили въ своихъ деревняхъ, окруженные счастья избыткомъ.

Впослѣдствіи картина золотого вѣка, царство Кроноса и Аѳродиты, было перенесено на аѳинскую сцену, и тамъ эти картины получили еще болѣе спеціальную окраску. Такъ, въ одной изъ пьесъ самъ Сатурнъ слѣдующимъ образомъ описываетъ прелести золотого царства (по переводу проф. Зѣлинскаго):

„Послушайте, люди, про радость житья,
Искони мною данную смертнымъ!
Тамъ міромъ дышала природа кругомъ;
Постоянной онъ былъ ей стихіей.
Не страхъ, не болѣзни рождала земля;
Добровольно давала, что нужно.
Тамъ въ канавахъ златое струилось вино;
Съ калачами тамъ сайки дрались,
Умоляя тебя: „что же ты губы надулъ?
Знай бери изъ насъ ту, что бѣлѣе!“
Захотѣлось—и рыба валила вамъ въ домъ
И, поджаривъ другъ дружку румяно,
Къ вамъ взбиралась на столъ; „хлѣбъ да соль, господа!
Вотъ, кушайте насъ на здоровье!“
И близъ стульевъ потоки похлебки неслись.
Съ ними глыбы варенаго мяса;
Тутъ же съ трубъ водосточныхъ подливка текла;
Вспрыснешь кусъ свой — и вдвое вкуснѣе!..
А съ горныхъ деревъ листопада порой
Все колбасы козьи валились.
Да стерлядушки жирныя — любо глядѣть! —
Да поджаренныхъ дроздиковъ кучи“.

И эта картина дополняется въ высшей степени важной чертой:

Ни раба тамъ міръ не видѣлъ
Ни рабыни никогда...

Въ Римѣ не только жила идея золотого вѣка, но и осуществлялась на дѣлѣ путемъ празднованія Сатурналій. Такимъ образомъ, ежегодно, въ декабрѣ воскрешался золотой вѣкъ Сатурна, при чемъ во время Сатурналій рабство прекращало свое дѣйствіе, всѣмъ полагалось общее угощеніе, наказанія на это время пріостанавливались, а щедрость матери земли замѣщалась взаимными подарками. Такъ водворялось всеобщее веселье и радость. Отблескъ того, что происходитъ въ „Елисейскихъ поляхъ“ или на островахъ блаженныхъ, гдѣ живетъ еще дѣва-Правда среди добродѣтельныхъ людей.

Лишнее говорить, что праздники Сатурналій были какъ разъ пріурочены къ тому времени, къ зимнему солнцевороту, который характеризовалъ собой и великій годъ древнихъ германцевъ. Вѣдь и у нихъ первоначальное царство боговъ, царство блаженства и счастья, знаменуетъ собой погибшій великій день съ его солнечнымъ сокровищемъ, похищеннымъ зимнимъ туманомъ или Небелунгами, съ его вѣчно зеленымъ деревомъ, которое потомъ перешло въ нашу рождественскую елку. Было блаженное царство и погибло. И только въ сказочной „Шлараффіи“ рисуютъ намъ германцы дивную страну, гдѣ нѣтъ ни труда, ни рабства, ни государства, гдѣ текутъ рѣки изъ вина и пива, строятся пряничные домики, а въ воздухѣ летаетъ

всякая зажаренная дичина. Славянская миѳологія достаточно присоединяется къ германской и не менѣе живо рисуетъ намъ кисельные берега и молочныя рѣки.

Уже съ перваго взгляда можно сказать, кто это мечтаетъ во всѣхъ этихъ пѣсняхъ и сказкахъ, кто создаетъ такую легенду-утопію. О хлѣбѣ мечтаютъ голодные, о вѣчномъ лѣтѣ—холодные, объ отдыхѣ—нуждающіеся, о полной свободѣ—обремененные всяческими цѣпями. И это предположеніе не обманетъ насъ; именно мечты о возвращеніи потеряннаго рая одушевляли еврейское крестьянство въ самую тяжкую эпоху его жизни, въ то время, когда новое великое царство Давида и Соломона вовлекло евреевъ въ общую хозяйственную и военную политику того времени и дало доступъ въ страну денежному хозяйству и ростовщическому капиталу. Это эпоха, когда первоначально свободный крестьянинъ, выросшій въ странѣ, гдѣ не было ни жречества ни военной касты, впервые почувствовалъ давленіе капитала, былъ задушенъ неоплатными долгами, ослѣпленъ всяческой неправдой и снизошелъ на положеніе крѣпостного или же арендатора, обложеннаго барщиной. А между тѣмъ, развѣ такъ было раньше? Еще въ VIII столѣтіи до Р. Х. процвѣтало сельское хозяйство древняго еврея. Земли не были обращены въ частную собственность, но находились въ общемъ владѣніи отдѣльныхъ колѣнъ, горы были покрыты виноградниками и оливами, долины и равнины—пшеницею и ячменемъ. Еврей-крестьянинъ сумѣлъ создать для своего домашняго обихода нужныя ремесла и искусства, торговлю же предоставилъ, какъ низкое, недостойное его мужицкихъ рукъ дѣло, населенію ханаанскихъ городовъ. Неудивительно поэтому, что съ гибелью мужицкаго рая должна была воскреснуть мечта о потерянномъ раѣ, о бывшемъ золотомъ вѣкѣ. И то же самое находимъ мы въ Элладѣ. И здѣсь въ VII вѣкѣ крестьянское населеніе переживаетъ настоящую катастрофу. Старый патріархальный вождь и владыка переселяется въ городъ, становится морскимъ торговцемъ, разбойникомъ и получаетъ вкусъ къ денежному обороту. Свободный крестьянинъ прежде имѣвшій сосѣдскую помощь и великодушное пособіе со стороны крупнаго владѣльца, теперь получаетъ ссуду подъ громадные проценты, разоряется, должаетъ, попадаетъ въ рабство. На несвободныхъ крестьянахъ барщина все растетъ, пока не низводитъ ихъ на положеніе рабовъ—гибнетъ старый крестьянскій рай, и Гесіодъ поетъ свою пѣсню.

Такъ космическій миѳъ о смѣнѣ добраго, свѣтлаго лѣта суровой и морозной зимою переносится на соціальныя условія крестьянина,—погибшее лѣто отождествляется съ потеряннымъ раемъ свободнаго и сытаго крестьянства; зима сливается съ новой соціальной зимой, которая такъ же стихійно пришла для земледѣльца, какъ приходятъ осенніе холода и зимнія бури. И вздыхаетъ о царствѣ Сатурна рим-

скій земледѣлецъ; и перекладываетъ на новыя струны старыя сказанія о погибшемъ днѣ нѣмецкій крестьянинъ и зажигаетъ елку, земное дерево своего потерянаго рая. Но миѳъ долженъ былъ получить развитіе и дополненіе, такъ какъ не только оплакивать потерянное, но и возвратить его стремился покинутый матерью-землей ея первый сынъ и любимецъ. Надо объяснить происшедшую катастрофу, надо найти средство, чтобы вернуть на землю вновь давно померкнувшія времена, и тутъ начинается второй актъ трагической идеологіи крестьянской души. И замѣчательное дѣло, для цѣлыхъ столѣтій создалъ ее именно еврейскій крестьянинъ, сталъ идеологомъ всего послѣдующаго римскаго, германскаго, кельтскаго и славянскаго крестьянства во всей его многовѣковой жизни на всемъ протяженіи послѣдующаго христіанскаго крестьянства.

Отмѣтимъ прежде всего, что у грековъ такъ же, какъ у германцевъ имѣются совершенно аналогичные миѳы, которые снабжены тою же канвой, которую находимъ мы и въ центрѣ еврейскаго идеологическаго построенія. Больше всего свой первоначально космическій характеръ носитъ этотъ миѳъ, конечно, у германцевъ, особенно же у скандинавовъ. Какъ извѣстно, здѣсь въ основу борьбы добра и зла положено представленіе о борьбѣ дня и ночи, лѣта и зимы, наконецъ, вѣчной зимы и вѣчнаго лѣта. И послѣ того, какъ побѣждаетъ зима, на сцену выступаетъ здѣсь свѣтлый Сигурдъ или Зигфридъ, богочеловѣкъ и искупитель. Онъ побѣждаетъ Нибелунговъ, питомцевъ холода и тумана, онъ оживляетъ спящую дѣву Брунгильду и добываетъ сокровища Рейна, которыя должны дать постоянное торжество богамъ небеснаго Азгарда. Но Зигфридъ падаетъ жертвой злой хитрости Нибелунговъ, и наступаетъ конецъ міра. Всеобщій огонь пожираетъ и боговъ, и людей, и природу. Опять торжествуетъ старый змѣй, который какъ океанъ окружаетъ всю землю. Но тогда на смѣну царства темнаго змѣя—царства вѣчной ночи приходитъ Бальдуръ, а съ нимъ водворяется на землѣ потерянный рай, торжество доблести и счастья. Сигурдъ или Зигфридъ уже олицетворяетъ собой новую идею; изъ представителя космической силы онъ постепенно принимаетъ образъ искупителя. Его жертва нужна для того, чтобы послѣ гибели нечестія въ послѣднемъ огнѣ пришло вѣчное спасеніе свѣтлаго Бальдура. Такъ потеря рая и гибель боговъ объясняется грѣхомъ, а въ качествѣ посредника между богомъ и людьми является богочеловѣкъ.

Въ эллинской миѳологіи дѣло спасенія міра получаетъ аналогичныя черты. И здѣсь земля погрѣшаетъ, она сходится со змѣемъ и замышляетъ противъ своего великаго супруга Зевса. Земля ненавидитъ Зевса, такъ какъ онъ есть разумъ и духъ, и онъ побѣдилъ не только землю, но и ея силы титановъ; но земля отомститъ своему побѣдителю, она подыметъ змѣя на Зевса и уничтожитъ его и весь

его міръ. Тогда наступитъ страшная ночь, подобная сумеркамъ боговъ германской миѳологіи. И только послѣ того придетъ Солнце-Богатырь, мститель за убитаго отца, онъ поразитъ землю и темнаго змѣя, тогда опять водворится великое лѣто. И у грековъ былъ безвременно погибшій спаситель боговъ, равный во всемъ Сигурду. Таковъ былъ Гераклъ, погибшій столь же трагически, какъ и Сигурдъ, отъ рукъ любящей женщины. Но у эллиновъ миѳъ объ искупителѣ получилъ новое развитіе. Аполлонъ былъ признанъ тѣмъ Мессіей, который дастъ окончательное торжество свѣту надъ мракомъ, воскреситъ угасшее царство золотого вѣка. Такъ Аполлонъ удовлетворяетъ вѣчной справедливости, очищаетъ первородный грѣхъ и уже здѣсь на землѣ открываетъ возможность избѣгнуть гибели людей и боговъ. И нечего говорить, что Дельфійскій храмъ, святилище Аполлона, сталъ центромъ, гдѣ сосредоточилось великое чудо отпущенія грѣховъ, возрожденіе человѣка и приготовленіе его къ новому приходу божіей правды на землѣ.

У евреевъ мы находимъ наиболѣе глубокое и соціально важное развитіе мессіанской идеи. И здѣсь, какъ причина изгнанія изъ рая, представляется грѣхъ. И здѣсь за грѣхъ грозятъ страшныя кары. И тяжесть ихъ все растетъ, и увеличивается грѣховность человѣка. Но такъ будетъ не всегда, придетъ царь-искупитель, придетъ Мессія и онъ вернетъ потерянный рай измученному, усталому человѣку. Слѣдующими чертами изображается у евреевъ грѣхопаденіе. Въ Эдемѣ росло дерево, подобное дереву германскаго рая; его плоды давали познаніе, равное мудрости Бога. И если по греческой миѳологіи только послѣ грѣхопаденія земли явилась мудрость, купленная страданіемъ, то и у евреевъ Богъ запретилъ человѣку вкушать отъ древа премудрости. Но первые люди не послушались Бога и вкусили познанія, при чемъ, конечно, по совѣту того самаго змѣя, котораго находимъ мы и у ассиріянъ, и у эллиновъ, и у германцевъ. Въ результатѣ — изгнаніе изъ рая. И самъ Богъ подробно мотивируетъ это: „Вотъ Адамъ сталъ, какъ одинъ изъ насъ, зная добро и зло; а теперь, можетъ-быть, онъ простретъ руку свою и возьметъ такъ же отъ дерева жизни и вкуситъ и станетъ жить вѣчно“. Такъ, чтобы избѣжать этой опасности, Богъ изгналъ человѣка изъ рая и послалъ на его голову болѣзнь и половую страсть, и скорбь, и тяжелый трудъ: „Проклята земля за тебя“, — та самая земля, которая у грековъ сама отогрѣла на своей груди змѣя, — „со скорбію будешь питаться отъ ней во всѣ дни жизни твоей. И терніе и волчцы произраститъ она тебѣ; и будешь питаться полевою травою. Въ потѣ лица будешь есть хлѣбъ, пока не возвратишься въ землю“. И послѣ этого человѣкъ былъ изгнанъ изъ рая, и пламеннымъ мечомъ херувима былъ отнынѣ загражденъ человѣку путь къ древу безсмертія...

И когда, дѣйствительно, кончился крестьянскій рай общаго родового владѣнія землей, оскудѣла земля и пришла гибель, человѣкъ испыталъ все предсказанное ему при изгнаніи изъ Эдема. И такъ рисуютъ намъ пророки, эти призванные вожди широкихъ массъ трудового народа, грѣхи соплеменниковъ, ихъ муки и преступленія: „Какъ вѣрная столица сдѣлалась блудницею,—восклицаетъ Исаія,—была исполнена правосудія, правда обитала въ ней, а теперь — убійцы... Начальники твои—отступники и товарищи ворамъ; всѣ они любятъ подарки и гоняются за мздою; они не заступаются за сироту, и тяжба вдовицы не доходитъ до нихъ... Вы стравили виноградникъ; награбленное у бѣднаго въ вашихъ домахъ... Горе вамъ, пріобрѣтающіе домъ къ дому, присоединяющіе поле къ полю, пока не будетъ мѣста, чтобы вамъ однимъ только жить на землѣ". Пьянство священниковъ и пророковъ рисуетъ Исаія и крючкотворство на судахъ, гдѣ громоздятъ „повелѣніе къ повелѣнію, правило на правило, немного тамъ, немного здѣсь", а въ результатѣ такіе судьи „запутываютъ человѣка словами и ставятъ сѣть для имѣющаго тяжбу у вратъ". Такъ водворяется всеобщій грабежъ и разореніе, душа голоднаго лишается пищи, и отнимается питье у жаждущаго; такъ создается союзъ неправды, и налагаются оковы рабства. На угнетенныхъ же падаетъ ярмо. И эту картину подтверждаетъ пророкъ Амосъ, „продаютъ праваго за серебро и бѣднаго за пару сапоговъ,—говоритъ онъ,—на одеждахъ, взятыхъ въ залогъ, возлежатъ при всякомъ жертвенникѣ, и вино, отобранное у осужденныхъ, пьютъ въ домѣ боговъ своихъ". „Пожелаютъ полей,—восклицаетъ пророкъ Михей,—и отнимаютъ ихъ; домовъ—и захватываютъ ихъ, притѣсняютъ человѣка и его домъ, мужа и его достояніе". И къ нимъ обращается пророкъ отъ имени Господа: „Вы отнимаете какъ верхнюю, такъ и нижнюю одежду у проходящихъ спокойно, какъ бы они возвращались съ войны. Жаль народа Моего: вы изгоняете изъ пріятныхъ жилищъ ихъ; у дѣтей ихъ вы навсегда отнимаете украшеніе Мое"; и далѣе тотъ же пророкъ характеризуетъ грабителей и ростовщиковъ, собственниковъ и угнетателей. „И когда ѣдятъ мясо народа Моего, и дерутъ съ нихъ кожу ихъ, а кости ихъ ломаютъ и дробятъ какъ бы въ горшокъ и мясо какъ бы въ котелъ: тогда взываютъ къ Господу; но Онъ не услышитъ ихъ... Такъ говоритъ Господь на пророковъ, вводящихъ въ заблужденіе народъ Мой, которые грызутъ зубами своими и проповѣдуютъ миръ, а кто не кладетъ имъ ничего въ ротъ, противъ того объявляютъ войну". Такою стала земля послѣ грѣхопаденія, и человѣкъ не могъ остаться безутѣшнымъ. И если къ эллину пришелъ Гераклъ, а затѣмъ Аполлонъ, если къ германцу явился искупитель Зигфридъ, чтобы восторжествовалъ Бальдуръ, то и къ еврею долженъ былъ прійти Мессія, чтобы воскресить потерянный рай на землѣ: „Отъ Сіона выйдетъ законъ и изъ Іерусалима слово Господне".

И слѣдующими чертами рисуетъ намъ Исаія Мессію, этого „Дивнаго, Совѣтника, Бога сильнаго, Отца вѣчности, Князя мира“: „Онъ будетъ судить бѣдныхъ по правдѣ и будетъ рѣшать дѣла смиренныхъ на землѣ по справедливости и поразитъ землю жезломъ устъ своихъ и умертвитъ нечестиваго духомъ устъ своихъ“; Онъ „поднимет̀ъ знамя народамъ и соберетъ разбросанныхъ израильтянъ и соединитъ разсѣянныхъ отъ четырехъ концовъ земли... И чужеземцы соединятся съ ними... а народы возьмутъ ихъ и приведутъ въ мѣсто ихъ; и домъ Израиля приметъ ихъ въ наслѣдство на землѣ Господа рабами и рабынями... Господь выйдетъ, какъ исполинъ, какъ воитель возбудитъ въ себѣ соревнованіе, будетъ вызывать, даже подниметъ военный крикъ и покажетъ свою силу надъ врагами своими“. „Такъ говоритъ Господь Богъ“ Израилю, „презираемому всѣми, отверженному народами, рабу властелиновъ“: „Я подниму руку мою къ народамъ и выставлю Мое знамя племенамъ, и принесу сыновъ твоихъ въ объятіяхъ и дочери твои будутъ несомы на плечахъ. И цари будутъ воспитателями твоими, и царицы ихъ кормилицами твоими; будутъ кланяться тебѣ лицомъ до земли и лизать прахъ ногъ твоихъ... ибо народъ и царство, которые не станутъ служить тебѣ, погибнутъ, и такіе народы совершенно истребятся... Смиренно придутъ къ тебѣ сыны притѣснителей твоихъ и припадутъ къ ногамъ твоимъ всѣ презиравшіе тебя“. И въ результатѣ такого могущества избраннаго народа наступитъ его матеріальное благосостояніе: „Ты будешь питаться тукомъ народовъ и наслаждаться царскимъ изобиліемъ“. Вмѣсто мѣди самъ Богъ доставитъ золото, вмѣсто желѣза—серебро, вмѣсто дерева—мѣдь, вмѣсто камней– желѣзо; золото и ладанъ, „богатства моря“, „всѣ достоянія народовъ“, „множество верблюдовъ“, овцы, овны, серебро, всякія сокровища — все это отдастъ Господь своему народу, всѣ драгоцѣнные камни отдастъ Господь своимъ вѣрнымъ, и счастливы будутъ они и сыты. „И вы, жаждущіе, зоветъ Господь, идите всѣ къ водамъ, и вы не имѣющіе серебра, идите покупайте и ѣшьте, идите покупайте вино и молоко безъ денегъ и безъ платы“. И въ этомъ блаженномъ царствѣ обращается Исаія къ народу: „Господь успокоитъ тебя отъ скорби твоей и бѣдствія твоего и отъ тяжкой работы, которой ты былъ порабощенъ“. И тамъ водворится вѣчный миръ. Народы „перекуютъ мечи свои на сошники и копья свои на серпы; не подниметъ меча народъ на народъ и не будетъ больше упражняться въ войнѣ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ прекратится и всякая власть, угнетающая человѣка, и лишь „сердце“ народа будетъ вспоминать объ ужасахъ. „Гдѣ дѣлающій перепись? Гдѣ принимающій подать, гдѣ осматривающій башни?“ Съ грабительствомъ, взятками и неправильными судьями прекратится и само государство. „Сильные будутъ вопіять внѣ города“, а притѣснителей народа Господь заставитъ ѣсть собственную плоть. И сама

природа приметъ свой райскій первоначальный видъ и возродитъ Эдемъ для мучениковъ земли. Свѣтъ луны станетъ, какъ свѣтъ солнца, и свѣтъ солнца будетъ увеличенъ въ семь разъ... Всѣ горы обратятся въ дороги и пути, подымутся насыпью. Ни зной, ни солнце не будутъ больше мучить человѣка, вмѣсто терновника вырастетъ кипарисъ, вмѣсто вереска вырастетъ миртъ. Соединятся вокругъ Божіей святыни кипарисъ и ель и букъ; въ пустынѣ вырастетъ кедръ, акація, миртъ и масличное дерево; въ степи вмѣстѣ вырастутъ пихта и яворъ и букъ; со всѣхъ голыхъ холмовъ потекутъ источники; озера появятся въ сухихъ мѣстахъ; посѣянное сѣмя возрастетъ сторицею, хлѣбъ станетъ соченъ и питателенъ, пасущійся скотъ найдетъ обширныя пастбища, „волы же и молодые ослы, которые обрабатываютъ землю, будутъ есть соленый кормъ, очищенный лопатой и вѣяломъ“, и даже дикія животныя прекратятъ дѣло истребленія, „волкъ будетъ жить вмѣстѣ съ агнцемъ, и леопардъ будетъ лежать вмѣстѣ съ козленкомъ; и телецъ, и левъ, и волъ будутъ вмѣстѣ, и малое дитя поведетъ ихъ“.

Таковъ дивный рай, который снова придетъ на землю и осчастливитъ человѣчество, рай наивный и простой, рай, который способенъ удовлетворить какъ разъ простыя потребности крестьянина, возведенныя пророкомъ въ перлъ созданія. Между этимъ раемъ и золотымъ вѣкомъ греческаго крестьянства поразительное, доходящее до мелочей сходство, обусловленное психикой труженика-земледѣльца. Выраженная въ Библіи съ потрясающей силой и удивительной красотой, мечта еврейскаго крестьянина должна была стать общимъ крикомъ всей послѣдующей крестьянской культуры. Великое значеніе для такого воспріятія библейскаго мессіанизма имѣлъ тотъ великій кризисъ крестьянскаго землевладѣнія, который предшествовалъ расцвѣту и гибели римской имперіи предъ Рождествомъ Христовымъ. Какъ извѣстно, обширная завоевательная политика Рима привела къ нѣкоторому внутреннему хозяйственному перерожденію. Римскій крестьянинъ, вынесшій на своихъ плечахъ все созданіе великой имперіи, съ одной стороны, былъ обезземеленъ благодаря сосредоточенію въ Римѣ громадныхъ капиталовъ и появленію обширныхъ латифундій съ рабскимъ трудомъ, съ другой же—благодаря тому, что лучшій цвѣтъ своей силы онъ отдалъ въ побѣдоносные легіоны римской арміи. Подъ давленіемъ обстоятельствъ масса римскаго крестьянства покинула отцовскія земли и старалась использовать свое привилегированное положеніе въ качествѣ членовъ господствующаго римскаго гражданства. Многіе его слои прямо перешли на положеніе того бездомнаго пролетаріата великаго города, который затѣмъ продолжалъ свое существованіе черни, находящейся на полномъ содержаніи государства, на даровыхъ хлѣбахъ и казенныхъ зрѣлищахъ. И когда затѣмъ произошло совершенное крушеніе системы, основанной на грабительствѣ

и завоеваніяхъ и совершенно незнакомой съ производительнымъ капиталомъ, опиравшейся на ростовщичество и хищеніе, естественно, что и римскій крестьянинъ былъ увлеченъ всеобщей катастрофой. Государство, лишенное всѣхъ своихъ основъ, снова возвратилось къ крестьянину, его порабощеніемъ и прикрѣпленіемъ къ землѣ думало обновить лишенныя золотого питанія артеріи своихъ финансовъ... Уже передъ Августомъ начался роковой процессъ разложенія римскаго крестьянства, раздѣленія его на нищихъ земледѣльцевъ и на обезземеленныхъ воиновъ, пролетаріевъ и иныхъ прибыльщиковъ и авантюристовъ. Нечего говорить, что такъ же, какъ и въ Греціи и въ Израилѣ, такъ и здѣсь процессъ этотъ совершался при дѣятельномъ вмѣшательствѣ алчнаго городского капитала, захватившаго въ свои сѣти заложенное крестьянское добро и личность самого крестьянина. Гракхи были лишь незначительный эпизодъ въ этой оргіи оптиматскаго торжества, и наканунѣ гибели имперіи римскій крестьянинъ поднялъ свой вѣчный стонъ о землѣ, воскресилъ мечту о старомъ золотомъ вѣкѣ, царствѣ безбѣднаго довольства и ничѣмъ не омрачаемой свободы. И голосъ великаго народа былъ громче, чѣмъ голосъ эллина и еврея. И самъ божественный Вергилій далъ свой стихъ, чтобы провозгласить Мессію въ лицѣ перваго потомка божественнаго Августа.

Вотъ ужъ послѣднее время настало Сивиллиной пѣсни,
Новое зиждя начало великой вѣковъ вереницѣ;
Вскорѣ вернется и Дѣва, вернется Сатурново царство,
Вскорѣ съ небесныхъ высотъ снизойдетъ вожделѣнный младенецъ.
Онъ вѣдь положитъ конецъ ненавистному вѣку желѣза,
Онъ до предѣловъ вселенной намъ племя взраститъ золотое;
Время придетъ; а пока, прислужиться желая малюткѣ,
Плющемъ ползучимъ земля и душистымъ покроется нардомъ,
Въ лотоса пышный уборъ и въ веселый аканѳъ нарядится.
Козочки сами домой понесутъ отягченное вымя,
Станутъ на львовъ-исполиновъ безъ страха коровы дивиться;
Сами собою цвѣты окружатъ колыбельку малютки;
Сгинетъ предательскій змѣй, ядовитое всякое зелье
Сгинетъ: сирійскій амомъ обновленную землю покроетъ,
Колосъ межъ тѣмъ золотистый унылую степь украшаетъ,
Сочная гроздь винограда средь терній колючихъ алѣетъ,
Меда янтарнаго влага съ суроваго дуба стекаетъ.
Броситъ торговецъ ладью, перестанетъ обмѣну товаровъ
Судно служить; повсемѣстно сама ихъ земля производитъ.
Почвы не рѣжетъ соха, ужъ не рѣжетъ лозы виноградарь;
Снялъ ужъ и пахарь ярмо съ изстрадавшейся выи бычачьей;
Мягкая шерсть позабыла облыжной обманывать краской:
Нѣтъ, на лугу ужъ баранъ то пріятною блещетъ порфирой,
То золотистымъ шафраномъ, то яркимъ огнемъ багряницы.
Столь благодатную пѣснь по несмѣнному рока рѣшенью,
Нити судебъ выводя, затянули согласныя Парки...

Но ожиданія Вергилія, а съ нимъ массы римскаго народа не сбылись. Бракъ Юліи и Марцелла не принесъ желаннаго потомка, но съ тѣмъ большей готовностью приняли сначала городъ, а затѣмъ и римское крестьянство вѣсть о рожденіи того Мессіи, котораго проповѣдывалъ Исаія. Въ Христѣ и христіанствѣ нашла свое сосредоточіе древняя легенда, а черезъ его посредство должна была стать основой мессіанизма и на его почвѣ созданной идеологіи.

Много времени прошло, прежде чѣмъ христіанство установило свою окончательную церковную версію. Вначалѣ второе пришествіе Спасителя и наступленіе вѣчнаго блаженства ожидалось очень скоро и притомъ на землѣ. Затѣмъ явилась идея такъ называемаго хиліазма или тысячелѣтняго царства Христова, которое должно предшествовать страшному суду, карѣ грѣшниковъ и торжеству праведныхъ. И только въ концѣ-концовъ царство Божіе было отодвинуто на небеса, а возвращенный рай сдѣланъ достояніемъ умершихъ и къ новой жизни воскресшихъ людей. Первоначальная церковь еще дѣлала попытки въ самой своей организаціи установить тотъ идеалъ равенства, братства и свободы, который съ такимъ упорствомъ провозглашало крестьянство въ своей пророческой мечтѣ. И это было тѣмъ легче, что христіанство дополнило эту мечту освященіемъ труда, а слѣдовательно, сдѣлало возможнымъ новый рай на основѣ общаго владѣнія и общаго труда; но чѣмъ дальше отодвигалась идея рая, съ одной стороны, къ временамъ Адама и Евы, а съ другой— къ небесному блаженству, тѣмъ серьезнѣе и глубже были попытки смягчить переходъ отъ безотраднаго состоянія погибели и грѣха къ состоянію совершенной святости и полнаго блаженства. Въ качествѣ такихъ средствъ, съ одной стороны, стали выступать различныя таинства и дары благодати, съ другой — земная власть, воспринявшая на себя мессіанскія задачи. Тысячелѣтняя устойчивость мессіанской идеи должна была очень рано показать властвующимъ классамъ, гдѣ скрывается идеологическій рычагъ, при помощи коего можно было безъ труда заставить себѣ повиноваться широкія народныя массы. И прежде всего мессіанскій ореолъ долженъ былъ плѣнить собой монархическую власть, которая этимъ путемъ становилась народной, а вмѣстѣ пріобрѣтала высшее божественное освященіе. Остановимся на нѣкоторыхъ историческихъ примѣрахъ такого земного царства, основаннаго на народномъ посланничествѣ по волѣ божества. Ихъ даетъ намъ и дохристіанская древность.

Вотъ передъ нами вавилонскій царь правды, Аммураби, который за полторы тысячи лѣтъ до пророка Исаіи говоритъ о себѣ въ словахъ, словно заимствованныхъ у еврейскаго пророка. Такъ, въ своемъ знаменитомъ кодексѣ, онъ называетъ себя „возвышеннымъ богобоязненнымъ царемъ, который пришелъ, чтобы водворить законъ правды въ странѣ, уничтожить негодныхъ и злыхъ, дабы сильный не вре-

дилъ слабому". Онъ источаетъ богатство и изобиліе, освѣщаетъ землю, однихъ жителей снабжаетъ водой, другихъ награждаетъ хлѣбомъ; „осмотрительный и заботливый", онъ устроилъ пастбища и водопой, онъ поддерживаетъ жителей въ нуждѣ, онъ пастырь угнетенныхъ и рабовъ, могучій царь, солнце Вавилона. Царь-защитникъ, онъ не былъ ни лѣнивъ, ни медлителенъ; онъ создалъ для людей убѣжище мира, разрѣшилъ всѣ трудности, пролилъ свѣтъ на нихъ; онъ истребилъ всѣхъ враговъ, даровалъ странѣ благосостояніе, предоставилъ жителямъ безопасность въ ихъ жилищахъ, не потерпѣлъ нарушителей спокойствія; приносящій спасеніе пастырь, котораго посохъ—прямота, добрый покровъ, распростертый надъ людьми, чтобы сильный не угнеталъ слабаго, чтобы обезпечить сиротъ и вдовъ, чтобы возвѣщать правду на землѣ, рѣшать спорные вопросы, возмѣщать ущербы,—написалъ онъ свой законъ на памятникѣ царя правды.

Въ лицѣ юнаго еврейскаго Іосіи мы находимъ живое воплощеніе мессіанскаго идеала; именно при немъ было создано Второзаконіе, сдѣлавшее попытку ввести въ странѣ соціальную реформу, столь нужную для массы крестьянства, стонавшаго подъ гнетомъ невыносимой задолженности. Подъ видомъ второго закона, найденнаго при Іосіи, вводится не только облегченіе положенія должника, но и рядъ мѣръ, которыя должны возвратить навсегда земледѣльца къ его землѣ. Каждый седьмой годъ не подлежатъ требованію сдѣланные долги, каждый седьмой годъ должны быть отпущены на свободу всѣ люди, проданные за долги въ рабство. Каждый пятидесятый юбилейный годъ долженъ принести съ собой не только прощеніе всѣхъ долговъ, не только возвращеніе отнятой земли, но и полное снаряженіе покинутаго хозяйства всѣмъ нужнымъ вплоть до живого инвентаря. И въ этотъ годъ проданные за долги дѣти и родственники, всѣ возвращаются назадъ подъ родной кровъ свободными и прощенными. Милосердіе къ рабамъ, помощь нуждающимся и слабымъ, ночлегъ и пища нищимъ и сиротамъ,—все это должно было быть осуществлено согласно второму закону, который на полѣ предписывалъ оставить снопъ, а на виноградникѣ гроздья ягодъ для голоднаго прохожаго. Каждый третій годъ вся десятая часть дохода должна пойти левитамъ, сиротамъ и вдовамъ, чтобы они насытились... Если бы эти мѣры дѣйствительно были осуществлены на практикѣ, добрый царь Іосія воистину могъ бы считаться предтечей царя правды, грядущаго помазанника.

Выраженный съ такою яркостью идеалъ Божьяго ставленника и царя правды само собой не былъ исключительной особенностью вавилонской и еврейской культуры. Напротивъ того, всѣ монархіи, построенныя на мистической идеологіи, старались дать въ лицѣ намѣстника Божія на землѣ сосредоточіе не только его небеснаго могущества, но и божественной всесозидающей, всеоживляющей силы,

а это именно и было олицетвореніе того чуда, которое должно было путемъ могучаго акта власти сразу повернуть колесо исторіи и дать людямъ истинное и притомъ всобщее блаженство. Поэтому элементы такого ученія о божественномъ царѣ мы находимъ буквально вездѣ, во всѣхъ древнихъ культурахъ. Отъ Бога производятъ себя одинаково и персидскіе цари, и египетскіе фараоны, мексиканскіе инки и японскіе микадо; несомнѣнно, что очень часто и преимущественно даже въ понятіи царя брала вверхъ идея грозной мистической силы, Божьяго гнѣва и страха, и такимъ представлялся онъ своимъ подданнымъ. Однако въ нѣкоторыхъ случаяхъ выступала на первый планъ мысль объ его искупительной роли, зиждительной и чудотворной силѣ. Таково, между прочимъ, было и то обоснованіе власти, которое мы привели относительно царя Аммураби. Само собой разумѣется, что когда античный міръ далъ грандіозную имперію подобно римской,—имперію, въ основѣ которой лежала масса трудового крестьянства, римскіе кесари, принявшіе ужъ издавна божественное освященіе и производившіе себя отъ боговъ, не преминули выступить въ роли искупителей и спасителей, когда это было необходимо, а именно въ эпоху крушенія древней цивилизаціи. Не даромъ римскіе императоры приняли въ восточныхъ частяхъ государства при апоѳеозѣ греческое имя Сотеръ, что значитъ — спаситель. Какъ мы уже видѣли выше, именно къ императорамъ было отнесено пророчество Сивиллиныхъ книгъ, которое предсказывало наступленіе золотого вѣка, благодаря появленію особаго благодѣтельнаго царя-спасителя или царя правды.

Какъ мы уже знаемъ, мистическая идеологія имѣетъ своимъ основаніемъ или чувство мистическаго ужаса, или мистическаго общенія, или, наконецъ, религіознаго экстаза. Въ историческомъ обоснованіи монархіи всѣ три психологическихъ момента мистики играютъ выдающуюся роль. Въ древне-восточныхъ монархіяхъ не было недостатка для обоснованія высшей власти на мистическомъ ужасѣ. Чудовищныя завоеванія, сопровождаемыя разореніемъ цѣлыхъ странъ съ истребленіемъ въ нихъ всего живого, съ полнымъ уничтоженіемъ всей наличной культуры были вполнѣ достаточнымъ аргументомъ, чтобы убѣдить массы земледѣльческаго населенія въ подлинности того или иного наслѣдника Озириса, сына Мардука или потомка богини Аматерасу, ибо воистину, если велики и страшны были стихійныя проявленія гнѣва божества, истребляющаго все живое молніей, потопомъ, землетрясеніемъ, то ничѣмъ не хуже былъ тотъ кровавый потопъ, который непрестанно заливалъ то Ассирію, то Мидію, то Персію, то Египетъ. И не даромъ на древнихъ фрескахъ такъ часто встрѣчается изображеніе убивающихъ, рѣжущихъ, колющихъ и торжествующихъ побѣду царей, изображенныхъ въ нѣсколько разъ большихъ размѣрахъ, чѣмъ прочіе смертные люди. И когда уже на западѣ Европы выросло первое міровое государство, великій Римъ,

то и здѣсь одного военнаго могущества, свирѣпости завоеваній и всеобщаго грабежа было достаточно для того, чтобы пламенемъ страшнаго бога окружить ликъ сидящаго на тронѣ небожителя. Какъ свидѣтельствуетъ Аппіанъ, послѣ возвращенія Цезаря изъ гражданской войны, ему рѣшили въ Римѣ „воздвигнуть, какъ богу нѣсколько храмовъ и, между прочимъ, одинъ храмъ ему вмѣстѣ съ богиней милосердія“... Какъ извѣстно, сначала обожествлялись лишь геніи императоровъ, затѣмъ императоры умершіе, но уже Калигула заставилъ почитать себя, какъ бога, при жизни. Эта божественность власти не прекратилась и при христіанствѣ, она лишь измѣнила свои формы.

Магическій элементъ въ созданіи монархической власти общеизвѣстенъ: и если у дикарей царь оказывается кудесникомъ, у котораго громъ находится во лбу, который мановеніемъ руки ниспосылаетъ дождь или огонь съ небесъ, насылаетъ и врачуетъ разныя болѣзни, то развѣ не то же мы видѣли на мессіанскомъ образѣ Исаіи или въ манифестѣ вавилонскаго царя правды; и если впослѣдствіи такія грубыя и примитивныя представленія о царѣ-волшебникѣ, о царѣ-чудотворцѣ видоизмѣняются, то развѣ въ самомъ чудѣ власти недостаточно основаній, чтобы считать именно царя вмѣстѣ съ тѣмъ и великимъ колдуномъ. И въ самомъ дѣлѣ, всякій монархъ отличается магической силой, его воля проникаетъ въ души тысячъ людей и двигаетъ ихъ, его слово въ одно мгновеніе создаетъ каналы, осушаетъ рѣки или истребляетъ и опустошаетъ цѣлыя области. Стоитъ ему захотѣть, и тысячи людей бросаютъ свою семью, свой домъ и идутъ, чтобы убивать другихъ или умирать самимъ по его слову. Единаго велѣнія царя довольно для того, чтобы всѣ сокровища подданныхъ были брошены къ его ногамъ, чтобы народъ отдалъ ему свой тяжко заработанный хлѣбъ, свой трудъ, свое достояніе. Это воистину—чудо. Въ сердцахъ обширной крестьянской массы вѣрою въ чудо она создаетъ его. И положительно мелочью кажется сравнительно съ волшебною силой царя та способность, которой одарили своихъ монарховъ французы и англичане, а именно — способность исцѣлять разныя болѣзни, а въ томъ числѣ и золотуху; какъ свидѣтельствуютъ историки, еще въ XIX вѣкѣ англійскій король возложеніемъ рукъ исцѣлялъ приводимыхъ къ нему дѣтей.

Мессіанская идея только завершаетъ, дополняетъ божественныя черты царей, ведущихъ свое происхожденіе отъ Бога, она предполагаетъ за ними спеціальное особое вдохновеніе, которое можно назвать благодатью царства. Ее правильно опредѣляетъ Аммураби, когда говоритъ объ остромъ взглядѣ, даннымъ ему богомъ Эа, о мудрости, дарованной Мардукомъ, объ особомъ призваніи вложить въ уста людей законъ и правду. „Духъ Господа Бога на мнѣ,—говоритъ Мессія у Исаіи,—такъ какъ Господь помазалъ меня, чтобы бла-

говѣствовать смиреннымъ... Возвѣстить годину благоволенія Господня... утѣшить всѣхъ печальныхъ". Понятно теперь, что до тѣхъ поръ не могъ Римъ признать христіанства, пока у послѣдняго былъ свой, отличный отъ римскаго императора Мессія, естественно вполнѣ, что послѣдующіе народы, объединившіеся вокругъ христіанскихъ помазанниковъ съ великой враждой смотрѣли на евреевъ, которые сохранили своего національнаго Мессію помимо тѣхъ спасителей, которые отъ христіанскаго чуда получили свою царскую власть... Прослѣдимъ теперь, какъ идея помазанничества христіанскихъ царей развилась исторически, пока не доросла до современныхъ институтовъ.

Первые христіане, какъ уже было отмѣчено, не признавали Мессіей языческаго кесаря. Напротивъ, онъ былъ для нихъ представителемъ змѣя. И когда христіане убѣдились, что и Іисусъ не останется съ ними послѣ Своего воскресенія, они безъ всякаго затрудненія приняли еврейскія мечты о будущемъ царствѣ. Въ откровеніи апостола Іоанна мы имѣемъ подробное указаніе относительно пришествія Христова. Сначала воскресаютъ лишь праведники, которые не поклонились звѣрю, они ожили и царствовали со Христомъ тысячу лѣтъ. Прочіе же изъ умершихъ не ожили, доколѣ не окончится тысяча лѣтъ. Это первое воскресеніе. Послѣ перваго воскресенія сатана опять освобождается изъ темницы и поднимаетъ мятежъ противъ Бога при помощи народовъ, находящихся на четырехъ углахъ земли. Небесный огонь пожираетъ мятежниковъ, и тогда происходитъ второе воскресеніе и страшный судъ, и послѣ него рождаются новое небо и новая земля. И тамъ возникаетъ святой городъ, устроенный на небесахъ новый Іерусалимъ, и въ немъ Богъ снова поселится вмѣстѣ съ людьми: „и отретъ Богъ всякую слезу съ очей ихъ, и смерти не будетъ уже; ни плача, ни вопля, ни болѣзни уже не будетъ, ибо прежнее прошло". Самъ же городъ будетъ построенъ въ видѣ четвероугольника изъ золота, ясписа, жемчуга и драгоцѣнныхъ камней. Вмѣсто луны и солнца тамъ будетъ свѣтить самъ Агнецъ, при свѣтѣ Его будутъ ходить спасенные народы, и земные цари принесутъ въ Него свою славу и честь. Тамъ будетъ протекать еще чистая рѣка, и опять возродится древо жизни, которое двѣнадцать разъ въ годъ будетъ приносить плоды и давать листья для исцѣленія народовъ... Таковы были всеобщія ожиданія христіанъ, и такъ какъ въ первое время они не имѣли ни формальной догмы, ни церковной власти, ни общеобязательнаго церковнаго права, то само собой разумѣется, между Христомъ и Мессіей и какими бы то ни было царями не было и не могло быть никакой необходимой связи, никакого земного посредничества.

Такое положеніе вещей рѣзко измѣнилось, какъ только христіанство благодаря дѣятельности римской общины измѣнило свою первоначальную организацію. Первоначальный христіанскій комму-

низмъ и свободный авторитетъ апостоловъ, пророковъ и евангелистовъ не выдержали чрезвычайнаго расширенія христіанской общины, такъ же, какъ появленія разнорѣчій въ ученіи свободныхъ проповѣдниковъ; одного свидѣтельства общины о наличности Духа святого въ томъ или иномъ учителѣ оказалось недостаточно, явилась потребность въ твердой, формально обязательной организаціи, а вмѣстѣ съ образованіемъ формальной истины и формальной добродѣтели, вмѣстѣ съ раздѣленіемъ общины на богатыхъ и бѣдныхъ, родилось также раздѣленіе на клиръ и мірянъ, на духовное начальство и вѣрующихъ въ качествѣ подвластнаго клиру стада. Священство, ставъ офиціальнымъ посредникомъ между Богомъ и людьми, очень скоро присвоило себѣ особые дары благодати, власть связывать и разрѣшать, а вмѣстѣ съ тѣмъ и опредѣлять задолго до страшнаго суда, кого надлежитъ допустить въ царство Мессіи, и кого уже здѣсь на землѣ слѣдуетъ приговорить къ безконечнымъ мученіямъ въ озерѣ „огненномъ и сѣрномъ“, гдѣ звѣрь и дьяволъ и лжепророкъ „будутъ мучиться и день и ночь во вѣки вѣковъ“. Такъ въ рукахъ духовенства оказалась книга жизни, куда оно получило право записывать всѣхъ предназначенныхъ къ жительству въ новомъ Іерусалимѣ. Пламенный мечъ херувима при вратахъ будущаго рая, такимъ образомъ, оказался въ рукахъ у церковной власти, которая получила въ свое распоряженіе и сѣрное озеро.

Послѣ того, какъ христіанское ученіе оставило свою первоначальную непримиримость, а по отношенію къ власти, войнѣ, собственности и рабовладѣнію приняло болѣе благопріятную позицію, при чемъ сама церковь стала вполнѣ подобнымъ государству организмомъ, со своимъ правомъ, финансами и начальствомъ, вопросъ объ окончательномъ компромиссѣ государства и церкви сталъ лишь вопросомъ времени. И послѣ того, какъ христіанскій крестъ обнаружилъ свою военную силу въ знаменитой битвѣ между Константиномъ и его соперникомъ, не было уже никакихъ препятствій къ тому, чтобы церкви войти въ составъ мірского государства, а императору получить отъ нея освященіе при помощи мессіанской идеи. Византійскій императоръ, долгое время не переставшій быть и языческимъ богомъ и первосвященникомъ Юпитера, будучи въ то же время отраженіемъ христіанскаго Бога на землѣ, получилъ отъ церкви особые дары благодати, занялъ въ ней господствующее положеніе и принялъ на себя роль, если не самого Мессіи, помазанника и спасителя, то, по крайней мѣрѣ, его земного представителя, хранителя церкви, защитника вѣры, учителя истины и карающаго меча для всѣхъ грѣшниковъ, святотатцевъ и мятежниковъ противъ Божьяго величества. И если фактическая церковная власть византійскаго императора привела къ своеобразному замѣстительству Бога, къ такъ называемому цезарепапизму, то на Западѣ дѣло поставлено болѣе логично, и тамъ власть

соединилъ въ своихъ рукахъ намѣстникъ Христа на землѣ, священникъ и царь вмѣстѣ—римскій папа. Какъ цезарепапизмъ, такъ и само папство представляютъ въ высшей степени интересную модификацію мессіанскаго начала. Здѣсь, пришествіе царства Божія отложено на неопредѣленное время, и настоящимъ Мессіей считается самъ Богъ. Но для того, чтобы предотвратить возможность появленія ложныхъ Мессій и революціонныхъ исканій преждевременнаго наступленія царства Божія на землѣ, оказался установленнымъ особый предварительный и предупредительный аппаратъ въ видѣ церковнаго государства или государственной церковности, и уже этотъ аппаратъ считается непогрѣшимымъ средствомъ для различенія истины и лжи, ложныхъ пророковъ, и настоящихъ, Христа и Антихриста. Значеніе подобной идеологіи должно быть признано чрезвычайно высокимъ.

И въ самомъ дѣлѣ, мессіанская мечта—это исконное прибѣжище крестьянина—не подверглась ни уничтоженію ни опороченію. Этимъ самымъ земледѣльческія массы не были оттолкнуты отъ государственной организаціи. Напротивъ того, на почвѣ крестьянской психики и ея идеологическихъ тенденцій произошла самая настоящая кодификація мессіанской идеи и ея организація на пользу властвующихъ классовъ. Рай былъ официально признанъ и въ прошломъ и въ будущемъ. Чудо возникновенія новой земли и новыхъ небесъ, такъ же, какъ и новаго Іерусалима, получило официальную санкцію. Крестьянинъ можетъ быть спокоенъ: Искупитель придетъ и освободитъ его отъ каторги труда и лишеній, скорби и цѣпей. И никто даже не знаетъ, когда это совершится. Мессія можетъ прійти хотя бы каждую минуту; но пока Онъ не пришелъ, теперь уже на землѣ имѣются Его представители, которые призваны къ тому, чтобы до окончательнаго спасенія помочь труждающимся и обремененнымъ, облегчить имъ судьбу, приготовить ихъ къ будущему блаженству, и уже здѣсь обезпечить имъ безпрепятственный входъ въ царство праведности, счастья и свободы. На этой почвѣ родились двѣ организаціи, церковная и государственная, каждая изъ нихъ заслуживаетъ подробнаго разсмотрѣнія, къ чему мы теперь и перейдемъ.

На долю церковной организаціи выпала прежде всего задача помощи и поддержки массы трудящагося люда. Это дѣло было организовано слѣдующимъ образомъ. Во-первыхъ, было поставлено на твердую почву чудотвореніе, одинъ изъ главныхъ признаковъ дѣятельности самого Мессіи. При помощи особыхъ молитвъ и обрядовъ церковь сдѣлала попытку вліять на климатическія условія, прекращать засуху и наводненія, вызывать дождь и т. п. При помощи не только молитвъ, но и чудотворныхъ предметовъ была организована борьба противъ болѣзни человѣка и животныхъ, главнымъ же образомъ, эпидемій. Чудесную силу свою церковь примѣнила также и въ борьбѣ съ такими стихійными бѣдствіями, какъ пожаръ, вулканическія изверг-

женія, землетрясенія и т. п. Молитвы объ этомъ съ убѣжденіемъ въ ихъ дѣйствительности произносятся и сейчасъ въ различныхъ христіанскихъ церквахъ. При помощи организаціи милостыни церковь создала обширную благотворительную дѣятельность для поддержки нищихъ, слабыхъ, одинокихъ и больныхъ. Въ своихъ монастыряхъ она была вмѣстѣ съ тѣмъ школой улучшеннаго земледѣлія на основѣ коммунизма и коллективнаго труда. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она создала тотъ комплексъ знаній, который наиболѣе подходилъ не только къ ея интересамъ, но и потребностямъ крестьянской массы. Такъ создалось церковное поученіе, а затѣмъ и церковная школа. Наконецъ при помощи своего благодатнаго авторитета церковь освятила существующій порядокъ собственности и раздѣленія труда, оправдала рабство первороднымъ грѣхомъ, утѣшила бѣдняковъ, порабощенныхъ, измученныхъ, растерзанныхъ, наградою на небесахъ, благословила нищету и умерщвленіе плоти, предназначила къ спасенію всѣхъ, кто здѣсь на землѣ смиренно подчиняется узаконенной власти и работаетъ для благосостоянія своихъ господъ. Нечего и говорить, что при этомъ намѣстники Христа и посланники Мессіи не были лишены земныхъ благъ, необходимыхъ для собственнаго благосостоянія и для организаціи вѣрующаго стада.

За свое служеніе потребностямъ мистически-настроенныхъ массъ клиръ вознаградилъ себя сторицею. Громадныя земельныя богатства, достигающія въ нѣкоторыхъ странахъ третьей части всей территоріи, денежные доходы и натуральныя приношенія въ видѣ десятины, а затѣмъ и постоянныхъ налоговъ, особенно въ эпоху крестоноснаго движенія, монополизація всей духовной дѣятельности человѣка, включая науку и искусство, привилегированное положеніе въ смыслѣ судебной отвѣтственности передъ свѣтскими судами. Захватъ вмѣстѣ съ тѣмъ свѣтской власти и провозглашеніе верховенства папы надъ свѣтской властью,—все это были отдѣльные моменты средневѣковаго развитія церкви, которая въ эту эпоху сумѣла стать не только представительницей одного какого-нибудь класса, но заключивъ союзъ съ крупнымъ землевладѣніемъ и городами, создала идеологическій компромиссъ, гдѣ все средневѣковое обшество находило свои идеи, мечты и упованія. Войдя въ составъ крупнаго феодальнаго владѣнія, церковь дала свое освященіе рыцарскому мечу и сословному строю. Знаменіемъ креста украсила она классъ землевладѣльцевъ-воиновъ, рыцарскую добродѣтель восприняла въ составъ монашескихъ обѣтовъ, во время крестовыхъ войнъ объединила феодализмъ, открыла воинскому романтизму дальній горизонтъ Востока. Принципы мусульманскаго воинства перевела на христіанскій языкъ, замѣнивъ лишь Магомета—Христомъ. Въ обожаніи Богоматери былъ найденъ путь, который сдѣлалъ церковнымъ обожаніе женщины; огнемъ и мечомъ отнынѣ проповѣдывалось христіанство въ чужихъ странахъ;

аббаты и епископы сѣли на коней, занялись охотой, грабежомъ и войной.

Стоя на плечахъ униженныхъ и оскорбленныхъ, церковь не только протянула руку феодальному господину, а затѣмъ и баринукрѣпостнику. Ея богатства дали ей возможность понять городской классъ и его особые интересы. Какъ разъ во время крестовыхъ походовъ, когда въ кассу святого Петра стекались грандіозныя средства, церковь въ силу необходимости не только пришла на помощь феодаламъ, продающимъ и закладывающимъ свои владѣнія для войны, но и городской торговлѣ, морскому транспорту и банковому дѣлу, которые сложились вокругъ крестоноснаго передвиженія на Востокъ. Еще раньше папы благодаря церковному государству и связямъ въ Италіи вошли въ сферу крупныхъ торговыхъ интересовъ средиземнаго побережья и его основныхъ центровъ. Но только крестовые походы дали развернуться святому престолу, первому банкиру средневѣковья, который черезъ своихъ факторовъ и маклеровъ, привилегированныхъ церковныхъ евреевъ, вошелъ въ города и тамъ основалъ свое владычество. Римская церковь принесла городамъ римское право и латинское просвѣщеніе: черезъ нее горожанинъ впервые получилъ культурное наслѣдство древнихъ временъ, у церкви искалъ онъ освященія своихъ гильдій и цеховъ, у нея заимствовалъ свой судъ, у нея учился централизованной администраціи съ широко развѣтвленной іерархической машиной. Немудрено, что церковь нашла нужныя слова и для городской идеологіи, дополнила ими свой великій мессіанскій идеалъ и стала универсальнымъ міросозерцаніемъ, сочетавшимъ въ себѣ самые противоположные принципы и начала. Обожаніе бѣдности и аскетизмъ, съ одной стороны, пышность клира и богатство— съ другой. Проклятіе процентамъ и церковное ростовщичество при помощи папскихъ евреевъ. Защита народныхъ массъ и благословеніе меча, который держалъ эти массы въ повиновеніи. Идея централизованной имперіи и отрицаніе свѣтской власти во имя папской супрематіи. Все это сложилось въ причудливую идеологическую массу, которая была проникнута однимъ—мыслью о томъ, что непогрѣшимый папа, замѣнившій Бога, и непогрѣшимый клиръ, какъ орудіе его, одни знаютъ путь спасенія, одни ведутъ каждаго особой дорогой къ единой и общей цѣли, къ новому Іерусалиму, потерянному, но снова возвращенному раю.

Созданная психологіей средневѣковыхъ общественныхъ группъ церковь въ одномъ пунктѣ создала желѣзное, незыблемое могущество, и это—въ области организаціи тѣхъ средствъ внушенія, которыми она могла не только поддержать, но и развить дальше мистическія настроенія въ обществѣ. Съ удивительнымъ постоянствомъ боролась она съ просвѣщеніемъ народныхъ массъ и заботилась о поддержаніи мистическаго ужаса передъ тайной, о расцвѣтѣ мистической же вѣры

въ чудеса, въ святыхъ, въ мощи и реликвіи. Чувствуя, что въ сатанѣ и нечистыхъ силахъ она имѣетъ прекрасное средство устрашенія, церковь требовала вѣры въ нихъ такъ же, какъ и во святыхъ и поддерживала ее цѣлой литературой сказаній о борьбѣ съ нечистымъ. Скрывъ латинскимъ языкомъ евангеліе и литургію отъ непосвященныхъ, церковь построила костры инквизиціи для всякой критики, для всякаго независимаго свободнаго ума. Въ церемоніяхъ, обрядѣ, процессіяхъ, во внѣшней обстановкѣ и музыкѣ, въ самомъ очертаніи своихъ храмовъ нашла церковь могущественное средство для массоваго гипноза, для порабощенія мистически настроенной толпы. Такъ создалась искусственная среда мистической техники, которая донынѣ обладаетъ страшнымъ вліяніемъ на умы и съ поразительнымъ умѣніемъ, психологическимъ знаніемъ и педагогическимъ талантомъ воспитываетъ аскетовъ и фанатиковъ, пророковъ и чудотворцевъ, пастырей и педагоговъ, дипломатовъ и преданныхъ церкви мыслителей. Въ своемъ тысячелѣтнемъ зданіи римская церковь и донынѣ сохранила твердыню, которая не только успѣшно противостоитъ враждебному духу времени, но и приспособляетъ новыя учрежденія къ своимъ интересамъ, приспособляясь сама къ вѣяніямъ современнаго правового строя.

И если мы по утвержденію многихъ находимся на новомъ поворотѣ исторіи, и предстоитъ близкое крушеніе индустріальнаго капитализма, то воистину никто не соберетъ больше плодовъ со всеобщаго шатанія и разлада, съ общественнаго пессимизма и съ того окостенѣнія мысли, которое всегда предшествуетъ всякой крупной исторической катастрофѣ. Омертвѣніе живыхъ общественныхъ силъ, пріостановка общественнаго движенія впередъ, возвратъ къ дикости и варварству, которые характеризуютъ собой конецъ опредѣленной эпохи хозяйственнаго развитія, представляютъ собой какъ разъ ту почву, на которой уже разъ пышнымъ цвѣтомъ распустилась мистика предъ Рождествомъ Христовымъ. Теперь только мистика и основанная на ней могучая церковная организація является естественнымъ наслѣдникомъ новаго кризиса, новаго разложенія. Такъ независимо отъ постоянной своей опоры въ милліонныхъ слояхъ хозяйственно и культурно отсталаго населенія, римская церковь еще можетъ стать знаменемъ всего общества въ эпоху соціальной катастрофы... Для всѣхъ, кому нужно будетъ чудо возврата къ старымъ общественнымъ устоямъ; для всѣхъ, кто шатающійся порядокъ частной собственности попытается укрѣпить на незыблемомъ вѣковѣчномъ законѣ; для всѣхъ, кто будетъ искать послѣдняго прибѣжища у власти безпощаднаго усмиренія,—римская церковь будетъ богатымъ арсеналомъ вѣками испытанныхъ идей, вѣрованій, психологической техники для обузданія и направленія массъ. И если святѣйшій престолъ не остановитъ катастрофы, а сумѣетъ приспособиться и къ ней, то это явится знаме-

ніемъ того, что и въ новомъ сохранится старое и не окончательнымъ будетъ торжество соціальной справедливости...

Само собой разумѣется, что христіанство, ставшее церковью, не могло удовлетворить даже всѣхъ тѣхъ, кто чувствовалъ и мыслилъ при помощи мистики. Царство Божіе оказалось удаленнымъ слишкомъ далеко, между Мессіей и народомъ сталъ клиръ, который потребовалъ большой платы за свою чудодѣйственную помощь и за разрѣшеніе отъ грѣховъ. И вотъ мы не только находимъ идею хиліазма, или тысячелѣтняго царствованія Господа среди первыхъ христіанъ, но и рядъ апокрифическихъ сказаній, гдѣ продолжается непосредственно еврейское ожиданіе Мессіи и воскрешается идеалъ пророка Исаіи. Таковы хотя бы апокалипсисы Баруха и четвертая книга Ездры. Въ послѣдней тысячелѣтнее царство Мессіи сводится, однако, всего къ 400 годамъ. Не даромъ и у святого Иринея, какъ у Лактанція, мы находимъ еще блестящія описанія рая, гдѣ каждая лоза принесетъ десятки тысячъ стволовъ, стволы десятки тысячъ вѣтвей, эти послѣднія столько же вѣточекъ и на каждой столько же гроздей и въ каждой десять тысячъ ягодъ. Впрочемъ, и каждая ягода тамъ будетъ особая: она принесетъ двадцать мѣръ вина! Особенно городская бѣднота не довольствовалась небеснымъ раемъ, но стремилась къ земному... И вліянія эллинизма должны были какъ разъ сказаться въ болѣе матеріальныхъ упованіяхъ.

Эллинскія вліянія выразились въ христіанствѣ въ видѣ такъ называемаго гностицизма; гностики, правда, сходились съ христіанскимъ ученіемъ въ томъ смыслѣ, что они противополагали свѣтъ и тьму, духъ и матерію. Однако это противоположеніе имѣетъ совершенно иной характеръ; Божество, Логосъ, Духъ не представляетъ собой чего-либо отличнаго отъ міра, напротивъ того, истинная природа, праведный разумный міръ и есть самъ Богъ. Злое начало есть только частный отдѣльный моментъ, который омрачаетъ свѣтлую землю; тьма только временно подымается къ свѣту и плѣняетъ частицы его. И представляется ли тьма отъ вѣка сущей и вѣчно пребывающей, или она есть лишь результатъ ошибки или грѣха свѣтлыхъ силъ, но выводъ дѣлаютъ гностики лишь одинъ: человѣкъ путемъ экстаза и мудрости, путемъ умерщвленія плоти или воздержанія всегда можетъ войти самъ въ общеніе съ Божествомъ, а тѣмъ самымъ и ускорить освобожденіе духа отъ плотскихъ цѣпей. Въ ученіи гностицизма, какъ мы видимъ, въ высокой степени выдвигается отдѣльный вѣрующій, познающее и нравственное существо. И будутъ ли теоріи гностицизма искать въ человѣкѣ прирожденныхъ началъ для того, чтобы стать гностикомъ или человѣкомъ духа въ отличіе отъ холиковъ, рожденныхъ изъ тьмы для безконечнаго ничто; будутъ ли далѣе признавать особыхъ психиковъ, носителей вѣры и добрыхъ дѣлъ; распространятъ ли, наконецъ, на всѣхъ людей способность отречься отъ діа-

вола—Деміурга,—во всякомъ случаѣ, здѣсь человѣкъ спасается самъ, при чемъ только помощь ему оказываютъ небесные посланники въ родѣ Авраама, Зороастра, Будды, Христа и иныхъ пророковъ. Но разъ человѣкъ спасается самъ, то необходимо, чтобы въ самой его природѣ было нѣчто божественное и святое, необходимо далѣе, чтобы между нимъ и Богомъ не было никакихъ лишнихъ посредниковъ. Этимъ же освящается само человѣческое естество, и аскеза принимаетъ характеръ не только духовности, но и нѣкотораго личнаго героизма. Очень легко было отсюда сдѣлать самые различные выводы, и это въ особенности потому, что въ концѣ-концовъ гнозисъ только продолжалъ древнія ученія объ окончательномъ торжествѣ духа и наступленіи преображеннаго и прекраснаго рая. Путемъ соотвѣтственныхъ комбинацій пришествіе этого рая можно было ускорить, такъ какъ гнозисъ есть не только знаніе, но знаніе тайное, а вмѣстѣ съ тѣмъ и чудотвореніе. Экстазъ, аскеза и чудотвореніе—это три основы гнозиса, исходящаго отъ свѣтлой земли и къ ней возвращающагося. И неудивительно, что гнозисъ сталъ въ концѣ-концовъ идеологіей тѣхъ, кто, не ожидая тысячелѣтняго царства, желали немедленно своими силами создать на землѣ рай, а не ждать мірового пожара.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ гнозисѣ мы имѣемъ весьма яркое выраженіе героическаго романтизма, аристократизма духа, но тотъ же гнозисъ сумѣлъ передать свой аристократизмъ массамъ, освятилъ саму человѣческую природу, укрѣпилъ ее вѣрою въ чудо и повелъ навстрѣчу идеаламъ равенства и братства. Уже монтанисты окончательно порвали съ клиромъ, когда провозгласили свободное вдохновеніе высшимъ источникомъ истины, и способность быть сосудомъ святому Духу или Параклету распространили на всѣхъ вѣрующихъ. Изъ гностиковъ адамиты сдѣлали еще одинъ шагъ къ одухотворенію природы и провозгласили свободную любовь и общность женъ. У Карпократа Александрійскаго уже всѣ падшія души приглашаются къ подвигу вѣры и любви, къ искусству чудотворенія, а вмѣстѣ и къ побѣдѣ надъ діаволомъ—Деміургомъ. И въ ученіи Епифана мы находимъ образы первоначальнаго райскаго равенства и братства. „Общими для всѣхъ созданы небо и земля, ночь и день; всѣмъ зрячимъ одинаково даровалъ Богъ солнце и всѣ смотрятъ на него сообща, такъ какъ Богъ не создалъ никакого различія между женщиной и мужчиной, бѣднымъ и богатымъ, глупымъ и мудрымъ, рабомъ и свободнымъ. Предоставляя солнце всѣмъ сообща, добрымъ такъ же, какъ злымъ, Богъ устанавливаетъ внѣ всякаго сомнѣнія понятіе справедливости: и какъ отъ солнечнаго свѣта никто не получаетъ больше или меньше другого, точно такъ же должно быть со всѣми вещами и ихъ потребленіемъ. Такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ во всей природѣ. Повсюду видимъ мы, что всякая пища

дается живымъ существамъ всѣмъ сообща для равнаго употребленія". И если собственность, это человѣческое учрежденіе, нарушаетъ общность вещей, установленную Богомъ, то это и есть нарушеніе божеской справедливости, величайшій грѣхъ на землѣ.

Подобныя ученія, продолжая традицію первоначальныхъ ожиданій скораго пришествія, вмѣстѣ съ тѣмъ обосновали демократію вѣрующихъ въ противоположность аристократіи церкви. И подобное же теченіе мы встрѣчаемъ въ южной Франціи, въ верхней Италіи и частью на Рейнѣ, гдѣ расцвѣтъ городовъ и старой греко-римской культуры сдѣлали возможнымъ появленіе какъ богатаго гражданства, такъ и городского пролетаріата. Эти классы, отличаясь по своей психологіи отъ крестьянъ, менѣе были расположены къ долгому и постепенному ожиданію царства Божія. Съ одной стороны, какъ разъ въ этихъ мѣстностяхъ римская церковь съ самаго начала искала союзниковъ въ борьбѣ папъ со своеволіемъ и непокорствомъ епископовъ, ставшихъ феодальными сеньорами въ имперіи Карла и его потомковъ. Сами папы бросили въ южную Францію и сѣверную Италію зерно недовольства обмірщеніемъ клира, его жадностью и богатствомъ. И когда дѣло было сдѣлано и при помощи княжеской власти мятежные епископы были смирены, и папа самъ въ себѣ сосредоточилъ высшее обладаніе богатствами церкви, его прежніе союзники оказались ему болѣе не нужны, болѣе того—опаснымъ и вреднымъ элементомъ. Но движеніе уже остановить было нельзя: оно нашло себѣ вождей сначала въ лицѣ Арнольда изъ Бресчіи, а затѣмъ Петра Вальдуса и приняло, подъ вліяніемъ гнозиса и манихейства, ясно выраженный сектантскій характеръ съ коммунистическими и аскетическими тенденціями. И опять-таки и здѣсь находимъ ученіе о непосредственномъ общеніи вѣрующихъ съ Богомъ, о подвигѣ аскезы, которая дѣлаетъ человѣка чистымъ или „катаромъ", о необходимости отреченія отъ плотскаго и объ общемъ пользованіи всѣми вещами. Катары различали въ своей средѣ учениковъ и совершенныхъ, или перфектовъ, но благодаря главной массѣ вѣрующихъ, состоящихъ изъ ткачей, получили демократическій характеръ и подобно гностикамъ пришли въ концѣ-концовъ къ освященію природы. Какъ извѣстно, римская церковь выступила со всѣми средствами борьбы противъ сектантовъ, однако побѣда далась далеко не сразу; къ движенію вальденцевъ или альбигойцевъ присоединилось движеніе итальянской бѣдноты или патаровъ, которое нашло подъ именемъ апостольскихъ братьевъ выдающагося вождя въ видѣ Жерардо Сегарелли, разославшаго своихъ апостоловъ въ Испанію, Францію и Германію. Впослѣдствіи Сегарелли смѣнилъ Дольчино и придалъ движенію революціонно-коммунистическій характеръ. Въ ученіи апостоликовъ мы находимъ уже полное возрожденіе мессіанской идеи, при чемъ, однако, здѣсь каждый человѣкъ долженъ стать своимъ собственнымъ Мессіей, а дѣло водворе-

нія царства Божія на землѣ становится революціоннымъ актомъ самимъ Богомъ вдохновленныхъ массъ.

Чѣмъ болѣе ересь шла въ глубину, чѣмъ ближе охватывала собой городскую бѣдноту и становилась ученіемъ униженныхъ и оскорбленныхъ, тѣмъ больше на первый планъ выступали требованія непосредственнаго общенія съ Богомъ, отреченія отъ роскоши, просвѣтленіи плоти и коммунистическаго потребленія. И старая гностическая традиція черезъ ученыхъ монаховъ, мистиковъ и энтузіастовъ, шла навстрѣчу пролетарскимъ стремленіямъ. Уже Амальрихъ въ XIII вѣкѣ создаетъ систему еретической мистики, гдѣ Богъ есть все и проникаетъ все; вѣрою спасается всякій христіанинъ и больше ужъ грѣшить не можетъ. И кто при помощи экстаза и непосредственнаго общенія съ Богомъ одухотворилъ свою плоть, тому все позволено, ибо все, что онъ будетъ дѣлать, есть дѣло духа, а не плоти. На этой почвѣ родилось ученіе, нашедшее широкое распространеніе среди городскихъ массъ подъ именемъ братьевъ и сестеръ свободнаго духа. Эти сектанты вполнѣ послѣдовательно рѣшили силою чуда водворить въ своей средѣ царство Божіе на землѣ; они отвергли государство, церковь, всякую родовую и принудительную власть и, сообщаясь посредствомъ экстаза съ Божествомъ, установили блаженную анархію и коммунизмъ, гдѣ къ общности имущества присоединилось общеніе женъ, а жизнь, отданная такому райскому блаженству, оказалась законченной и завершенной. Такъ въ экстазѣ и черезъ его посредство Богъ освятилъ и плоть, и природу, и жизнь, всѣ естественныя потребности человѣка, естественную же анархію и райскій коммунизмъ.

Римская церковь, истребившая въ кровопролитныхъ войнахъ вальденцевъ и альбигойцевъ, воздвигшая цѣлый рядъ костровъ противъ апостоликовъ, амальриканцевъ, братьевъ свободнаго духа и т. п. мистическихъ демократовъ, анархистовъ и коммунистовъ, была слишкомъ сама связана съ массами, для того, чтобы не пойти на нѣкоторой компромиссъ. Сама церковь изначала была церковью нищихъ, религіей рабовъ, прибѣжищемъ пролетаріевъ; среди своихъ сыновъ и учителей она имѣла выдающихся защитниковъ простого бѣднаго люда отъ гнета и эксплуатаціи со стороны сильныхъ и богатыхъ. Чего стоитъ одинъ Іоаннъ Златоустъ, который въ своихъ проповѣдяхъ не только требовалъ раздѣленія всѣхъ имуществъ между бѣдняками, но и математически подсчитывалъ, что достоянія всего Константинополя съ избыткомъ хватитъ на обезпеченіе всѣхъ безъ исключенія городскихъ бѣдняковъ. Сама церковь не разъ выступала съ проповѣдью нищеты и воздержанія въ своей борьбѣ съ феодалами и свѣтской властью, сама церковь обосновывала власть и собственность на грѣхѣ и почитала совершеннымъ лишь райское состояніе, гдѣ не было ни государства, ни собственности. Въ борьбѣ со свѣтской

властью всѣ орудія были хороши, и не кто иной, какъ именно римская церковь провозгласила естественное неотчуждаемое право индивида на свободу, обосновала на всенародномъ договорѣ законную власть, а противъ тирановъ призвала на помощь убійцъ и благословила цареубійство. Само собою разумѣется, что, не желая потерять своей основной опоры въ широкихъ массахъ мистически настроенной бѣдноты, церковь должна была искать примиренія и съ тѣми, кто уже на землѣ желалъ установить равенство и братство, достичь ангельскаго чина, обѣщаннаго лишь на небесахъ. Вотъ почему, когда поднялось чрезвычайно родственное еретическому сектантству движеніе, объединенное вокругъ имени Франциска изъ Ассизи, церковь приняла его подъ свое покровительство и заключила съ сектантами компромиссъ. И подъ условіемъ полнаго подчиненія папѣ образовались сначала францисканскій, а затѣмъ и другіе монашескіе ордена нищенствующихъ братьевъ, провозгласившихъ полный отказъ отъ собственности, власти и всѣхъ матеріальныхъ благъ. Къ монахамъ францисканскаго ордена примыкали и многочисленныя группы свѣтскихъ лицъ, такъ называемые фратичелли, являющіеся переходомъ отъ папскаго монашества къ свободному сектантству.

Мистическая демократія и коммунизмъ не могли заглохнуть уже потому, что, несмотря на всѣ гоненія, всегда было слишкомъ достаточно элементовъ, которыхъ не удовлетворяли ни церковность, ни церковью обѣщанный потусторонній міръ. Среди городскихъ ремесленниковъ средневѣковья явилось слишкомъ много послѣдователей старыхъ ересей, и подъ именемъ беггардовъ скоро воскресли то тайныя, то открытыя общины людей, преимущественно ткачей, которые создавали трудовыя артели на религіозной почвѣ въ цѣляхъ любви и благотворенія. Беггарды были переходнымъ звеномъ между вальденцами, съ одной стороны, и реформаціей—съ другой.

Въ реформаціонномъ движеніи и его предшественникахъ уже ясно различаются тѣ двѣ главныхъ волны, на которыя разбилось все послѣдующее движеніе. И въ самомъ дѣлѣ, уже у первыхъ сектантовъ мы видѣли своего рода правое и лѣвое крыло, аристократическіе и демократическіе элементы, которые до поры до времени дѣйствовали вмѣстѣ. Среди сектантовъ не было недостатка въ состоятельныхъ горожанахъ или переселившихся въ городъ дворянахъ, которымъ была невыносима эксплуатація римскаго клира и то отреченіе отъ просвѣщенной, благоустроенной жизни, которое римская церковь несла съ собой. Городъ есть родина индивидуализма, городъ питаетъ раціонализмъ, городъ желаетъ богатства и мирныхъ утѣхъ и во имя этихъ началъ городъ всегда есть источникъ реформаціи, стремящейся къ установленію полу-свѣтской, полу-духовной демократіи, основанной на твердой конституціи Господа, дарующей личныя права отдѣльнымъ вѣрующимъ. И послѣдующее реформаціонное дви-

женіе даетъ намъ какъ разъ такое воплощеніе вкусовъ и стремленій зажиточнаго городского класса. И если для этого класса уже проповѣдывали многіе гностики, вальденцы и беггарды, то какъ разъ вождями этого класса являются и Виклефъ, и Гуссъ, и Лютеръ, и Кальвинъ, и Цвингли. Это реформація, направленная къ обожествленію мѣщанскаго уклада, опирающагося, съ одной стороны, на прилавокъ, а съ другой—на свѣтскую школу. Это религія, которая должна устранить поповъ, превратить Евангеліе въ кодексъ раціональнаго права, а подвигъ спасенія — въ заслуги добраго купца, ремесленника и гражданина. Реформація бюргерства замѣняетъ іерархію церкви аристократіей мѣщанской добродѣтели и дѣлаетъ вѣру единственнымъ источникомъ спасенія. Такая реформація, будучи революціонной по отношенію къ церковному порядку Рима, является консервативной тамъ, гдѣ дѣло идетъ о собственности и государственной власти. Съ этой реформаціей только временами идетъ рядомъ другая, рѣзко отъ нея отличная, — это реформація сектантскаго коммунизма, мистическаго царства Божія; эти двѣ реформаціи соединяются лишь въ виду одного общаго врага, затѣмъ ихъ пути различны. Первая чрезъ реформацію идетъ къ свѣтской религіи и морали, вторая становится вѣчнымъ лозунгомъ обездоленнаго народа.

Прослѣдимъ теперь вторую реформацію, объединившую вокругъ себя крестьянство и городской пролетаріатъ. Она была результатомъ тяжелаго переворота, который произвело въ крестьянскомъ хозяйствѣ появленіе денежнаго капитала, разрушившаго натуральный порядокъ производства и обмѣна, порвавшаго патріархальную связь барина и мужика, а вмѣстѣ и старую крестьянскую общину. Уже въ XIV вѣкѣ въ Италіи съ именемъ Дольчино были связаны крестьянскія войны, которыя силою оружія должны были привести къ установленію царства Божія на землѣ. Въ томъ же вѣкѣ смѣшался мистицизмъ съ крестьянской кровью въ знаменитыхъ французскихъ жакеріяхъ, грозившихъ уничтожить и барина и попа. И когда англійскому крестьянину въ началѣ великаго кризиса аграрнаго строя понадобился боевой лозунгъ и святыя слова въ защиту неприкосновенности крестьянской земли и воли, онъ нашелъ ихъ въ ученіи лоллардовъ, этихъ прямыхъ наслѣдниковъ фламандскаго сектантства, перешедшаго вмѣстѣ съ ткачами на почву Англіи. Грандіозный крестьянскій бунтъ, связанный съ именемъ Уотта Тэйлера, Джона Булля и другихъ лоллардовъ, правда, окончился на этотъ разъ неудачей, но впослѣдствіи при Кромвелѣ онъ далъ новую вспышку среди анабаптистовъ и людей „пятой монархіи“, которые жаждали установить земное владычество Христа, а съ нимъ вмѣстѣ истинное царство Мессіи въ его второмъ пришествіи. И когда къ чешской реформаціи присоединились народныя массы въ своемъ движеніи противъ нѣмецкихъ духовныхъ и

свѣтскихъ феодаловъ, то и здѣсь на первый планъ былъ выдвинутъ коммунизмъ возвращеннаго рая, чудо немедленнаго перерожденія земли. Такъ вѣрили знаменитые табориты, объединенные вокругъ мѣстныхъ ткачей, которые до XV вѣка сберегли преданія альбигойцевъ и вальденцевъ. И у таборитовъ находимъ мы полное воскрешеніе потеряннаго рая вплоть до отрицанія вмѣстѣ съ грѣхомъ и всякой одежды, общность имущества и женъ и притомъ съ „парадизомъ“ въ качествѣ мѣста собраній. Мистико-коммунистическій характеръ получило и возстаніе нѣмецкихъ крестьянъ въ XVI вѣкѣ во время великой крестьянской войны. И здѣсь мы видимъ въ качествѣ лѣваго крыла святыхъ, окружающихъ Ѳому Мюнцера, который пробуетъ создать, главнымъ образомъ, при помощи горнорабочихъ, блаженную общину въ Мюльгаузенѣ. И уже послѣ того, какъ повсюду было подавлено движеніе, мы видимъ, какъ мистическая секта перекрещенцевъ или анабаптистовъ основываетъ въ Мюнстерѣ истинное царство Божіе на землѣ...

Нечего говорить, что и донынѣ классомъ, самымъ преданнымъ мистикѣ и ея идеаламъ, является крестьянство, которое въ своей глубинѣ очень мало затронуто послѣдующей культурой. Денежное хозяйство принесло съ собой новыя тягости и разоренія. Освобожденіе крестьянъ отъ барина и почти вездѣ отъ земли пролетаризировало значительную его часть, но масса оставалась вѣрной землѣ, этой великой своей матери. Приспособляясь къ новымъ условіямъ хозяйства, крестьянинъ всегда старался спасти отъ нихъ хоть часть своего поля и дома, противостоялъ духу времени со всей силой вѣковой косности. Новый крестьянинъ-собственникъ настолько мало ушелъ отъ стараго общинника, что попрежнему чрезъ мистику взираетъ на міръ, тайной и волшебствомъ объясняетъ его движенія, у священника или сектантскаго пророка ищетъ помощи и поддержки. Въ высшей степени характеренъ тотъ фактъ, что, когда въ Германіи образовались колоссальные крестьянскіе союзы, представляющіе собой цѣлое сплетеніе всевозможныхъ промышленныхъ, торговыхъ и потребительныхъ кооперацій, ассоціацій и банковъ, то и эта организація, стоящая цѣликомъ на почвѣ новыхъ хозяйственныхъ условій, неизмѣнно получала религіозное освященіе, а въ качествѣ главной цѣли именно христіанскую жизнь, любовь и взаимопомощь. Неудивительно теперь, что, когда церковь пожелала вступить съ новымъ государствомъ въ борьбу, притомъ при помощи его же новыхъ средствъ, то матеріалъ для могучихъ, сплоченныхъ и вліятельныхъ партій, стоящихъ подъ знаменемъ клира, дали, главнымъ образомъ, массы нѣмецкаго и французскаго, бельгійскаго и т. п. крестьянства. Не менѣе замѣчательнымъ является и тотъ фактъ, что какъ разъ въ крестьянскихъ странахъ, какъ, напримѣръ, Швеціи, религія имѣетъ

характеръ одного изъ государственныхъ установленій; и это можно отмѣтить также относительно Пруссіи, гдѣ главной опорой вѣры является восточно-прусское крестьянство. И ясно отсюда, что, когда тѣ или иныя политическія партіи обращаются за помощью и поддержкой крестьянъ, онѣ, даже отказываясь отъ той или иной религіозной догмы, принуждены, однако, воспринимать въ свои программы нѣкоторый элементъ чудеснаго, который выражается въ чудѣ внезапнаго устраненія крестьянскихъ золъ и возвращенія началъ истиннаго крестьянскаго рая. Такъ мистицизмъ, свойственный крестьянскому міропониманію вырождается въ соціальный утопизмъ реакціоннаго типа въ программахъ свѣтскихъ и крестьянскихъ партій.

Указаннымъ характеромъ крестьянства и его идеологіи легко объясняется и то стремленіе использовать религію, а въ частности христіанство, которое мы находимъ у всѣхъ соціальныхъ классовъ и группъ консервативнаго и реакціоннаго типа; въ особенности ярко такое стремленіе сказывается, съ одной стороны, у партіи крупнаго землевладѣнія, съ другой—у партій, опирающихся на широкіе слои городского мѣщанства. Къ первымъ принадлежатъ, между прочимъ, тѣ группы, которыя во время реакціоннаго движенія начала XIX вѣка выбросили знамя такъ называемаго христіанскаго государства. Будучи менѣе всего мистически настроенными, дворянско-феодальные круги предприняли своеобразную фальсификацію мистицизма при помощи католической и протестантской романтики, которая была на самомъ дѣлѣ лишь эстетикой существующей церковности. Единственнымъ настоящимъ мистикомъ среди офиціальныхъ представителей христіанскаго государства былъ развѣ одинъ Фридрихъ Юлій Шталь, крещеный еврей по происхожденію. Съ тѣхъ поръ легитимизмъ и вотчинныя стремленія неизбѣжно ставятся подъ охрану христіанскаго принципа въ надеждѣ уловленія крестьянскихъ избирательныхъ голосовъ. Другой попыткой привлечь къ себѣ широкіе круги земледѣльцевъ является антисемитизмъ, прикрытый названіемъ соціально-христіанскихъ партій. Здѣсь мы находимъ больше мистическихъ элементовъ, такъ какъ мелкое мѣщанство, погибающее въ борьбѣ съ крупнымъ капиталомъ, такъ же, какъ и крестьянство, не умѣетъ ни понять, ни осмыслить соціальнаго закона иначе, какъ въ видѣ злыхъ волшебныхъ силъ, воплощенныхъ въ символическомъ образѣ „жида-христопродавца“. Это тоже смѣшанное романтико-мистическое представленіе, при чемъ здѣсь проклятый Богомъ еврей-ростовщикъ является то въ видѣ слуги сверхъестественнаго духа, денегъ и капитала, то въ видѣ романтическаго злодѣя-кровопійцы, наслажденіемъ котораго почитается разрушеніе христіанскаго міра. Этотъ образъ самъ собой чрезвычайно понятенъ крестьянину, который отъ вѣка является врагомъ всякаго денежнаго капитала, а въ частности процентнаго кредита.

Неудивительно отсюда, что аграрные бунты съ истребленіемъ помѣщичьихъ усадебъ всегда сопровождались и еврейскими погромами; такъ было въ Германіи еще въ 1848 г., такъ было неоднократно въ Галиціи во второй половинѣ XIX вѣка, такъ было и въ другихъ странахъ, гдѣ піонерами первоначальнаго накопленія являлись евреи, воспитанные въ денежномъ промыслѣ еще въ средніе вѣка на службѣ церкви и свѣтскихъ государей. Точно такъ же понятенъ крестьянамъ и конечный идеалъ, который является завершеніемъ погромной программы соціально-христіанскихъ партій: вѣдь подобно крестьянину и мѣщанство стремится назадъ къ натуральному хозяйству, къ средневѣковому городу, когда у каждаго былъ свой небольшой, но постоянный сбытъ, твердая, обычаемъ и закономъ установленная цѣна; когда не было свободной конкуренціи, и каждый имѣлъ наслѣдственный заработокъ такъ же, какъ доступные и хорошіе товары; здѣсь рай мелкаго ремесленника и торговца очень близокъ парадизу крестьянина, спеціально же крестьянина—мелкаго собственника. Несомнѣнно, между антисемитизмомъ и крестьянской мистикой существуетъ болѣе реальныхъ точекъ соприкосновенія, чѣмъ между послѣдней и христіанской романтикой крупнаго землевладѣльца. Этимъ и объясняется сравнительная сила такихъ партій, какъ хотя бы австрійскихъ христіанскихъ соціалистовъ. Отчасти на той же почвѣ стоитъ и союзъ сельскихъ хозяевъ въ Германіи, который пробуетъ объединить крупное и мелкое землевладѣніе. Истинно крестьянскими все же являются всевозможныя партіи клерикаловъ или центра, которыя играютъ такую громадную роль въ современной политической жизни.

Церковное и сектантское движеніе явились далеко не единственными, которыя основываются на психикѣ широкихъ крестьянскихъ массъ. Какъ мы уже видѣли выше, государство очень рано пользуется образомъ Мессіи для своихъ военно-политическихъ цѣлей. И если римскіе кесари-первосвященники являлись въ то же время сотерами, т.-е. спасителями, а еврейскіе цари — помазанниками или христами, ибо Христосъ и значитъ помазанникъ, то, конечно, христіанскіе императоры Византіи такъ же, какъ католическіе короли Запада, должны были использовать замѣстительство Мессіи непосредственно для себя. Сама борьба между церковью и государствомъ, между папами и нѣмецкой имперіей, не получитъ достаточнаго объясненія, если мы въ основу положимъ только финансовое соперничество двухъ властей или споры за принадлежность духовныхъ княжествъ и владѣній; дѣло было гораздо глубже. И если въ основѣ лежалъ экономическій интересъ, то онъ заключался не болѣе и не менѣе, какъ въ хозяйственной и политической эксплуатаціи всѣхъ вѣрующихъ, всѣхъ христіанъ, а преимущественно и больше всего въ эксплуатаціи кормильца и поильца средневѣковья, многомилліоннаго Жака, Джона или Михеля. Отсюда

и важность принципіальнаго рѣшенія вопроса о томъ, кто есть главный представитель и замѣститель Мессіи на землѣ, папа или императоръ. И мы, дѣйствительно, видимъ, что этотъ вопросъ былъ предварительно разрѣшенъ въ благопріятномъ для государства смыслѣ вездѣ, гдѣ возникла крѣпкая королевская власть. Въ высшей степени характернымъ является тотъ фактъ, что цѣлый рядъ крестьянскихъ движеній готовъ былъ признать мессіанское достоинство за тѣми или другими представителями царской власти. Въ этой роли для итальянскихъ крестьянъ фигурировалъ и Фридрихъ Аррагонскій и Фридрихъ II Гогенштауфенъ. Для нѣмецкихъ крестьянъ образъ Барбароссы настолько былъ связанъ съ мессіанской идеей, что они создали легенду о его безсмертномъ пребываніи въ пещерахъ Киффгейзера, откуда онъ долженъ былъ выйти лишь съ возвращеніемъ крестьянскаго рая. Однимъ изъ лозунговъ великой крестьянской войны въ Германіи былъ именно императоръ, какъ владыка единой и мощной имперіи, какъ опора всѣхъ бѣдныхъ, а наипаче крестьянъ. Трогательно то довѣріе, съ которымъ обыкновенно относились возставшіе крестьяне къ своимъ королямъ и князьямъ, какъ помазанникамъ Божіимъ, поставленнымъ на землѣ, чтобы защищать и охранять ихъ...

Понятно отсюда, что образованіе національныхъ монархій въ Европѣ сопровождалось и своеобразной реформаціей католичества при помощи различныхъ, весьма католическихъ, христіаннѣйшихъ, апостолическихъ и т. п. величествъ въ качествѣ хранителей вѣры и скрижалей закона. Примѣръ былъ данъ Кастиліей и Аррагоніей, а затѣмъ послѣдовательно использованъ французскими, англійскими и нѣмецкими государями. Сущность реформаціи, которая сопровождала собой великое паденіе папства, состояла въ слѣдующемъ: отъ единаго тѣла вселенской церкви послѣдовательно отрывались отдѣльные его члены въ видѣ помѣстныхъ церквей, которыя затѣмъ черезъ посредство помѣстныхъ епископовъ подчинялись непосредственно королю въ качествѣ хранителя церкви и ея догматовъ. Первымъ дѣломъ подобной реформаціи—безразлично, совершалась ли она подъ католическимъ или протестантскимъ флагомъ—была конфискація всѣхъ церковныхъ имуществъ, представлявшихъ собой колоссальныя цѣнности, захватъ всѣхъ духовныхъ должностей и превращеніе ихъ въ органы духовно-государственной полиціи, при чемъ вся внутренняя жизнь церковнаго организма, не исключая обрядовъ вѣроученія и дисциплины подпадала не только всеобъемлющей опекѣ, но и непосредственному подчиненію государственнымъ цѣлямъ. При помощи подобной „реформаціи“ монархическая власть пріобрѣла чрезвычайную идеологическую мощь и силу. Формула „Божіей милостью“ стала пониматься въ смыслѣ королевскаго намѣстничества самого Мессіи на землѣ въ предѣлахъ отдѣльнаго національнаго государства. Король сталъ не-

посредственнымъ отраженіемъ Бога на землѣ, воплощеніемъ божественнаго всемогущества и мудрости, которая пріобрѣталась путемъ особаго таинства помазанія или коронованія. Повиновеніе царю стало обязанностью, равносильной служенію самому Богу. Божественная сила, воплощенная въ царѣ, стала отъ него и чрезъ него истекать, путемъ назначенія на должности, къ подчиненнымъ царю и его слугамъ, такъ что эти послѣдніе, въ свою очередь, ссылаясь на царское полномочіе, стали требовать себѣ повиновенія, какъ должнаго по отношенію къ Богу.

Только такое божественное обоснованіе могло оправдать новый, доселѣ невиданный характеръ королевской власти, получившей названіе абсолютизма. Въ отличіе отъ прежней власти феодальныхъ герцоговъ и князей, эта новая власть желала стоять не въ государствѣ, а надъ нимъ. Она объявила себя верховной законодательницей народовъ, при чемъ обычаи и право получили лишь постольку значеніе, поскольку эта новая власть даровала имъ свое признаніе и разрѣшеніе. Этимъ путемъ были уничтожены всѣ доселѣ существовавшіе источники права, и созданъ новый монопольный источникъ правового творчества, а именно, священная воля монарха. Рядомъ съ такой неслыханной въ средніе вѣка монополіей правотворчества новая власть заявила также свое исключительное право на примѣненіе принужденія и военной силы въ опредѣленныхъ территоріальныхъ предѣлахъ. Этимъ путемъ право законной самообороны личности и отдѣльныхъ общественныхъ соединеній было совершенно уничтожено, такъ какъ съ обезоруженіемъ народа и отдѣльныхъ его слоевъ въ рукахъ государя оказалась столь превозмогающая военная мощь и сила, которая могла фактически совершенно не стѣсняться никакими существующими моральными или правовыми ограниченіями. Естественнымъ выводомъ изъ такого положенія было и право вторженія въ сферу хозяйственной дѣятельности отдѣльныхъ лицъ и общественныхъ соединеній, соединенное съ правомъ принудительнаго захвата той части хозяйственныхъ благъ или имуществъ, которая въ данный моментъ представлялась государю нужной и необходимой для его расходовъ и цѣлей. Отъ такой финансовой власти былъ только одинъ шагъ къ принудительному распоряженію временемъ, трудомъ и способностями подданныхъ, къ предписанію имъ обязательнаго поведенія, опредѣленной вѣры, убѣжденій, морали, опредѣленной дѣятельности,—однимъ словомъ, всего того, что охватывается понятіемъ полиціи, и что до абсолютизма уже было выработано строемъ и потребностями церкви и автономнаго города, какъ средневѣковаго центра хозяйственнаго производства и обмѣна.

Только одинъ божественный авторитетъ и мессіанское помазаніе могли освятить власть со столь необъятными полномочіями. И

само собою разумѣется, что поднятый на такую священную высоту, монархъ провозгласилъ себя отцомъ своихъ подданныхъ, сердцемъ, въ которомъ сливаются всѣ ихъ желанія, упованія и мечты, защитникомъ справедливости, помощью угнетеннымъ, опорою всѣхъ нищихъ, слабыхъ и больныхъ. И разъ было принято подобное оправданіе власти, таинственная сущность которой являлась истеченіемъ Божества, то, конечно, пали предъ монархомъ всѣ земныя преграды, и одинъ лишь божескій и естественный законъ сохранили надъ нимъ свою силу. Самъ же монархъ сталъ неприкосновеннымъ, какъ всѣ святыя лица, безотвѣтственнымъ, какъ можетъ быть безотвѣтственъ пророкъ, величественнымъ и славнымъ, какъ Богъ, и требующимъ себѣ опредѣленнаго культа, славословій, гимновъ, моленій и церемоній. Монархъ такимъ путемъ лишился своей естественной человѣческой природы; благодаря мистической идеологіи, онъ выросъ самъ въ грозное и милостивое сверхъестественное существо, и, удаленный отъ лицезрѣнія подданныхъ, окруженный блескомъ и тайной, поставленный идеально на головокружительную высоту, сталъ онъ символомъ, въ которомъ проявилась новая фантастическая сущность, мірская и вмѣстѣ божественная власть, государство, какъ единство, скованное суверенитетомъ.

Суверенитетъ—вотъ та идея, которая является первымъ созданіемъ обожествленной царской власти; суверенитетъ есть тотъ мостъ, при помощи котораго личная власть Богомъ помазаннаго владыки становится отвлеченнымъ, высшимъ признакомъ политическаго союза, а вмѣстѣ съ тѣмъ создаетъ и самое государство. Стоило лишь суверенитетъ оторвать отъ суверена и перенести это понятіе на идею высшаго территоріальнаго союза, и дѣло было сдѣлано: государство само становится суверенным, независимо отъ того, есть или нѣтъ монархъ. Обоснованный Боденомъ суверенитетъ въ теоріи Руссо становится достояніемъ народа. Умѣренное воззрѣніе приписываетъ суверенитетъ государству, какъ таковому, общенію народа и царя. И въ суверенитетѣ отнынѣ сосредоточивается все то самодержавіе, которое монарху дано божественнымъ помазаніемъ, — ужъ не монархъ, а суверенитетъ становится абсолютнымъ, безотвѣтственнымъ господиномъ милліоновъ людей, ихъ жизни, чести, достоянія, ихъ совѣсти и убѣжденій, ихъ труда и коллективной силы. Только мистика, давшая идею всемогущаго Бога, могла создать такую страшную и властную иллюзію, только чудо мессіанской власти, разрушающей и созидающей, могло освятить собой монархическую диктатуру, только жертва и самоотреченіе, воспитанныя въ религіи и церкви, могли дать послушаніе не за страхъ, а за совѣсть, на коемъ отнынѣ воздвигла государственная фантазма свои вѣковыя твердыни.

Если мы теперь сведемъ воедино три основныхъ мистическихъ идеологіи, которыя мы прослѣдили выше, мы не можемъ не видѣть, что, несмотря на общность происхожденія, передъ нами получились три различныхъ мистическихъ теченія, которыя въ концѣ-концовъ необходимо отрицаютъ другъ друга, не допуская по существу никакого компромисса. И въ самомъ дѣлѣ, государственный суверенитетъ, какъ религія государственности и государства, требуетъ необходимо всего человѣка и не допускаетъ никакихъ возраженій со стороны какого-либо посторонняго начала. Для доказательства этого положенія достаточно указать на нѣкоторые факты. Въ своемъ отношеніи къ церкви государственная власть претендуетъ на безусловное верховенство и считаетъ себя въ правѣ опредѣлять свое отношеніе къ церковно-религіознымъ организаціямъ такъ, какъ это угодно самому государству. Если это соотвѣтствуетъ государственнымъ цѣлямъ, то церковь признается государственно-привилегированной корпораціей, одаряется государственными средствами, получаетъ преимущества государственнаго учрежденія, государственной санкціей снабжается нарушеніе ея постановленій. Точно такъ же отъ государства зависитъ признать церковь договаривающейся стороной или отказать ей въ этомъ, подвергнуть ее контролю и опекѣ или даровать автономію. Наконецъ признать ее частнымъ обществомъ, подчинить ее общимъ правиламъ объ обществахъ, или даже отказать ей въ тѣхъ или иныхъ обще-гражданскихъ правахъ, напримѣръ, въ правѣ наслѣдованія. Но церковь, со своей стороны, принципіально не можетъ признать главенства надъ собой подобнаго мірского соединенія, точно такъ же, какъ не можетъ согласиться съ самостоятельнымъ помазаніемъ государственной власти. Только церковь, отказавшаяся отъ своего обѣтованія, можетъ признать государство своимъ господиномъ, только религія, напередъ признающая священной всякую политическую власть, можетъ примириться съ властвованіемъ государства въ области религіознаго подвига и убѣжденія. Ибо церковь по принципу объемлетъ всего человѣка и во всѣхъ отношеніяхъ. Прямо или косвенно власти духовной подлежитъ вся его не только внутренная, но и внѣшняя жизнь: все, что подлежитъ грѣху, подлежитъ вѣдѣнію церкви.

Суверенное государство не иначе сталкивается съ мистикой сектантства, съ индивидуальной вѣрой, съ идеей всеобщаго священства. И если необходимо рождается конфликтъ между закономъ государства и закономъ церкви, то еще болѣе обостряется онъ тамъ, гдѣ божественный законъ познается непосредственно въ порывахъ экстаза, въ личномъ общеніи съ Божествомъ, въ святомъ духѣ своей совѣсти. Государство требуетъ убійства на войнѣ и убійства беззащитныхъ во время государственной казни, государство требуетъ мученій для заключенныхъ и тѣхъ, кто преступилъ его законы (тюрьма

есть тоже орудіе жестокихъ мученій); государство требуетъ насилія и опирается на оружіе, государство защищаетъ легальнаго хищника и эксплуататора, охраняетъ избытокъ одного, при наличности голода другого; государство отнимаетъ на вооруженіе и другіе непроизводительные расходы значительную часть достоянія трудящихся массъ, какъ разъ наименѣе состоятельнаго люда. И по какимъ бы побужденіямъ ни былъ поднятъ протестъ противъ государственныхъ мѣръ, государство неумолимо его подавляетъ, не стѣсняясь ни совѣстью, ни религіей, ни убѣжденіями протестующаго. Когда государство требуетъ крови и денегъ со стороны подданныхъ, оно часто требуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ къ себѣ любви, преданности, вѣрности и самоотверженія. Такъ, столкновеніе государства и совѣсти становится неотвратимымъ, и только компромиссъ весьма ограниченнаго содержанія хоть нѣсколько примиряетъ государство и личность, въ суверенитетъ не вѣрующую,—это право свободы религіознаго вѣроисповѣданія.

Въ настоящее время область мистической идеологіи даетъ намъ картину грандіознаго компромисса, съ одной стороны, между государствомъ и церковью на почвѣ признанія болѣе или менѣе широкой церковной автономіи, а съ другой—компромисса между обожествленнымъ государствомъ и личностью на почвѣ болѣе или менѣе широкаго признанія права свободнаго исповѣданія. Но римская церковь никогда компромисса не признаетъ ни окончательнымъ, ни рѣшительнымъ, и лишь временно мирится съ государствомъ, какъ съ неизбѣжнымъ зломъ, дабы въ будущемъ установить свое нерушимое и великое царство. Но точно такъ же никогда не можетъ мистикъ, чувствующій Бога въ своей личной совѣсти или въ общинѣ одинаково съ нимъ вѣрующихъ сектантовъ, отказаться отъ своего личнаго пророческаго, мессіанскаго или учительскаго призванія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ права низвергнуть чудеснымъ образомъ воцарившагося антихриста въ лицѣ всепоглощающаго государственнаго авторитета. И если церковь готова признать государство лишь въ рабскомъ подчиненіи своей высшей власти, то никогда не можетъ признать ни церкви, ни государства сектантъ, если онъ въ себѣ или народѣ видитъ непосредственно призванныхъ къ созданію на землѣ блаженнаго царства спасенныхъ, лучезарнаго рая, о которомъ неустанно мечтаетъ цѣлыми вѣками трудящійся, къ землѣ прикованный людъ. Само собою разумѣется, что автономная церковь и свобода вѣрующей личности являются самыми главными, самыми основными уступками, которыя дѣлаетъ божественный суверенитетъ свѣтскаго государства. Для него это есть принципіальное самоотрицаніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и глубокая практическая необходимость. Это величайшія пріобрѣтенія революціонной и оппозиціонной мистики у государственно-мистической фантазмы.

ГЛАВА VII.

Основы органической идеологіи государства.

Липпертъ. Исторія культуры. Мэнъ. Древнѣйшая исторія учрежденій. Фюстель де Куланжъ. Древняя гражданская община. Спенсеръ. Описательная соціологія. Ковалевскій. Соціологія. Дженксъ. Происхожденіе верховной власти. Гумплowичъ. Основы соціологіи. Карѣевъ. Государство-помѣстье. Аристотель. Политика. Платонъ. Государство. Трейманъ. Тираноборцы. Галлеръ. Возрожденіе государственной науки. Вильгельмъ II. Рѣчи. М. Ковалевскій. Отъ прямого народоправства.

Соціальная мистика, сводящая всѣ источники власти къ Божеству, тѣмъ самымъ совершенно отрицаетъ самостоятельную роль тѣхъ классовыхъ и сословныхъ различій, которыя рождаются въ каждомъ обществѣ, составленномъ изъ многихъ разнородныхъ частей. Тамъ, гдѣ все сводится къ Божеству, къ волѣ Бога сводятся и соціальныя различія. Самъ по себѣ человѣкъ не имѣетъ значенія, онъ получаетъ таковое лишь постольку, поскольку въ него вселяется Богъ, избираетъ его Своимъ сосудомъ. Съ этой точки зрѣнія передъ Богомъ всѣ равны, поскольку рѣчь идетъ по человѣчеству, неравенство же наступаетъ лишь тогда, когда Богъ въ разной степени одаряетъ своей благодатью тѣхъ или иныхъ вѣрующихъ. Въ этомъ смыслѣ мистику можно назвать демократическимъ методомъ идеологическихъ построеній, и онъ всегда можетъ быть направленъ къ противоположенію двухъ полюсовъ—всемогущаго, единаго Бога и столь же единой массы земныхъ и грѣховныхъ людей. Мы уже видѣли выше, что мистика сама въ себѣ даетъ діалектическое развитіе, способное съ равнымъ успѣхомъ уклоняться направо и налѣво и въ сторону теократическаго абсолютизма и въ сторону мистической анархіи. И если даже на мистической почвѣ мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ общественныхъ соединеній въ родѣ церкви и священной имперіи, соперничающихъ различныхъ церквей и религіозныхъ обществъ, то всѣ эти соединенія принципіально отрицаютъ другъ друга, требуютъ каждое для себя верховной власти, признаютъ лишь за собой моральное право на существованіе. Такимъ образомъ можно сказать, что мистическій принципъ представляетъ собой столь же основу для спаянія громадныхъ пассивныхъ массъ въ единое цѣлое, сколь и начало, рождающее самую отчаянную борьбу и всеобщіе раздоры. И если однимъ словомъ оцѣнить соціальныя возможности мистической идеологіи, то можно сказать, что она является, съ одной стороны, самой исключительной и нетерпимой, самой насильственной и властной, а съ другой—самой неустойчивой и капризной въ смыслѣ человѣческаго разумнаго

руководства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наименѣе зависимой отъ человѣческихъ цѣлей и потребностей. Богъ распредѣляетъ власть, какъ хочетъ, направляетъ человѣческія судьбы по своей волѣ, строитъ и разрушаетъ, гдѣ и какъ ему угодно. Полное отрицаніе органической связи классоваго порядка и неизмѣнности разъ сложившихся формъ становится неизбѣжнымъ выводомъ чистой мистической идеологіи. На ряду съ деспотизмомъ въ мистикѣ вѣчно скрыто пламя религіознаго бунта и революціи. Тамъ, гдѣ есть чудо, не можетъ быть твердаго и крѣпкаго земного политическаго строя.

Ясно отсюда, что когда явилась потребность обосновать власть не ради Бога, а ради самихъ людей, а вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣпить ее такъ, чтобы никто больше не поколебалъ ее, былъ примѣненъ въ дѣло тотъ методъ, который въ извѣстныхъ кругахъ далъ уже благіе результаты и отвѣчалъ вполнѣ психологіи опредѣленныхъ соціальныхъ группъ. И въ самомъ дѣлѣ, первоначальный родъ уже создалъ устойчивую идеологію общественной единицы, которая носила всѣ признаки естественнаго организма и обладала особымъ главой, старѣйшиной, родоначальникомъ или патріархомъ. Власть родового старшины, независимо отъ религіознаго освѣщенія, носила своеобразный характеръ уже потому, что она непосредственно оправдывалась положеніемъ старшаго въ качествѣ отца цѣлаго поколѣнія дѣтей, его положеніемъ, какъ хозяина, распорядителя родовымъ имуществомъ, наконецъ, его опытностью и умѣніемъ, какъ человѣка, много видѣвшаго на своемъ вѣку. Вмѣстѣ съ тѣмъ отецъ или патріархъ не есть нѣчто чуждое семьѣ; онъ стоитъ не надъ ней, а въ ней; это его кровь течетъ въ жилахъ послѣдующихъ поколѣній; это его жизнь, унаслѣдованная отъ безсмертнаго рода, продолжаетъ жить и въ потомкахъ. И не надо никакихъ искусственныхъ мѣръ для того, чтобы связать интересы патріарха съ интересами рода. Это дѣлается само собой. Когда властвуетъ отецъ, онъ дѣлаетъ это не для себя, а для всѣхъ, для рода; самъ себя подчиняетъ онъ интересамъ цѣлаго и не чувствуетъ себя ни собственникомъ, ни деспотомъ, какъ бы ни было безгранично послушаніе его естественныхъ и пріемныхъ дѣтей. Такая власть патріарха, въ одномъ мѣстѣ болѣе ограниченная, въ другомъ болѣе свободная, даетъ въ результатѣ два основныхъ типа, какъ это выяснилъ въ свое время Липпертъ. Какъ только семья-родъ приходитъ въ соприкосновеніе съ другими и образуетъ съ ними вмѣстѣ сложное цѣлое, то отечественная фамильная власть неизбѣжно измѣняется. Или она уступаетъ мѣсто одному общему отцу, который становится какъ высшій патріархъ надъ всѣми подчиненными, при чемъ послѣдніе переходятъ на положеніе его дѣтей, или такой общій отецъ въ извѣстныхъ случаяхъ ограничивается согласіемъ другихъ подчиненныхъ ему отцовъ, или же, наконецъ, мѣсто такого одного

общаго и высшаго отца занимаетъ собраніе всѣхъ отцовъ, стоящихъ во главѣ отдѣльныхъ родовъ и другихъ родовыхъ единицъ. Само собою разумѣется, что тамъ, гдѣ совершилось завоеваніе однимъ племенемъ другихъ, тамъ организація становится сложнѣе, и надъ отцами покоренныхъ всѣ побѣдители, не исключая и дѣтей ихъ, становятся по отношенію къ побѣжденнымъ отцами.

Историческій процессъ развитія семьи-рода, владѣющаго сообща землей на своемъ участкѣ, развитіе, которое въ концѣ-концовъ приводитъ къ распаденію этого рода и къ установленію чисто-хозяйственной поземельной общины, смѣнившей собой родовую общину, задругу, а по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, и русскую вервь,—это для насъ здѣсь не такъ важно. Но какъ разъ въ этомъ родовомъ порядкѣ лежитъ источникъ тѣхъ идей, при помощи которыхъ затѣмъ въ продолженіе вѣковъ организуется землевладѣльческая Европа. И если считать, что родовой принципъ есть начало по существу аристократическое, то нельзя здѣсь же не намѣтить въ высшей степени замѣчательной схемы, которую даетъ намъ процессъ перемѣщенія родовыхъ началъ снизу вверхъ. Безъ пародокса съ этой точки зрѣнія можно утверждать, что корень патріархальнаго аристократизма лежитъ въ каждой крѣпкой и богатой крестьянской семьѣ. Это родоначальникъ-аристократъ въ потенціи или возможности. И не даромъ говорятъ про датское крестьянство, что оно образовало изъ себя дворянство своей страны, и такія же аристократическія черты находитъ Риль въ современномъ нѣмецкомъ крестьянствѣ. Въ эпоху разрозненнаго существованія отдѣльныхъ родовъ каждый родовой начальникъ былъ вмѣстѣ и высшимъ начальникомъ своей общины. При союзѣ многихъ общинъ на началахъ равноправія, такіе старѣйшины еще больше укрѣпляютъ свою власть и могутъ достичь корпоративной организаціи отцовъ сравнительно со всѣми остальными дѣтьми. При завоеваніи однимъ племенемъ другого, родовая власть подчиненныхъ туземныхъ старѣйшинъ необходимо падаетъ, родовая связь слабѣетъ, а въ концѣ-концовъ и разлагается. Но зато крѣпнетъ родовая организація побѣдителей, и здѣсь патріархальное начало достигаетъ высшаго расцвѣта. Такую картину мы наблюдаемъ какъ разъ въ системѣ феодализма, во всѣхъ его проявленіяхъ, гдѣ разложившемуся роду внизу соотвѣтствуетъ крѣпкая родовая организація наверху. Но и феодализмъ очень часто уступаетъ путь крѣпкой наслѣдственной монархіи; такое развитіе неизбѣжно приводитъ къ ослабленію родового начала среди бывшихъ независимыхъ феодаловъ. Къ ослабленному разбитому крестьянскому роду присоединяются обломки феодальной аристократіи, ослабленной служебнымъ и территоріальнымъ принципомъ. Но родъ все же продолжаетъ свое существованіе; въ исключительно чистой формѣ онъ сосредоточивается отнынѣ лишь въ одномъ пунктѣ, а именно въ династіи, которая и сохраняетъ до

послѣдней минуты тысячелѣтнія черты стариннаго патріархальнаго рода. Не удивительно теперь, что какъ разъ у арійцевъ термины, понятія и идеи рода стали громаднымъ идеологическимъ богатствомъ, при помощи котораго затѣмъ организовались самыя сложныя и важныя учрежденія. Въ этой родовой идеѣ надо искать источникъ и того органическаго міровоззрѣнія, которое сдѣлалъ Гирке особенностью германской политической идеологіи.

Уже въ первобытномъ патріархальномъ строѣ находимъ мы чрезвычайное развитіе власти отца-домовладыки. У древнихъ евреевъ отецъ имѣлъ право жизни и смерти надъ домочадцами, право продажи своихъ дочерей, дѣти отбирались въ качествѣ его собственности за долги, а повиновеніе родителю не только было поставлено въ заповѣдяхъ непосредственно за повиновеніемъ Богу, но и ограждалось такими наказаніями, какъ смерть или побіеніе камнями. То же самое находимъ мы и въ Римѣ, гдѣ члены семьи были лишены всѣхъ правъ, а отецъ семьи имѣлъ право не только выбрасывать или продавать ихъ, но и подвергать смертной казни. Въ Греціи встрѣчаются аналогичныя постановленія. У кельтовъ и германцевъ имѣются подобные же примѣры, не говоримъ уже объ египтянахъ, индусахъ, китайцахъ и японцахъ, гдѣ „сыновняя любовь—главная изъ всѣхъ добродѣтелей“ и „секретъ нравственной обязанности лежитъ въ послушаніи, ея же корень—повиновеніе родителямъ“. Такая этика оказалась вполнѣ пригодной, чтобы обосновать повиновеніе болѣе высокимъ и крупнымъ отцамъ, царямъ и патріархамъ вмѣстѣ, которые становятся во главѣ цѣлыхъ племенъ. Такіе отцы—самое обычное явленіе древней исторіи, гдѣ мы находимъ въ видѣ царей именно такихъ крупныхъ и богатыхъ родоначальниковъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Уже Авраамъ является однимъ изъ такихъ. И Библія рисуетъ намъ его богатымъ мелкимъ и крупнымъ скотомъ, серебромъ и золотомъ и всякимъ имуществомъ. У него мы находимъ и ословъ, и верблюдовъ, и рабынь, и рабовъ, и пастуховъ, и даже особаго „старшаго въ домѣ“, раба, „управляющаго всѣмъ въ домѣ его“. И, кромѣ Авраама, рядомъ съ нимъ находится цѣлая масса другихъ такихъ же мелкихъ царей, которые всѣ живутъ въ какой-нибудь одной небольшой долинѣ. Въ битвѣ, которой современникомъ былъ Авраамъ, сражались цѣлые девять царей. Подобнымъ же образомъ рисуетъ намъ своихъ царей и Гомеръ. У ахейцевъ перечисляетъ онъ массы царей, богатыхъ широкими полями и тучными нивами, виноградниками и стадами, колесницами и конями, кораблями и дружиной. Нечего и говорить, что эти цари вполнѣ совпадаютъ и съ германскими знатными Тацита, съ королями во главѣ, и съ ирландскими боэрами или коровьимъ дворянствомъ, и съ нашими и славянскими господарями, кметами и князьями. Такой царь—лишь одинъ изъ многихъ, кормилецъ и отецъ, старѣйшина племени или рода.

Если мы пожелаемъ характеризовать отношеніе такого патріарха къ подвластнымъ ему людямъ, то для этого нѣтъ нужды заглядывать особенно глубоко въ исторію. Дѣло въ томъ, что каждый помѣщикъ, на землѣ котораго различается господскій участокъ и крестьянская запашка, можетъ только подъ тѣмъ условіемъ сохранить владѣніе живыми душами своихъ крестьянъ, что, отказавшись отъ примѣненія на практикѣ строгаго принципа собственности, онъ воскреситъ подъ его оболочкой тотъ патріархальный укладъ, который зиждется на противоположеніи отца семейства его дѣтямъ. И если рабство было сравнительно переносимымъ институтомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда рабъ входилъ въ общій составъ семьи, то то же нужно сказать и о крѣпостномъ правѣ. Рачительный государь—помѣщикъ, милостивый господинъ, опытный энергичный хозяинъ, онъ отнюдь не противополагаетъ себѣ своихъ подданныхъ, какъ рабочее лицо, подлежащее безжалостной эксплуатаціи въ пользу помѣщика,—отнюдь нѣтъ. Крѣпостничество выработало свой идеальный романтическій образъ добраго барина, отца-батюшки, который заботится прежде всего о своихъ дѣткахъ-крестьянахъ, объ успѣшности всего хозяйства въ цѣломъ. Подобно родовому владыкѣ онъ предоставляетъ значительную свободу мірскому, общинному самоуправленію. Безъ нужды онъ не трогаетъ крестьянской земли, не отягощаетъ барщиной и поборами; онъ знаетъ хорошо домъ и хозяйство каждаго крѣпостного, знаетъ силы каждаго двора, дѣйствуетъ со строгостью, но не разоряетъ непосильной работой. Наоборотъ, домъ помѣщика и его амбары замѣняютъ собой тотъ прежній родовой домъ задружнаго или родового хозяйства, въ которомъ не только справлялись общіе праздники, но и хранился источникъ помощи каждому, кого постигла какая-либо бѣда. Мѣсто прежняго родового очага заняла церковь, находящаяся рядомъ съ господскимъ домомъ, мѣсто общаго склада родового имущества—магазины и сараи батюшки-барина. И когда у крестьянина наступаетъ неурожай, когда его посѣщаетъ красный пѣтухъ, падежъ скота, болѣзнь и какое-либо другое бѣдствіе, за него не только молится батюшка-попъ, но и даетъ ему ссуду, помощь, орудіе или серебро батюшка-баринъ. И если посмотрѣть на власть помѣщика-крѣпостника съ точки зрѣнія патріархальной идеологіи, получатъ объясненіе и тѣ институты, чудовищность которыхъ такъ поражаетъ насъ. Въ качествѣ отца, благодѣтеля и кормильца, помѣщикъ не только ведетъ всю организацію хозяйства на господской и крестьянской землѣ, но какъ батюшка отецъ, патріархъ и владыка, онъ завѣдуетъ браками своихъ дѣтей, воспитываетъ ихъ, наказываетъ, а въ силу древняго патріархальнаго права даже продаетъ ихъ или подвергаетъ казни. Само собою разумѣется, что рядомъ съ добрыми отцами бываютъ и злые отцы—деспоты и тираны, но какъ дѣти не могутъ уйти отъ своихъ родителей, такъ не могутъ уйти крѣпостные отъ

своихъ прирожденныхъ господъ. И въ извѣстный періодъ развитія хозяйства безъ такихъ отцовъ было почти невозможно просуществовать крестьянину, и тогда помѣщики были по большей частью добрыми отцами; злыми стали они лишь тогда, когда рушилось замкнутое домашнее хозяйство крупнаго землевладѣнія, и въ аграрную среду вторгся денежный капиталъ.

Родовая идеализація и романтика съ неменьшимъ успѣхомъ послужила къ объясненію власти и привилегіи дворянъ въ отличіе отъ всѣхъ другихъ. Еще у индусовъ мы находимъ противоположеніе высшихъ кастъ низшимъ, какъ отцовъ дѣтямъ. Самый маленькій браманъ требуетъ такого почтенія со стороны вайсія и судры, какое подобаетъ въ отношеніяхъ ребенка къ своему отцу. Отцами по отношенію къ покореннымъ народностямъ называютъ себя греческіе эвпатриды, лаконскіе спартіаты, римскіе патриціи или отцы. По отношенію другъ къ другу они придерживаются братскихъ отношеній, представляя собой, какъ бы потомство одного и того же героя-родоначальника, полубога, титана или миѳическаго мудреца. Считаясь отцами въ государствѣ республиканскаго склада, будучи отцами по отношенію къ низшимъ при монархическомъ строѣ, они, въ свою очередь, являются старшими сыновьями того общаго и высшаго отца, который властвуетъ надъ ними въ качествѣ царя или короля. Но въ такомъ сложномъ государствѣ іерархическія отношенія получаютъ двоякій характеръ: съ одной стороны, между низшими, высшими и царемъ, а съ другой—эта іерархія основывается на болѣе глубокой, а именно іерархіи первоначальныхъ родоначальниковъ. Въ родовомъ обществѣ никто не владѣетъ правами самъ по себѣ по своему личному индивидуальному праву. Но всякій получаетъ эти права отъ рода, родъ же, въ свою очередь, получаетъ ихъ отъ родоначальника. Такимъ путемъ въ каждый данный моментъ властвуютъ не данные „patres“ и не старшій изъ нихъ „rex“, но властвуютъ родоначальники тѣхъ и другихъ, властвуютъ первоначальные предки, и ихъ власть только временно осуществляется даннымъ потомствомъ. Отсюда и чрезвычайное значеніе крови въ патріархальной идеологіи и забота объ ея чистотѣ; отсюда же и перенесеніе способности властвовать и царить на кровь, какъ таковую, и различеніе лучшихъ и худшихъ сортовъ крови: однихъ способныхъ къ господству, другихъ—только къ подчиненію. Отсюда необходимый переходъ патріархальной теоріи къ антропологической, которая вначалѣ отнюдь не занимается объективными свойствами расы, ея физіологическимъ и психологическимъ составомъ, но только чистотой происхожденія то отъ Ромула и Рема, то отъ Августа, то отъ миѳическихъ героевъ, Кекропса, Энея и др., то отъ Авраама и его потомковъ.

И если мы теперь перейдемъ къ пониманію цѣлаго государства, проникнутаго чисто-родовой патріархальной идеологіей, мы найдемъ

въ немъ цѣлый рядъ своеобразныхъ отношеній. Прежде всего это іерархія родоначальниковъ, въ которой старшему подчиняются младшіе; отъ каждаго изъ родоначальниковъ идутъ далѣе старшіе и младшіе роды, при чемъ роду патріарха соотвѣтствуетъ царскій родъ; потомство его дѣтей образуетъ патриціанскіе знатные роды, потомство младшихъ родственниковъ—простое дворянство; правнуки кліентовъ, рабовъ, вольноотпущенниковъ и крестьянъ родоначальника образуютъ изъ себя низшіе подвластные классы; но каждый изъ потомковъ старшей и младшей линіи, въ свою очередь, образуетъ вокругъ себя соединеніе младшихъ и старшихъ кліентовъ, рабовъ и крѣпостныхъ, при чемъ младшіе и даже несвободные члены каждой такой отдѣльной семейной ячейки становятся выше, чѣмъ потомки лучшаго родоначальника, опирающіеся только на свое происхожденіе. Такъ іерархія родовъ перекрещивается новой іерархіей, которая устанавливается въ предѣлахъ каждаго отдѣльнаго высшаго или низшаго рода. Каждый потомокъ высшаго рода, относясь, какъ къ дѣтямъ и родственникамъ, къ тѣмъ людямъ, которые ему служатъ и на него работаютъ, этимъ самымъ возвышаетъ ихъ на болѣе выдающійся рангъ, чѣмъ даже по принципу болѣе высоко поставленные потомки лучшихъ прародителей. Въ такой способности родовой идеологіи перебивать при помощи патріархальнаго принципа прирожденный порядокъ, установленный родоначальниками, лежитъ несомнѣнно идейный моментъ, способный внести разложеніе въ стройный порядокъ родовой системы и открыть въ нее доступъ новому началу, а именно принципу служебной, а въ силу этого и семейной близости къ высокопоставленному лицу.

Родовой принципъ даетъ политической идеологіи и еще одну въ высшей степени важную мысль: таковой безспорно является идея, съ одной стороны, обще-родовыхъ собраній, а съ другой — совѣтовъ или совѣщаній старшихъ родственниковъ. Такія собранія меньше всего можно смѣшивать съ представительствомъ большинства или съ осуществленіемъ индивидуальныхъ политическихъ правъ. Если гдѣ-нибудь подходитъ слово органическій, то именно здѣсь, и отсюда же вытекаетъ тотъ на первый взглядъ безпорядочный характеръ, который присущъ таковымъ родовымъ и племеннымъ сборищамъ. Тутъ совершенно неважно, чтобы были соблюдены формальныя условія правильнаго созыва, строго опредѣленнаго состава—кворума, и точно такъ же не имѣетъ существеннаго значенія, кто первый начинаетъ рѣчь, какъ ведется обсужденіе вопроса, какъ происходитъ самое голосованіе. Родственники — свои люди, они непосредственные носители идеи рода, опекуны младшихъ, хозяева общаго добра, защитники и руководители коллективной работы. Было бы странно и смѣшно, если бъ эти люди, связанные другъ съ другомъ чувствомъ родственной любви, почитаніемъ старшихъ, ощущающіе въ себѣ об-

щую кровь, чтобы они подвергли себя какимъ-то нелѣпымъ стѣсненіямъ въ дѣлѣ обсужденія всѣмъ общаго и дорогого дѣла. Вотъ почему народныя собранія и совѣты старѣйшинъ у германцевъ, грековъ, римлянъ и славянъ, всѣ отличаются общими чертами, которыя совершенно непонятны, если отвергнуть идею родовой органической близости участниковъ собраній, если не признать, что собранія эти почти съ біологической точностью являются настоящими органами родового или племенного тѣла.

И если бы органическая теорія вмѣсто того, чтобы придумывать чудовищныя аналогіи между біологическимъ и соціальнымъ организмомъ, искала доводовъ въ пользу своихъ положеній въ той идеологіи, которая вырастаетъ на хозяйственной связи родовой общины, на кровной близости рода-племени, на патріархальной организаціи общности родоначальника и потомковъ, то она была бы безусловно права. И нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что съ послѣдовательнымъ ростомъ родовыхъ соединеній, даже съ переходомъ ихъ въ сословныя государства и государства-города прежняя родовая идея осталась и свои формы придала безмѣрно болѣе широкимъ соединеніямъ, болѣе сложнымъ институтамъ. И если родоначальникъ превратился въ царя, патриціи создали сенатъ, а первоначальное вѣчевое собраніе превратилось въ собраніе курій, центурій, фратрій или трибъ, то принципъ остался одинъ и тотъ же. Будучи этико-органическимъ, а не строго юридическимъ институтомъ, всѣ эти учрежденія носятъ на себѣ слѣды великой патріархальности; все происходитъ отъ души, ораторы дѣйствуютъ по простотѣ, и хотя споры подчасъ доходятъ до настоящей драки, но рѣшеніе всегда единогласное. Изъ ораторовъ побѣждаетъ тотъ, кто скажетъ дѣльное слово, большую роль играетъ авторитетъ опыта и старости, подъ вліяніемъ необходимости перерѣшаются безъ всякихъ затрудненій дѣла, и участники въ собраніи, принявъ то или иное рѣшеніе, сейчасъ же сами приводятъ его въ исполненіе. И когда на такомъ собраніи производятся выборы герцоговъ, князей, вождей или судей, то опять-таки это не есть юридическое порученіе или представительство, — нѣтъ, это лишь избраніе изъ себя своего же подходящаго выдающагося члена, который лучше всего сдѣлаетъ общее дѣло, въ которомъ крѣпче всего живетъ отецъ, защитникъ, хозяинъ,— однимъ словомъ, живое воплощеніе рода. Это только признаніе, что избранный въ дѣйствительности есть лучшее вмѣстилище родовыхъ или племенныхъ цѣлей, чувствъ, задачъ и т. п. И такой избранникъ дѣйствуетъ не командой или приказаніемъ, а прежде всего личнымъ примѣромъ и моральнымъ авторитетомъ. О власти въ современномъ смыслѣ слова здѣсь и говорить нельзя.

Въ послѣдующемъ историческомъ развитіи родовая идея претерпѣла весьма много видоизмѣненій. Первоначальное вѣче впослѣд-

ствіи смѣнилось сословнымъ сеймомъ, а затѣмъ и парламентомъ. Патріархальный король, отецъ-батюшка, судья, жрецъ, военачальникъ самый мудрый, самый знатный, самый богатый и справедливый уступилъ мѣсто царю Божьей милостью или президенту народнымъ избраніемъ. Но и до настоящаго времени остались соціальныя ячейки, общественныя группы и организаціи, гдѣ можно почти въ нетронутомъ видѣ созерцать хотя бы нѣкоторые древніе институты. Крестьянскій міръ въ странахъ, гдѣ еще сохранилось общинное землевладѣніе, родовые совѣты въ дворянскихъ обществахъ той или другой отдѣльной фамиліи, наконецъ, организація современныхъ династій даютъ намъ достаточно матеріала для возстановленія полной картины родовой идеологіи. Въ особенности, однако, въ чистомъ видѣ такая идеологія примѣняется и теперь въ организаціи монархическихъ династій, стоящихъ въ значительной степени внѣ и надъ современнымъ государствомъ. Здѣсь мы находимъ прежде всего опредѣленное династическое имущество, которое подлежитъ автономному завѣдыванію рода. Династія объединяетъ далѣе въ себѣ всѣхъ лицъ происшедшихъ отъ опредѣленнаго родоначальника независимо отъ того, въ какихъ государствахъ члены династіи проживаютъ. Каждая династія далѣе представляетъ собой замкнутое кровное сообщество, члены котораго не могутъ вступать въ бракъ съ лицами низшаго происхожденія безъ разрѣшенія родового владыки. Сама монархическая власть является лишь достояніемъ рода въ силу передачи ея отъ перваго родоначальника и охватываетъ собой право отеческой власти и патріархальной опеки надъ подданными, какъ дѣтьми или несвободными слугами и подзащитными рода. Такой родъ-династія и до сихъ поръ сохранилъ въ значительной степени право внѣ государственнаго автономнаго законодательства, при чемъ органами рода какъ кровнаго цѣлаго является, во-первыхъ, общее собраніе членовъ рода, то, что можно назвать династическимъ родовымъ вѣчемъ, затѣмъ особый совѣтъ старѣйшинъ, составленный изъ главъ или шефовъ старшихъ и младшихъ линій, наконецъ, глава династіи въ качествѣ непосредственнаго преемника правъ старшаго родоначальника, на котораго и возлагается главное попеченіе о богатствѣ, преуспѣяніи и блескѣ рода, такъ же, какъ о моральной дисциплинѣ и поддержаніи порядка въ средѣ династіи. И подобно тому, какъ ослушникъ рода, мятежникъ противъ патріархальной власти въ древности подвергался изгнанію изъ родового общества и становился изгоемъ, лишеннымъ огня и воды, точно такъ же и теперь нарушитель династическихъ обычаевъ и правилъ по дисциплинарному суду отлучается отъ состава династіи, становится ей совершенно чужимъ, отлученнымъ или изгоемъ.

Терминологія и церемоніалъ отношеній монарха и подданныхъ въ старинныхъ европейскихъ и азіатскихъ монархіяхъ чрезвычайно

ярко отражаютъ въ себѣ патріархальный принципъ. Всѣ семейныя, частныя дѣла монарха почитаются столь же близкими и важными для подданныхъ, какъ для него самого. Въ манифестахъ поэтому подданнымъ предлагается радоваться рожденію принцевъ и принцессъ, ихъ бракосочетанію, рожденію новыхъ членовъ семьи, ихъ крещенію и т. п. Наоборотъ, при горестныхъ событіяхъ, какъ-то: въ случаѣ болѣзни, смерти или какого-либо другого чисто-семейнаго или частнаго несчастія съ членомъ династіи, обо всемъ этомъ не только оповѣщается въ самыхъ прочувствованныхъ выраженіяхъ все населеніе, но предполагается, что оно живѣйшимъ образомъ принимаетъ участіе въ горестяхъ династіи и вмѣстѣ съ ней скорбитъ, молится и проливаетъ слезы. Подданные почитаются какъ бы входящими въ составъ нѣкоторой большой семьи и хоть на положеніи младшихъ ея членовъ, кліентовъ, или даже несвободныхъ слугъ, но, тѣмъ не менѣе, они обязаны узами чисто-дѣтской привязанности, сыновней нѣжности и любви къ своимъ опекунамъ или отцамъ въ видѣ династіи и ея членовъ. И обращеніе подданныхъ къ монархамъ въ особенности съ поздравленіями или выраженіями сочувствія по поводу семейныхъ событій въ средѣ династіи весьма рѣзко подчеркиваютъ родовой, патріархальный характеръ взаимныхъ отношеній. Подданные здѣсь въ особыхъ церемоніальныхъ формулахъ радуются личному и семейному счастію монарха, плачутъ вмѣстѣ надъ его горемъ и просятъ его принять выраженія такихъ чувствъ, которыя находятъ свою полную аналогію только въ обращеніи кліента къ родовому патрону, младшаго родственника къ великому отцу или подопечнаго крѣпостного къ батюшкѣ-барину. Семейно-патріархальный моментъ современной монархической власти этимъ ставится внѣ всякихъ сомнѣній. Никакому президенту республики недоступна такая семейно-интимная связь съ народомъ, какая предполагается въ каждой монархіи съ ея „возлюбленными“ подданными и „обожаемымъ“ и „всемилостивѣйшимъ“ „отцомъ отечества“ (Landesvater).

Таковы основы родовой идеологіи, которыя пользуются идеей патріархальной семьи и родственными чувствами отцовъ, дѣтей и подобныхъ близкихъ по крови людей для того, чтобы при ихъ помощи создать соціальный организмъ, проникнутый идеальными типами любящаго отца и преданныхъ послушныхъ дѣтей. Эта идеологія, какъ мы увидимъ ниже, находитъ обширнѣйшее примѣненіе въ современномъ государствѣ и на ея теоретическомъ аппаратѣ построенъ цѣлый рядъ органическихъ теорій, гдѣ въ качествѣ организма выступаетъ то государство, то общество, то сословіе, то семья. Этой же теоріи обязано своимъ происхожденіемъ представленіе того или иного соціальнаго органа; отсюда же и великій соблазнъ перенести на міръ общественныхъ отношеній ученія о біологическомъ организмѣ и его всевозможныхъ органахъ. Все дѣло, однако, въ томъ,

что не только патріархальному и родовому романтизму мы можемъ противоставить мистическую и раціональную идеи государства, но и въ рамкахъ соціальной эстетики, соціальнаго романтизма и сентиментальности, мы можемъ найти идейныя построенія, которыя съ успѣхомъ противодѣйствуютъ органическому воззрѣнію на государство.

И если мы теперь оторвемся отъ хозяйственной общины и выросшаго на ней патріархальнаго землевладѣнія, мы увидимъ, что первый ударъ родовому сознанію былъ нанесенъ, несмотря на всѣ слѣдующіе компромиссы, спеціально военной идеологіей. И, несмотря на то, что обыкновенно родоначальниками считаются военные герои, а семейно-родовыя отношенія переносятся на отношенія завоевателей къ завоеваннымъ, все же въ концѣ-концовъ боевая среда должна была привести къ созданію своей особой, конкурирующей съ семейно-родовыми понятіями идеологіи.

Война, сопряженная съ грабежомъ и захватомъ въ плѣнъ покоренныхъ, война, доступная далеко не однимъ лучшимъ, старѣйшимъ и богатымъ, но и рядовымъ воинамъ, находящимся въ дружинѣ того или иного вождя, она должна была быть той ареной, на которой впервые выступаетъ въ состязаніи съ родовымъ авторитетомъ личная доблесть, сила и заслуга. И мы не только знаемъ объ удивительныхъ подвигахъ Саула и Давида, изъ простыхъ воиновъ ставшихъ царями, не только читаемъ о героическихъ похожденіяхъ индусскихъ богатырей или гомеровскихъ витязей, но имѣемъ громадный историческій матеріалъ, который показываетъ намъ, что даже несвободный человѣкъ, рабъ, отрокъ, оруженосецъ, путемъ воинской заслуги всегда могли подняться въ ряды благородныхъ, рыцарей или стражей. Съ точки зрѣнія воинской годности и доблести вполнѣ послѣдовательно выдвигать на первый планъ способность, гдѣ бы она ни была, прирожденную силу, ловкость, крѣпость и здоровье. И когда Платонъ организуетъ своихъ стражей—терминъ, совершенно равнозначный съ феодальнымъ рыцаремъ, съ японскимъ буши или самурайемъ—онъ предлагаетъ не наслѣдственную касту воиновъ, а спеціальный отборъ изо всѣхъ рождающихся дѣтей, при чемъ для воинскаго дѣла выбираются самые крѣпкіе и красивые, безразлично отъ того, кто были ихъ родители.

Понятно отсюда, что именно воинская доблесть была тѣмъ началомъ, благодаря которому, съ одной стороны, часто прорывались сомкнутые патриціанскіе ряды для того, чтобы дать мѣсто плебейскому пришельцу, удачнику, грабителю и завоевателю, а съ другой—благодаря той же войнѣ происходитъ постоянное смѣшеніе расъ, такъ какъ не только жены побѣжденныхъ переходятъ въ обладаніе побѣдителей, но и наиболѣе выдающіеся и доблестные изъ покоренныхъ принимаются властвующими въ свои дружины. И если мы

вспомнимъ, что исторія общества, особенно въ первобытный и древній періодъ, есть сплошная драка и война, то мы можемъ оцѣнить всю громадность воинской доблести и удачи для организаціи государства и его господствующихъ слоевъ. Героическій эпосъ преклоненія предъ воинской силой, романтизмъ битвы и рыцарской доблести—явленія настолько всеобщія, что о нихъ не приходится особенно распространяться. И выросшая на этой почвѣ идеологія естественно отличается отъ патріархально-родовой, которая многими изслѣдователями смѣшивается съ первой.

Сама власть и подчиненіе здѣсь получаютъ своеобразный характеръ. Правда, воинская вѣрность во многомъ напоминаетъ намъ послушаніе дѣтей главѣ семейства, и мы очень часто встрѣчаемъ девизы въ родѣ „вѣрный до смерти“, „я буду преданъ всю жизнь“, „отъ сердца служу королю“ и т. п. Однако эта вѣрность, несмотря на все вліяніе родовыхъ началъ, отличается отъ сыновней уже тѣмъ, что она не есть прирожденная, а добровольная, которую взрослый, а по общему правилу, и свободный, человѣкъ самъ избираетъ себѣ закономъ и правиломъ своей жизни. Именно начало доброй воли, свободнаго рѣшенія, личнаго избранія придаетъ рыцарской вѣрности тотъ особый видъ и свойство, которыми она отличается. И такое свободное рѣшеніе оказывается тѣмъ болѣе цѣннымъ, что изъ преклоненія передъ даннымъ вождемъ, героемъ, витяземъ, изъ довѣрія къ его доблести и дарованію свободный мужъ связываетъ себя повиновеніемъ и преданностью до самой смерти, а слѣдовательно, бросаетъ самую свою жизнь по своему гордому рѣшенію къ ногамъ того или другого вождя. И примѣры исторіи не только европейской, но и азіатской, примѣры отовсюду, гдѣ только былъ феодализмъ, показываютъ намъ, что такая вѣрность, преданность и самоотверженіе далеко не были пустыми словами. Трогательная исторія 47 японскихъ рыцарей, рониновъ, павшихъ мстителями за честь своего господина, смѣло можетъ быть принята какъ девизъ для всего западнаго рыцарства.

Но такая преданность имѣетъ и свои принципы: во-первыхъ, она предполагаетъ со стороны сюзерена, сеньора, дайміо или князя соблюденіе, съ его стороны, данныхъ имъ взаимно обѣщаній защиты, покровительства и справедливости въ дѣлѣ распредѣленія добычи. Вождь рыцарей долженъ первый бросаться въ битву, долженъ биться впереди своей дружины, долженъ быть храбрѣе всѣхъ и выручать своихъ. Трусъ и обманщикъ, слабый и ничтожный человѣкъ никогда не можетъ быть главою храбрыхъ, и такого человѣка всѣ его воины и рыцари всегда имѣютъ право покинуть хотя бы въ самомъ критическомъ положеніи; даже не считается преступленіемъ перейти къ его врагу, разъ этотъ послѣдній дѣйствительно соединяетъ въ себѣ всѣ качества витязя или героя. Такъ складывается система личныхъ

отношеній, личныхъ договоровъ, личныхъ обязанностей и правъ, которыя, однако, тѣмъ рѣзко и радикально отличаются отъ послѣдующихъ субъективныхъ или индивидуальныхъ правъ и отношеній, что здѣсь въ основѣ лежитъ не абстрактный правовой субъектъ, не общій, средній, психологическій шаблонъ, а только данная конкретная личность, какъ этическое цѣлое, какъ органическое соединеніе опредѣленныхъ психическихъ свойствъ и внѣшняго положенія. По принципу подобныя отношенія непереносимы; вотъ почему со смертью даннаго сеньора кончаются и всѣ обязанности вассаловъ по отношенію къ нему, новый же сеньоръ нуждается и въ новомъ актѣ пожалованія ему его владѣній и въ новой присягѣ со стороны дружинниковъ и держателей его земель. Должностное порученіе, а не раздробленіе и не отчужденіе правъ, представляютъ собой и тѣ передачи власти и доходовъ, которыя предпринимаетъ сеньоръ, когда посылаетъ отъ своего имени судей, начальниковъ или иныхъ комиссаровъ. Не по частному праву получаютъ они предметы и блага частнаго гражданскаго оборота, но лишь въ силу своихъ личныхъ свойствъ, обусловившихъ данное порученіе или должность отъ имени господина. И не господина представляютъ они въ области предоставленныхъ имъ полномочій, а самихъ себя какъ лицъ, удостоенныхъ награды и высокаго порученія со стороны сеньора.

Поземельныя отношенія, которыя сложились въ феодальную эпоху, носятъ на себѣ яркій отпечатокъ той же рыцарской идеологіи; рыцарь по принципу вовсе не долженъ быть землевладѣльцемъ,—вполнѣ достаточно, если онъ только воинъ. Отсюда возможность странствующихъ рыцарей, рыцарей-монаховъ и т. п. Какъ мы увидимъ дальше на примѣрѣ арабскаго рыцарства, у нихъ рыцарямъ спеціально было запрещено землевладѣніе, чего еще раньше требовалъ Платонъ для своихъ стражей. И если рыцарь становился въ извѣстныя отношенія къ землѣ, то обыкновенно онъ получалъ отъ леннаго господина не аллодъ или вотчину, а феодъ или помѣстье, которое находилось лишь въ его условномъ владѣніи, покуда онъ несетъ опредѣленную службу, исправляетъ должность или иное порученіе со стороны господина. Помѣстьемъ или феодомъ называлось такое феодальное владѣніе, которое предоставлялось только лично данному рыцарю, обыкновенно лишь въ пожизненное пользованіе какъ своего рода поземельное жалованіе или содержаніе, дающее ему возможность снарядить себя и опредѣленное количество вооруженной дружины, чтобы по первому зову господина выступить на войну. Такъ какъ обыкновенно вмѣстѣ съ такимъ помѣстьемъ владѣльцу предоставлялись также права суда и расправы, а также полученія опредѣленныхъ сборовъ, слѣдуемыхъ сеньору, то подобные феоды сравнительно мало отличались отъ тѣхъ пожалованій, которыя связывались съ порученіемъ намѣстническихъ и судебныхъ должностей. Когда какой-

нибудь рыцарь назначался графомъ, воеводой и судьей той или иной мѣстности, то обыкновенно со своего округа онъ получалъ опредѣленные доходы, которые близко подходятъ къ тѣмъ, какіе платили феодальному держателю живущіе въ его помѣстьѣ свободные и несвободные люди. Такое приближеніе къ должностному жалованью понятія феода или лена привело къ тому, что въ феодальномъ обществѣ совершались сдѣлки, совершенно непонятныя съ точки зрѣнія личной собственности. Таковы хотя бы договоры коммендаціи, часто практиковавшіеся между собственниками плохо защищенныхъ отъ вражескаго нападенія земель и важными ленными господами. Въ этихъ случаяхъ собственникъ земли добровольно дѣлалъ ее однимъ изъ леновъ своего господина съ тѣмъ, чтобы тотъ вмѣстѣ со своимъ мощнымъ покровительствомъ отдалъ этотъ новый феодъ бывшему собственнику для наслѣдственнаго пользованія. Только на почвѣ извращенія феодальныхъ отношеній совершился переходъ и графскихъ округовъ и феодальныхъ помѣстій и коммендированныхъ земель въ вотчинную собственность того или иного леннаго господина. Наслѣдственный переходъ феода изъ поколѣнія въ поколѣніе съ допущеніемъ женскаго наслѣдованія и наслѣдованія малолѣтнихъ дѣтей является яркимъ показателемъ такого извращенія личнаго начала, положеннаго въ основу всѣхъ феодальныхъ отношеній.

Сознаніе личной цѣнности воина лежитъ въ основѣ и тѣхъ вооруженныхъ собраній, на которыя передъ войной и во время военныхъ дѣйствій собирались всѣ полноправные участники похода. Такія собранія, носившія очень часто характеръ смотровъ, рѣдко отличались особенной продолжительностью или упорядоченнымъ производствомъ. Очень часто такіе полу-парады, полу-вѣчевыя сходки воспринимали заимствованный изъ родовой организаціи строй, и разница между ними была небольшая въ то время, когда каждая категорія родовъ или курій была приписана къ особому роду войска и къ его дѣленіямъ; дѣленіе на сотни, центуріи, тысячи и т. п. уже составляетъ переходъ къ чисто-военному вѣчу, которое рѣшаетъ дѣла простыми криками одобренія, стукомъ оружія о щиты и иными воинскими знаками. Одной изъ особенныхъ функціи такихъ собраній является избраніе вождей, сопровождаемое особыми обрядами въ родѣ подниманія ихъ на щитъ. Само собою разумѣется, что въ такихъ собраніяхъ случаи разногласія сопровождались гораздо болѣе серьезными послѣдствіями, чѣмъ споры и раздоры на сходахъ родовой общины. Воины рѣшали споръ оружіемъ или же прямо отказывались повиноваться своимъ вождямъ. Рядомъ съ военнымъ вѣчемъ, майскими и мартовскими полями мы имѣемъ, конечно, и въ средѣ воиновъ особый совѣтъ старшей дружины, воеводъ и начальниковъ, которые въ силу своихъ знаній и многочисленности личной дружины обладаютъ авторитетомъ въ глазахъ главнаго вождя. Но если порядокъ на воен-

номъ вѣчѣ и даже самая необходимость единогласнаго рѣшенія представляется несущественной, то еще болѣе совѣщательный характеръ имѣетъ такой стратегическій совѣтъ, который постоянно колеблется между подчиненіемъ герцогу или князю и свободнымъ усмотрѣніемъ каждаго вождя, отъ котораго зависитъ присоединиться къ походу со своей дружиной, или нѣтъ.

Мы теперь видимъ, какое громадное значеніе играетъ личный принципъ въ феодальномъ обществѣ, и это начало даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ весьма замѣчательныя черты всѣмъ отношеніямъ средневѣковья. Здѣсь больше всего играетъ роль понятіе рыцарской личности, личности мужа и воина; оно кладетъ границу возможному расширенію тѣхъ или иныхъ правоотношеній. Эта черта рыцарской личности получаетъ спеціальное наименованіе чести. Поскольку индивидъ городского цивильнаго права есть индивидъ, лишенный какихъ-нибудь сдержекъ внутри себя, кромѣ корыстнаго расчета, свойственнаго всякому пріобрѣтателю, постольку же въ самомъ субъектѣ феодальныхъ отношеній лежитъ признакъ качественно обозначеннаго поведенія, опредѣленнаго изнутри рыцарской доблестью и выражающагося вовнѣ въ понятіи чести. Цѣлый рядъ сдѣлокъ и правоотношеній исключается изъ феодальнаго оборота лишь потому, что онѣ несовмѣстимы съ понятіемъ рыцарской личности, какъ таковой. Рыцарь смѣлъ, открытъ, правдивъ и силенъ—отсюда рыцарь не можетъ быть ничьимъ рабомъ, онъ не можетъ обманывать въ обмѣнѣ, не можетъ торговать или работать за плату; онъ самъ даритъ и получаетъ дары, рыцарь великодушенъ и милостивъ къ слабымъ, гостепріименъ и щедръ, поэтому онъ не можетъ отдавать въ наемъ своего имущества, брать плату за гостепріимство или торговать своей милостью и расположеніемъ. Рыцарь не можетъ быть ростовщикомъ. Съ другой стороны, рыцарь не долженъ присягать и клясться, когда онъ что-нибудь обѣщаетъ, его слово вѣрно, онъ скорѣе погибнетъ, чѣмъ нарушитъ его, по отношенію къ рыцарю не нужны ни гарантіи, ни неустойки, ни даже суды. Таковъ идеальный образъ, который полагается въ основу правовой системы феодализма, и особый романтическій эпосъ, церемоніалъ рыцарскаго обращенія, воспитаніе отъ малыхъ лѣтъ до сѣдыхъ волосъ должны обезпечить торжество этому идеалу. И сама религіозная идея принимаетъ романтическій видъ, становится настражѣ воинской этики, возведенной въ перлъ созданія.

Востокъ и Западъ одинаково работали надъ созданіемъ этого идеала. И, пожалуй, даже болѣе Востокъ: у арабовъ и японцевъ находимъ мы такія высокія творенія рыцарской идеологіи, съ которыми едва можетъ сравниться рыцарскій культъ на Западѣ. И въ самомъ дѣлѣ, европейскіе воины впервые у мавровъ и сарацинъ выучились понятіемъ воинскаго благородства. Какъ извѣстно, у арабовъ всѣ воины образовали особую корпорацію, которая, опираясь на кочевой

образъ жизни, отрицала принципіально присвоеніе какихъ-либо пахотныхъ земель и довольствовалась исключительно дѣлежемъ добычи, полученной съ завоеванныхъ областей, или данью, которую доставляли покоренные народы. Платоновскій идеалъ военнаго общежитія, лишеннаго земельной собственности и потребляющаго сообща доходы съ невоенныхъ классовъ, казалось, арабами былъ воплощенъ въ совершенствѣ. Арабы, преданные исключительно военному дѣлу, ведя войну съ одной только цѣлью доставить торжество божественной правдѣ, неминуемо должны были превратиться въ своего рода рыцарскій орденъ, гдѣ военное ремесло и военная доблесть получили высшее моральное значеніе. И, наоборотъ, святая война, бывшая дѣломъ служенія истинѣ, религіознымъ подвигомъ во имя всемогущаго Бога, не могла быть достояніемъ грязныхъ рукъ, нечистыхъ помысловъ и стремленій. Святую войну вели святые воины, воинская доблесть стала высшимъ подвигомъ, воинская честь сдѣлалась признакомъ божественнаго озаренія. Такъ сложилась красота рыцарскаго идеала, образъ воина, подвижника, отрицавшаго развратъ, пьянство, корыстолюбіе и жадность,—воина, защитника бѣдныхъ и угнетенныхъ, суроваго искоренителя грѣха, помощника и вѣрнаго слуги пророка. На почвѣ такого пониманія военнаго дѣла неминуемо сложились особыя правила борьбы, гдѣ личная доблесть могла получить наибольшее признаніе, гдѣ открытый бой одинъ на одинъ, дуэль или Божій поединокъ, сталъ высшей формой проявленія святости, гдѣ хитрость и обманъ отвергались уже потому, что ни Богъ не нуждается въ обманѣ, ни Божье дѣло не можетъ быть имъ запятнано. Мы видимъ на самомъ дѣлѣ, что арабы чрезвычайно терпимо относились къ покореннымъ народностямъ,—не только не мѣшали, но даже способствовали процвѣтанію ихъ промышленныхъ и торговыхъ занятій, замѣняли массу повинностей и барщинъ прямымъ и пропорціональнымъ обложеніемъ, уничтожали таможни и водворяли безопасность, миръ и порядокъ тамъ, гдѣ до нихъ шли безконечные кровавые раздоры.

Конечно, идея рыцарства не была новой для средневѣковой Европы уже потому, что до нея были Греція и Римъ, гдѣ образъ воина-героя былъ однимъ изъ опредѣляющихъ общественную жизнь. Какъ разъ лаконская и критская конституціи были основаны на томъ властвованіи воиновъ-рыцарей, воиновъ-подвижниковъ, которыхъ съ такою поразительной силой воспѣлъ Платонъ въ своемъ идеальномъ государствѣ. Воистину непонятными и произвольными представляются всѣ комментаріи на платоновское государство, если только посмотрѣть на него съ точки зрѣнія воинской идеологіи. Многихъ поражаетъ въ платоновскомъ идеалѣ его „соціальный аристократизмъ“, связанный съ коммунистическимъ общеніемъ имуществъ, общностью и равноправіемъ женщинъ и суровыми испытаніями для участниковъ коммунистическаго общенія. Однако все это объясняется чрезвы-

чайно просто: воспитаніе воиновъ или стражей въ платоновской коммунѣ отличается развѣ излишней полицейской строгостью отъ того, что мы знаемъ относительно воспитанія юношей у спартанцевъ, въ средневѣковой Европѣ или японцевъ въ эпоху господства у нихъ феодализма. Вездѣ встрѣчаемъ мы закаленіе дѣтей отъ холода и голода, воспитаніе выдержки и выносливости, умѣнья переносить всевозможныя невзгоды. Въ любомъ японскомъ руководствѣ о воспитаніи рыцаря находимъ мы не только огражденіе дѣтей отъ всякихъ разнѣживающихъ вліяній, внушеніе имъ правилъ послушанія старшимъ, любви къ рыцарскимъ подвигамъ, но и указаніе, какъ пользоваться для этой цѣли миѳами, героическимъ эпосомъ, музыкой, играми и другими средствами внѣдренія романтическихъ чувствъ. И точно такъ же, начиная съ спартіатовъ и кончая японцами, находимъ мы вездѣ то отношеніе къ женщинѣ, которое такъ многихъ поражаетъ у Платона. У всѣхъ народовъ, исполненныхъ рыцарскаго романтизма, находимъ мы почти одинаковое воспитаніе женщинъ и мужчинъ и сравнительную свободу половыхъ связей. И если бракъ у нихъ всѣхъ является очень строгимъ институтомъ, своего рода питомникомъ для выращиванія воинской молодежи, то, съ другой стороны, рядомъ съ героической матроной находимъ мы болѣе или менѣе обширный классъ наложницъ, гетеръ, чайныхъ дѣвушекъ (гейши) или женщинъ, посвященныхъ богамъ, которыя съ успѣхомъ вознаграждаютъ воиновъ за строгость ихъ домашняго быта. И если у арабовъ единобрачіе дополнилось очень скоро введеніемъ вторыхъ женщинъ и наложницъ въ самую семью, то въ средневѣковой Европѣ мы находимъ особыя корпораціи веселыхъ дѣвушекъ, которыя возмѣщали рыцарю недостатокъ любви въ кругу его семейнаго очага.

Когда Платонъ предлагаетъ воспитаніе женщинъ на одинаковыхъ условіяхъ, какъ и мужчинъ, то это оправдывается вполнѣ историческими примѣрами; если онъ далѣе рекомендуетъ воинамъ общеніе женъ, а вѣрнѣе институтъ временныхъ браковъ, то опять-таки онъ здѣсь не только сводитъ воедино два типа брачныхъ и любовныхъ отношеній воинской среды, но и предвосхищаетъ тотъ институтъ временнаго брака, который въ дѣйствительности и былъ созданъ феодальной Японіей. Точно такъ же нельзя видѣть никакого особаго соціализма или коммунизма въ общности имущества платоновскихъ стражей. Это не больше не меньше, какъ тотъ общій походный котелъ, изъ котораго всегда и вездѣ кормятся воины всего міра, а что касается общихъ жилищъ и общихъ обѣдовъ въ мирное время, то какъ разъ воплощеніе этого идеала находимъ мы у спартіатовъ и у средневѣковыхъ рыцарей-монаховъ и, наконецъ, въ каждой современной казармѣ. Точно такъ же нельзя упрекнуть Платона и за его стремленія сдѣлать жизнь воиновъ особенно воздержанной, скудной и простой. Такому правилу слѣдовали всѣ мудрые полководцы, не безъ основа-

нія полагавшіе, что роскошь губитъ силу и твердость воина. Но въ одномъ отношеніи Платонъ заслуживаетъ дѣйствительно упрека: онъ, изгнавшій всякую поэзію изъ жизни своихъ стражей, тѣмъ самымъ не только сдѣлалъ ее простой, но и безмѣрно сухой и скучной. Онъ забылъ о томъ, что совершенно исключительную потребность воинскаго быта составляетъ изящество, красота, чувствительность и романтизмъ, которые одни могутъ водворить равновѣсіе въ военной средѣ и предотвратить обращеніе рыцарей въ стадо дикихъ кровожадныхъ звѣрей.

Сказочный фантастическій элементъ былъ всегда насущной потребностью именно военной среды и всякихъ занятій, связанныхъ съ опасностью для жизни. Это было прежде всего дѣломъ психологической необходимости; человѣкъ, пережившій страшныя опасности, бывшій на волоскъ отъ смерти, вполнѣ естественно стремится передать свои впечатлѣнія въ образахъ, которые своею силой должны соотвѣтствовать пережитому. Отсюда неизбѣжныя преувеличенія, превращеніе всякой мелочи въ громадное событіе, изображеніе и себя и другихъ въ какихъ-то сказочныхъ чертахъ въ видѣ титановъ и героевъ. И на помощь фантазіи охотника неизбѣжно являются тигры-людоѣды, медвѣди-оборотни, волки величиною съ быковъ. Морякъ разсказываетъ про морскихъ змѣевъ, про китовъ величиною съ острова, про волны, достигавшія небесъ. И въ глазахъ воина точно такъ же одинъ убитый врагъ превращается въ цѣлыя полчища гигантовъ, а завоеванный лагерь въ пышный городъ, исполненный богатствъ и безчисленныхъ утѣхъ. И такая сказочная легендарная повѣсть дѣлается могучимъ средствомъ къ тому, чтобы прикрыть великолѣпнымъ покровомъ фантазіи дѣло убійства, насилія и грабежа. Богатырскій эпосъ воспитываетъ молодыхъ воиновъ, воодушевляетъ старыхъ, вноситъ энтузіазмъ и безстрашіе туда, гдѣ на дѣлѣ такъ много чисто-животнаго страха. И та же фантазія помогаетъ украсить образъ опоясаннаго мечомъ добродѣтелями, присущими благородной, щедрой и великодушной силѣ. И воинъ въ значительной степени оправдываетъ свою репутацію; легко нажитое еще легче расточается, отнятое силой у однихъ разбрасывается во имя тщеславія, гордости или простого фанфаронства другимъ. Сильный противъ сильныхъ, нѣженъ и мягокъ по отношенію къ слабымъ, ищущимъ его помощи и защиты. Сказка окружаетъ воина и облагораживаетъ его, сказка есть его истинная атмосфера; сказочной и фантастической становится все окружающее тамъ, гдѣ властвуетъ воинъ, выросшій въ атмосферѣ опасностей и тревогъ, неожиданныхъ приключеній, непрерывныхъ случайностей. Воистину, если сорвать съ воина романтизмъ, останется лишь кровавый кулакъ, звѣриный ревъ и грубое „vae victis!“ Не право, а сила, не доблесть, а звѣрство!

А между тѣмъ именно отсюда грозитъ наибольшая опасность; такъ какъ воинская доблесть въ концѣ-концовъ измѣряется побѣдой, а послѣдняя единоличной и коллективной силой, при чемъ слишкомъ часто недостатокъ силы замѣняется хитростью и коварствомъ. Отсюда естественно, что не столько доблесть, сколько хитрость и насиліе становятся преимущественными кандидатами на вѣнецъ воинской славы. Но хитрость и насиліе, въ свою очередь, могутъ быть орудіемъ для цѣлей, ничего общаго не имѣющихъ ни съ рыцарствомъ, ни съ честью. Правда, сила здѣсь принимается не сама по себѣ, но лишь какъ доказательство доблести сильнаго на судѣ Божьемъ, на поединкѣ съ врагами. Однако это доставляетъ просторъ примѣненію силы, какъ таковой, и это особенно замѣчаемъ мы въ области такъ называемаго кулачнаго права. Прежде всего совершенно ошибочно представленіе этого права, какъ права голой силы. Кулакъ здѣсь есть лишь выраженіе мужества, мощи и доблести рыцаря; кулакъ есть орудіе всякаго свободнаго человѣка въ защитѣ имъ своей личной воли, символъ его законной самозащиты, основаніе его правъ на признаніе соціальной цѣнностью въ обществѣ храбрыхъ и сильныхъ. Борьба предшествуетъ мирному договору, кулакъ и зажатый въ этомъ кулакѣ мечъ есть критерій, по которому опредѣляется удѣльный вѣсъ договаривающихся сторонъ при опредѣленіи ихъ отношеній. Этотъ кулакъ держитъ не только мечъ нападенія; онъ становится оружіемъ справедливости, когда дѣлается мстителемъ за насиліе и поруганную честь, онъ становится послѣднимъ прибѣжищемъ воина, когда тотъ, чтобы спастись отъ позора, вонзаетъ его въ свою собственную грудь. Уже не родовая честь является здѣсь предметомъ отмщенія, но личное достоинство всякаго человѣка, поруганнаго и оскорбленнаго. Принципъ высшей справедливости, начало карающаго возмездія требуетъ смерти не только за смерть, но и за всякое униженіе тѣхъ, кто долженъ по правилу быть безъ страха и упрека. Но такой воинъ умѣетъ казнить не только другихъ, но и самого себя: въ удивительный институтъ сеппуку или харакири выработался японскій обычай самоубійствъ на почвѣ чести, когда вскрытіемъ внутренностей передъ самой смертью рыцарь обнаруживалъ всѣмъ, какъ чиста и незапятнана его душа. И этотъ кулакъ воина и мстителя далеко не есть привилегія одного только „знатнаго класса“: не надо забывать, что въ эпоху рыцарства и феодализма мечъ былъ доступенъ не только кулаку рыцаря, но горожанина и свободнаго хлѣбопашца, а мечъ, противопоставленный другому мечу, держалъ въ извѣстной гармоніи и равновѣсіи отдѣльныя соціальныя силы. Но, само собою разумѣется, такъ могло продолжаться лишь до тѣхъ поръ, пока не было кулака, опирающагося на наемныхъ солдатъ; такъ было лишь тамъ, гдѣ была свобода перехода воиновъ отъ одного господина къ другому, а силы этихъ господъ были болѣе или менѣе урав-

новѣшены и находились опять-таки въ вѣчной борьбѣ другъ съ другомъ. Такъ получилась колеблющаяся, но, тѣмъ не менѣе, гармоническая система.

Гдѣ указанныхъ условій не было, тамъ и вся система вырождалась въ грубый терроризмъ панцырнаго кулака надъ беззащитнымъ населеніемъ, въ царство звѣриной силы и чисто-животнаго страха.

Система рыцарскихъ отношеній получила въ средніе вѣка идеологическое отраженіе не только въ свѣтской, но частью въ духовной литературѣ. Сказаніе о Карлѣ Великомъ и Роландѣ, повѣсти о чудесныхъ приключеніяхъ и славныхъ подвигахъ провансальскихъ героевъ, воскрешеніе миѳа о Нибелунгахъ и переработка его въ новомъ рыцарскомъ духѣ, безчисленныя сказанія о рыцаряхъ круглаго стола,—все это лишь немногіе отрывки изъ цѣлаго моря эпическаго творчества, которое изобильно украшается лирикой нѣжной платонической любви, обожанія женщинъ, романтикой вѣрности двухъ любящихъ сердецъ, культомъ небесной Невѣсты или Мадонны. Но особеннаго завершенія рыцарская идеологія достигаетъ въ сказаніи о чашѣ святого Грааля и Парсивалѣ, гдѣ повѣствуется о сонмѣ рыцарей-подвижниковъ, объединенныхъ вокругъ кубка съ живою кровью Спасителя, при чемъ рыцари святой чаши не только ведутъ безпорочную жизнь, не зная женщины и грѣха, но и совершаютъ блестящіе подвиги для уничтоженія на землѣ всѣхъ бѣдствій, горя и обидъ, которыя за грѣхи посланы слабому человѣку. Эти рыцари, обладающіе вѣчной жизнью, пока они взираютъ на волшебную чашу, словно воинство ангеловъ Божіихъ на землѣ являются стражами мира, добра, любви и милосердія. И если здѣсь мы видимъ рыцарей, ставшихъ ангелами, то неудивительно, что и самое небо скоро было вовлечено въ связи вѣрности и защиты, объемлющія весь міръ. И христіанскій Богъ сталъ небеснымъ сеньоромъ, леннымъ вождемъ непорочной дружины ангеловъ и святыхъ въ строго феодальной іерархіи. Императоръ и папа сдѣлались первыми земными вассалами небеснаго сюзерена и уже отъ нихъ получаютъ свою власть герцоги и князья, графы и бароны, а отъ послѣднихъ рыцари и низшіе вассалы.

Военныя отношенія свободныхъ воиновъ, несмотря на весь свой анархическій неустойчивый характеръ вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, не разъ приводили и къ созданію чисто-политической организаціи. Превозмогающая сила особенно крупныхъ вождей и завоевателей приводила не разъ къ установленію особаго типа военныхъ монархій. Безмѣрная слава разныхъ крупныхъ завоевателей создавала вокругъ ихъ личности ореолъ, которымъ окружаютъ полубоговъ и небожителей, дѣлала ихъ непобѣдимыми въ битвѣ, недоступными ни мечу, ни кинжалу. Можно сказать, что такіе завоеватели въ родѣ Александра Македонскаго, Ганнибала, Цезаря, Карла Великаго, а въ новое время Наполеона, получали личное значеніе, приближающее ихъ къ земному

воплощенію Божества. Кулачное право здѣсь переводилось, какъ оно и слѣдуетъ по солдатской идеологіи, на языкъ романтическаго героизма и было лишь результатомъ исключительной геніальности побѣдоноснаго вождя. И подъ знамена такого побѣдителя шли не только по принужденію, но въ большинствѣ случаевъ въ силу особаго энтузіазма и глубокаго восхищенія передъ полководцемъ. Тѣ подвиги, которые совершались подъ орлами Цезаря или Наполеона, не могли быть совершены идущими изъ-подъ палки рабами,—нѣтъ, это свободные люди добровольно отдавали свою жизнь и безумную храбрость тому, кто велъ свои полчища не только къ богатой добычѣ, но и къ славѣ, оправдывающей всякій грабежъ, всякое насильство. Неудивительно теперь, что потомки Цезаря такъ же, какъ Наполеонъ, одѣли въ концѣ-концовъ императорскій вѣнецъ, а цѣлый рядъ солдатъ изъ арміи того и другого поднялись въ ряды высшаго дворянства.

Но взявшій мечъ отъ меча и погибнетъ,—исторія учитъ насъ, что военныя монархіи оказывались весьма недолговѣчными. Построенныя на личной связи воиновъ и полководца, онѣ распадались почти немедленно послѣ смерти великаго завоевателя. Но если сама по себѣ рыцарская или воинская идеологія оказалась слишкомъ слабой, чтобы сознать вѣковую военную диктатуру, она, тѣмъ не менѣе, дала одинъ изъ основныхъ ферментовъ для государствъ, построенныхъ на иномъ основаніи. Принципъ рыцарской силы и военнаго соревнованія, требующій для своего развитія непрестанныхъ войнъ и раздробленной организаціи мелкихъ общественныхъ единицъ, не могъ не встрѣтить оппозиціи со стороны какъ трудящихся массъ, такъ и капитала, жестоко страдавшаго отъ военныхъ потрясеній. И верховное мѣсто въ государственной идеологіи заняли другіе принципы: частью теократическіе, частью патріархальные, такъ же, какъ и другія начала раціональной природы. Но военно-рыцарскій принципъ, будучи лишенъ значительной части своихъ положеній, очень пригодился тамъ, гдѣ дѣло шло объ организаціи той іерархіи, которая охватила собой наиболѣе отвѣтственныя, независимыя и важныя ступени военной и гражданской службы. И даже тамъ, гдѣ нѣтъ болѣе бытовыхъ основъ для созданія рыцарской идеологіи, романтики доблести, вольной службы и должностного самоотверженія, искусственно создается особая атмосфера, и организуется рядъ отношеній, которыя должны воскресить принципы служебной чести, рыцарской вѣрности и героизма въ такой средѣ, гдѣ уже мало осталось слѣдовъ феодальнаго прошлаго. Образцомъ для такихъ отношеній до сихъ поръ служитъ іерархія, созданная феодализмомъ, связь вѣрности и покровительства, ограниченная и опредѣленная честью, охватывавшая собой всѣ члены духовнаго, нравственнаго организма отъ верхняго края до нижняго. Сама по себѣ, въ чистомъ видѣ эта іерархія оказалась слишкомъ подвижной, такъ какъ званія и положенія здѣсь получа-

лись сообразно доблести или, что то же, добывались съ бою въ неустанной борьбѣ за первенство и славу. Но когда у этой, по существу анархической и революціонной іерархіи личной вѣрности и личной силы, было отнято опасное остріе, и она была вдавлена въ соціальную систему, скованную понятіемъ суверенитета, она оказалась могучимъ средствомъ, чтобы создать духовный организмъ, особый орденъ рыцарей тоги и сабли на службѣ у власти, отъ которой имъ уже некуда было итти.

Благодаря своему формальному характеру и сравнительно техническому основанію рыцарскій принципъ оказался въ состояніи воспринять въ себя весьма различное содержаніе и оказался на службѣ у различныхъ соціальныхъ слоевъ. Рыцарствомъ воспользовалась католическая церковь и создала своихъ іоаннитовъ, меченосцевъ, тампліеровъ. Своихъ рыцарей создало сектантское движеніе въ лицѣ квакеровъ и святыхъ Кромвеля. У французскихъ королей были свои Баярды и Роланды, у французской революціи были свои Неи и Дюмурье. Но только тамъ рыцарство дало исторически устойчивую систему, гдѣ оно соединилось, съ одной стороны, съ патріархальнымъ, а съ другой—съ патримоніальнымъ или территоріальнымъ началомъ. Идея рыцарства оказалась, однако, безмѣрно болѣе широкой, нежели ея примѣненіе въ области одного лишь военнаго дѣла. Не надо забывать, что ея главное содержаніе составляетъ понятіе свободнаго человѣка, который добровольно принимаетъ на себя миссію героическаго подвига. И если именно военная среда феодальнаго времени оказалась особенно пригодной къ осуществленію такой идеи, то къ ней не могли остаться глухи и тѣ круги населенія, условія жизни которыхъ болѣе или менѣе подходили къ рыцарскимъ. Остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Рыцарство въ своей экономической основѣ является прообразомъ всѣхъ профессій, которыя путемъ личной доблести пріобрѣтаютъ себѣ общественное положеніе, обезпеченность и славу. Но въ такомъ же положеніи былъ и каждый другой бродячій представитель своей доблести, въ чемъ бы она ни выражалась. Такой доблестью могъ быть поэтическій даръ, заставляющій человѣка воспѣвать красоту и любовь, и созданное этимъ путемъ призваніе пѣвца могло совершенно уподобиться призванію и положенію рыцаря. И пѣвецъ есть личность въ смыслѣ нигдѣ неповторимаго соединенія личнаго дарованія и лично воспринятаго нравственнаго закона. И пѣвецъ можетъ вступать въ состязаніе съ другими и добывать подобно рыцарю на турнирѣ вѣнки, щедрые дары и славу. И пѣвецъ могъ объединяться вмѣстѣ съ другими въ свободное сообщество рыцарей лютни и гитары, а вмѣстѣ съ тѣмъ такой рыцарь красоты могъ смотрѣть съ презрѣніемъ на другихъ „неблагородныхъ“, которые не заслужили рыцарскихъ шпоръ трубадура, миннезингера или

минестреля. И подобныя соединенія мы находимъ въ области не только одной поэтической пѣсни. Братство вольныхъ каменщиковъ представляетъ собой подобный же рыцарскій орденъ съ молоткомъ вмѣсто меча и съ фартукомъ вмѣсто брони. Когда возникло художественное ремесло,—а такимъ оно именно и было во время расцвѣта средневѣковаго города,—оно поставило рядомъ съ вольными каменщиками такіе же вольныя братства рыцарей рѣзца и кисти, гончарнаго круга и ткацкаго станка. И уже эти свободные цехи, лишенные замкнутости, братства первой эпохи средневѣковья, воспринимаютъ въ себя знаменитыя семь свободныхъ искусствъ, превращаютъ ремесленника въ вольнаго артиста.

Вездѣ, гдѣ исторія даетъ намъ зрѣлище жизни, нескованной вотчиной, деспотіей и денежнымъ капиталомъ, она является благодарной средой для развитія свободнаго призванія. Скромность потребностей рыцаря, художника, ремесленника, съ одной стороны, натуральное хозяйство съ его устойчивымъ твердымъ спросомъ на предметы культуры—съ другой, широкое развитіе гостепріимства при дешевизнѣ естественныхъ произведеній земли, — все это даетъ полную возможность развитію всякаго своеобразія, всякихъ личныхъ и мѣстныхъ особенностей, всякому призванію во имя не хлѣба, а идеи. Не надо забывать, что полное отсутствіе финансовой, промышленной и всякой другой, на капиталѣ основанной, карьеры необходимо должно было направлять средневѣковаго человѣка къ культурѣ тѣхъ или иныхъ личныхъ дарованій. И тотъ, кто не надѣвалъ рясу и не посвящалъ себя духовному призванію, тотъ въ случаѣ наличности характера и честолюбія брался за мечъ и становился искателемъ приключеній, шелъ въ городъ и посвящалъ себя ремесленному художеству, бралъ лютню и дѣлалъ подвигъ изъ своего служенія Мадоннѣ или иной прекрасной дамѣ. Прежде чѣмъ создались сословія, люди раздѣлялись по свободнымъ классамъ. Послѣдніе не были раздѣленіемъ по правамъ собственности, но лишь по свободному призванію людей.

Основной характеръ свободнаго призванія, характеризующій собой рыцарство и другіе классы средневѣковья, даетъ намъ право утверждать, что и до настоящаго времени не умерло и не можетъ умереть истинное рыцарство. И если немного его осталось въ средѣ современнаго воинскаго класса, то оно продолжаетъ свое существованіе всюду, гдѣ идетъ рѣчь о личной доблести призваній и добровольно принятомъ на себя долгѣ служенія добру, истинѣ и красотѣ. Только тамъ искусство будетъ великимъ, гдѣ оно будетъ свободно, но свободный художникъ есть синонимъ рыцаря красоты. Только тамъ истина спасена отъ окостенѣнія, отъ превращенія ея въ мертвую догму, гдѣ ея служители не наемники капитала, жрецы страшнаго Бога, не безличные стертые индивиды мѣщанскаго шаблона.

Только рыцари духа могутъ создать истинную науку, только тѣ, кто подобно рыцарю меча не страшатся непрестанной борьбы за великую идею, не подчиняются никакимъ внѣшнимъ авторитетамъ и ведутъ вѣчное междоусобіе въ славной брани за истину. Тотъ, кто подобно воину не готовъ отдать самую свою жизнь за призваніе, тотъ не можетъ быть истиннымъ и вѣрнымъ товарищемъ вселенскаго братства.

Поскольку права свободы религіознаго исповѣданія есть дѣло мистиковъ и сектантовъ, постольку же права неприкосновенной личности являются твореніемъ рыцарскаго духа нашей цивилизаціи. Это рыцарь, какъ свободный господинъ, пользовался искони привилегіей неприкосновенности тѣла и духа, и эту неприкосновенность умѣлъ онъ отстоять силою своего меча. Это — требованіе англійскихъ феодаловъ, записанное великой хартіей вольностей, создало право лишь судебной отвѣтственности передъ судомъ себѣ равныхъ. Гордый рыцарь не могъ допустить ни поборовъ въ королевскую казну безъ своего согласія, ни нарушенія святыни своего жилища. И только потомъ эти права были сдѣланы правами всѣхъ свободныхъ людей, а неприкосновенность рыцарей стала свободой всякаго отдѣльнаго гражданина. И даже такое право, какъ право свободнаго слова носитъ на себѣ слѣды рыцарской цивилизаціи. Фанатикъ не терпитъ свободнаго слова, онъ признаетъ лишь право на истину, истину же монополизируетъ самъ. Свобода слова для фанатика есть лишь свобода на ложь. Она допущена быть не можетъ, но когда требуютъ свободы слова для своего противника съ тѣмъ, чтобы вступить съ нимъ съ одинаковымъ оружіемъ въ честный бой, въ этомъ нельзя не видѣть тѣхъ предпосылокъ, которыя необходимо предшествовали всякой борьбѣ одинъ на одинъ равнымъ оружіемъ передъ лицомъ братьевъ. Только мечъ смѣнило здѣсь письменное и устное слово, только кровавая арена замѣнена мирной борьбой, а вмѣсто рѣшенія товарищей по оружію выступило широкое общественное мнѣніе. Не даромъ свобода слова была требованіемъ героическаго періода европейскихъ революцій, когда подъ знаменемъ свободы вновь ожилъ рыцарскій духъ, а свободная борьба представлялась привлекательнымъ полемъ для воспитанія и укрѣпленія духа.

Наблюдая современную партійную жизнь, нельзя не видѣть, что и здѣсь, несмотря на всѣ вѣянія новаго времени, нашла вѣрный пріютъ старая традиція вольнаго воинства. Партіи, какъ и воинскія дружины, суть боевыя организаціи для того, чтобы въ открытой законной борьбѣ уничтожить противника, обезпечить себѣ побѣду. Добычей здѣсь является государственное вліяніе и власть. По принципу свободными соединеніями являются партіи. Добровольная вѣрность соединяетъ знамя и бойцовъ, вождя и его сторонниковъ. Какъ прежній герцогъ самими бойцами выбирается партійный вождь

и по его же примѣру первый идетъ въ бой. Какъ бы ни были велики экономическія основанія партійной группировки, языкомъ партіи будетъ всегда идеологія романтизма съ ея рыцарской вѣрностью и героизмомъ, съ ея апологіей борьбы и апоѳеозомъ побѣды; гдѣ партіи, тамъ борьба, гдѣ борьба, тамъ романтика. Только одинъ видъ борьбы лишенъ всякаго романтизма—борьба изъ-за выгоды и корысти, борьба разбойниковъ и бандитовъ, нападающихъ на безоруженныхъ и дерущихся изъ-за добычи. И если такой характеръ борьбы принимаетъ современная конкуренція въ области производства и обмѣна, а верхи общества значительно теряютъ наслѣдіе феодальнаго духа, то воистину образцы рыцарской вѣрности, самоотверженія и героизма представляютъ собой тѣ новые рыцари труда, которые по праву это званіе присоединяютъ къ своему великому братству соціалистической арміи за освобожденіе трудящагося народа.

Какъ извѣстно, феодализмъ средневѣковья въ концѣ этого періода смѣнился новымъ типомъ отношеній, извѣстныхъ подъ названіемъ вотчинныхъ. При изложеніи феодальныхъ отношеній очень часто смѣшиваются двѣ совершенно различныя вещи, а именно феодальное и вотчинное начало. Оправданіемъ такого смѣшенія является безспорно тотъ фактъ, что уже очень рано на ряду съ отношеніями вѣрности и покровительства встрѣчаются и отношенія вотчинныя или патримоніальныя, которыя весьма часто и въ дѣйствительности перекрещиваютъ другъ друга. Однако и мы съ неменьшимъ правомъ можемъ констатировать одновременную наличность патріархальныхъ и феодальныхъ отношеній, однакоже это отнюдь не даетъ намъ права отожествлять тѣ и другія. Что же касается смѣшенія вотчины и феода, это тѣмъ болѣе недопустимо, что эти два принципа не только существенно различны, но, кромѣ того, даютъ намъ цѣлый процессъ борьбы между ними. Интересы военнаго промысла и живущихъ этимъ промысломъ соціальныхъ группъ далеко не могли уступить безъ боя натиску интересовъ землевладѣнія, на которыхъ базируетъ патримоніальная идея.

Но здѣсь нужно сдѣлать одно ограниченіе: подобно тому, какъ личныя права феодальнаго рыцаря имѣютъ совершенно иную конструкцію, нежели права естественнаго индивида, точно такъ же и понятіе собственности, о которомъ намъ сейчасъ же придется говорить, основано на существенно различномъ содержаніи, нежели та собственность, которую находимъ мы въ эпоху развитія денежнаго обращенія и торговаго капитала. Въ понятіи вотчины лежитъ прежде всего представленіе объ извѣстномъ естественномъ природномъ фондѣ, который обезпечиваетъ собственнику нетрудовой доходъ. Представленіе о томъ, что не трудъ, а сама природа кормитъ и поитъ человѣка, встрѣчается чрезвычайно рано въ исторіи, и владѣ-

ніе такой природой даетъ собственнику особый возвышенный характеръ существа, которое менѣе всего должно трудиться для обезпеченія себѣ куска хлѣба. При натуральномъ хозяйствѣ, при сдачѣ господской земли цѣлой массѣ мелкихъ арендаторовъ, весьма незначительнаго количества повинностей и оброка достаточно для того, чтобы прямо загромоздить господскій домъ хлѣбомъ и пшеномъ, дровами и ягодой, молокомъ и яйцами, полотномъ и кожами и т. п. продуктами крестьянскаго хозяйства. Отсюда легко слагается иллюзія о щедрости самой природы, о ея производительной силѣ, которая не только сытно прокармливаетъ земледѣльца, но и съ великой щедростью осыпаетъ своими дарами вотчинника и господина. Такъ создается различіе между доходомъ купца, ростовщика и обманщика и доходомъ барина, которому не приходится пачкать своихъ рукъ для полученія изобильнаго и роскошнаго существованія. Владѣніе землей считается поэтому благородной собственностью, достойной свободнаго и прекраснаго человѣка.

Самая природа землевладѣльческихъ доходовъ, первоначально состоящихъ изъ натуральныхъ продуктовъ, влечетъ за собой необходимость—за отсутствіемъ возможности капитализаціи доходовъ—болѣе или менѣе щедраго расточенія вотчинныхъ богатствъ на гостепріимство, содержаніе дружины, двора, охоты, музыкантовъ, артистовъ и на культуру своей личности и ея обстановки. Такимъ образомъ, получаемый доходъ обращается не на производительныя цѣли, а на украшеніе жизни, на ея облагороженіе и утонченіе, при чемъ поскольку нетрудовой доходъ освобождаетъ собственника отъ заботъ и работы ради насущнаго хлѣба, постольку же онъ открываетъ ему досугъ для заботы о себѣ и культивированія своей физической и моральной природы. И когда Аристотель изслѣдуетъ вопросъ о добродѣтельномъ времяпровожденіи обезпеченнаго собственника и рисуетъ намъ идеальный образъ аристократа духа, который пользуется своимъ досугомъ—музой — для занятія изящными искусствами, утонченнымъ общеніемъ съ артистами и равными себѣ избранниками, то онъ только продолжаетъ въ духѣ городского рантье тенденцію того возвышеннаго и одухотвореннаго барства, которое родилось въ домѣ аттическаго вотчинника, эвпатрида.

И подобныя же черты находимъ мы вездѣ, гдѣ вотчинное землевладѣніе отличалось устойчивостью и болѣе или менѣе крупнымъ размѣромъ; оно вездѣ привело къ созданію особой культурно-педагогической лабораторіи, гдѣ вырабатывался типъ джентльмена или жантильома, дворянина и барина, достигавшаго порой, особенно въ крупныхъ владѣніяхъ, большого благородства своихъ моральныхъ и физическихъ чертъ. Общеизвѣстно то явленіе, которое возникаетъ всегда при возможномъ искусственномъ удаленіи человѣка отъ грубой, черной и суровой работы. Лишенный соприкосновенія съ тем-

ными сторонами жизни, такой субъектъ въ концѣ-концовъ можетъ выродиться въ изнѣженнаго и наивнаго идеалиста, котораго затѣмъ и устраняютъ изъ жизни его же мажордомы, шогуны, приказчики и домоправители. Если оставить такіе исключительные случаи, то безспорно барско-вотчинная культура содѣйствовала въ широкихъ размѣрахъ улучшенію расы помѣстнаго слоя, а отсюда вытекали два слѣдствія: съ одной стороны, вотчинное хозяйство оказывалось лишеннымъ тѣхъ чертъ утилитарности и корысти, которыя отличаютъ работу денежнаго капитала, съ другой же—явилась возможность дальнѣйшаго различенія аристократовъ и хамовъ, бѣлой и черной кости, при чемъ въ основу такого противоположенія полагалось не простое примѣненіе наслѣдственности, а качественная оцѣнка, съ одной стороны, невѣжественнаго, грубаго, неуклюжаго мужлана, а съ другой—культивированнаго, образованнаго и изящнаго барина.

Этимъ путемъ вотчина получаетъ значеніе средства къ воспитанію лучшей породы людей; владѣніе поземельной собственностью такимъ образомъ еще болѣе облагораживается, а весь подчиненный и рабочій составъ имѣнія становится организаціей низшихъ, группирующихся вокругъ центральнаго солнца и получающихъ каждый на своемъ мѣстѣ часть блеска отъ его лучей. Особенное значеніе получаетъ здѣсь дворъ, наиболѣе тѣсно приближенныя къ особѣ владѣльца лица, которыя по мѣрѣ возможности подражаютъ своему образцу, перенимаютъ его взгляды и манеры и въ концѣ-концовъ образуютъ промежуточный слой благородныхъ между его высокородіемъ или сіятельствомъ и остальными, совершенно неблагородными, простыми людьми, хамами или народомъ. При полной обезпеченности жизни такого двора, при отсутствіи сколько-нибудь широкихъ интересовъ, выходящихъ сколько-нибудь за предѣлы вотчины, культъ барина, барской семьи, барства вообще можетъ достигать высокихъ размѣровъ и привести къ созданію аристократической идеологіи, далеко выходящей за предѣлы отдѣльныхъ вотчинныхъ круговъ.

Уже на примѣрѣ очень крупныхъ землевладѣльцевъ мы видимъ тотъ порядокъ, который впослѣдствіи встрѣтимъ подъ кровомъ крупныхъ державныхъ и владѣтельныхъ домовъ. Крупный помѣщикъ отличается отъ мелкихъ тѣмъ, что онъ держитъ громадное количество челяди, его дворовыя постройки охватываютъ цѣлую территорію, при его особѣ кормятся сотни лицъ, здѣсь же гостятъ мелкопомѣстные дворяне, различные приживальщики, шуты, прихлебатели, а въ древности вольноотпущенники и кліенты, и все это ведетъ праздную жизнь, наполненную практикой одного лишь искусства, умѣнья жить, обращаться въ обществѣ, совмѣщать съ низкопоклонствомъ высокомѣріе, практиковать цѣлую массу дворянскихъ добродѣтелей. Само понятіе привилегированнаго присвоивается не заслугѣ, даже не происхожденію, но лишь способности поддерживать достойный благород-

наго образъ жизни. И если мы перейдемъ теперь отъ такихъ среднихъ вотчинныхъ дворовъ къ самымъ крупнымъ вотчинникамъ, къ владѣльцамъ княжествъ, герцогствъ и королевствъ, мы найдемъ и здѣсь лишь повтореніе намъ давно знакомой картины: это лишь увеличеніе въ громадныхъ размѣрахъ того, что происходитъ въ домѣ каждаго вотчинника, живущаго даровымъ трудомъ крѣпостныхъ, получающаго барскій доходъ со своихъ прирожденныхъ владѣній. На этой почвѣ какъ разъ водворяется тотъ особый аристократизмъ придворной утонченности, то равенство общенія жантильомовъ между собой, то сообщество удовольствій, которое назвалъ Людовикъ XIV признакомъ своей дворянской монархіи.

Вотчина—это привилегированное владѣніе возвышенныхъ и благородныхъ господъ—должна служить, однако, не одному только данному владѣльцу. Въ интересѣ его лежитъ сохраненіе ея для его же благородныхъ потомковъ, для блеска, процвѣтанія и великолѣпія всего нисходящаго потомства. Отсюда необходимость огражденія вотчины отъ раздробленія, устраненіе обычнаго родового наслѣдованія въ семьѣ и стремленіе связать потомковъ особымъ видомъ наслѣдственной передачи. Такъ являются постепенно запрещеніе браковъ съ лицами иного сословія, въ частности съ необладающими достаточнымъ вотчиннымъ фондомъ, полное устраненіе отъ наслѣдованія женскихъ линій, запрещеніе выдѣловъ и раздѣловъ наслѣдственной массы и сосредоточеніе правъ наслѣдства въ лицѣ одного лишь старшаго сына даннаго вотчинника съ переносомъ на такого наслѣдника всѣхъ правъ, которыя въ патріархальной средѣ обыкновенно принадлежали дядямъ, какъ старшимъ въ родѣ. Заповѣдныя имѣнія, не подлежащія залогу и отчужденіямъ, переходящія нераздѣльно въ порядкѣ единонаслѣдія одному сыну, происшедшему отъ равнороднаго брака,—таковъ идеалъ вотчины, какъ нерушимаго фонда, на которомъ зиждется привилегированное землевладѣніе. И замѣчательная черта,—чѣмъ сильнѣе моральная и бытовая обособленность вотчинной аристократіи, чѣмъ больше опасность со стороны другихъ классовъ, конкурирующихъ съ дворянствомъ въ свѣтскости, интеллигентности и утонченныхъ нравахъ, тѣмъ выше подымается стѣна, отдѣляющая вотчину отъ хозяйственнаго оборота, тѣмъ крѣпче узы, связующія эту святыню вотчиннаго духа. Никогда ни патріархальный принципъ съ его широкимъ усыновленіемъ инородцевъ, ни феодальное начало съ его постояннымъ обновленіемъ общины храбрыхъ не доходили до такой исключительности, которой оградила себя дворянская кровь, спеціально культивированная въ апартаментахъ барскаго дома крѣпостника.

Указанный процессъ дополняется другимъ, не менѣе психологически понятнымъ: сама вотчина идеализируется какъ нѣчто особенное, какъ культурный центръ, какъ исконное гнѣздо опредѣленной фамиліи; характеръ поземельной собственности до такой степени

исчезаетъ, что рождается доходящее порой до фанатизма обожаніе природы, садовъ, полей и прочихъ принадлежностей барскаго дома. Вотчина и родъ сливается въ одно цѣлое, земля входитъ какъ моментъ, опредѣляющій самое существо владѣльца, къ землѣ начинаютъ приписывать людей, землѣ принадлежитъ весь порядокъ, земля даетъ должности, положенія, значеніе въ обществѣ; земля есть необходимый цензъ, который дѣлаетъ самого человѣка, и это высокая привилегія—называться вотчинникомъ, а когда вотчина смѣшалась съ помѣстьемъ,—помѣщикомъ такихъ-то земель. И до такой степени дошла идеализація вотчины, какъ центра богатства, благоустройства, порядка и процвѣтанія, руководимаго прирожденнымъ землѣ господиномъ, что только наличность поземельнаго владѣнія стала считаться посредствующимъ звеномъ, вообще соединяющимъ человѣка съ публичнымъ, а въ частности съ государственнымъ интересомъ. И если многіе вотчинники проявили страстную привязанность къ своему хозяйству и не щадили никого, ни себя, ни другихъ, для его процвѣтанія, то, съ другой стороны, вотчина нашла и свое государственное признаніе въ видѣ прикрѣпленія къ землѣ и прежнихъ общинныхъ должностей и феодальныхъ порученій. Такой характеръ политической единицы у вотчины сохранился особенно тамъ, гдѣ слишкомъ долго все ея населеніе состояло изъ несвободныхъ людей, какъ это случилось, напримѣръ, въ Пруссіи. Здѣсь, въ странѣ, гдѣ достигло особенной интенсивности крѣпостное хозяйство, и до нашихъ дней сохранили за собой всѣ права общиннаго самоуправленія вотчинные участки, при чемъ всю общину представляетъ единственно въ своемъ лицѣ самъ владѣлецъ или уполномоченный имъ приказчикъ.

Вотчинный принципъ есть принципъ добродѣтели, построенной при помощи дохода; при своемъ расширеніи на все политическое зданіе онъ принимаетъ поэтому чрезвычайно рѣзкія и грубыя формы; здѣсь предполагается, что каждый представляетъ собой лишь ту моральную цѣнность, которую обезпечиваетъ ему опредѣленная форма дохода. Отсюда получается у насъ та сословная классификація, которая безспорно имѣетъ своего предтечу въ нѣкоторыхъ положеніяхъ Аристотеля. И въ самомъ дѣлѣ, только доходъ вотчинника-землевладѣльца обезпечиваетъ ему достаточный досугъ, необходимый, чтобы стать прекраснымъ и разумнымъ человѣкомъ, общественнымъ дѣятелемъ и гражданиномъ. И эту теорію услышимъ мы не только въ средневѣковомъ обществѣ, находящемся подъ сильнымъ вліяніемъ феодальнаго благородства, но главнымъ образомъ, въ помѣщичьей крѣпостной Европѣ XVII—XIX вѣковъ. И отсюда выводъ: только за вотчинникомъ должно быть признано право не только владѣть землей и пользоваться крѣпостнымъ трудомъ—что вполнѣ оправдывается его утонченностью и интеллигентностью—но ему одному принадлежитъ монополія всѣхъ должностей, связанныхъ съ государственной властью,

всѣхъ синекуръ и доходныхъ мѣстъ, начиная съ церковныхъ приходовъ и кончая поставками на армію или дворъ. И уже за дворяниномъ-вотчинникомъ идутъ люди, которые получаютъ доходъ съ промысловъ и торговли, со своего ремесла и различныхъ профессій. У этихъ людей нѣтъ досуга дворянина, нѣтъ возможности стать джентльменомъ, бариномъ, воспитаннымъ человѣкомъ, и они навсегда лишаются этой возможности тѣмъ, что прикрѣпляются наслѣдственно къ своему занятію, профессіи и кругу, а еще ниже идутъ люди, которые совсѣмъ не имѣютъ досуга для практики и воспитанія благородства, и они изъ поколѣнія въ поколѣніе приковываются къ тачкѣ физическаго труда, который по самому свойству своему лишенъ признаковъ какого-либо благородства. Еще ниже рабы, холопы и все то, что представляетъ собой не людей, а одушевленные автоматы, способные быть для дворянина почвой или навозомъ, на которомъ раскидываются пышные шляхетскіе цвѣты. Вся непостижимая грубость соціальной терминологіи XVII—XVIII вѣковъ отнюдь не патріархальнаго или феодальнаго происхожденія,—она есть продуктъ чудовищнаго высокомѣрія тѣхъ, кто въ барскихъ палатахъ создалъ монополію на право быть человѣкомъ.

Тѣ черты, которыя характеризуютъ собой барскую вотчину въ ея отношеніи къ рабочему населенію, распространившись на все государство, неминуемо приводятъ здѣсь и тамъ къ однимъ и тѣмъ же результатамъ. И какъ въ имѣніи беззастѣнчивому стремленію хозяйственной эксплуатаціи вполнѣ соотвѣтствуетъ презрительное отношеніе къ „скотинѣ безъ роговъ“, къ „осламъ“, которые „тѣмъ болѣе трудятся, чѣмъ больше ихъ бьютъ“, къ мужичью, которое разлѣнивается и развращается при малѣйшемъ досугѣ,—точно такъ же и въ патримоніальномъ государствѣ закрѣпощается вся трудящаяся масса страны съ единственной цѣлью обезпечить блескъ и славу правящей аристократіи. И если помѣщикъ, убѣжденный крѣпостникъ, въ качествѣ высшаго существа и человѣка голубой крови, не признаетъ никакихъ преградъ своей власти надъ живымъ человѣческимъ инвентаремъ своей вотчины, точно такъ же поступаетъ и патримоніальный государь, который въ лучшемъ случаѣ считается съ мнѣніями и правами благороднаго или шляхетскаго корпуса, менѣе крупныхъ вотчинниковъ, нежели онъ самъ. Само собой разумѣется, что вотчинная власть достигаетъ своего напряженія какъ разъ тогда, когда благодаря появленію денежнаго хозяйства, расширенію рынковъ и и возрастанію потребностей, чрезвычайно увеличиваются запросы барскаго двора на привозные товары, городскія издѣлія и такіе предметы роскоши, которые должны быть оплачены звонкой монетой. Старая тенденція къ расточительности, украшенію себя и культу утонченной жизни ведутъ къ неизбѣжному возрастанію требованій, обращенныхъ къ рабочей массѣ вотчины,—требованій, которыя теперь выражаются

не только въ денежныхъ повинностяхъ, но и въ барщинѣ на все растущемъ господскомъ полѣ. Принужденное почти все покупать, начиная съ винъ и кончая шелками, господское имѣніе увеличиваетъ, съ одной стороны, свои запашки, а съ другой—крестьянскую барщину и оброки. Такъ продолжается, пока, наконецъ, не рушится весь крѣпостническій строй со своимъ недостаточнымъ производствомъ, отсутствіемъ капитала и эксплуатаціей дарового труда. И такой ходъ развитія мы можемъ почти цѣликомъ наблюдать и на вотчинномъ государствѣ. Для блестящаго двора, метрессъ, лакеевъ и фаворитовъ, для наемныхъ армій и тысячи приживальщиковъ, наконецъ, для славы и блеска королей-солнцъ напрягаются всѣ силы закрѣпощеннаго населенія, изъ него выжимаются послѣдніе соки, но въ то же время артисты и художники славятъ владыку, побѣдоносныя арміи выигрываютъ блестящія битвы, а мелкіе вотчинники стараются превзойти центральное солнце въ роскоши и безпутствѣ.

Тамъ, гдѣ главный вотчинникъ послѣ цѣлаго ряда насилій и обмановъ, столь простительныхъ высшему существу, сумѣлъ ограбить болѣе мелкихъ, и такимъ образомъ создать цѣлое государство, онъ иногда принужденъ дѣлиться своей властью съ своими, болѣе мелкими собратьями. Такіе случаи мы неоднократно встрѣчаемъ въ исторіи. Правда, такіе случаи не являются безусловно характерными для патримоніальнаго государства,—ему, какъ таковому, присуща именно тенденція не только къ постоянному расширенію, но и къ поглощенію добытаго безъ остатка. Не надо забывать, что здѣсь размѣрами территоріи, ея богатствомъ и безусловностью повиновенія обитателей измѣряется самая степень моральной оцѣнки господина, который становится тѣмъ выше, славнѣе и великолѣпнѣе, чѣмъ безпрепятственнѣе расширяется его господское „я“ за счетъ всего живущаго въ его имѣніи. Однако иногда приходится дѣлать уступки; самый крупный баринъ оказывается недостаточно силенъ, чтобы превратить менѣе крупныхъ въ своихъ приживальщиковъ, членовъ свиты и даже слугъ при своей свѣтлѣйшей спальнѣ или конюшнѣ. Тогда на ряду съ другими сословіями мы находимъ главное доминирующее сословіе въ составѣ всевозможныхъ патримоніальныхъ сеймовъ; и это—вотчинное дворянство. Оно не заботится ни о законодательствѣ, ни о финансахъ страны, такъ какъ каждый хочетъ въ своей территоріи быть единственнымъ законодателемъ и хозяиномъ; они не интересуются ничѣмъ, кромѣ одной лишь защиты своихъ интересовъ и правъ, а больше всего неприкосновенности своихъ владѣльческихъ крѣпостническихъ привилегій; они способны совершенно спокойно допустить безмѣрное возрастаніе власти вотчиннаго монарха въ его собственной территоріи или опричинѣ, лишь бы остались нетронутыми ихъ собственныя права въ другой части страны, а именно въ такъ называемой земщинѣ. Неудивительно, что узость, сословный эгоизмъ, политическая

слѣпота и косность привилегированныхъ сословій патримоніальнаго представительства вошли въ пословицу, а самодержавіе могло прекрасно вырасти надъ ними до тѣхъ поръ, пока окрѣпнувъ оно не выбросило изъ насиженныхъ гнѣздъ высокородное дворянство, носителей помѣстнаго блеска и подлиннаго барскаго идеала.

Но даже тамъ, гдѣ вотчинный монархъ чувствовалъ себя наиболѣе свободнымъ, онъ слѣдовалъ вотчиннымъ идеаламъ въ самой организаціи своего государства; его первыми чиновниками и судьями стали члены его высокой дворни, дворянской челяди, приближенные изъ государевой спальни, столовой и конюшни. Это не порученіе свободному рыцарю, это не долгъ родового начальника и старѣйшины, это лишь способъ кормленія барскаго, а въ данномъ случаѣ царскаго, холопа, который проникнутъ въ такой же степени стремленіемъ угодить господину, какъ желаніемъ надуть его. Такъ появляются приказчики, государевы довѣренные, французскіе интенданты, нѣмецкіе комиссаріи, русскіе кормленщики, которые пишутся предъ своимъ монархомъ уничижительными рабскими именами, именуютъ себя слугами и холопами своего главнаго барина. Патріархальный обычай, рыцарская честь больше не имѣетъ здѣсь никакого примѣненія; для царскихъ холоповъ одна мораль—государева воля, одинъ законъ—его барскіе интересы, одна отвѣтственность—страхъ передъ его суковатымъ жезломъ. Величайшая бѣда для холопа—впасть въ немилость, лишиться расположенія барина, величайшее счастье для него—пріобрѣсти возможно больше его милости и создать изъ нихъ себѣ вотчину, укрѣпить существующую, чтобы въ крайности изобразить изъ себя такого же монарха надъ своими собственными рабами и закрѣпощеннымъ народомъ.

Часто приходится встрѣчать особую идеализацію вотчинной монархіи и крѣпостного строя, при чемъ вмѣсто монарха-барина выдвигается на первый планъ понятіе государства и затѣмъ все общество изображается закрѣпощеннымъ не верховному вотчиннику, а самому государству. Такая идеализація постольку невѣрна, поскольку она основана на смѣшеніи различныхъ идеологическихъ принциповъ, что можно, конечно, иногда наблюдать и въ дѣйствительности. Однакоже говорить о крѣпости всѣхъ сословій государству уже потому не приходится, что понятіе государства является значительно позже, какъ идея, объединяющая національные организмы современности, съ другой же стороны, историческія данныя намъ всегда говорятъ лишь о закрѣпощеніи людей государю, господину, собственнику государства, но отнюдь не государству самому. Не надо забывать также, что крѣпостная служба вотчинниковъ государю отличается, какъ небо отъ земли отъ крѣпостной работы низшихъ классовъ населенія и на государя большого и на малыхъ государей—землевладѣльцевъ.

Приведенными чертами можно ограничиться въ характеристикѣ той государственной формы, подъ знакомъ которой совершалось и великое собираніе земли, начиная съ Людовиковъ XI и кончая Иванами Калитами, и укрѣпленіе новой европейской монархіи, и въ значительной степени расцвѣтъ крѣпостническаго строя. Если мы теперь сравнимъ всѣ три набросанныя выше идеологическія формы, мы прежде всего замѣтимъ, что ихъ противоположность не такъ велика и остра, а компромиссы безконечно болѣе доступны, нежели то было возможно въ области мистическаго сознанія. Да это и понятно, поскольку крестьянство, главный носитель и творецъ мистической идеологіи, переживало цѣлый рядъ трагическихъ перипетій отъ свободнаго общиннаго быта къ крѣпостничеству и рабству, а отъ послѣдняго къ свободной мелкой собственности или къ арендѣ, постольку оно должно было выставить яркіе, подчасъ коммунистическіе и революціонные девизы и развѣ у чуда искать спасенія отъ своей трагической судьбы. Наоборотъ, говоря о патріархальной семьѣ, феодальномъ рыцарствѣ, вотчинной власти, мы почти все время находимся въ кругахъ господствующаго, владѣльческаго класса, который, правда, имѣетъ свою діалектику развитія, но далеко не въ столь бурныхъ, исполненныхъ катастрофы чертахъ. Несомнѣнно, не безъ борьбы патріархальный укладъ уступилъ мѣсто феодальному кулачному праву и мечу, какъ высшему судьѣ и послѣднему аргументу. И хотя бы на русской исторіи мы можемъ прослѣдить тотъ общій всѣмъ народамъ процессъ, въ которомъ всеобщая война, постоянныя завоеванія, сопровождаемыя грабежомъ и убійствами, повергли всю страну въ сумятицу удѣльныхъ раздоровъ и подвергли ее, обезсиленную внутри, власти чуждаго завоевателя. И точно такъ же лишь крушеніе свободнаго европейскаго рыцарства въ безчисленныхъ крестовыхъ походахъ очистило путь вотчинному порядку, а въ частности въ Германіи полное разореніе страны предшествовало расцвѣту мелкодержавной владѣльческой вотчины. Такихъ примѣровъ можно насчитать тысячи, но, съ одной стороны, эти перевороты все же совершались въ средѣ класса, хранившаго свою первенствующую роль, съ другой же, какъ мы уже замѣтили выше, переходы допускали въ высокой степени компромиссъ.

Когда на смѣну мелкимъ родовымъ распрямъ явилось феодальное воинство и обезпечило миръ и тишину въ болѣе широкихъ областяхъ, когда затѣмъ іерархіей вѣрности оно закрѣпило мирную среду въ лицѣ высшаго леннаго сеньора,—оно безъ особенныхъ затрудненій могло принять—и въ дѣйствительности приняло—патріархальную окраску и черты, которыя помогли переходу военнаго лагеря въ порядокъ мирнаго общежитія. Появленіе королевскаго, а затѣмъ и земскаго мира есть продуктъ уже болѣе широкой замиренной среды; въ особенности легко вошли въ феодальную монар-

хію прежнія народныя собранія и совѣты старѣйшинъ, воспринявъ нѣкоторыя формы военнаго вѣча и думы военноначальниковъ. Старое родовое боярство въ значительной степени смѣшалось съ новымъ военнымъ классомъ и благодаря ему получило значеніе, котораго никогда бы не могло имѣть въ своей узкой племенной средѣ. Вотчинный порядокъ былъ, конечно, отрицаніемъ феодализма и особенно угрожалъ, съ одной стороны, сохранившейся подъ кровомъ патріархальной власти общинѣ, съ другой—тѣмъ мелкимъ вассаламъ, которые, пользуясь свободой службы и перехода, обезпечивали себѣ сравнительно сносное существованіе. Но и здѣсь произошло примиреніе, которое заключалось въ томъ, что вотчинникъ принялъ идеологію патріархальной власти по отношенію къ трудовому населенію вотчины, съ другой же стороны, оставшееся не у дѣлъ мелкое рыцарство послѣ долгаго періода разбойнаго существованія и бродяжества, потерпѣвъ много уроновъ и потерь, все же въ концѣ-концовъ пріютилось на службѣ у болѣе крупныхъ вотчинниковъ, а затѣмъ у самаго патримоніальнаго государя. Не мало содѣйствовало успокоенію феодальныхъ воиновъ и то обстоятельство, что они были восприняты вмѣстѣ съ патримоніальными владѣльцами въ разрядъ высшаго привилегированнаго сословія, были освобождены отъ всякой конкуренціи снизу и въ качествѣ новаго служилаго дворянства получили доступъ къ созданному вотчиной крѣпостному хозяйству. Такимъ образомъ, хоть и позже, чѣмъ крѣпкіе феодалы высшихъ степеней, мелкое рыцарство все же нашло доступъ къ той изобильной и питательной средѣ, которую образовалъ въ своей живой массѣ несвободный земледѣлецъ, прикрѣпленный къ землѣ своего господина.

Если мы обратимся теперь къ новымъ землевладѣльческимъ классамъ, которые давно отказались отъ барщины и крѣпостного труда, мы увидимъ, что и здѣсь въ силу особенностей аграрнаго хозяйства сохранилась вѣковая традиція старыхъ идеологическихъ формъ, которыя мы разсмотрѣли выше. Новое землевладѣніе уже поставлено на рельсы денежнаго и, болѣе того—капиталистическаго предпріятія; здѣсь мы находимъ и постоянный, и оборотный капиталъ, и свободный наемный трудъ, и чисто, казалось бы, денежную аренду. Но сельско-хозяйственная экономія, стремящаяся къ полученію наивысшей ренты, тѣмъ не менѣе, нуждается и держится за старую владѣльческую идеологію, сохраняетъ ее даже въ такихъ прогрессивныхъ странахъ, какъ Великобританія. Очевидно, есть въ условіяхъ нынѣшняго землевладѣнія такія черты, которыя дѣлаютъ необходимымъ личную, эстетическую оцѣнку высшаго класса; которыя соотвѣтствуютъ и оправдываютъ его донынѣ уцѣлѣвшее положеніе, основанное не только на оставшихся привилегіяхъ, но и на самомъ свойствѣ крупнаго поземельнаго землевладѣнія. Не даромъ донынѣ

остается оно мощнымъ оплотомъ консерватизма и реакціи; не даромъ крѣпко держится оно за свои старыя связи съ первымъ вотчинникомъ страны и первымъ ея дворяниномъ въ лицѣ монарха, не даромъ въ его обладаніи находятся и донынѣ придворныя должности, высшія мѣста государственной службы и, по общему правилу, весь офицерскій корпусъ.

Если мы посмотримъ теперь на современное государство, въ которомъ такъ еще крѣпки старыя залежи дворянскаго землевладѣнія, мы должны признать, что въ самомъ государствѣ обширныя части его организаціоннаго плана построены какъ разъ по типу патріархальнаго, военнаго и вотчиннаго романтизма. Начнемъ съ главы государства: здѣсь мы видимъ династію, въ строго-родовой патріархальной организаціи; къ этому присоединяется военная романтика, которая превращаетъ владѣтельную семью въ собраніе военныхъ генераловъ, шефовъ воинскихъ частей во главѣ съ верховнымъ вождемъ всей арміи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ монархъ обладаетъ характеромъ царя-батюшки всего своего народа, а въ своемъ дворѣ воплощаетъ старыя традиціи богатой и обширной вотчины съ ея многочисленнымъ штатомъ придворной челяди и должностей. И при помощи двора организуется та связь съ старшими сынами отечества, съ лучшими дѣтьми народа, съ вотчиннымъ дворянствомъ, вошедшимъ въ великую государственную семью. Эти связи до сихъ поръ такъ же велики и крѣпки, какъ много вѣковъ тому назадъ, а верхнія палаты современныхъ парламентовъ даютъ живую организацію интересамъ привилегированнаго класса. И если связь династіи чрезъ военныя должности закрѣпляется культомъ стараго рыцарскаго романтизма, то, съ другой стороны, въ идеологіи, охватывающей государственную службу, мы до сихъ поръ находимъ и остатки феодальныхъ должностей независимыхъ и почетныхъ и также остатки вотчинныхъ порученій, основанныхъ на личной преданности начальству. Территоріальный характеръ современнаго государства со своимъ верховенствомъ надъ государственной областью до сихъ поръ носитъ на себѣ остатки былого воззрѣнія на государство, какъ на громадную вотчину, въ которой и земля и люди одинаково подлежатъ распоряженію своего высшаго собственника.

И словно для того, чтобы лишній разъ доказать всю удивительную живучесть романтической эстетики властвующихъ классовъ, развилъ императоръ Вильгельмъ II германскій во всемъ блескѣ старую идеологію въ своихъ публичныхъ рѣчахъ. Здѣсь мы видимъ, съ одной стороны, патріархальныя связи, объединяющія Пруссію и императорскій домъ. Государь считаетъ себя обязаннымъ „быть справедливымъ и милосерднымъ государемъ, поддерживать благочестіе и страхъ Божій, охранять миръ, споспѣшествовать благосостоянію страны, быть помощникомъ бѣдныхъ и угнетенныхъ, быть вѣрнымъ

хранителемъ права". Въ особенности близко сердцу Вильгельма благополучіе крестьянъ: „я желаю,—заявляетъ онъ,—чтобы крестьянство могло постоянно въ мирѣ воздѣлывать свои поля", „будемъ жить въ страхѣ Божіемъ,—обращается онъ къ ремесленникамъ,—будемъ просты, будемъ прилежно работать, и мы достигнемъ желаемыхъ цѣлей". Всѣ обыватели должны „въ тишинѣ и мирѣ работать". Таковы стремленія отца семейства, объемлющаго всю страну, и трогательной любовью платятъ ему его подданные-дѣти: „въ домахъ и сердцахъ пруссаковъ чувствуетъ себя безопасною королевская семья"; вся Пруссія „основана на силѣ традиціи и на добродѣтеляхъ вѣрности, благонравія, прилежанія и приверженности къ царствующему дому", и „подобно тому, какъ обивается плющъ вокругъ узловатаго ствола дуба, украшаетъ его своей зеленью и защищаетъ его въ то время, когда буря обвѣваетъ его вершину, точно такъ же сплачивается и прусское дворянство вокругъ королевскаго дома".

И къ этому присоединяется героическій мотивъ: воскрешаются древно-германскіе боги съ золотыми вратами Валгаллы, вспоминается богъ Геймдаль, трубящій въ свой золотой рогъ, воспѣвается повелитель морскихъ пучинъ, Эгиръ. Миѳическій ореолъ создается вокругъ родоначальниковъ великаго курфюрста съ его непоколебимымъ мужествомъ, могучей дальновидностью, непоколебимымъ упованіемъ на Бога. За великимъ курфюрстомъ слѣдуетъ первый король и его великій сынъ, затѣмъ превозносится великій король Фридрихъ II, а къ сонму великихъ причисляется и первый императоръ Вильгельмъ Великій, великій императоръ, сѣдой императоръ, сѣдой императоръ-герой, который, если бы „жилъ въ средніе вѣка, то онъ былъ бы превознесенъ святымъ, и изъ всѣхъ странъ потянулись бы толпы богомольцевъ, чтобы вознести молитву у останковъ этого прекраснаго старца". И такой героизмъ соединяетъ великихъ императоровъ съ не менѣе великой арміей, которая есть „главная опора моей страны, — говоритъ Вильгельмъ,—главный столпъ прусскаго трона". Эта армія, присягнувъ императору въ вѣрности, отдаетъ себя государю „душою и тѣломъ" и должна въ случаѣ надобности разстрѣливать по зову императора своихъ родителей. Эту армію зоветъ нѣмецкій орелъ на рядъ великихъ подвиговъ и въ Африкѣ, и на Дальнемъ Востокѣ, и на Востокѣ ближнемъ, вездѣ, гдѣ можно вбить „свой гвоздь, чтобъ на него повѣсить наше оружіе"...

А въ результатѣ чисто-вотчинный абсолютизмъ, величайшая увѣренность въ своихъ знаніяхъ и непогрѣшимости, наименованіе себя единственнымъ господиномъ въ имперіи, желаніе котораго есть высшій законъ, и наиболѣе убѣдительный аргументъ—формула „такъ хочу, такъ повелѣваю". Такъ поданные или „члены семейства", которые должны найти въ государѣ не повелителя, а „отца", „дверь котораго открыта всякому подданному", въ концѣ-концовъ, находятъ

въ немъ не только отца, но и абсолютнаго монарха, который, къ счастью подданныхъ, является таковымъ лишь въ теоріи, такъ какъ на практикѣ онъ ограниченъ конституціей.

Теорія императора Вильгельма отнюдь не одна только романтическая буффонада, простительная въ устахъ увлекающагося императора-поэта; это лишь резюме тѣхъ безчисленныхъ манифестовъ, декретовъ и деклараціи, съ которыми обращаются къ населенію отцы отечества или издаютъ приказы по арміи, флоту или придворному управленію. Развѣ не должны подданные радоваться, подобно дѣтямъ, всякому счастливому событію въ семьѣ отца-монарха? Развѣ не сообщаетъ онъ имъ о крестинахъ и похоронахъ, о бракахъ и рожденіяхъ? Развѣ не читаемъ мы далѣе цѣлыхъ манифестовъ, гдѣ изображаются побѣдоносныя арміи, самоотверженные солдаты, вѣрнопреданные офицеры и великіе полководцы? И нужно не знать совершенно психологіи монархической власти, чтобы отрицать характеръ вотчиннаго наслѣдованія тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о преемствѣ престола на единственномъ основаніи передачи отцомъ сыну на ряду съ дворцами, парками, театрами, полями и хозяйственными постройками также и земель и людей — Land und Leute, — образующихъ собой то или иное государство.

ГЛАВА VIII.

Идеологія раціонализма.

Pöhlmann. Geschichte des antiken Sozialismus und Kommunismus. G. Adler. Geschichte des Sozialismus. W. Sombart. Der moderne Kapitalismus. W. H. Riehl. Die bürgerliche Gesellschaft. Марксъ. Капиталъ. М. Ковалевскій. Отъ прямого народоправства. Berolzheimer. Die Kulturstufen der Rechts und Wirtschaftsphilosophie. Gierke. Johannes Althusius. М. Туганъ-Барановскій. Современный соціализмъ. А. Менгеръ. Новое ученіе о государствѣ. Спиноза. Политическій трактатъ. Монтескье. О духѣ законовъ. Руссо. Общественный договоръ.

Переходя теперь къ идеологіи раціонализма, мы не можемъ особенно долго останавливаться на древне-восточной культурѣ. Правда, мы находимъ и тамъ много замѣчательныхъ памятниковъ, показывающихъ, что, какъ и въ другихъ областяхъ соціальной жизни, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ тысячелѣтней традиціей, живой и жизнеспособной до тѣхъ поръ, пока существуетъ классовое общество съ его извѣстными подраздѣленіями на барина и земледѣльца, на предпринимателя и рабочаго.

И въ самомъ дѣлѣ, уже въ вавилонскомъ кодексѣ, насчитывающемъ сорокъ три вѣка существованія, мы находимъ цѣлый рядъ

положеній, которыя исходятъ изъ чисто-раціональнаго воспріятія фактовъ хозяйственной жизни и формулируютъ ихъ съ точностью, неуступающей римскимъ юристамъ. Таковы статьи кодекса относительно обязательственнаго и вещнаго права, найма, залога, аренды, денежнаго займа, наслѣдственнаго раздѣла и т. п. Во всѣхъ этихъ положеніяхъ мы уже встрѣчаемъ то обобщеніе носителя хозяйственнаго интереса и участника гражданскаго оборота въ понятіе абстрактнаго индивида, которое является первой ступенью къ раціонализаціи общественнаго процесса. И точно такъ же уже въ кодексѣ Амураби выступаетъ основное требованіе уравновѣшивающей, раздѣлительной справедливости, вознаграждающей поровну двѣ стороны договора, несмотря на ихъ различное общественное положеніе или личныя свойства.

Въ исторіи китайской культуры мы имѣемъ также удивительные памятники раціонализма, давшіе извѣстное ученіе Мен-дзы, проникнутое весьма демократическимъ духомъ. Въ концѣ-концовъ все міросозерцаніе Китая было исполнено раціоналистическаго духа, однако мы слишкомъ мало освѣдомлены по исторіи Срединной имперіи, чтобы привести это явленіе въ связь съ вліяніемъ городской культуры. Изъ найденныхъ въ другихъ странахъ кодексовъ въ родѣ уложенія марсельской надписи или кодекса пальмирскаго, мы можемъ заключить только то, что они были созданы въ центрѣ финикійской и пальмирской торговли, которая и наложила на нихъ свою печать.

Если мы обратимся къ евреямъ, то у нихъ мы находимъ также рядъ юридическихъ постановленій, которыя въ извѣстной степени приближаются къ вавилонскимъ. Однако древне-еврейское право слишкомъ отличается родовымъ и теократическимъ характеромъ, чтобъ его можно было считать чистымъ продуктомъ спеціально торговой городской среды. И хотя договоръ евреевъ съ Іеговой, такъ называемый завѣтъ Бога съ человѣкомъ, содержитъ въ себѣ всѣ признаки подлиннаго контракта, съ удивительно подробнымъ опредѣленіемъ обязательства обѣихъ сторонъ и даже съ обезпеченіемъ соотвѣтственной неустойки, все же этотъ договоръ врядъ ли есть произведеніе чистаго раціонализма. И если такому контракту могутъ быть противопоставлены аналогіи, то скорѣе всего изъ области феодальныхъ отношеній вассала и сюзерена, при чемъ послѣдній обѣщаетъ первому военную защиту и помощь во всѣхъ его начинаніяхъ, а первый, со своей стороны, обязуется къ несенію опредѣленныхъ повинностей, денежнаго оброка и барщины и прочихъ условленныхъ дачъ ленному господину. Гораздо болѣе серьезныхъ проявленій раціонализма находимъ мы въ позднѣйшую эпоху еврейской исторіи, когда распорядителемъ ея судебъ сталъ ростовщическій и торговый капиталъ. Притчи Соломона, а въ особенности Экклезіастъ являются типичными произведеніями раціонализма со всѣмъ его скептицизомъ и цинизмомъ, съ его философіей золотой середины, хо-

зяйственнаго прилежанія, индивидуализма и апологіей неумолимыхъ естественныхъ законовъ. Въ этихъ произведеніяхъ древне-еврейскаго города мы находимъ противоположность между бѣднымъ и богатымъ, какъ произведеніе неизбѣжнаго естественнаго рока, при чемъ уже не богатый представляется добродѣтельнымъ и доблестнымъ, а наоборотъ, часто таковымъ является бѣднякъ, который, однако, отъ этого не становится ни счастливѣе, ни богаче. Всѣ старыя различенія людей на знатныхъ и простыхъ, на прирожденныхъ витязей и простыхъ смертныхъ исчезаютъ здѣсь совсѣмъ, и съ чрезвычайной яркостью выступаютъ на сцену индивиды, всегда одинаковые, другъ другу подобные, въ одномъ случаѣ болѣе благоразумные, въ другомъ глупые, нерасчетливые и непрактичные. Съ точки зрѣнія благоразумія оцѣнивается затѣмъ вся жизнь человѣка, которая сама по себѣ теряетъ всякую нравственную цѣнность. Благоразуміемъ освящаются здѣсь и послѣднія уцѣлѣвшія добродѣтели воздержанія, вѣрности женѣ, любви къ своимъ наслѣдникамъ и потомкамъ. На благоразуміи строится само отношеніе къ Богу, обществу, друзьямъ и рабамъ, но въ концѣ-концовъ, мудрецовъ оказывается мало, а глупыхъ много, а сама жизнь, разоблаченная отъ всѣхъ своихъ иллюзій и фантазмъ, становится механической суетой, которая кончается уравнивающей человѣка и животныхъ, для всѣхъ неизбѣжной смертью. Такъ раціонализмъ на данномъ примѣрѣ получаетъ тотъ фаталистическій и пессимистическій характеръ, который не разъ потомъ будетъ сопровождать отреченіе отъ добрыхъ боговъ, милосердыхъ отцовъ, благородныхъ рыцарей и благодѣтельныхъ господъ.

Таковы отрывочныя данныя, которыя даетъ намъ дальній и ближній Востокъ. Въ неизмѣримо полномъ видѣ имѣемъ мы документы раціонализма въ древне-греческой культурѣ, гдѣ городъ, мореплаваніе, колоніи и торговля сыграли такую громадную роль. Кажется, нигдѣ такъ быстро и полно не совершилось перехода старыхъ вотчинныхъ и родовыхъ господъ къ городскимъ промысламъ и торговлѣ, нигдѣ такъ не сконцентрировалась вся политическая жизнь именно въ городской общинѣ, какъ это случилось въ Элладѣ. Неудивительно, что эта страна взрастила въ своихъ нѣдрахъ такое разнообразіе классовыхъ образованій, дала образцы такой могучей партійной борьбы, что если гдѣ-нибудь мы можемъ искать идеологической лабораторіи высшаго типа, то какъ разъ въ этихъ государствахъ сначала малоазіатскаго, а затѣмъ и греческаго побережья. И если мы въ Элладѣ находимъ Платона — величайшаго пророка духовно-рыцарской идеологіи, то какъ разъ здѣсь мы имѣемъ всѣ оттѣнки чисто-городского міросозерцанія, давшаго намъ одинаково и правое и лѣвое крыло.

Еще въ малоазійскихъ городахъ зародилась эллинская философія въ качествѣ свѣтскаго знанія, посвященнаго, главнымъ образомъ

изученію природы. Это—начало свободной науки, пользующейся вначалѣ однимъ лишь умозрительнымъ методомъ. Въ эпоху софистовъ такой методъ, дополненный самонаблюденіемъ такъ же, какъ политическимъ опытомъ окружающей среды, былъ приложенъ къ моральнымъ вещамъ и общественнымъ явленіямъ, а въ результатѣ появилась первая наука о государствѣ, достойная этого имени, а вмѣстѣ съ тѣмъ и первая позитивная и матеріалистическая его теорія. Какъ можно заключить изъ дошедшихъ до насъ данныхъ, большинство софистовъ принадлежало къ лѣвой группѣ городского населенія и было представителемъ малоимущихъ классовъ, которые образовывали радикальную партію съ коммунистическимъ оттѣнкомъ. Уже у софистовъ религія была объявлена изобрѣтеніемъ богатыхъ и властныхъ для эксплуатаціи и порабощенія массъ, государство было признано организаціей заговора сильныхъ противъ слабыхъ, при чемъ мораль была истолкована какъ человѣческое сознательное произведеніе, служащее той же цѣли, какъ и религія. Ставятъ софисты также вопросъ о противоположности между искусственнымъ и естественнымъ бытомъ, пробуютъ опредѣлить естественную природу человѣка и вывести изъ нее политическій идеалъ. Разсматривая нравственное существо индивида, какъ всюду равной себѣ человѣческой особи, они приходятъ къ демократическимъ заключеніямъ. Оказывается, природа всѣхъ въ равной степени наградила способностью различать правое и неправое, всѣмъ дала одинаковыя натуральныя потребности, и, такимъ образомъ, всѣ въ одинаковой степени имѣютъ право не только на политическую власть, но и на содержаніе за общественный счетъ.

И мы знаемъ, что ученія софистовъ не были простой теоріей, напротивъ того, со времени вступленія Аѳинъ въ горячій торговый оборотъ, особенно въ области морской торговли и связанныхъ съ нею морскихъ захватовъ и колоніальнаго грабежа, въ великомъ городѣ произошло рѣзкое раздѣленіе массы гражданъ на двѣ группы: богатаго меньшинства, захватившаго себѣ львиную долю добычи, получаемой какъ съ торговли, такъ и завоеваній, и громаднаго большинства бѣдныхъ гражданъ, которые представляли собой и въ буквальномъ и переносномъ смыслѣ слова цѣлыя арміи матросовъ, морскихъ солдатъ, приказчиковъ, управляющихъ, свободныхъ рабочихъ, ремесленниковъ, мелкихъ торговцевъ и иныхъ профессій, которымъ падали лишь слабыя крохи отъ трапезы богачей. Былъ поставленъ и разгорѣлся вопросъ о правильномъ дѣлежѣ добычи, о необходимости обезпеченія бѣдняковъ, которые отдаютъ свой трудъ и самую свою жизнь для воплощающихъ въ себѣ аѳинское государство богачей. Конечно, весь споръ здѣсь идетъ не объ освобожденіи рабовъ, которыхъ счастливые войны тысячами выбросили на греческіе рынки. Это борьба въ нѣдрахъ самого предпріятія, какимъ является аѳинское

государство, борьба за дѣлежъ прибыли между капиталистомъ и его мелкими пайщиками. Но однимъ эта борьба въ высшей степени замѣчательна, это и есть политическая борьба съ экономическими требованіями, въ которой демократія желаетъ быть не только политической, но и соціальной, при чемъ въ основу полагается не романтизмъ власти, не мистика жрецовъ или пророковъ, но непосредственный подсчетъ тѣхъ матеріальныхъ выгодъ, которыя получаются съ предпріятія, и требованіе справедливаго дѣлежа на основѣ принципа естественнаго равенства всѣхъ людей, имѣющихъ одну и ту же природу, логику и однѣ и тѣ же потребности.

Въ Аѳинахъ впервые съ особой яркостью выступаетъ идеологія неимущей части городского населенія и принимаетъ форму, съ одной стороны, коммунистическаго идеала, а съ другой — индивидуалистическаго анархизма. Во имя перваго выставляются требованія раздѣла имуществъ, главнымъ образомъ, предметовъ потребленія, а съ другой—является стремленіе свергнуть всю искусственную организацію государства съ его насиліемъ и неравенствомъ, чтобы человѣкъ, повинуясь однимъ лишь законамъ, могъ установить полную свободу и равенство въ удовлетвореніи своихъ естественныхъ страстей. Аѳинскій демосъ въ концѣ-коцовъ достигаетъ своей цѣли: все полноправное гражданство переходитъ на содержаніе государства, даровой театръ становится народнымъ университетомъ городскихъ массъ, народное собраніе—орудіемъ его верховной власти, а богатства, стекающіяся въ Аѳины,—средствомъ для оплаты безчисленныхъ должностей въ составѣ народнаго суда и управленія. Въ ученіи Зенона провозглашаются начала естественной анархіи, гдѣ добродѣтельный по самой природѣ человѣкъ возвращаетъ себѣ естественную свободу. Въ цѣломъ рядѣ соціальныхъ утопій изображаются черты идеальнаго общественнаго строя, въ которомъ уничтожена ненавистная и неимѣющая въ себѣ ничего нравственнаго противоположность между бѣдностью и богатствомъ, а всѣ богатства и блага должны стать общимъ достояніемъ всѣхъ людей. И здѣсь на ряду съ планами обезпеченія бѣдныхъ гражданъ при помощи разработки рабскимъ трудомъ естественныхъ, главнымъ образомъ, горныхъ, богатствъ рисуются планы не только потребительнаго, но и производительнаго коммунизма.

Уже во всѣхъ этихъ планахъ мы можемъ разглядѣть рядъ идеологическихъ оттѣнковъ, которые заставляютъ насъ распредѣлить отдѣльныя утопіи по особой соціальной скалѣ. Въ эти требованія привноситъ нѣчто свое каждая соціальная группа. Здѣсь и требованіе раздѣла крупныхъ вотчинъ и распредѣленіе ихъ между мелкими собственниками—крестьянами; это отзвукъ стараго крестьянскаго идеала, очищеннаго городомъ отъ мистической оболочки; здѣсь и мечта городского торговца и ремесленника объ уничтоженіи круп-

наго капитала и прежде всего морской торговли. Общимъ ихъ желаніемъ является немедленная ликвидація всѣхъ долговъ и запрещеніе процентовъ; сходятся они и въ мечтѣ о государственномъ соціализмѣ; наемный трудъ въ лицѣ корабельщика, рабочаго съ верфей и наемнаго матроса требуетъ трудового соціализма, наконецъ, къ нимъ присоединяется босякъ, городской нищій—пролетарій, ничего не желающій больше, какъ анархіи, обставленной всѣмъ изобиліемъ и утѣхами жизни. Словно въ спеціальной лабораторіи вырабатываетъ Эллада всѣ типы и формы народнаго міросозерцанія, которые потомъ разовьются въ исторіи въ программы массовыхъ движеній и классовой борьбы. И что придаетъ аѳинскому демосу особыя черты—это то, что его борьба стала типичной для соціальной борьбы во всѣхъ почти греческихъ городахъ и на всемъ протяженіи Эллады закончилась требованіемъ, которое показываетъ намъ истинно-народное происхожденіе античнаго соціализма и коммунизма. Это требованіе, сопровождавшее собой широкую волну соціальныхъ революцій, охватившихъ Элладу въ послѣднее время ея независимости, было требованіе освобожденія рабовъ и устраненіе навѣкъ изъ жизни рабскаго труда.

Среднія группы городского аѳинскаго класса, а слѣдовательно, тѣ, кто являлись болѣе „сытыми“, „жирными“ и „толстыми“ среди остального голоднаго народа, свою идеологію создали также, какъ и слѣдовало ожидать, на почвѣ чистаго раціонализма. И здѣсь можно отмѣтить нѣсколько теченій; первымъ изъ нихъ является то, которое видѣло законъ природы въ хаотической игрѣ естественныхъ силъ, въ этихъ силахъ искало опорнаго пункта для нравственнаго порядка и разлагало самого человѣка на борющіяся въ немъ естественныя страсти. Поддаваясь общему эстетическому духу аѳинской культуры, построенной на рабскомъ трудѣ, эта школа, унаслѣдовавшая названіе Эпикура, считала своей цѣлью лишь нѣсколько умѣрять, гармонизировать борющіяся въ человѣкѣ страсти и этимъ путемъ организовывать натуральнаго индивида. Уже здѣсь мы видимъ признаніе, съ одной стороны, необходимости естественнаго порядка, хотя бы въ видѣ механически соединенныхъ случайностей, а съ другой—преклоненіе передъ разумомъ, который, будучи однороденъ природѣ, вмѣшивается въ естественную борьбу силъ и извѣстнымъ образомъ организуетъ ихъ. Сосредоточивая весь центръ человѣческой жизни въ одномъ лишь индивидѣ, эпикурейцы вполнѣ послѣдовательно приходили къ индивидуальному блаженству, какъ къ единственной моральной цѣли каждаго человѣка. Съ этой точки зрѣнія данная теорія оказывается въ значительной степени внѣгосударственной; да это и понятно,—среди состоятельныхъ круговъ эллинскаго капитала всегда было достаточно лицъ, которыя, будучи вполнѣ обезпечены своими операціями и чужимъ трудомъ, могли жить доходами съ капитала, а слѣдовательно,

уйти отъ политическихъ безпокойствъ и торговой горячки. Эти люди, по выраженію демоса, были счастливыми трутнями пчелинаго улья.

Другое теченіе, которое возникло на почвѣ городской психологіи состоятельнаго класса, былъ стоицизмъ. И здѣсь мы находимъ сочетанія разума и природы, но только двигательная сила здѣсь изъ страстей человѣка перенесена вовнѣ въ міръ объективнаго разума, который одинаково живетъ и въ природѣ и въ душѣ человѣка. Отсюда задача разумнаго существа—познать законъ природы и сдѣлать его нормой и правиломъ своего собственнаго существованія. Природа, какъ и у эпикурейцевъ, является у стоиковъ не враждебной силой, а близкой и благостной по отношенію къ человѣку. Рядомъ съ блаженнымъ эпикурейцемъ становится, такимъ образомъ, спокойный и самоудовлетворенный стоикъ, который ко всему привыкъ, ничему не удивляется, а въ случаѣ какого-либо огорченія или боли спокойно отрѣзываетъ и отбрасываемъ вонъ обезпокоившее его явленіе или мѣсто. За философіей стоика вырисовывается передъ нами не только созерцатель-философъ, мыслитель и мудрецъ, который давно примирилъ небесное и земное, но и просвѣщенный дѣятель рынка и народнаго собранія, который съ спокойной энергіей, не смущаясь ничѣмъ, мирится безъ помощи мистики и романтизма съ холодной и реальной дѣйствительностью, не отказывается отъ выигрыша въ случаѣ успѣха, но никогда не теряетъ духа при неудачѣ или бѣдствіи. Такъ было, такъ будетъ,—ничто не мѣняется въ мірѣ, и царствуетъ надъ всѣмъ единый естественный разумъ! Отношеніе стоицизма къ государству не могло не быть отрицательнымъ; почва стоицизма—широкій международный обмѣнъ, большія операціи, спекулятивный размахъ; ему мало тѣсныхъ городскихъ республикъ, ему нужна универсальная космополитическая имперія, въ Александрѣ Македонскомъ онъ видитъ своего вождя, но успокаивается только въ Римѣ. Стоицизмъ въ области междуклассовыхъ отношеній обладалъ одною большой цѣнностью: принципіально отвергая все, но практически не отказываясь ни отъ чего, онъ могъ объединить подъ своею сѣнью императора подобно Марку Аврелію, крупнаго коммерсанта и ростовщика въ родѣ Сенеки и раба въ лицѣ Эпиктета. Стоицизмъ ослаблялъ классовую борьбу своей апатіей и равнодушіемъ мудреца ко всему земному, а въ то же время освящалъ существующій порядокъ какъ истеченіе мірового разума.

Когда индивидуализмъ и раціонализмъ обращались къ жизни съ цѣлью практическаго вліянія на нее, они такъ же хорошо могли добыть свое оружіе у природы, какъ это дѣлали стоики и эпикурейцы съ цѣлью оправданія всего сущаго. И Аристотель является какъ разъ глашатаемъ той части аттическаго общества, которое не искало спасенія вмѣстѣ съ Платономъ въ рыцарскомъ романтизмѣ спартіатовъ, но стремилось путемъ разумной политики и сознатель-

наго компромисса обезпечить устойчивость своего соціальнаго и политическаго преобладанія. И здѣсь опять-таки природа выступала на первый планъ, но природа органическая, живая, которая творитъ подобно безсознательному художнику. Въ органическомъ ростѣ растенія изъ цвѣтка, животнаго изъ яйца, государства изъ семьи находитъ Аристотель, какъ идеологъ аттическаго либерализма, разгадку единенія природы и разума, причины и цѣли. Соединяя разумъ, какъ формальное начало, съ бытіемъ, какъ матеріальной возможностью. Аристотель объяснилъ вмѣстѣ съ тѣмъ роль разумнаго существа, какъ творца и созидателя жизни. И на основаніи строго положительнаго изученія, высоко-научнаго по своимъ методамъ и задачамъ, Аристотель обосновалъ общежитіе людей, какъ необходимую форму жизни, раскрылъ природу человѣка, какъ политическаго животнаго, и оправдалъ государство, какъ общежитіе самодовлѣющее, совершенное, нравственное и разумное.

Освободивъ такимъ образомъ политическую жизнь отъ мистики и легенды, Аристотель выдвинулъ на первый планъ и среднее гражданство и среднюю добродѣтель. Великій Стагиритъ отнюдь не противникъ примѣси бѣдныхъ и богатыхъ въ государственной жизни, но не должно быть допущено преобладанія крайностей въ ущербъ золотой срединѣ. Не одинъ тонъ платоновскаго военнаго государства, а цѣлая мелодія различныхъ тоновъ, при чемъ главнымъ является средне-состоятельный, средне-добродѣтельный, умѣренный и расчетливый, разумный и спокойный средній гражданинъ, являющійся нормой и правиломъ естественнаго общежитія. Власть, не впадающая въ деспотію, свобода, не вырождающаяся въ анархію, порядокъ не казармы, а благоустроеннаго общества — таковы основные устои аристотелевскаго идеала, бывшаго программой благонамѣренныхъ и достаточныхъ слоевъ аѳинскаго гражданства. Такое государство— царство законности по существу, и правовой его характеръ дѣлаетъ въ извѣстной степени безразличной форму правленія. Но, конечно, лучшей представляется та, въ которой посредствомъ смѣшенія всѣхъ соціальныхъ и политическихъ элементовъ достигается властвованіе умѣреннаго, средняго класса. Въ своемъ ученіи объ идеальномъ государствѣ Аристотель очень много останавливается на воспитаніи будущихъ гражданъ, и здѣсь мы уже видимъ иныя, чѣмъ у Платона, черты. Это не только воспитаніе характера, но и широкое развитіе интеллекта. Городъ и здѣсь наложилъ свою печать.

Самый типъ аристотелевскаго средне-состоятельнаго гражданина, конечно, отличается чертами, которыя спеціально присущи античному, въ особенности же аѳинскому горожанину. Онъ въ значительной степени подходитъ къ тому, что мы называемъ рантье, такъ какъ ему самому не приходится посвящать себя какой-либо трудной и отвѣтственной работѣ. Его доходы въ значительной степени напоми-

наютъ собой ренту поземельнаго собственника, живущаго даровымъ трудомъ своихъ крѣпостныхъ. Поскольку аѳинскій гражданинъ и на самомъ дѣлѣ не является такимъ собственникомъ, постольку же онъ живетъ доходомъ съ безчисленныхъ государственныхъ должностей или прямо за счетъ государства и различныхъ казенныхъ синекуръ. Не менѣе спокойный доходъ обезпечиваетъ ему въ случаѣ надобности денежное участіе въ различныхъ военныхъ и торговыхъ предпріятіяхъ страны. Главнымъ занятіемъ такого аѳинскаго рантье является политическая дѣятельность, которая въ значительной степени состоитъ изъ разныхъ мѣропріятій, направленныхъ къ финансовой эксплуатаціи союзниковъ и болѣе слабыхъ сосѣдей. Само собою разумѣется, что такой гражданинъ, будучи переходной ступенью отъ вотчинника къ активному городскому предпринимателю, обладаетъ достаточнымъ досугомъ и для того, чтобъ культивировать науки и искусства, при чемъ онъ уже не довольствуется тѣми средствами, которыя даетъ деревенскій домъ эвпатрида, а черпаетъ широкой рукой эстетическія наслажденія въ пышномъ городѣ, полномъ всей роскоши міра. Это обстоятельство придаетъ аѳинянину уже высшій городской характеръ: съ одной стороны, открываетъ ему массу интеллектуальныхъ и эстетическихъ переживаній, а съ другой— пріучаетъ его пользоваться ими не въ одиночку, а коллективно, совмѣстно съ другими гражданами.

И когда Аристотель строитъ свою теорію государства, какъ организма, онъ отражаетъ въ своихъ политическихъ идеалахъ тотъ же переходный характеръ отъ вотчиннаго типа къ чисто-городскому. И если мистикъ творитъ особое таинственное тѣло Христово, наполняющее собой церковь, если политическій романтикъ создаетъ идею духовнаго организма, въ видѣ семьи или рыцарскаго братства, или наконецъ, какъ іерархію вотчинной добродѣтели, то аналогичное явленіе находимъ мы и въ психикѣ городскаго дѣятеля. Классовый порядокъ, объединяющій общимъ идеологическимъ принципомъ подчасъ враждующіе классы, принимаетъ и здѣсь характеръ организма. Но въ отличіе отъ тѣла Божьяго или духовнаго организма, здѣсь органическій принципъ получаетъ характеръ чисто-естественнаго біологическаго тѣла. И по мѣрѣ того, какъ въ исторіи капиталъ, а съ нимъ вмѣстѣ городской классъ буржуазіи освобождались отъ старыхъ путъ общиннаго, патріархальнаго и вотчиннаго хозяйства, постольку же они все болѣе и болѣе уясняли принципы естественно необходимаго сотрудничества классовъ по образцу біологически функціональнаго дѣленія и зависимости органовъ. Но во время Аристотеля городской рантье—еще на добрую половину поземельный собственникъ, торговля еще слишкомъ связана съ разбоемъ, доходъ—съ завоеваніемъ, и романтика не можетъ сразу очистить поле сраженія и покинуть общественное сознаніе

гражданина. И Аристотель, который въ своемъ идеальномъ государствѣ не менѣе Платона заинтересованъ поземельной собственностью, строитъ намъ полу-естественный, полу-духовный организмъ, который, подобно платоновскому государству, очень напоминаетъ большого человѣка съ единой живой и дѣятельной душой.

Но нельзя не отдать великому Стагириту полную справедливость: идеологическій переворотъ, начатый софистами, нашелъ въ немъ геніальнаго завершителя, и его позитивный методъ изученія отдѣльныхъ государственныхъ формъ, напряженное вниманіе, съ которымъ онъ, какъ первую причину, отмѣчаетъ классовую борьбу бѣдныхъ и богатыхъ, наконецъ, его изображенія развитія и извращенія монархіи, аристократіи и демократіи—это все памятники раціональнаго освѣщенія явленій, которые кладутъ основу заслуживающей этого имени наукѣ. Впервые рядомъ съ идеологіей раціонализма развивается научный позитивизмъ, а либеральная идеологія не только пытается представить себя истинной и единственной наукой, но и даетъ толчокъ къ развитію истинно-научнаго знанія. Гораздо слабѣе представленъ научный элементъ у Платона, даже тогда, когда, разочаровавшись въ возможности создать идеальное государство на началахъ военнаго коммунизма, онъ стремится дать царство законности, а вмѣстѣ приспособиться къ потребностямъ и нуждамъ городского класса. И здѣсь Платонъ прежде всего художникъ, а не позитивный мыслитель, творецъ идеальнаго плана, сильно проникнутаго консервативно-вотчиннымъ элементомъ.

Но въ одномъ отношеніи Платонъ даже какъ выразитель аѳинской идеологіи стоитъ выше, чѣмъ кто-либо другой, и это въ смыслѣ проектированія царства мудрости или мудрыхъ, которое, имѣя предшественника въ ученіи Сократа, опредѣляетъ собой романтическое теченіе городского соціальнаго сознанія. Какъ мы видѣли выше, вѣра въ разумъ, мудрость, талантъ, какъ свойства отдѣльной выдающейся личности, вѣрнѣе, одного индивида, является необходимымъ элементомъ раціонализма, который рождается на почвѣ индивидуальной конкуренціи, въ борьбѣ за богатство и существованіе. Отсюда не только пониманіе культуры и государства, какъ чего-то искусственнаго, но и вѣра въ то, что политическое творчество, моральное и правовое законодательство, есть дѣло естественнаго, человѣческаго разума, который въ отдѣльныхъ индивидахъ достигаетъ чрезвычайной просвѣтленности и остроты. Одну только истинную аристократію признаетъ раціонализмъ, и это ума, таланта и расчета; этотъ разумъ не есть личный въ смыслѣ той мудрости, которая свойственна въ романтической идеологіи лишь одному избраннику, какъ таковому, или въ мистическомъ пониманіи пророку, вдохновленному Божествомъ. Отнюдь нѣтъ,—въ системѣ раціонализма разумный и глупый, геній и бездарность отличаются не качествомъ своего

интеллекта, а только его количествомъ, такъ какъ цѣль его дѣятельности и ея методы всегда и вездѣ одни и тѣ же, такъ же, какъ вездѣ одинаковы и предметы самаго познанія. Заслугой Платона является, конечно, не выясненіе этой истинной „мудрости“ городского класса, но только провозглашеніе царства мудрыхъ высшимъ его идеаломъ.

Вопросъ о творцѣ государства, о его создателѣ въ индивидуальномъ сознаніи ставится съ такой же необходимостью, какъ вопросъ о техникѣ или художникѣ, создающихъ необходимыя для человѣка цѣнности. Вѣдь знаніе безсмысленно, если нѣтъ способовъ и средствъ его использовать на благо человѣку. И точно такъ же безполезно и всякое иное познаніе законовъ истины, добра и красоты. Всѣ эти законы должны быть примѣнены къ дѣлу на пользу людямъ, и тотъ, кто подобно архитектору, достигъ высшаго познанія моральныхъ явленій, общественныхъ и политическихъ законовъ, тотъ тѣмъ самымъ становится призваннымъ стать законодателемъ человѣчества, художественнымъ творцомъ государства, техникомъ, который способенъ создать самый справедливый и прекрасный порядокъ. Такое законодательство естественнаго безличнаго разума, постигающаго самую суть природы и воплощеннаго въ той или другой человѣческой головѣ — почти непрерывный спутникъ раціональной идеологіи отъ ея начала до конца, притомъ какъ въ лѣвыхъ, такъ и въ правыхъ теченіяхъ. И по мѣрѣ того, какъ раціонализмъ, слѣдуя обособленію городскихъ классовъ, все больше и больше сбрасываетъ съ себя мистическія и романтическія цѣпи, все яснѣетъ фигура мудреца, какъ законодателя, становящагося въ концѣ-концовъ положительнымъ ученымъ строго-позитивнаго и механико-техническаго типа. Во время Платона до такой эволюціи было, конечно, еще очень далеко.

„Мудрый“ Платона еще отнюдь не естественный разумъ, овладѣвшій путемъ научнаго изслѣдованія тайнами жизни; скорѣе это особый видъ романтическаго вдохновенія, одухотворившаго логическія понятія въ идеалы безсмертной красоты. Основаніемъ для построенія такихъ идеаловъ, несомнѣнно, послужило художественное творчество, которое возводитъ въ перлъ созданія частные образы отдѣльныхъ предметовъ и явленій. Царственный мудрецъ, который воздвигается въ лицѣ „политика“, а затѣмъ владыки идеальнаго государства, есть не что иное, какъ вдохновенный художникъ, артистъ моральныхъ и политическихъ дѣлъ, который, съ одной стороны, силою геніальности провидитъ идеальныя формы въ окружающей жизни, а съ другой—при помощи знанія воплощаетъ ихъ въ дѣйствительности. Не надо забывать, что знаніе Платона есть не наука, а съ одной стороны, любовно-эстетическое проникновеніе или эросъ, а съ другой—вдохновеніе пророка. Здѣсь раціонализмъ еще не выдѣлился въ самостоятельную форму человѣческаго сознанія, онъ лишь по-

крываетъ собой чуждые ему методы и добытое интуитивнымъ путемъ содержаніе. Еще въ большей степени знаніе смѣшано съ мистикой у Сократа, и только у Аристотеля понятіе мудреца теряетъ сверхъестественный характеръ, сами же люди, стоящіе наравнѣ съ ангелами и такъ отличающіеся отъ обыкновеннаго человѣка, какъ львы отличаются отъ зайцевъ, совершенно устраняются изъ естественнаго человѣческаго общежитія.

Было бы ошибкой предположить, что городская среда лишена всякой эстетики, наоборотъ, уже Аѳины, этотъ первый великій городъ Европы, показываютъ намъ, что какъ разъ въ городской средѣ искусство впервые становится индивидуальнымъ свободнымъ творчествомъ и перестаетъ служить идеологическимъ цѣлямъ рода такъ, какъ оно служило въ средѣ феодально-поземельной. И это не потому, что бы въ городѣ освобождалась личность художника; эта личность, какъ разъ здѣсь теряетъ значительную часть своихъ моральныхъ героическихъ чертъ, нисходитъ порой на положеніе наемника. Но городская культура, исполненная невиданнаго до тѣхъ поръ богатства впечатлѣній, сосредоточенія на небольшомъ пространствѣ самыхъ раздробленныхъ, самыхъ различныхъ индивидовъ, даетъ возможность каждому артисту найти свой матеріалъ, своихъ слушателей, зрителей и почитателей. Соціальная власть художника въ городскомъ обществѣ теряетъ характеръ традиціоннаго устойчиваго института, непосредственнаго фермента въ созданіи общественной связи. Въ городѣ художникъ становится халифомъ на часъ, его вліяніе уподобляется отдѣльнымъ ударамъ молніи, но перестаетъ быть факеломъ боя или мирной неугасимой лампадой. И художникъ отнынѣ воплощаетъ людей, какъ единицы, а не какъ классы, и если порой предлагаетъ идеологическія цѣнности, то лишь какъ индивидуальный идеалъ, входящій въ отдѣльныя человѣческія души. Средствомъ воспріятія такого идеала становится не столько благоговѣйная серьезность предъ его нравственной высотой, сколько наслажденіе его изящными формами. Вотъ почему, говоря объ Аѳинахъ, мы подчеркиваемъ особый характеръ платоновской и аристотелевской эстетики, еще не отдѣлившейся отъ политики, но сливающейся съ ней въ одно органически цѣлое.

И греческая дѣйствительность давала много живыхъ образцовъ для типа благодѣтельнаго тирана въ качествѣ нѣкотораго царственнаго мудреца. Какъ разъ такой тиранъ сплошь и рядомъ являлся завершеніемъ многочисленныхъ государственныхъ переворотовъ въ городахъ-республикахъ. Матеріаломъ для такого явленія обыкновенно служили многочисленные демагоги, которыхъ выдвигала городская масса въ качествѣ своихъ вождей. Такой тиранъ могъ завладѣть властью лишь однимъ путемъ, а именно представить себя способнымъ обезпечить массамъ выполненіе ихъ политическихъ и со-

ціальныхъ идеаловъ. И если, съ одной стороны, такая диктатура опиралась на полномочія народа, то, съ другой стороны, полномочія эти давались диктатору лишь потому, что онъ представлялся тѣмъ мудрецомъ, политикомъ, артистомъ, который способенъ былъ провести народный корабль между скалъ плутократической и олигархической реакціи. Таковымъ могъ стать Алкивіадъ, таковымъ былъ въ дѣйствительности Периклъ, такую роль официально игралъ Писистратъ и его безчисленные подражатели почти во всѣхъ эллинскихъ государствахъ. Въ томъ-то и было отличіе греческихъ тирановъ отъ персидскихъ царей, что первые господствовали милостью народа, будучи лишь наиболѣе яркимъ воплощеніемъ того же самаго народа. Переходную ступень представляютъ собой такіе тираны, какъ Діонисій Сиракузскій, въ которомъ какъ разъ и видѣлъ Платонъ государя, способнаго править путемъ божественнаго эроса, постигающаго вѣчныя идеи блага, добродѣтели и счастья!

Когда Платонъ строилъ типъ своего мудреца или мудрецовъ, ведущихъ людей къ высшему совершенству, онъ, конечно, менѣе всего желалъ дать идеальный типъ греческаго тирана: все, что выходило изъ толпы и носило ея знакъ, было для него въ высшей степени отвратительно. Вмѣсто этого тирана, онъ самъ желалъ деспота, проникнутаго особымъ нездѣшнимъ началомъ, и тѣмъ не менѣе, Платонъ въ своей республикѣ мудрецовъ лишь первый предвѣстникъ цѣлыхъ поколѣній просвѣщенныхъ деспотій, царей—слугъ народа, всевозможныхъ мудрецовъ на тронѣ. Дѣло въ томъ, что уже платоновскій державный политикъ не наслѣдственный царь, а царь милостью своей мудрости и дарованія; его оправданіе не въ оружіи или силѣ завоеванія, но въ его служеніи общему цѣлому—государству, которое онъ долженъ привести къ идеальной цѣли. Онъ царь лишь постольку, поскольку онъ воплощаетъ въ жизни высшую справедливость, доставляетъ каждому возможность дѣлать свое собственное дѣло. Но уже у Аристотеля такой идеальный типъ смѣняется цѣлымъ рядомъ разнообразнѣйшихъ царей, при чемъ ихъ рѣшительно смѣняетъ въ доминирующей роли обычный разумный индивидъ, который, смотря по обстоятельствамъ, можетъ быть и демагогомъ и членомъ правящаго собранія. Царство признается излишнимъ, ибо нѣтъ въ дѣйствительности ни одного человѣка, который настолько превосходилъ бы разумомъ другихъ, чтобы возникла альтернатива: или изгнать его прочь, или признать его своимъ царемъ. Аристотель, такимъ образомъ, высказывается совершенно противъ диктатуры мудрости, находя ея вполнѣ достаточное количество въ головахъ обыкновенныхъ гражданъ. Но мы увидимъ еще не разъ въ исторіи городской культуры и ея политической идеологіи, какъ во всѣ критическія времена выдвигается типъ демократіей созданнаго тирана, мудреца не милостью Божіей, а милостью знаній и таланта, диктатора,

который долженъ избавить массу отъ необходимости самой думать, рѣшать и дѣйствовать. Это типъ просвѣщеннаго владыки или ученаго техника, призваннаго массой затѣмъ, чтобъ отъ ея имени, для нея осуществить ея планъ въ ей желательныхъ и понятныхъ формахъ. Такой диктаторъ есть слуга народнаго разума и его воплощеніе.

Идеологія раціонализма получила могучее развитіе въ Римѣ, который въ неизмѣримо болѣе грандіозныхъ размѣрахъ повторилъ эволюцію Эллады: и грабежъ завоеванныхъ народовъ, и сосредоточеніе награбленныхъ сокровищъ, и размахъ денежнаго оборота въ видѣ торговаго и хищническаго капитала былъ въ Римѣ безъ сравненія крупнѣе, чѣмъ въ античныхъ греческихъ городахъ. Однако качественно процессъ мало чѣмъ отличался отъ того, что мы уже видѣли выше, а римскіе оптиматы—только повтореніе греческихъ олигарховъ въ болѣе обширномъ объемѣ. Неудивительно поэтому, что греческая философія, политика и политическая идеологія были прямо импортированы въ Римъ и здѣсь восприняты совершенно какъ свое достояніе. Но въ виду того, что въ Римѣ гораздо рѣзче и полнѣе произошелъ переходъ отъ патриціанской родовой аристократіи съ ея патріархальнымъ характеромъ къ денежно-вотчинному типу, здѣсь гораздо большаго распространенія достигла стоическая философія, столь удобная для универсальной имперіи съ ея открытой экспропріаціей своихъ и чужихъ при помощи меча или процента. Но въ одномъ отношеніи громадный римскій международный денежный оборотъ далъ идеологическій памятникъ величайшаго значенія, и это въ области римскаго гражданскаго права.

На почвѣ Рима впервые произошелъ тотъ удивительный умственный процессъ раціонализаціи правовыхъ отношеній, который привелъ въ концѣ-концовъ къ конструкціи положеннаго въ основу права средняго нормальнаго человѣка, домохозяина, семьянина, который во всемъ проявляетъ средній разумъ, среднюю предусмотрительность, среднюю односторонность, среднее благоразуміе, среднюю заботливость и осторожность. Такова геніальная конструкція средняго человѣка, получившаго апоѳеозъ въ римской юридической мысли, ставшаго субъектомъ права для всѣхъ временъ, народовъ и странъ, гдѣ только былъ признанъ утилитарно мыслящій, эгоистически настроенный, расчетливый и холодный дѣятель всяческой „коммерціи“ или, что то же, денежнаго городского оборота съ его неустойками, контрактами, убытками, процентами и капиталомъ. Субъектъ и объектъ права, правоотношеніе, всевозможные виды правовыхъ сдѣлокъ и правовыхъ фактовъ въ области вещнаго, наслѣдственнаго, обязательственнаго правъ римской теоріей и практикой были вылиты въ такую законченную желѣзную систему, въ рядъ дедукцій такой логической послѣдовательности и силы, что отнынѣ и навсегда именно въ римскомъ правѣ получила частная собственность есте-

ственнаго индивида свою незыблемую крѣпость, стала основаніемъ для всей кодификаціи правовыхъ отношеній денежнаго хозяйства, гдѣ бы оно впослѣдствіи ни развивалось.

Въ ученіи Цицерона мы находимъ то въ высшей степени симптоматическое сліяніе стоической философіи и римской юриспруденціи, которое даетъ намъ законченный идеологическій образъ благороднаго римскаго дѣльца. Съ одной стороны, въ рѣчахъ и твореніяхъ Цицерона передъ нами выступаетъ теорія естественнаго права, призывъ къ справедливости и морали, превознесеніе идей нравственнаго долга. Съ другой—ожесточенныя нападки и беззастѣнчивое обливаніе грязью всѣхъ, кто смѣетъ возставать противъ грабежа и эксплуатаціи клики денежныхъ королей, оптиматовъ, главнымъ же образомъ, противъ Гракховъ и Катилины. Примиряются юриспруденція и философія на томъ, что какъ разъ собственность, притомъ денежная, да еще въ крупныхъ размѣрахъ, оказывается критеріемъ для сужденія о качествахъ истиннаго патріота, мудреца и представителя естественной добродѣтели. Такъ у Цицерона празднуетъ свое соединеніе естественный разумъ и капиталъ, и вскрывается настоящая подкладка того права, которое надолго наложитъ свои путы на купленный деньгами трудъ... Но, повторяемъ, римляне были мало самостоятельны въ созданіи политической идеологіи, а республиканскій Римъ жилъ традиціей имъ же раздавленной Греціи.

Послѣднее обстоятельство, конечно, нисколько не помѣшало ни остротѣ соціальной борьбы пролетаріевъ и патриціевъ, ни послѣдующимъ движеніямъ аграрной революціи, связанной съ именами Гракховъ. Точно такъ же наблюдаемъ мы въ Римѣ и крупное столкновеніе между родовымъ принципомъ и господствомъ денежнаго капитала, которое закончилось побѣдой послѣдняго. Римскія политическія учрежденія точно такъ же, какъ греческія, носятъ всѣ признаки ожесточенной борьбы классовъ и являются результатомъ постепеннаго компромисса, который заключали другъ съ другомъ борющіяся стороны. И если что въ римской исторіи представляетъ для насъ своеобразный интересъ, то это развитіе реакціоннаго теченія въ періодъ упадка вспять отъ денежнаго къ натуральному хозяйству и связанное съ этимъ чрезвычайное оживленіе вотчинной идеологіи. Однако всѣ наиболѣе крупные перевороты въ развитіи римской политической идеи въ эпоху имперіи совершились уже въ значительной связи съ мистической идеологіей, разобранной нами выше. Что же касается раціоналистической и органической идеологіи республиканскаго времени, то она въ господствующихъ городскихъ кругахъ пришла къ тому же, къ чему въ свое время примкнули аѳинскіе состоятельные круги. Это образъ законномѣрнаго строя, охраняющаго права частной собственности и построеннаго на уравновѣшиваніи властей съ подавляющимъ преобладаніемъ крупной собственности.

Во время среднихъ вѣковъ идеалы раціонализма могли уцѣлѣть лишь тамъ, гдѣ сохранилось достаточно сильное и богатое населеніе римской городской культуры. Его мы находимъ какъ разъ въ Италіи, и уже въ XIII вѣкѣ оно обнаруживаетъ весьма интенсивную жизнь. И послѣ того какъ здѣсь прошло неудавшееся реформаціонное движеніе, на смѣну ему родилось знаменитое возрожденіе съ его гуманизмомъ, расцвѣтомъ языческой древности и неизбѣжнымъ индивидуализмомъ и раціонализмомъ городского сознанія. Въ итальянскихъ городахъ XIV — XV вѣковъ мы опять можемъ различить всѣ тѣ основныя теченія, которыя уже видѣли въ Эладѣ. Но нужно отдать справедливость новой культурѣ; идеологія городскихъ классовъ становится все отчетливѣе, сознаніе ярче и послѣдовательнѣе. Разбойный феодально-вотчинный элементъ подвергается почти полному уничтоженію, родовая идея идетъ на убыль, мистицизмъ въ городахъ постепенно выдыхается. Данте несомнѣнно былъ послѣднимъ идеологомъ, стоящимъ на рубежѣ средневѣковаго и новаго міровоззрѣнія, а за нимъ слѣдуютъ Петрарка и Боккаччіо, Гвичардини и Макіавелли. Въ произведеніяхъ послѣднихъ уже ярко сказывается новое теченіе состоятельнаго городского класса.

И то, что мы находимъ въ исторіи итальянскихъ городовъ, повторилось затѣмъ во всѣхъ тѣхъ городскихъ центрахъ которые постепенно крѣпли во всей Европѣ, сначала по великимъ торговымъ путямъ, а затѣмъ и самостоятельно по мѣрѣ развитія въ одномъ мѣстѣ суконной, въ другомъ шелковой промышленности, въ третьемъ горнаго дѣла или широкаго расцвѣта рыбной ловли. Вотъ почему центрами развитія раціональной идеологіи являются тѣ области, которыя какъ разъ вошли въ циклъ постепеннаго подъема торговли, ремесла, а вслѣдъ за нимъ и кустарной промышленности. Во Франціи насъ встрѣчаетъ поэтому имя Бодена, а еще раньше школа легистовъ, выросшихъ на римскомъ правѣ, въ Германіи мы находимъ гуманистовъ и Альтузія, а вмѣстѣ съ ними опять-таки рецепцію римскаго права, Голландія шлетъ намъ своего Гуго Грота, а затѣмъ Спинозу, Англія выставляетъ Гоббса, впослѣдствіи Джона Локка, наконецъ, Франція заканчиваетъ теченіе именами Монтескье и Руссо, которые уже навсегда обосновываютъ естественно-правовой раціонализмъ въ его первичной формѣ. Новое время съ раскрытіемъ рѣзкой противоположности между промышленнымъ капиталомъ и рабочимъ даетъ развитіе либерально-эволюціоннымъ теченіямъ подъ флагомъ естественнаго права органической школы со Спенсеромъ во главѣ и съ противоположнымъ полюсомъ идеологическаго ученія пролетарскихъ массъ, которая связана съ Марксомъ и Лассалемъ, какъ выдающимися идеологами рабочаго класса.

Останавливаясь на отдѣльныхъ теченіяхъ въ средѣ исторически сложившейся раціональной идеологіи, мы отмѣтимъ прежде всего тотъ

видъ ея, который связанъ съ высшимъ городскимъ классомъ крупной буржуазіи, такъ какъ именно этотъ классъ является особенно сильнымъ на всемъ протяженіи городской европейской культуры. Къ характеристикѣ этого класса относится въ значительной степени то, что говоритъ о немъ уже Макіавели. Естественный человѣкъ этого класса свирѣпъ и жестокъ, исполненъ злыхъ страстей и необузданнаго эгоизма; человѣка смиряетъ только страшное страданіе, но когда онъ успокаивается, онъ развращается, становится мелкимъ и трусливымъ животнымъ, котораго надо вымыть въ крови, чтобы изъ него сталъ настоящій человѣкъ. Злое, звѣрское начало въ человѣкѣ было провозглашено еще Макіавелли съ чрезвычайной силой, и онъ имѣлъ для этого слишкомъ достаточно основаній. Какъ разъ такимъ на его глазахъ былъ итальянскій банкиръ, грабитель и ростовщикъ вмѣстѣ, который поднялъ итальянское хозяйство на ступень великаго процвѣтанія, а вмѣстѣ исполнилъ страну ужасами ожесточенной, полукупеческой, полубандитской конкуренціи. Картина Макіавелли отнюдь не преувеличена: денежный капиталъ періода первоначальнаго накопленія создаетъ какъ разъ такіе чистые типы необузданной жадности и властолюбія, съ одной стороны, и совершенной свободы отъ какихъ бы то ни было моральныхъ и религіозныхъ сдержекъ—съ другой. Здѣсь дѣйствуетъ голый расчетъ, опирающійся исключительно на силу, и въ глазахъ такого спекулянта и фанатика пріобрѣтенія весь міръ превращается благодаря его бухгалтерской точкѣ зрѣнія въ сплошное скопленіе такихъ же, какъ онъ, корыстныхъ, жадныхъ и свирѣпыхъ единицъ, въ царство неразличимыхъ болѣе другъ отъ друга атомовъ или индивидовъ, при чемъ эти единицы лишь тѣмъ отличаются отъ самого хищника, что онѣ слабѣе и глупѣе его, не знаютъ ни себя, ни другихъ, питаются иллюзіями и предразсудками, а потому и представляютъ изъ себя стадо звѣрей съ завязанными глазами, которыхъ зрячій можетъ заставить дѣлать все, что только онъ ни захочетъ.

Гоббсъ по существу является приверженцемъ той же теоріи, и, по его мнѣнію, люди представляютъ изъ себя волчье стадо, при чемъ хоть они и отличаются другъ отъ друга слабостью и силой, но всѣ похожи другъ на друга своей злобой и эгоизмомъ, своимъ тщеславіемъ и ненавистью другъ къ другу. И такъ какъ по существу природа не установила никакихъ границъ въ распредѣленіи своихъ благъ, то всѣ люди какъ дикое стадо бросаются на всѣ доступныя имъ блага и во всеобщей свалкѣ рвутъ ихъ на части. Такъ водворяется война всѣхъ со всѣми, непрерывное и естественное состояніе человѣка, который тѣмъ компенсируетъ свою слабость, что при помощи хитрости и коварства даже каждый самый слабый можетъ убить во всеобщей борьбѣ самаго сильнаго. У Макіавелли выдвигается нѣкоторая какъ бы естественная іерархія людей, такъ какъ

у него люди все же не вполнѣ одинаковы, а находятся въ разномъ періодѣ своего развитія отъ силы къ слабости, отъ мощи характера и величія души къ разложенію, трусости и ничтожеству. Отсюда естественный человѣкъ Макіавелли находится въ состояніи неустойчиваго, но естественнаго порядка,—самые сильные и жестокіе въ каждый данный моментъ находятся наверху, слабые, трусливые и слѣпые внизу. У Гоббса такого романтическаго возвышенія естественной силы уже нѣтъ, для него всѣ одинаково равны и беззащитны, потому что предательскій кинжалъ самаго слабаго прекращаетъ жизнь самаго сильнаго. Этотъ кинжалъ хорошо знаетъ и Макіавелли и не разъ въ извѣстныхъ случаяхъ предлагаетъ прибѣгнуть къ нему, но онъ не придаетъ ему рѣшающаго значенія, такъ какъ не изолируетъ такъ естественнаго состоянія отъ искусственнаго, какъ это дѣлаетъ Гоббсъ. Поэтому Макіавелли не имѣетъ и того выхода, который находитъ Гоббсъ въ противоположеніи коллективной искусственной силы естественной индивидуальной борьбѣ, которая въ концѣ-концовъ и прекращается подъ давленіемъ первой. У Макіавелли такой коллективной силы, какъ прямой противоположности естественному состоянію, нѣтъ; итальянскій политикъ совершенно сливаетъ естественное и искусственное состояніе, добро у него въ вѣчномъ круговоротѣ постоянно смѣняетъ зло, количество того и другого въ мірѣ остается все то же, и только временно въ смѣшанной формѣ правленія можно уравновѣсить искони противоборствующія силы. И если у Гоббса звѣрское состояніе противорѣчитъ требованіямъ разума и разумъ въ концѣ-концовъ прекращаетъ борьбу всѣхъ со всѣми, то Макіавелли здѣсь оказывается менѣе идеологомъ и больше ученымъ; у него въ лучшемъ случаѣ борьба всѣхъ со всѣми кончается кратковременнымъ компромиссомъ борющихся сторонъ.

Теорія человѣка-звѣря была воспринята Спинозой, а въ смягченномъ видѣ Пуффендорфомъ и Томазіемъ. Въ этихъ теоріяхъ человѣкъ оказался одинаково эгоистичнымъ, сластолюбивымъ, жаднымъ и честолюбивымъ, но только изслѣдователи не могли вполнѣ согласиться насчетъ его ума. Въ послѣдующемъ ученіи экономистовъ, главнымъ образомъ, классической школы человѣкъ-звѣрь окончательно принялъ образъ воплощеннаго интереса, голаго расчета, одного только стремленія дешево купить, дорого продать, при чемъ эта безпощадная борьба на рынкѣ между покупателемъ и продавцомъ смягчается лишь той борьбой, которую ведутъ между собой, съ одной стороны, всѣ продавцы изъ-за покупателя, а съ другой — покупатели изъ-за самаго товара. И здѣсь уже все продается и все покупается, сняты всѣ старыя сдержки, отброшено въ сторону милосердіе и любовь, забыты рыцарское благородство и честь. И предъ нами рисуется истинная арена того человѣческаго звѣрства, которое вначалѣ было присуще лишь конквистадорамъ, работорговцамъ и пиратамъ,

а теперь въ болѣе скромныхъ размѣрахъ исполнило собой все стадо мелкихъ звѣрей, грызущихся между собой на рынкѣ, за каждымъ прилавкомъ и изъ-за каждаго брошеннаго имъ куска.

Спрашивается, однако, если таковъ человѣкъ,—а въ звѣрствѣ и заключается его подлинное естество,—то какъ же слагается общежитіе, какъ возможенъ порядокъ и какой бы то ни былъ миръ, столь вожделѣнный какъ разъ для крупнаго хищника и пріобрѣтателя. И если послѣдній отрицаетъ миръ и тишину, поскольку они мѣшаютъ ему въ дѣлѣ экспопріаціи слабыхъ и пожиранія безсильныхъ, то вѣдь этотъ миръ и тишина нужны ему въ тотъ моментъ, когда онъ, поглотивъ свою добычу, пользуется и наслаждается ею. И хотя бы для того, чтобы украсить свою собственную жизнь, необходимо пріобрѣсти сотрудничество и мирную поддержку въ томъ или другомъ видѣ. При наличности вотчинной идеологіи вопросъ этотъ рѣшается очень просто; но какъ быть тамъ, гдѣ всѣ люди признаются равными по своему качеству, одинаковыми хотя бы въ своемъ неизмѣнномъ звѣриномъ существѣ? Вопросъ объ установленіи общежитія среди двуногихъ волковъ пріобрѣтаетъ поэтому особую остроту въ раціональной идеологіи. Различные писатели даютъ на него отвѣты, продиктованные окружающей дѣйствительностью.

У Макіавелли наиболѣе крупный звѣрь беретъ на себя воспитаніе остального стада. Такой бичъ Божій долженъ быть лишь сильнымъ естественнымъ характеромъ, крупной головой со стихійными страстями; такой деспотъ кровавыми мѣрами смиряетъ бунтовщиковъ, дисциплинируетъ массу, дѣлаетъ свою волю волей всего общежитія. И когда онъ кровью и желѣзомъ сплотитъ человѣческіе атомы въ одно цѣлое, его роль кончена по существу; онъ можетъ уходить, въ противномъ случаѣ онъ будетъ устраненъ своими подданными, которые, пройдя тяжелую школу диктатуры, берутъ власть въ свои руки и устанавливаютъ законную республику. Только въ одномъ случаѣ возможна дальнѣйшая жизнь деспотизма, и это тамъ, гдѣ подданные до того низко пали, до такой степени погрязли въ ничтожествѣ, холопствѣ и рабской преданности, что не только не чувствуютъ оскорбленія отъ ударовъ бича, но напротивъ, готовы лобзать терзающую ихъ руку. Въ нормальномъ же случаѣ— дѣйствія неминуемо вызываютъ противодѣйствія, а диктаторъ, если онъ не сдѣлаетъ общаго блага своей цѣлью, неизбѣжно пробудитъ въ душахъ людей естественный протестъ противъ позора и угнетенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ приведетъ и къ установленію республики. И здѣсь борьба тоже не прекратится, болѣе сильные будутъ бороться между собою за власть, а всѣ вмѣстѣ противъ слабыхъ за ихъ эксплуатацію. Эта борьба объединяетъ народъ, такъ какъ лишь сплоченными силами можетъ онъ одолѣть меньшинство насильниковъ. Господство большинства самое устойчивое и благотворное, ибо народъ лучше всѣхъ

знаетъ, что ему надо, но если онъ подъ вліяніемъ мира и тишины снова засыпаетъ, то вновь является тиранъ, который въ кровавой банѣ лѣчитъ лѣнивыхъ и сонныхъ отъ слабости и гнили.

Какъ очевидно, у Макіавелли движеніе силъ получаетъ механическій характеръ своеобразнаго автоматическаго круговорота или perpetuum mobile. Равновѣсіе однородныхъ частицъ постоянно возмущается механическимъ двигателемъ въ видѣ крупной личности подобно паденію камня, и подъ вліяніемъ такого толчка рождается механическое противодѣйствіе со стороны отдѣльныхъ частицъ, приводящее ихъ въ состояніе сильнаго кипѣнія, которое, однако, стремится къ первоначальному покою. Задачей политика является здѣсь такъ сопоставить борющіяся силы, чтобы онѣ взаимно другъ другу не давали возможности остановиться и закостенѣть. Движеніе и борьба становятся здѣсь орудіями для организаціи общежитія, борьба смиряетъ и сдерживаетъ звѣрей противопоставленіемъ однихъ стадъ другимъ, коллективной и единичной силы. Само звѣрство становится такимъ образомъ источникомъ своей собственной организаціи, оно само себя въ концѣ-концовъ отрицаетъ, устраняетъ ядъ при помощи противоядія; и если разумъ здѣсь играетъ какую-нибудь роль, то лишь въ качествѣ простого средства противоборствующихъ силъ,—средства, способнаго лишь ускорить и направить, но никакъ не устранить необходимо естественный процессъ. Сама по себѣ отдѣльная особь совершенно безсильна передъ міромъ внѣшнихъ причинъ, которыя индивидуальному сознанію представляются въ образѣ слѣпой судьбы, злого рока и сцѣпленія фатальныхъ случайностей. Механически обусловленная судьба, лежащая въ самой природѣ человѣка рѣшаетъ за него его жизнь и предназначеніе.

Какъ извѣстно, Гоббсъ приходитъ къ нѣсколько инымъ заключеніямъ; подобно Макіавелли и онъ считаетъ необходимымъ усмирить двуногое стадо для того, чтобы оказалось возможнымъ общежитіе. Но здѣсь процессъ обузданія происходитъ нѣсколько иначе; Гоббсъ считаетъ массу не такой трусливой и косной, какъ итальянскій политикъ, въ виду этого борьба въ естественномъ состояніи у англійскаго публициста получаетъ затяжный характеръ. Онъ не допускаетъ возможности естественной тираніи одного уже потому, что такой одинъ можетъ быть слишкомъ легко устраненъ самымъ слабымъ человѣкомъ при помощи убійства, люди же слишкомъ эгоистичны и своекорыстны, чтобъ отказаться безъ вознагражденія отъ чего-либо своего въ пользу другого. Поэтому здѣсь является необходимымъ коллективный добровольный актъ или договоръ, по которому люди, придя къ убѣжденію въ громадномъ вредѣ всеобщей борьбы, отказываются отъ нея ради выгодъ мира и спокойствія. И уже въ цѣляхъ такого мира они сами себѣ избираютъ по договору повелителя, которому и вручаютъ власть своего собственнаго обузда-

нія и усмиренія. Такъ великъ ужасъ борьбы и такъ громадны выгоды мира, что люди, повинуясь своему разуму, предпочитаютъ покориться неограниченному деспоту, лишь бы избѣгнуть войны всѣхъ со всѣми. Теорію Гоббса можно безъ натяжки назвать ученіемъ о раскаявшихся волкахъ, которые, сознавъ свою собственную пользу, построили для себя звѣринецъ, а одного изъ себя сдѣлали дрессировщикомъ и укротителемъ. Въ такомъ волшебномъ превращеніи единственной основной причиной является, конечно, разумъ, который возстаетъ противъ звѣрскаго естества и посредствомъ власти государства образуетъ изъ волковъ людей. Сила разума у Гоббса безмѣрно велика, но лишь основанный на разумѣ договоръ и добровольное рабство могутъ прекратить разъ навсегда ту борьбу, которая у Макіавелли поворачиваетъ вѣчно назадъ колесо исторіи.

По мѣрѣ того, какъ постепенно укладывался, приходилъ въ норму героическій размахъ первоначальной наживы, и она притягивала къ себѣ болѣе широкіе и спокойные круги населенія, въ городской средѣ постепенно смягчалось впечатлѣніе звѣрской природы человѣка, и если до временъ Канта уцѣлѣло положеніе, что человѣкъ по природѣ своей радикально золъ, то его злоба уже не такъ бросалась въ глаза. На первый планъ стала выступать холодная расчетливость и разсудительность, а разумъ, который еще у Макіавелли играетъ подчиненную роль, а у Гоббса приводитъ къ диктатурѣ, настолько вступаетъ въ свои права, что умѣряетъ самыя страсти и направляетъ ихъ въ русло выгодной для естественныхъ потребностей сдѣлки. Уже у Спинозы прекращается то противорѣчіе между разумомъ и естествомъ, которое мы видѣли выше, а примиряющимъ началомъ оказывается какъ разъ выгода и разумное стремленіе къ ней. Утилитаризмъ, соціально-моральное барышничество, борьба не грубымъ оружіемъ, а болѣе тонкимъ расчетомъ на человѣческую корысть и естественный эгоизмъ все болѣе входитъ въ общіе нравы, а договоръ, которымъ устанавливается государство, теряетъ характеръ катастрофы, становится одной изъ многихъ сдѣлокъ со стороны хищныхъ и корыстныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ умныхъ и расчетливыхъ тварей. Теряетъ свою остроту и вопросъ о диктатурѣ укротителя двуногихъ звѣрей. Монархъ получаетъ умѣренный закономѣрный характеръ, а республика становится, подобно монархіи, способной воплотить въ себѣ смѣшанную форму правленія. Такъ дѣло заканчивается и у Спинозы и у другихъ послѣдователей ученія о злой природѣ человѣка.

Еще въ XVII вѣкѣ въ теоріи Джона Локка находимъ мы въ естественномъ состояніи борьбу,—казалось бы, мы здѣсь встрѣчаемъ опять возрожденіе стараго ученія о человѣкѣ-звѣрѣ и его войнѣ всѣхъ со всѣми. Однако на дѣлѣ происходитъ иначе, и если у Гоббса до возникновенія государства у всѣхъ было право на все, а Спиноза отожествляетъ силу и право и говоритъ, что у всякаго

столько права, сколько силы, то у Локка уже имѣется цѣлый каталогъ естественныхъ индивидуальныхъ правъ, и когда здѣсь происходитъ борьба, то само состояніе природной свободы не теряетъ извѣстнаго благообразія. Борьба, происходящая здѣсь, не есть кровавая война дикихъ звѣрей или звѣроподобныхъ человѣковъ. Это лишь борьба за право и даже за опредѣленныя естественныя права, ничѣмъ не отличающіяся отъ правъ положительныхъ, кромѣ того, что они лишены правильной и организованной судебной защиты. Правовая оболочка, которую обосновывали на природѣ и Гоббсъ и Спиноза, у Локка получаетъ такую законченность еще до устанавливающаго государство договора, что здѣсь не можетъ итти рѣчи о животныхъ или звѣряхъ. Жестокое право прикрываетъ здѣсь злую власть, но право уже дѣлаетъ человѣка; естественный человѣкъ Локка уже такъ облагороженъ правомъ, что отъ двуногаго волка въ немъ не осталось почти ничего. Нечего говорить, что отъ этого качественно ничего не измѣнилось, а холодная страсть пріобрѣтенія и накопленія чужого труда не превратилась ни въ самоотверженіе, ни въ великодушную щедрость.

Спеціально въ экономической теоріи господствуетъ еще большій оптимизмъ: тамъ дѣло обходится при помощи одного торговаго договора, а человѣкъ, вынося на рынокъ свои естественныя потребности и страсти, не нуждается ни въ какомъ актѣ для того, чтобъ водворилось всеобщее благополучіе. При одномъ лишь условіи безпрепятственной свободы хозяйственная конкуренція, борьба за хозяйственныя блага на товарномъ рынкѣ превращаетъ эгоистическіе интересы борющихся сторонъ въ средство для достиженія всеобщаго блага и счастья. Такъ непосредственно сама животная природа человѣка уже заключаетъ въ себѣ нѣкоторый, разумный естественный законъ,—ordre naturel,—который устанавливаетъ вожделѣнный порядокъ естественнаго и мирнаго общежитія. Такъ шагъ за шагомъ, по мѣрѣ возрастающей крѣпости и силы новаго городского класса, онъ не только не нуждается въ какой-нибудь диктатурѣ, не только самъ отказывается играть деспотическую роль въ обществѣ, но, чувствуя себя укоренившимся въ общемъ признаніи участниковъ хозяйственнаго оборота, ставитъ свою хищническую природу подъ благословеніе естественнаго разума и свои собственные успѣхи отожествляетъ съ нормальнымъ преуспѣяніемъ всего общества.

А для того, чтобы сдѣлать убѣдительнѣе апологію своего владычества, идеологія капитала открыла и передъ отдѣльнымъ хозяйственнымъ индивидомъ соблазнительныя перспективы. Прежде всего особь почувствовала себя чрезвычайно свободной, такъ какъ съ нея былъ снятъ средневѣковый запретъ умѣренности и воздержанія. Естественный раціонализмъ не отказывалъ ни одной потребности, ни одной страсти или интересу въ своей моральной санкціи. По

существу оказалось все позволено: и чувственныя наслажденія, и пышность, и богатство, и красота. Этимъ, само собой, давался сильный толчокъ человѣческой энергіи и потребности, а личность почувствовала себя предъ всѣми сокровищами міра, дающими человѣку счастье. И, что главнѣе всего, всѣ эти сокровища оказались доступными всякому желающему при посредствѣ одного только орудія, а именно золотого ключа. Все, что пріобрѣталось прежде путемъ заслуги или случайности рожденія, что было скрыто отъ человѣка за стѣнами вотчинныхъ привилегій и Божескаго запрета, все теперь вышло на рынокъ, все стало продажнымъ. Покупное достоинство и честь, покупная слава, любовь, авторитетъ, власть, даже чужія знанія ученаго и талантъ художника—все окружило человѣка, какъ на какомъ-то грандіозномъ базарѣ, стало ему доступнымъ, какъ продажная женщина въ лупанарѣ. И тотъ золотой ключъ, которымъ открывалась дверь ко всѣмъ сокровищамъ, опять-таки предлагался всѣмъ, такъ какъ богатство было доступно всѣмъ и каждому безъ исключенія, бѣдному и незнатному, добродѣтельному и порочному, красивому и уроду. Надо было только выйти на всѣмъ открытую арену рынка и броситься во всеобщую борьбу въ погонѣ за прибылью и наживой.

Въ такой идеологіи на первый взглядъ нельзя не замѣтить нѣкотораго сходства съ идеологіей рыцарства: и тамъ слава, богатство и честь были открыты всякому, и тамъ они пріобрѣтались путемъ свободной борьбы, которую вели другъ съ другомъ воины, одушевленные жаждой могущества побѣды. Однакоже сразу можно констатировать и глубокое различіе между тою и другою борьбой: прежде всего рыцарь долженъ былъ добиться побѣды, лишь обнаруживъ свою доблесть и высокія моральныя свойства: великодушіе, вѣрность слову, правдивость, милосердіе и храбрость въ открытомъ бою. Затѣмъ, ставкой съ его стороны была его собственная жизнь, въ-третьихъ, бой былъ открытый—грудь съ грудью, на строгихъ условіяхъ равенства и взаимности, а также соблюденія правилъ воинской чести. Наконецъ тѣ блага, особенно невещественныя, которыя онъ пріобрѣталъ въ бою, были неотчуждаемы и становились его достояніемъ по большей частью въ силу естественнаго преклоненія передъ его прекрасной личностью: очень часто цѣлаго ряда подвиговъ было недостаточно, чтобы покорить сердце какой-нибудь гордой дамы. Совсѣмъ иное видимъ мы въ области рыночной конкуренціи и борьбы,—о морали здѣсь не идетъ ни малѣйшей рѣчи, и если эта борьба не принимаетъ преступнаго характера, то лишь потому, что она нормирована тѣмъ правомъ, которое ставитъ элементарные предѣлы человѣческой безопасности. И рискъ самого участника борьбы, и пріемы, къ которымъ онъ обычно прибѣгаетъ, и блага, которыя имъ, въ концѣ-концовъ, пріобрѣтаются за наличныя, — все это

исполнено той ходкой и дешевой квалификаціи, которая нигдѣ не подымается надъ уровнемъ мелкой обычной пошлости. Здѣсь играетъ роль не качество, а количество, громадные размѣры, чудовищный размахъ, колоссальное накопленіе; по своей психологіи такой удачникъ мало чѣмъ отличается отъ простого рабовладѣльца, а въ рабовладѣніи, какъ въ таковомъ, какъ замѣтилъ еще Аристотель, нѣтъ ничего прекраснаго.

Апологія капитализма, какъ мы уже видѣли выше, не оставила безъ моральнаго ореола той рыночной борьбы, которую мы сейчасъ изобразили. И если человѣкъ стремится въ своемъ естественномъ состояніи лишь къ благамъ второго сорта, а въ пылу торговой конкуренціи опускается до легальнаго воровства, мошенничества и обмана, то пусть онъ этимъ не тревожится, ибо вмѣстѣ съ тѣмъ онъ совершаетъ высокое моральное дѣяніе, такъ какъ во время самой борьбы онъ подчиняется обществу, согласуетъ свою личную дѣятельность съ общественными запросами и, въ концѣ-концовъ, добившись своего счастья, обезпечиваетъ этимъ самымъ всеобщее блаженство. Вѣдь конкурируя на рынкѣ, человѣкъ даетъ ему не то, что самъ онъ находитъ цѣннымъ, но лишь товаръ, опредѣляемый спросомъ, и если человѣкъ несетъ на рынокъ даже свои собственныя способности, талантъ и разумъ, то онъ отнюдь не смѣетъ употребить ихъ такъ, какъ этого требуетъ его внутреннее „я“, его призваніе или нравственный долгъ,—нѣтъ, онъ долженъ только приспособиться къ ходячему спросу, какъ бы ни былъ этотъ спросъ нелѣпъ и грязенъ въ его глазахъ, онъ долженъ понравиться покупателю, удовлетворить его вкусы, какъ бы они ни были пошлы и низки. Развѣ это не жертва, чѣмъ это не подвигъ! Съ другой же стороны, такой капиталистъ-милліонеръ, побѣдитель на рынкѣ спроса и предложенія, могъ убаюкивать себя сознаніемъ великой своей помощи человѣчеству. Развѣ онъ не удовлетворилъ потребности своихъ согражданъ самымъ дешевымъ и доступнымъ образомъ, развѣ онъ не оказалъ имъ массу услугъ взамѣнъ ихъ услугъ и одолженій! Развѣ не прибавилъ онъ къ сокровищницѣ матеріальныхъ благъ, удовлетворившихъ собой человѣчество, цѣлыхъ грудъ мѣстныхъ и заграничныхъ продуктовъ—и все это путемъ естественнаго регулированія цѣнъ, убивая монополію, возвращая свободу потребителю. Такъ человѣкъ-звѣрь, дисциплинированный рынкомъ, слѣдуя лишь естественнымъ законамъ гармоніи интересовъ, служитъ обществу, а вмѣстѣ съ тѣмъ получаетъ самъ богатство и счастье, основанное на немъ.

Такого рода апологія торговой конкуренціи и могущества капитала могла быть раціонально построена и производить впечатлѣніе лишь до тѣхъ поръ, пока она хоть отчасти оправдывалась фактами. А главное, пока, дѣйствительно, всякій могъ надѣяться на воз-

можность стать богачомъ, а слѣдовательно, и властнымъ участникомъ денежнаго пира. Но подобнаго рода надежда становилась тѣмъ слабѣе, чѣмъ прочнѣе устанавливалось господство уже наличныхъ капиталистовъ, не боящихся никакой новой конкуренціи; очень скоро всѣ мѣста оказались настолько заполненными, что борьба съ господствующимъ капиталомъ стала болѣе, чѣмъ рискованной; но дѣло усложнилось еще больше, какъ только капиталъ обратился къ промышленности. Съ переходомъ къ индустріальному капиталистическому строю, примѣненію техническихъ изобрѣтеній и широкому пользованію наемнымъ трудомъ открылась новая необходимость оправданія гегемоніи капитала. Простое признаніе свободы конкуренціи, на которой должна сама собой вырости гармонія интересовъ, оказалось недостаточнымъ. Торговый оборотъ, правда, еще сохранилъ въ себѣ элементъ случайности и удачи, такъ что, хоть и съ большой натяжкой, можно было разсчитывать на счастье стать милліонеромъ. Въ этой области, слѣдовательно, еще могла итти рѣчь о томъ, что индивидуальное счастье создается путемъ удовлетворенія требованій спроса и предложенія, этихъ показателей общаго интереса. Но въ области промышленнаго капитала дѣло сложилось совершенно иначе: здѣсь совсѣмъ не оказалось той открытой арены, на которой всѣ могли бы испытать свои способности и счастье въ поискахъ за какимъ-нибудь выигрышемъ, который бѣдняка сразу дѣлаетъ капиталистомъ. И если въ самой торговлѣ такая возможность становилась все меньше и меньше, то въ области индустріи она съ самаго начала была устранена. Пролетаріи, продающіе свой трудъ предпринимателю за такую заработную плату, которой нехватаетъ даже на существованіе, этимъ самымъ поставлены въ положеніе, которое устраняетъ какую бы то ни было возможность сберегать или копить. Фабричный рабочій въ виду этого знаетъ навѣрняка, что никогда, несмотря на всѣ свои способности и таланты, онъ не можетъ выйти изъ положенія бѣдняка, стоящаго на границѣ голодной смерти. А такъ какъ именно милліоны людей оказались на положеніи такой безвыходной бѣдности, то никакая самая фантастическая теорія не рѣшалась утверждать, что конкуренція на трудовомъ рынкѣ и продажа рабочаго труда предпринимателю можетъ походить хоть сколько-нибудь на свободную борьбу естественныхъ индивидовъ. Каторжной ироніей звучало бы предложеніе пролетарію конкурировать съ капиталистами въ дѣлѣ наращенія прибыли и накопленія капитала.

Вотъ почему пришлось перейти къ новому идеологическому построенію, которое разъ навсегда оправдало бы положеніе предпринимателей и порабощеніе труда. Конечно, для такой цѣли могла бы прекрасно служить теорія какого-нибудь Августина, оправдывавшаго рабство первороднымъ грѣхомъ, или ученіе вотчинной

идеологіи, гласящей, что доходъ есть признакъ высшей расы и добродѣтели. Но дѣло въ томъ, что это связало бы естественную свободу предпринимателей и капиталистовъ, сдѣлало бы ихъ чужими въ царствѣ прибыли и спекуляціи, холоднаго расчета и естественныхъ индивидуальныхъ страстей. Надо было сохранить разумъ и природу, индивидуальную свободу безудержнаго аппетита, а вмѣстѣ съ тѣмъ оправдать свое господство, придать ему, если не нравственный, то по крайности необходимый и естественный характеръ. Начатки такой теоріи далъ уже великій первоисточникъ почти всѣхъ наукъ, Аристотель, въ своемъ оправданіи рабства.

Она состоитъ въ томъ, что хозяйство или предпріятіе принимается за нѣкоторое естественное цѣлое, за организмъ, въ которомъ гармонически связаны средства и цѣль. Въ этомъ организмѣ, цѣлью котораго является созданіе тѣхъ или иныхъ благъ, средствами оказываются живыя и мертвыя существа, какъ инструменты въ рукахъ хозяина. Наличность раба поэтому оправдывается необходимостью и пользой предпріятія, къ которому онъ привязанъ въ качествѣ одушевленнаго орудія. Такая точка зрѣнія была особенно доступна древнимъ, такъ какъ у нихъ не было точнаго разграниченія между духовнымъ и естественнымъ организмомъ, а съ послѣднимъ вмѣстѣ сливалось также любое искусственное произведеніе, сознательно соединявшее въ себѣ цѣли и средства.

Для того, чтобы теоріи Аристотеля придать болѣе новое научное обоснованіе, нуженъ былъ только соотвѣтственный успѣхъ біологическихъ наукъ, при помощи которыхъ можно было бы построить всѣ необходимыя аналогіи. Возрожденіе наукъ и искусствъ, такъ же, какъ гуманизмъ, дать такихъ аналогій не могли. Естественно-научный, главнымъ же образомъ, физико-математическій и астрономическій успѣхъ XVI—XVII вѣковъ уже сдѣлалъ свое дѣло. Физико-математическій раціонализмъ Вейгеля и Спинозы, Гоббса или Локка былъ цѣликомъ заимствованъ у великихъ математиковъ Галилея и Коперника, такъ же, какъ у великаго Ньютона. По своему методу ученіе такъ называемаго естественнаго права, есть цѣликомъ приложеніе математики и физики къ соціальнымъ наукамъ. Индивидъ занялъ здѣсь мѣсто единицы, его страсти разложены, подобно силамъ физической и небесной механики, ихъ развитіе было опредѣлено, какъ параллелограммъ силъ съ общей равнодѣйствующей. Теперь при поискахъ естественно органической теоріи ту же службу сыграли новѣйшія біологическія теоріи во главѣ съ Дарвиномъ.

По ученію новѣйшей біологіи, организмъ оказался сложнымъ біологически-связаннымъ тѣломъ, которое объединяетъ въ себѣ массы первичныхъ клѣточекъ въ составѣ чрезвычайно различныхъ образованій. Костякъ, мускульная ткань, соединительная ткань, покровы, нервная система, цѣлый рядъ въ высшей степени важныхъ

органовъ —все это только различныя функціональныя образованія клѣтокъ, отправляющія опредѣленную работу на весь организмъ. Всѣ эти клѣтки по существу представляютъ собой въ равной степени первичную живую основу организма. Но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ онѣ пріобрѣтаютъ различную форму и образуютъ въ массахъ различныя соединенія, такъ что составъ мозгового вещества рѣзко отличается отъ состава костной ткани. Такъ въ организмѣ происходитъ постоянное разложеніе и все растущее объединеніе разнородныхъ, ставшихъ различными частицъ. Такая картина организма являлась въ высшей степени интересной для соціальной идеологіи промышленнаго капитала. На примѣрѣ естественнаго тѣла она могла оправдать соціальное расчлененіе въ капиталистическихъ предпріятіяхъ, и предприниматель, ставя себя на мѣсто клѣточки соціальнаго мозга, тѣмъ самымъ оправдывалъ вѣчное прикрѣпленіе къ машинѣ другой клѣточки, или рабочаго, въ качествѣ живой единицы соціальной мускульной ткани. Но и этого мало; при всемъ удобствѣ такихъ аналогій, все же оставался необъяснимымъ процессъ, путемъ котораго именно лица, обладавшія собственностью, наслѣдственно пользуются своимъ господствующимъ положеніемъ въ то время, какъ масса рабочихъ такъ же наслѣдственно прикрѣплена къ своему тяжкому труду и голодному хлѣбу. Но тутъ пригодилась теорія біологическаго приспособленія и полового подбора, которая объяснила борьбой за существованіе и наслѣдственной передачей выработанныхъ въ этой борьбѣ способностей самый ходъ біологическаго измѣненія, а вмѣстѣ и наслѣдственной устойчивости организмовъ. Конечно, эта теорія была немедленно перенесена въ соціальную среду, при чемъ оказалось, что каждый классъ, естественно и необходимо приспособляясь къ своей средѣ, а въ данномъ случаѣ къ своему имущественному положенію, не только вырабатываетъ, но и наслѣдственно передаетъ свои особыя свойства, столь необходимыя для общаго процвѣтанія всего соціальнаго организма. Лишнее говорить, что классъ капиталистовъ-предпринимателей оказался именно тѣмъ отборомъ прирожденныхъ господъ и руководителей, который выработалъ въ борьбѣ за существованіе способности соціальнаго командованія, въ то время, какъ вся масса рабочаго труда представляетъ собой соціальную группу, которая путемъ борьбы за существованіе и полового подбора выработала въ себѣ наилучшія качества живого инструмента или говорящей машины въ предпріятіяхъ высшаго класса.

Путь біологическихъ аналогій оказался, такимъ образомъ, чрезвычайно удачнымъ для оправданія существующихъ условій. И это гибкое идеологическое орудіе тѣмъ болѣе цѣнно для властвующаго класса, что оно, съ одной стороны, допускаетъ дальнѣйшее развитіе различныхъ человѣческихъ сортовъ или породъ, а съ другой — от-

нюдь не закрѣпляетъ существующаго строя въ неподвижныя рамки сословной іерархіи. И дѣйствительно, мы уже сейчасъ можемъ найти политико-антропологическія теоріи, которыя переводятъ различіе властвующихъ и подвластныхъ на различіе длинно-головыхъ и коротко-головыхъ и пробуютъ обосновать біологически колоніальное господство бѣлыхъ расъ надъ цвѣтными. Съ другой стороны, конечно, процессъ эволюціи отнюдь не остановился: все подвергается новому разложенію на разнородныя части и новому объединенію ихъ въ составѣ соціальнаго организма. Безнадежности здѣсь нѣтъ мѣста, борьба за существованіе продолжается, этимъ самымъ всегда обезпечена возможность выработки наилучше приспособленныхъ индивидовъ и поднятія ихъ на общественные верхи. Пусть только всѣ получше приспособляются къ настоящему, а не возстаютъ противъ него во имя химеръ и фантазій! Такъ учитъ новая соціальная наука и приводитъ старую теорію человѣка-звѣря къ вожделѣнному концу.

Сначала человѣка-звѣря усмирялъ посланный природой диктаторъ-укротитель, потомъ двуногіе волки приручились и сами пошли въ клѣтку мирнаго общежитія; оставаясь звѣрями, они вмѣстѣ съ тѣмъ владѣли разумомъ и во имя его установили порядокъ и формы своей непрерывной борьбы. Борьба эта приняла характеръ великаго состязанія въ погонѣ за наживой и просто кусками хлѣба, а въ концѣ-концовъ, путемъ этой борьбы и полового отбора воздвиглась твердыня самой природой назначенныхъ господъ надъ естественными же прирожденными рабами. Оставалось эту естественную іерархію завершить великимъ апоѳеозомъ побѣдителей.

И это было сдѣлано не кѣмъ инымъ, какъ Ницше, этимъ убѣжденнымъ врагомъ мѣщанства и плутократіи. Все дѣло въ томъ, что Ницше сдѣлалъ своимъ исходнымъ пунктомъ какъ разъ того самаго человѣка-воина, который былъ точкой отправленія всей романтической идеологіи юнаго капитала. Человѣкъ Ницше есть рыцарь, украшенный цѣлымъ рядомъ героическихъ чертъ, но это та же бестія, которую мы встрѣтили и у Макіавелли, и у Гоббса. Только ея силы и энергія увеличены во много разъ, только страстямъ своимъ она требуетъ свободы, какая возможна лишь царственному владыкѣ. И вмѣстѣ съ тѣмъ это въ полномъ смыслѣ слова грандіозный индивидъ, отрѣзанный отъ всѣхъ, всѣмъ чуждый и враждебный; на весь міръ смотритъ онъ, какъ на простое средство для раскрытія полноты своего „я“, всѣ окружающіе его слабые и мелкіе индивиды лишь объекты, призванные на себѣ отразить образъ мощнаго сверхъ-человѣка. Но возведенный на небеса титанъ земли оказывается вмѣстѣ съ тѣмъ трагическимъ завершеніемъ индивидуализма. Отрѣзанный отъ всѣхъ окружающихъ, онъ можетъ только на островѣ блаженныхъ найти своихъ братьевъ и дѣтей; тяжкія

страданія, которыми онъ искупаетъ свое великое дерзновеніе, оказываются безполезными и ненужными никому. И единственно ощутимымъ результатомъ можно считать лишь внѣшнее противоположеніе властвующихъ, смѣлыхъ и сильныхъ, играющихъ наверху бѣлокурыхъ бестій и темной работающей массы внизу, за которой въ концѣ-концовъ не остается даже того скромнаго моральнаго признанія, которое давалось ей, хотя бы перенесеннымъ на соціальную почву дарвинизмомъ.

Широкое распространеніе ницшеанства среди капиталистически властвующихъ круговъ показываетъ со всей убѣдительностью, что здѣсь не можетъ быть и рѣчи о принципіальномъ примиреніи экономически слабыхъ и сильныхъ. И если еще богатые капиталисты древнихъ Аѳинъ одной изъ своихъ классовыхъ добродѣтелей почитали ненависть къ бѣднымъ и слабымъ, то и современный магнатъ промышленности смотритъ не иначе. Если же ему нужна органическая теорія, то не для того, чтобы этимъ путемъ обосновать свое подчиненіе цѣлому или свое соучастіе въ общемъ трудѣ, но лишь затѣмъ, чтобы біологически оправдать свое исключительное, привилегированное положеніе. Самой цѣнной для современнаго капитала является поэтому именно теорія о борьбѣ организмовъ и побѣдѣ наиболѣе приспособленныхъ и сильныхъ, а таковыми считаютъ какъ разъ себя представители новой плутократіи.

Совершенно иное воззрѣніе на организмъ должно было сложиться въ тѣхъ соціальныхъ слояхъ, гдѣ еще живы были остатки цеховой и гильдейской организаціи, гдѣ очень долго, несмотря на революціонную роль новаго капитала, держались корпоративныя традиціи и сложившіеся въ рамкахъ натуральнаго хозяйства взгляды. А таковымъ и было то среднее гражданство, тотъ мелкій собственникъ, мастеръ, торговецъ, хозяинъ промышленнаго предпріятія, который еще Аристотелемъ былъ поставленъ въ основу угла. Здѣсь менѣе всего могли привиться взгляды на человѣка-звѣря и возведеніе его въ перлъ созданія. Напротивъ, если чѣмъ порою и крѣпокъ былъ такой „средняго рода“ человѣкъ, то именно сосѣдской поддержкой, коллективной организаціей, нѣкоторымъ содружествомъ, при помощи коего, устраняя чрезмѣрную конкуренцію, даже уничтожая ее совсѣмъ, возможно было такъ организовать мѣстный рынокъ, что онъ начиналъ давать хоть небольшой, но постоянный доходъ. Ограниченіе числа ремесленниковъ и торговцевъ, тѣсная связь ихъ съ мелкимъ земледѣліемъ, устраненіе иногороднаго ввоза, совмѣстное и, во всякомъ случаѣ, находящееся подъ общимъ контролемъ пріобрѣтеніе сырого продукта, строгая система ученичества, контроль добротности товара, таксы на пріобрѣтаемые продукты, однимъ словомъ, организація рынка на началахъ компромисса заинтересованныхъ лицъ—вотъ та наиболѣе излюбленная форма общенія, которая опре-

дѣляла собой и соціальные идеалы средняго человѣка. И нужно сказать, что идеалы эти отличаются удивительной устойчивостью; въ мелкомъ промыслѣ даже рабовладѣніе играетъ незначительную роль, такъ какъ силою вещей и рабъ здѣсь входитъ въ патріархальную семью своего господина. Только переходъ такого гражданства въ разрядъ пролетаріевъ или поступленіе его на содержаніе государства могутъ внести извѣстныя перемѣны въ бытъ и міросозерцаніе даннаго класса. Со вторымъ мы уже знакомы, дѣйствіе первыхъ равно полному деклассированію.

Болѣе мирный, устойчивый и товарищескій характеръ жизни средняго городского класса отразился на его идеологіи прежде всего тѣмъ, что исходная единица системы, индивидъ, здѣсь лишенъ того звѣрскаго характера, который мы наблюдали выше. Человѣкъ средняго класса попрежнему естественный человѣкъ; мистикомъ и романтикомъ онъ бываетъ лишь въ нѣкоторыя эпохи своей жизни, въ общемъ же онъ трезвъ и разсудителенъ и высоко почитаетъ разумъ; поэтому, оставаясь вмѣстилищемъ естественныхъ наклонностей, онъ придаетъ имъ болѣе умѣренный или спокойный характеръ. Эгоизмъ, сказали бы мы, здѣсь значительно умѣряется альтруизмомъ. Вотъ почему уже Аристотель, дѣлающій средній классъ основой нормальнаго общенія, вмѣстѣ съ тѣмъ выдвигаетъ на первый планъ товарищескую связь человѣка съ человѣкомъ, дружбу или общительность. Эта связь отнюдь не основана на какихъ-нибудь особыхъ эстетическихъ или этическихъ предпосылкахъ, она просто присуща человѣку, какъ политическому животному. И на такой общительности или дружбѣ основывается всякая организація людей, начиная съ семьи и военнаго полка и кончая государствомъ. Само собой, установленное Аристотелемъ свойство, будучи идеологической характеристикой опредѣленнаго класса, пріобрѣтаетъ вѣковую устойчивость и силу,—оно входитъ въ сознаніе римскаго гражданства, полагается Цицерономъ въ основу его опредѣленія государства, а черезъ него передается бюргерству среднихъ вѣковъ.

Общительный и мирный гражданинъ средняго класса, будучи по природѣ своей общежительнымъ, конечно, не нуждается въ какихъ-нибудь чрезвычайныхъ средствахъ, со стороны ли разума, или со стороны природы, для того, чтобы стать способнымъ къ участію въ государственной дѣятельности. Такой человѣкъ представляется надежнымъ существомъ, которому можно довѣрить общественное дѣло. Болѣе того: вѣра въ солидныя свойства средняго обывателя есть необходимое предположеніе для того, чтобы построить умѣренную демократію не городской черни, не бѣдняковъ, являющихся лишь одушевленнымъ орудіемъ труда, а надлежащихъ гражданъ, заинтересованныхъ благодаря владѣнію имуществомъ въ преуспѣяніи общаго дѣла. Вѣдь и римскій народъ въ лучшую пору республики былъ

лишь совокупностью такихъ солидныхъ среднихъ собственниковъ. Понятно отсюда, что именно этотъ народъ имѣютъ въ виду средневѣковые писатели, когда говорятъ о демократіи. Этотъ народъ долженъ былъ, по идеѣ такого демократа, какъ Марсилій Падуанскій, стать источникомъ всей государственной власти, высшимъ распорядителемъ духовныхъ и свѣтскихъ должностей. И такой приверженецъ народнаго владычества, какъ Савонаролла и воспѣтый Петраркою римскій трибунъ Коло-ди-Ріенци, все это были вожди народа не только противъ знати, но и противъ неимущихъ трудовыхъ массъ, которыя представлялись среднему гражданству великой опасностью всеобщаго разрушенія и разора. Интенсивная, хозяйственная и политическая жизнь итальянскихъ городовъ въ эпоху возрожденія сама собой въ качествѣ одного изъ факторовъ выдвинула средній классъ, бывшій надежнымъ хранителемъ республиканскихъ традицій; его сочувственно характеризуетъ Макіавелли и видитъ въ немъ самый надежный оплотъ свободы и вмѣстѣ разумнаго консерватизма. Идеологами этого класса выступаютъ Гвичардини и Дженотти, при чемъ послѣдній въ описаніи свойствъ человѣка какъ разъ примыкаетъ къ Аристотелю и возмущается человѣческимъ звѣрствомъ въ изображеніи Макіавелли. Венеціанское государство, бывшее въ началѣ новой исторіи такимъ же образцомъ твердаго республиканскаго правленія, какъ въ древности Аѳины, являлось какъ разъ средоточіемъ вліянія средняго класса, который здѣсь получилъ благодаря громадной примѣси бѣднаго дворянства почти тотъ же характеръ, какъ средній классъ Аѳинъ, объединившій собой горожанъ и среднихъ землевладѣльцевъ. Понятно отсюда, что общительность, стремленіе къ общенію—appetitus societatis—было положено Гуго Гроціемъ, родоначальникомъ естественнаго права, въ основу его ученія о правѣ и государствѣ; послѣднее же пріобрѣло, согласно Цицерону, характеръ сообщества ради права и пользы.

Такое пониманіе человѣческой природы, которое мы находимъ въ среднихъ городскихъ слояхъ, должно было неизбѣжно привести къ непремѣнному различенію права и морали, такъ какъ старыя условія городской общительности, на которыхъ выросло сознаніе солидарности и общности интересовъ, неизбѣжно должны были хоть въ извѣстной степени ослабѣть, а порою совсѣмъ исчезнуть. Естественный человѣкъ общежительнаго, альтруистическаго типа, могъ себя чувствовать хорошо лишь до тѣхъ поръ, пока денежное хозяйство, кредитъ и широкій торговый рынокъ не поколебали его замкнутости и корпоративнаго строя. Съ другой стороны, внѣ городскихъ организацій стояло слишкомъ много чужихъ, которые никоимъ образомъ не могли войти въ общую связь корпоративнаго общенія. И если по отношенію къ своимъ товарищамъ, согражданамъ и сосѣдямъ вполнѣ у мѣста были чувства общительности и дружбы, то по отношенію

къ другимъ, къ чужимъ могли быть допущены лишь строгія требованія права. Различіе въ состоятельности, борьба за большій доходъ скоро раздѣлили городскіе классы на рядъ враждебныхъ группъ, и эта внутренняя борьба, конечно, также сузила область товарищескаго общенія. Заключенный послѣ побѣды или долгой борьбы мирный договоръ, хотя бы и на началахъ взаимности, не могъ быть замѣненъ непосредственнымъ сознаніемъ дружбы и пріязни, а нуждался опять-таки въ строго-юридической формѣ. И чѣмъ больше капиталъ дѣлалъ завоеваній въ городѣ,—а здѣсь-то и была настоящая арена его господства,—тѣмъ больше развивалась жестокая конкуренція и борьба, а съ ней вмѣстѣ холодное, формальное право. Можно бы сказать, что рядомъ съ благожелательнымъ и общительнымъ горожаниномъ старой эпохи постепенно вырасталъ новый хищный индивидуалистъ, который, гдѣ только можно было, рвалъ прежнія связи и патріархальные устои. Въ результатѣ старый горожанинъ раздвоился: съ одной стороны, онъ попрежнему держался за товарищество и любовь, съ другой — онъ уже въ значительной степени самъ вступилъ въ жестокую борьбу со своимъ ближнимъ. Такъ одной общительности стало мало, и явилась необходимость особаго договора, особаго юридическаго соглашенія, которое закрѣпило бы и дополнило старую моральную связь. Такъ у идеологіи средняго класса явился смѣшанный двойственный характеръ, колебанія между общежительнымъ человѣкомъ и человѣкомъ общественнаго договора.

Но замѣчательная вещь: въ среднемъ городскомъ кругѣ, несмотря на все господство капитала, подобно религіозной традиціи крестьянства, осталось могучее стремленіе къ общежительному братству стараго города, къ его любовному и мирному житію. И уже въ ту эпоху, когда гибнутъ старыя цеховыя и гильдейныя организаціи, автономія и свобода городовъ, какъ разъ любовь и альтруизмъ возводятся въ идеалъ даннаго класса, о немъ мечтаютъ, его зовутъ, во имя его философируютъ, дѣйствительность окрашиваютъ его розовымъ тономъ иллюзій и фантазмъ, и лучшіе идеологи средняго класса съ неизмѣннымъ успѣхомъ проповѣдуютъ любовь въ качествѣ высшей нормы человѣческаго бытія, и въ этомъ на протяженіи вѣковъ сходятся Кампанелла, и Моръ, и Лейбницъ, и Фихте, и Сенъ-Симонъ, и Огюстъ Контъ. Возрожденіе любви и любовнаго общенія становится особой задачей провозвѣстниковъ естественнаго права; ради возвращенія братства, какъ естественной, необходимой атмосферы человѣка, создаются соціалистическія утопіи, носящія яркій характеръ желаній и мечты средне-городского класса, раздавленнаго новой борьбой всѣхъ со всѣми. На ряду съ утопіями въ средѣ его развивается и другое теченіе: разочарованія и тоски, сентиментальнаго воздыханія по поводу искаженной природы человѣка, ея вырожденія и уродства. Безсильный выйти изъ своей среды и отка-

заться отъ благъ, которыя приносилъ ему новый порядокъ жестокой конкуренціи, онъ сталъ по нуждѣ лицемѣромъ и проклялъ культуру, которой самъ пользовался и богатѣлъ.

Среди теченій, которыя выросли на указанной почвѣ, отмѣтимъ сначала то, которое можно назвать соціально-педагогическимъ. Оно больше всего базируетъ на вѣрѣ въ силу ученія и воспитанія и выдвигаетъ на первый планъ наставниковъ и учителей; въ этомъ отношеніи мудрецы Платона послужили излюбленнымъ прообразомъ. И уже у Кампанеллы мы видимъ эволюцію мудрецовъ въ духѣ новаго позитивизма; учителя представляютъ собой спеціалистовъ по всѣмъ отраслямъ естественныхъ и общественныхъ знаній такъ же, какъ техники, начиная съ учителей чистописанія и кончая астрологами. Все общество подчиняется такимъ техникамъ и ученымъ, художникамъ и изобрѣтателямъ; при подборѣ же спеціалистовъ строго обращено вниманіе на то, чтобы каждый какъ разъ въ томъ дѣлѣ получалъ спеціальную подготовку, къ которому онъ чувствуетъ настоящее призваніе. Воспитаніе и образованіе является здѣсь обязательнымъ не только для дѣтей и юношей, которые всѣ проходятъ очень строгій курсъ индивидуально приспособленнаго обученія наукамъ и искусствамъ, но и воспитанія способностей и характера. Воспитанію въ той же мѣрѣ подлежатъ и взрослые, при чемъ этимъ воспитаніемъ завѣдуютъ указанные выше ученые—мудрецы. И великій Лейбницъ ту же мысль воспитанія человѣчества кладетъ въ основу своихъ проектовъ о всемірной академіи, а вѣкъ просвѣщенія, начиная съ княжескихъ канцелярій и кончая тайнымъ орденомъ просвѣтителей—иллюминатовъ,—весь проникнутъ мыслію о томъ, что только просвѣщеніе способно привести людей къ истинной гуманности и царству любви, къ водворенію истинной общительности, вмѣсто борьбы и раздоровъ. Кондорсе и Гердеръ учатъ насъ затѣмъ о безконечномъ совершенствованіи человѣческаго духа, Фихте призываетъ именно учителей въ видѣ правителей къ воплощенію лика Божьяго на землѣ, а Огюстъ Контъ превращаетъ представителей позитивной науки въ руководящую жреческую организацію, которая возноситъ моленія великому существу человѣчества на алтаряхъ альтруизма. Учитель Конта С.-Симонъ еще раньше провозгласилъ новое христіанство всеобщей любви, созданное промышленниками и учеными.

Не трудно видѣть, что мысль о великой силѣ ученыхъ и науки должна была быть особенно плѣнительна въ городскомъ классѣ благодаря условіямъ его жизни: вѣдь городъ какъ разъ и есть полное воплощеніе искусственнаго, полное отрицаніе природнаго или естественнаго. Можно безъ преувеличенія сказать, что городъ есть средоточіе искусственнаго неба и земли, созданныхъ умомъ, талантомъ и рукою человѣка; и вся жизнь горожанина искусственна отъ начала до конца. Окрыленная знаніемъ, воспитанная моралью и пра-

вомъ, воля горожанина однимъ движеніемъ пера, распоряженіемъ, отданнымъ въ конторѣ, наброскомъ плана предстоящихъ операцій направляетъ ходъ окружающихъ событій, властно вызываетъ къ жизни новыя явленія или, иначе говоря, творитъ ихъ. Неудивительна отсюда вѣра въ силу воспитанія и перевоспитанія или иначе воздѣйствія такой педагогической техники, которая, опираясь на чисто-естественныя средства или мотивы, такъ организуетъ естественныя силы человѣческой души, что создаетъ изъ людей нормальное и счастливое общежитіе.

Полицейское государство просвѣщеннаго типа является какъ разъ воплощеніемъ указанной идеологіи; опираясь на поддержку крупнаго капитала и становясь само монополистомъ-предпринимателемъ, источникомъ привилегій, разрушающихъ старое городское хозяйство, абсолютное государство новаго типа въ то же самое время заимствуетъ свою идеологію у городского бюргерства, направляетъ противъ него имъ же сдѣланное оружіе. И это дѣлается, конечно, совершенно естественно, такъ какъ просвѣщенный деспотизмъ примѣняетъ на практикѣ въ границахъ своей территоріи всю ту политику принудительной опеки, мелочного контроля, всеобъемлющаго надзора и регламентаціи, которую онъ засталъ въ отдѣльныхъ самоуправляющихся городахъ. Тотъ деспотизмъ, съ которымъ прежде распоряжались въ городахъ владѣвшіе ими гильдіи и цехи, теперь только распространяется на всю страну, а города становятся его первой жертвой. И какъ прежде всѣ распоряженія городскихъ властей предполагались исходящими изъ разума городскихъ магистратовъ и направленными къ общему благу, которое доступнѣе всего пониманію просвѣщенныхъ отцовъ города, точно такъ же теперь просвѣщенное правительство, опираясь на тотъ же естественный разумъ, принимаетъ на себя миссію всеобщаго преобразованія въ цѣляхъ именно общаго блага. Отсюда дальше сходство и въ самыхъ мѣропріятіяхъ, съ одной стороны, полицейское принужденіе въ самой рѣзкой формѣ, а съ другой—манифесты, поученія, наставленія, проповѣди и воззванія. Такъ въ колоссальномъ видѣ воплощается фигура школьнаго учителя, который вспахиваетъ души ввѣренныхъ ему дѣтей строгою лозой, но вмѣстѣ съ тѣмъ питаетъ ихъ добродѣтелями и мудростью, припасенной въ излюбленныхъ школьныхъ прописяхъ.

Просвѣщеніе, помимо указаннаго идеологическаго процесса, стало и на самомъ дѣлѣ великимъ созданіемъ города и перенявшаго его у города государства. Подобно городу, но въ неизмѣримо большей степени государство само нуждалось во всевозможныхъ мастерахъ и художникахъ, юристахъ и ученыхъ, инженерахъ и камералистахъ и т. п. техникахъ въ области механики, педагогики, агрономіи и т. д. безъ конца. Вполнѣ естественно, что мѣсто прежнихъ городскихъ школъ заняли государственныя со всѣмъ развѣтвленіемъ средняго и высшаго, про-

фессіональнаго и общаго образованія, точно такъ же естественно, что именно городское населеніе дало изъ своей среды тѣ полчища нужныхъ государству людей, которыя наполнили собой кадры подъ знаменемъ святого Бюрократія. Но еще большій толчокъ къ просвѣщенію въ средѣ упомянутаго городского класса дали изобрѣтенія и открытія, которыя обогатили промышленный капиталъ примѣненіемъ машинъ, а вмѣстѣ съ ними и колоссальной энергіей пара, электричества и т. п. Отсюда новая роль и новое значеніе средняго городского класса; не будучи въ силахъ создать при помощи своихъ учителей и мудрецовъ идеальнаго общежитія, которое было бы результатомъ перевоспитанія человѣчества, средній городской классъ образовалъ интеллигенцію, которая вошла творческимъ элементомъ въ современный промышленный прогрессъ, а съ другой—оказалась богатѣйшимъ источникомъ живыхъ силъ, столь необходимыхъ для политической и соціальной борьбы современности также, какъ для общественной службы въ рядахъ мѣстнаго самоуправленія и государственной службы. Старый духъ общительности въ этой интеллигенціи воскресъ теперь постольку, поскольку и она захвачена профессіональнымъ движеніемъ и представляетъ могучіе ассоціаціи и союзы.

Независимо отъ вѣры въ перевоспитаніе человѣчества, идеологія средняго городского класса пошла еще другимъ путемъ, который проникнутъ болѣе сложными соображеніями. И это путь механическаго уравновѣшенія различныхъ общественныхъ силъ. Несомнѣнно, въ основѣ такого соображенія лежитъ идея компромисса. Разрушительная сила хищническаго капитала признана вполнѣ; наравнѣ съ влеченіемъ къ общительности и чувствами альтруистическими въ человѣкѣ признается наличность эгоистическихъ силъ и страстей. Вмѣстѣ съ тѣмъ уже нѣтъ надежды на то, что можно искоренить дурныя черты воспитаніемъ и образованіемъ, которое казалось бы, такъ легко можетъ выяснить человѣку истинную суть его природы. Напротивъ, теперь уже отказываются отъ радикальной переработки духа человѣческаго, надо только локализировать зло, надо сдѣлать его по возможности безвреднымъ и безопаснымъ. И если въ государствѣ рядомъ съ мирнымъ благоразумнымъ гражданствомъ имѣются безпокойныя и вредныя силы, то лучше, чѣмъ уничтожать ихъ, что, въ концѣ-концовъ, и невозможно, предоставить имъ извѣстный просторъ, опредѣленное мѣсто, такъ чтобы онѣ не только не вредили обществу, но даже, наоборотъ, содѣйствовали его преуспѣянію. Такъ возникаетъ представленіе нѣкотораго цѣлесообразнаго механизма, который, будучи сознательно и планомѣрно введенъ въ общественную среду, дастъ, въ концѣ-концовъ, извѣстное колеблющееся равновѣсіе, которое, не прекращая движенія общественныхъ силъ, вмѣстѣ съ тѣмъ автоматически сдерживаетъ ихъ, какъ только онѣ выходятъ изъ наперед намѣченныхъ границъ.

Такое равновѣсіе находимъ мы еще у Аристотеля, гдѣ даются разные образцы смѣшаннаго государства, комбинирующаго классы общества и ихъ организацію въ отдѣльныхъ учрежденіяхъ такимъ образомъ, что каждое изъ нихъ необходимо связано содѣйствіемъ, согласіемъ или контролемъ другого, такъ что ни одно изъ нихъ не можетъ присвоить себѣ абсолютной власти и поработить гражданъ. Римская республика въ ея историческомъ устройствѣ дала образецъ цѣлой системы сдерживающихъ другъ друга должностей, при чемъ не только одна и та же должность дѣлилась между нѣсколькими конкурирующими магистратами, но отдѣльнымъ должностямъ со стороны патриціевъ противопоставлялись особыя должности со стороны плебеевъ, при чемъ однѣ по отношенію къ другимъ облекались правомъ veto. Самое сочетаніе единоличныхъ и коллегіальныхъ должностей вмѣстѣ съ различными народными собраніями давало какъ бы одновременное существованіе демократіи, аристократіи и монархіи, при чемъ сохранялись всѣ преимущества этихъ формъ, но устранялись ихъ недостатки. Къ соціальному равновѣсію общественныхъ слоевъ, здѣсь, такимъ образомъ, присоединилось уравновѣшеніе учрежденій, ихъ власти и различіе организаціоннаго начала. Такія черты уже послѣ гибели римской республики были отмѣчены Полибіемъ, а еще раньше Цицерономъ и въ качествѣ идеала были восприняты средневѣковыми схоластиками въ родѣ Ѳомы Аквинскаго и Іоанна Салисбюрійскаго, воскрешены итальянскими публицистами, Макіавелли, Гвичардини, Джанотти и затѣмъ нашли весьма теплый пріемъ со стороны англійскихъ политиковъ, самымъ выдающимся изъ коихъ является Джонъ Локкъ. Этому послѣднему принадлежитъ окончательная формулировка теоріи раздѣленія властей, которая затѣмъ была такъ замѣчательно развита президентомъ Монтескье.

Въ изложеніи послѣднихъ теорія уравновѣшенія властей получила тотъ видъ, которому соотвѣтствуетъ и послѣдующее развитіе не только теоретической, но и практической политики. Въ такой формѣ теорія приняла, во-первыхъ, уравновѣшеніе соціальныхъ элементовъ, при чемъ такъ называемый народъ получилъ представительство въ нижней палатѣ, аристократія—въ верхней, а монархическое начало выразилось въ институтѣ умѣренной или конституціонной монархіи. Къ такому сотрудничеству отдѣльныхъ соціальныхъ группъ присоединяется затѣмъ уравновѣшеніе, а вмѣстѣ сотрудничество независимыхъ другъ отъ друга властей—законодательной, исполнительной и судебной. Позднѣйшіе писатели въ лицѣ Бенжамена Констана, Гегеля и Лоренца фонъ-Штейна дополнили число властей еще одною, а именно королевской или умѣряющей. Нужно, однако, сказать, что еще Аристотель различалъ разныя функціи государственной власти, а Боденъ въ своей королевской монархіи требовалъ смѣшенія въ самой магистратурѣ элемента богатства и знатности. Теорія Локка-

Монтескье получила реальное и весьма устойчивое примѣненіе въ Америкѣ, особенно въ Сѣверныхъ Соединенныхъ Штатахъ, и на континентѣ въ формѣ такъ называемой дуалистической или конституціонной монархіи, гдѣ до сихъ поръ существуетъ нѣкоторое механическое равновѣсіе и соціальныхъ элементовъ и политическихъ учрежденій по формулѣ Монтескье.

То противодѣйствіе „звѣрству“, которое по смыслу идеологіи мелкой и средней буржуазіи должно было явиться въ результатѣ гуманитарнаго воспитанія и политики равновѣсія, было весьма недостаточнымъ и, конечно, не могло спасти стараго порядка такъ же, какъ общежительныхъ идеаловъ горожанина. Капиталъ, сначала торговый и ростовщическій, а потомъ и промышленный, не только произвелъ грандіозныя завоеванія въ области общественной психики, но и политически оказался настолько сильнымъ, что онъ подчинилъ себѣ вліятельные широкіе круги и соціальной и политической жизни. Въ этомъ отношеніи онъ сталъ преемникомъ стараго врага средняго класса, землевладѣльца-вотчинника, съ тѣмъ лишь различіемъ, что послѣдній никогда не былъ способенъ на такую гибкость и размахъ, на такую силу и упорство въ достиженіи своихъ цѣлей, которое обнаружилъ новѣйшій капиталъ. Средній классъ долженъ былъ признать себя побѣжденнымъ. Растущее вѣками господство капитала именно города превратило въ свои крѣпости и бурги, именно изъ нихъ наложило цѣпи на весь далекій міръ, гдѣ только добывается для рынка вселенной хоть одинъ камень или служитъ ему хоть одинъ рабъ. Пришлось въ силу этого поставить болѣе радикально вопросъ,— а именно о цѣнности всей современной культуры, о возстановленіи въ естественныхъ прирожденныхъ правахъ человѣка природы, человѣка изъ народа, который жаждалъ доступа и къ политическимъ правамъ и хозяйственному довольству.

Идеологически данное противоположеніе интересовъ крупнаго капитала и средняго городского класса на первый взглядъ способно поразить современника, до того онъ привыкъ растворять въ понятіи буржуазіи всѣ слои современныхъ крупныхъ и мелкихъ собственниковъ. Оставляя пока открытымъ вопросъ о характеристикѣ такъ понимаемой буржуазіи, мы должны вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣтить, что политическая и соціальная исторія даетъ намъ непрестанную картину борьбы, съ одной стороны, крупной и мелкой городской собственности противъ господства поземельнаго владѣнія на правахъ вотчины, а съ другой— такой же неустанный процессъ борьбы средняго городского класса на два фланга: противъ пролетаріата слѣва и крупнаго капитала— справа. Демосъ античныхъ временъ такъ же, какъ „народъ“ среднихъ вѣковъ и начала новаго времени, есть именно средне-зажиточный городской классъ, который вѣками отстаиваетъ себя, свою хозяйственную и политическую самостоятельность не только отъ аристо-

кратіи вотчинной знати, но и отъ олигархіи банкировъ, крупныхъ торговцевъ и иныхъ предпринимателей. Конечно, только въ союзѣ съ крупнымъ городскимъ капиталомъ могъ средній классъ одерживать такія великія побѣды надъ твердыней привилегированной знати, какъ это было во время великой французской революціи. Но точно такъ же разумѣется само собой, что немедленно послѣ всякой подобной побѣды, интересы вчерашнихъ союзниковъ расходились, а привилегіи знати безъ труда присвоивались владѣльцами денежной плутократіи. Только промышленный капиталъ сумѣлъ объединить вокругъ себя почти весь городской классъ цѣликомъ, только онъ уничтожилъ вѣковую рознь между двумя союзами городской собственности. И это совершилось только потому, что вся буржуазія объединилась на эксплуатаціи продажнаго труда городского пролетарія.

Когда Руссо произнесъ свое проклятіе культурѣ, передовымъ демократическимъ классомъ было еще знаменитое третье сословіе; его словами проповѣдывалъ, его идеями думалъ авторъ „Общественнаго договора“. Человѣкъ въ естественномъ состояніи чистъ и непороченъ, добръ и благожелателенъ; ему прирождены свобода и равенство, но онъ испорченъ собственностью и проистекающимъ отсюда неравенствомъ и рабствомъ. И разумъ измѣнилъ человѣку: для оправданія испорченнаго естества, для охраны уродливаго строя онъ создалъ право и государство, науки и искусства. Только въ естественныхъ чувствахъ неиспорченнаго человѣка выходъ и спасеніе; и къ этимъ чувствамъ зоветъ насъ Руссо, въ нихъ ищетъ оздоровляющей, возрождающей силы. И нельзя не отмѣтить здѣсь той замѣчательной эволюціи, которую продѣлываетъ человѣческая природа у теоретиковъ естественнаго права. Сначала, какъ мы видѣли выше, выдвигается на первый планъ естественная воля, страсть, натуральная сила хотя бы въ самыхъ необузданныхъ проявленіяхъ своей стихійной природы. Затѣмъ ее смѣняетъ учитель-разумъ, перевоспитатель человѣчества; послѣ этого разумъ становится мудрымъ и осторожнымъ механикомъ, уравновѣшивающимъ силы. Но уже у Руссо разумъ теряетъ свое высокое значеніе, оказывается послушнымъ орудіемъ въ рукахъ злого неравенства политической неправды. Тогда происходитъ новое обращеніе къ природѣ, къ наиболѣе, казалось бы, чистому ея источнику, къ неиспорченнымъ даже подъ кровомъ цивилизаціи чувствамъ: только чувства даютъ героическій пламень подвига и жаръ сердца, только тогда былъ истинно счастливъ человѣкъ, когда не были подавлены холоднымъ разумомъ живыя движенія естественной привязанности и любви, влеченія къ равенству и свободѣ... Но—увы!—настолько укоренилась порча, что для возвращенія человѣчества къ его источнику нужно новое искусственное построеніе, которое путемъ особой механики душевныхъ силъ человѣка должно въ новой „политической“ формѣ возстановить то, что на-

вѣкъ потеряно въ первоначальной, безыскусственной непосредственности и чистотѣ.

И въ основу построенія полагаются естественныя потребности—права, и главное изъ нихъ—неудержимое стремленіе къ свободѣ. Мы уже видѣли выше, что договоръ былъ неизбѣжнымъ спутникомъ раціонализма. Представляя себѣ человѣка лишь въ качествѣ естественнаго индивида или, иначе, въ качествѣ независимаго центра свободной воли, публицисты средняго класса были принуждены строить основаніе общества при помощи свободнаго соглашенія даже тогда, когда весь міръ представлялся имъ скованнымъ желѣзными цѣпями судьбы или изнутри дѣйствующаго закона естественной необходимости. И въ самомъ дѣлѣ, единственнымъ выводомъ изъ представленія отдѣльныхъ индивидуальныхъ воль является ихъ согласное волеизъявленіе, такъ какъ иначе отдѣльная воля была бы уничтожена какой-нибудь отрицающей ее волей другого существа. И только потому у Гоббса спасенъ индивидуализмъ, что поглощеніе воли всѣхъ волею одного совершается путемъ ихъ свободнаго на то согласія. Но у Руссо свободныя воли индивидовъ должны остаться свободными всегда, государственный законъ—это только выраженіе ихъ общей согласной воли, верховная власть лишь общее слагаемое индивидуальныхъ свободныхъ силъ; въ такомъ государствѣ подчиняется каждый, лишь поскольку онъ властвуетъ самъ, и каждый гражданинъ становится соцарствующимъ, соправителемъ, сосувереномъ великаго политическаго общенія.

Путемъ новаго обоснованія Руссо пришелъ къ той самой теоріи, которую ужъ много вѣковъ несло въ качествѣ знамени лѣвое крыло городскихъ сословій. Суверенитетъ народа является ужъ въ древности предметомъ домогательства аѳинскаго демоса и римскаго плебса. Происхожденіе всей власти отъ народа, естественныя, неотчуждаемыя, „райскія“ права человѣка были выдвинуты римской церковью въ борьбѣ съ средневѣковой имперіей. И нужно отдать справедливость теократической демагогіи: пользуясь преданіями Рима, она формулировала точно договоръ, по которому народъ передалъ свою власть кесарямъ, она нарисовала истинное непорочное общежитіе, какъ царство свободы, равенства и братства, она потребовала суда надъ порочными царями и воскресила античное ученіе о правахъ народнаго суда надъ угнетателями и тиранами. Католическая схоластика создала особый кодексъ суда надъ царями, сдѣлала чуть ли не церковной догмой святой долгъ тираноубійства. Неудивительно отсюда, что въ средніе вѣка, въ эпоху феодальныхъ соглашеній и договоровъ между сословіями, договорное происхожденіе власти нашло особенно сильное признаніе. Мы уже выяснили выше, что рыцарская идеологія феодализма была сплошь проникнута договорнымъ началомъ. Согласно ей, считалось немыслимымъ, чтобы свободный

человѣкъ безъ своего на то согласія отдалъ кому бы то ни было свою волю, свой трудъ, свое достояніе. Марсилій Падуанскій свелъ къ синтезу феодальный договоръ и римское преданіе о народномъ суверенитетѣ. Его государство есть чистѣйшая демократія, гдѣ вся власть исходитъ отъ народа, служитъ ему и отвѣчаетъ передъ нимъ. Эта теорія была воспринята всѣми врагами вотчинной монархіи такъ же, какъ теократическаго абсолютизма, и если ее, съ одной стороны, проповѣдывалъ, опираясь на примѣръ Голландіи, Іоганнъ Альтузій, то къ тѣмъ же выводамъ пришли и всѣ протестантскіе, такъ же, какъ и католическіе тираноборцы, удачно соединившіе понятіе народнаго суверенитета съ признаніемъ феодальной свободы вольнаго гражданина и требованіемъ свободной христіанской совѣсти. Монархъ и здѣсь лишь по избранію народа и съ его согласія получаетъ свою должность, во время царствованія исполняетъ договорныя обязанности, а въ случаѣ тираніи подлежитъ суду народа въ лицѣ его магистратовъ.

Блестящій опытъ американскихъ колоній, создавшихъ цѣлый рядъ договорныхъ демократій въ С. Америкѣ, такъ же, какъ старыя традиціи швейцарскаго народоправства дали возможность Руссо окончательно формулировать теорію народнаго суверенитета. Абсолютное политическое равенство всѣхъ гражданъ, участниковъ государственнаго общенія, а отсюда уничтоженіе какихъ бы то ни было особыхъ, личныхъ и сословныхъ привилегій; зачисленіе въ разрядъ неотчуждаемыхъ священныхъ правъ человѣка не только права свободы совѣсти, но и всѣхъ тѣхъ личныхъ правъ неприкосновенности и свободы, которыя въ феодальное время были достояніемъ однихъ только благородно рожденныхъ и рыцарей; судъ передъ пэрами или равными себѣ, сдѣланный изъ привилегіи дворянства общимъ правомъ всякаго гражданина; политическое право участія въ законодательствѣ, судѣ и управленіи, какъ священное право индивида; писанная конституція, какъ высшій неизмѣняемый, непререкаемый законъ на основѣ договора всѣхъ со всѣми, какъ выраженіе общей воли всѣхъ гражданъ; подчиненіе исполнительной власти закону, при чемъ сама она является лишь приказчикомъ, слугою или довѣреннымъ народа; судебная отвѣтственность той же самой власти и народное право смѣщенія и наказанія властей, нарушившихъ основной законъ, преступившихъ обѣтъ вѣрности народу, въ качествѣ высшаго суверенаго государя,—таковы основныя черты демократіи, формулированныя съ неподражаемой силой женевскимъ философомъ и оставшіяся навсегда не только въ теоріи, но и практикѣ современныхъ народоправствъ. Правда, мы встрѣчаемъ нѣкоторыя черты ученія Руссо воспринятыми писателями болѣе умѣреннаго лагеря, но во всей своей чистотѣ и цѣльности онѣ были формулированы его геніемъ и только морально и философски освѣщены Иммануиломъ Кантомъ. Послѣдній

вновь возстановилъ въ правахъ разумъ, но не чистый разумъ математики, а практическій разумъ моральнаго чувства.

Идеологія политической демократіи не была послѣднимъ произведеніемъ средняго класса, и задолго до того, когда самостоятельно выступили рабочіе классы со своей собственной программой, написанной ихъ идеями и языкомъ, средній городской классъ уже готовилъ элементы будущаго идейнаго зданія. Мы уже видѣли выше, что цѣлый рядъ соціалистическихъ и коммунистическихъ требованій входилъ въ образъ идеальнаго царства Божія на землѣ, который такъ часто объединялъ и обездоленныхъ крестьянъ и безправную городскую массу. Первыя основы соціализма, а впослѣдствіи и первое освященіе труда совершилось, такимъ образомъ, подъ кровомъ мистицизма, но уже въ Элладѣ за религіозными теоріями золотого вѣка послѣдовали раціоналистическія требованія софистовъ и соціальныя утопіи чисто-разсудочнаго типа. И когда христіанская церковь въ значительной степени перестала быть религіей бѣдныхъ и сдѣлала послѣднюю уступку бѣднотѣ въ видѣ нищенствующаго монашества, то вмѣстѣ съ тѣмъ настала пора чистой свѣтской идеологіи. Въ лицѣ Мора и Кампанеллы мы видимъ попытку провести требованія равенства далеко за предѣлы одной политической системы. И если у Мора находимъ мы раздѣленіе земель на равные участки, то у Кампанеллы передъ нами картина не только потребительнаго, но и производительнаго коммунизма. И даже XVII и XVIII вѣка—время наибольшаго расцвѣта естественнаго права, этой религіи средняго городского класса—не остались безъ того, чтобы въ твореніяхъ Гасбаха, Верасса, Рестифа, Мезліе, Морелли и ряда другихъ не дать цѣлаго ряда соціалистическихъ и коммунистическихъ идеаловъ.

И надо полагать, что, если бы не произошло той удивительной побѣды индустріальнаго капитализма, которую мы отмѣтили уже выше, то необходимая логика естественно-правовой идеологіи должна была бы какъ разъ привести средній классъ къ соціализму и коммунизму. Несомнѣнно, только непослѣдовательность Руссо не дала ему договорить послѣдняго слова, которое вмѣсто него сказали другіе, но по существу онъ долженъ былъ сказать самъ. Безплодность всѣхъ политическихъ и юридическихъ сдержекъ плутократіи должна была быть ясна тому, кто начало испорченности людей приводилъ къ установленію собственности. Со времени Мора и Кампанеллы совершенно ясно было, что покуда существуетъ экономическое рабство, до тѣхъ поръ не будетъ удовлетворительно дѣйствовать ни одинъ политическій механизмъ, направленный къ торжеству равенства и свободы. Вполнѣ послѣдовательно поэтому еще Ботеро, итальянскій публицистъ эпохи возрожденія, предлагалъ одно изъ двухъ: или изгнать всѣхъ бѣдняковъ, или же всѣхъ ихъ обезпечить. Съ другой же стороны, разъ естественныя потребности человѣка явились основою соотвѣт-

ственныхъ естественныхъ правъ, то простая логика требовала, чтобы за естественной потребностью жить, слѣдовало столь же естественное право не умереть съ голода среди роскоши и излишествъ, которыми пользуются отдѣльные богачи, капиталисты. И это значило бы совершенно отказаться отъ вѣры въ разумъ и его могущественную творческую роль, если бы тѣ механики, ученые и политики, которые съ такимъ успѣхомъ рисовали проекты будущей политической машины равенства и счастья, отказались бы отъ созданія соціальнаго механизма, который, будучи построенъ на точно измѣренныхъ естественныхъ свойствахъ человѣка, далъ бы человѣчеству полное обезпеченіе всѣхъ его элементарныхъ хозяйственныхъ потребностей и нуждъ.

И вотъ мы видимъ, какъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ мыслителей пробуетъ воспользоваться естественно-правовой идеологіей, ея раціональнымъ методомъ и индивидуалистическими предпосылками для того, чтобы создать не только политическую демократію, но и соціалистическое братство. Здѣсь передъ нами выступаетъ Робертъ Оуэнъ, который при помощи перевоспитанія людей въ нормальныхъ условіяхъ трудовой ассоціаціи думаетъ достичь великой цѣли; за нимъ слѣдуетъ Фурье съ его механикой страстей и такимъ общественнымъ устройствомъ, гдѣ каждая страсть, будучи связана съ внѣшними мотивами и окружающей обстановкой, является не только двигательной силой коммунистическаго общества, но и средствомъ къ достиженію всеобщаго счастья. С.-Симонъ пробуетъ дать организацію новаго христіанства, Прудонъ полагаетъ основы новѣйшему анархизму. И у всѣхъ у нихъ отличительная общая черта: всѣ они стоятъ на той же почвѣ, на которой развивалось все міровоззрѣніе средняго городского класса; всѣ они исходятъ изъ анализа человѣческой природы, а посему могутъ быть названы представителями психологизма естественной школы. Несмотря на очень важныя и глубокія открытія, которыя сдѣланы Фурье и С.-Симономъ въ области экономической исторіи и классовой борьбы, все же не классъ, не соціальная группа, а психика отвлеченнаго индивида является у нихъ исходнымъ пунктомъ построенія. И на ряду съ этимъ они попрежнему вѣрятъ въ силу человѣческаго разума, который, овладѣвъ при помощи прикладной механики внѣшнимъ міромъ, съ тѣмъ же успѣхомъ можетъ покорить себѣ міръ соціальныхъ отношеній; стоитъ лишь и здѣсь найти архимедовъ рычагъ соціальной физики, стоитъ лишь въ одномъ случаѣ принять методъ воспитанія или учредить особый банкъ, или завести первую фаланстеру, и все моментально будетъ сдѣлано; уродство, извращеніе, вырожденіе прекратятся сами собой, а міръ, благодарный великому соціальному механику, возвратится къ истинной, высокой и благой природѣ человѣка.

Какъ извѣстно, опыты хозяйственнаго переустройства при помощи могучаго вліянія реформаторской идеи закончились вездѣ полной

неудачей. Городское третье сословіе въ своей господствующей части удовлетворилось однимъ лишь политическимъ идеаломъ свободы, равенства и братства и возмѣстило недостающее горячимъ участіемъ въ дѣлѣ развитія промышленнаго капитализма. Рабочіе классы остались одни, вмѣстѣ съ тѣмъ въ ихъ средѣ произошелъ крупный переворотъ, который сдѣлалъ ихъ способными дать жизнь и практическое значеніе ихъ собственной классовой идеологіи. Съ именами Маркса, Энгельса и Лассаля связано рожденіе этой новой идеологіи, ставшей знаменемъ милліонныхъ массъ фабричнаго пролетаріата. Но прежде чѣмъ мы перейдемъ къ идеологіи рабочаго соціализма, мы должны отмѣтить тѣ соотношенія и положительные результаты, которые были свойственны различнымъ формамъ раціоналистическаго міровоззрѣнія.

И прежде всего по сравненію съ идеологіей мистики и романтики здѣсь поражаетъ насъ родственная близость всѣхъ идеологическихъ построеній. По существу они всѣ исходятъ изъ одной мысли, представляя лишь ея различные оттѣнки, выводы и примѣненія. И если взять, съ одной стороны, самое рѣзкое выраженіе капиталистическаго идеала въ образѣ вульгаризованнаго и опрощеннаго сверхъ-человѣка, а съ другой—революціоннаго человѣка Руссо, мы не найдемъ между ними никакой существенной, качественной разницы. И первый и послѣдній одинаково естественные люди, индивиды прежде всего, и, какъ, на первый взглядъ, ни различны могучая страсть сверхъ-человѣка и чувствительность человѣка природы Руссо, обѣ одинаково лишь его естественныя силы разныхъ оттѣнковъ и разнаго напряженія. Точно такъ же нельзя однимъ лишь демократическимъ теоріямъ естественнаго права приписывать и революціонный характеръ; онѣ всѣ формально революціонны потому, что всѣ исходятъ изъ вѣры въ радикальную мощь преобразующаго разума, который, познавая естественный законъ и примѣняя его, можетъ уничтожить любой вселенскій храмъ и въ три дня построить его. Безразлично по существу, какой храмъ долженъ быть построенъ: машина ли единоличной диктатуры, или равновѣсіе отдѣльныхъ видовъ, можно сказать, тяжестей, которыя даетъ мелкая, средняя и крупная собственность. Механизмъ республиканской свободы, коммунистическій механизмъ страстей—все это лишь отдѣльные планы, построенные на одномъ и томъ же механическомъ принципѣ. Однако всѣ эти построенія вмѣстѣ съ тѣмъ носятъ утопическій характеръ: они основываются на знаніи, но знаніе ихъ недостаточно и притомъ не только потому, что соціальная наука весьма несовершенна,—нѣтъ, городской раціонализмъ не хочетъ понимать тѣхъ явленій, которыя запечатлѣны иной идеологіей, инымъ духомъ,—онъ прямо игнорируетъ и отрицаетъ ихъ; въ этомъ его наивность, въ этомъ его сила, но и великая слабость: онъ хочетъ своей механикой замѣнить то, гдѣ механика исключена, а

дѣйствуютъ другія творческія силы. Отсюда и слабость революціоннаго принципа въ области политической практики городского класса... Но, повторяемъ, замѣчательная однородность раціональныхъ построеній показываетъ намъ какъ разъ отсутствіе острой противоположности во взаимной борьбѣ городскихъ группъ между собою.

Присматриваясь къ исторіи борьбы правыхъ и лѣвыхъ группъ городского населенія, плутократіи и средняго класса, мы не можемъ не видѣть, что здѣсь борьба исключительно шла за иное распредѣленіе получаемыхъ при помощи торговли и промысла прибылей. И поскольку идетъ рѣчь о древности, среднихъ вѣкахъ и началѣ новаго времени, тотъ же характеръ борьбы присущъ и тѣмъ столкновеніямъ, которыя происходили между малоимущими и средне-состоятельными группами. Дѣло здѣсь идетъ не столько о формѣ дохода, сколько о распредѣленіи собственности,—и это понятно: всѣ эти группы или работаютъ при помощи примѣненія чужого труда, или стремятся стать такъ или иначе капиталистами. При извѣстномъ равновѣсіи такихъ группъ,—а оно именно и наблюдается въ рамкахъ ограниченнаго городского хозяйства,—такая борьба можетъ достигать чрезвычайно крупныхъ размѣровъ; но она уже по одному тому не можетъ привести къ рѣшительному результату, что въ каждой группѣ всегда имѣются жизнеспособные ростки крупнаго капитала, а вмѣстѣ съ тѣмъ новаго разложенія ея на враждующіе слои. И настолько однороденъ, настолько непрерывенъ этотъ необходимый экономическій процессъ, что, въ концѣ-концовъ, крупный капиталъ согласенъ мириться съ любой демократіей. Недостатокъ политической привилегіи всегда восполняется покупкой любыхъ демократическихъ силъ; общеизвѣстна продажность всѣхъ великихъ демократій. Что же касается соціализма, способнаго навсегда прекратить борьбу собственниковъ между собою, то, конечно, для городского класса онъ могъ быть лишь временнымъ орудіемъ или пріятною мечтою.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ I.

ВВЕДЕНІЕ.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКІЯ ОСНОВЫ.

ГЛАВА I.

Понятіе государства, какъ идеологической организаціи общежитія 3

ГЛАВА II.

Наука о государствѣ. Его онтологія, деонтологія и телеологія. 14

ГЛАВА III.

Мистическая, эстетическая и раціональная деонтологія и политическій идеалъ. 24

ГЛАВА IV.

Политическая идеологія. 48 52

ГЛАВА V.

Идеологія и общественно-групповая психика. 69 73

ГЛАВА VI.

Теократія какъ идеологическая форма. 104 8

ГЛАВА VII.

Основы органической идеологіи государства 138 142

ГЛАВА VIII.

Идеологія раціонализма. 174 178-221